

ООО «Наука и образование»

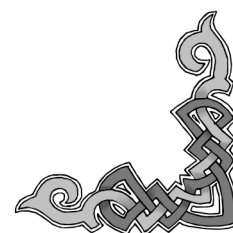
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 12
2018**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2018, № 12

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

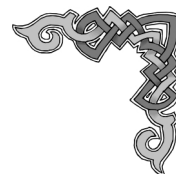
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

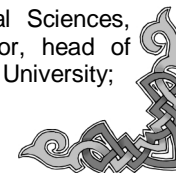
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по науке;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образжиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Karepova S. Gennadyevna, candidate of sociological sciences, the deputy director of Institute socially-political researches of the Russian Academy of Sciences on science;

Kleshchina E. Nikolaevna, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Konovalev S. Ivanovich, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Ph.D, Professor, Dean of the Faculty of Law in the Kuban State Agricultural University, Head of International Private and Business Law Department at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Markova-Murasheva S. Aleksandrovna, the doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, chief researcher of the Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGTU of N.E. Bauman;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

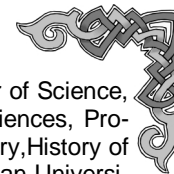
Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, Doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimshikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

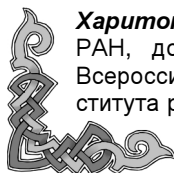
Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

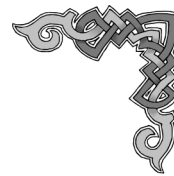
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

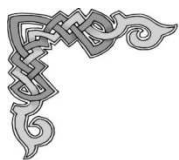
*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

**Невский Сергей Александрович,
Силин Анатолий Николаевич.**

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
--------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Болгарева К.Р. Роль социальной рекламы в репрезентации нравственных ценностей молодежи	17
Зейналов Г.Г., Асланов Р.М., Дербеденева Н.Н., Иванова Т.А., Дорوفеев С.Н. Математическое измерение в социальной теории Я.П. Козельского	20
Курбатов В.И., Куликов С.В., Папа О.М. Сетевые он-лайн сообщества: факторы самоуправления в формировании цифрового гражданского общества	24
Кычкина В.Г., Борисова У.С. Роль и значение Центров занятости населения при трудоустройстве безработных	32
Ляужева С.А., Абдулаева Э.С. О контркультурных детерминантах молодежного экстремизма	36
Макеева Е.А., Макеева И.А., Логинова Е.В. Высшая школа в системе адаптации молодежи к рынку труда	39
Михайлова Т.А., Студеникина Е.С., Усова Л.В. Оценка горожанами рынка труда Геленджика (по материалам пилотажного социологического исследования)	42
Попов М.Ю. Коррупция и современное российское образование	47
Тихонов С.М., Борисова У.С. Городские подростки: анализ ценностных ориентаций	51

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Арутюнян М.Г. Личность субъекта налогового преступления как элемент криминалистической характеристики	57
Ахриев М.Т., Ульянова И.Р., Хамхоев Б.М. Актуальные вопросы участия специалиста при производстве следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации	59
Беспалова Е.А., Гостев С.С. К вопросу о повышении престижа сотрудников ОВД на примере реформ 60-х годов 20 века	62
Богданов С.В. О некоторых проблемах прокурорского надзора при возобновлении предварительного расследования	66
Бородкин Д.А. Соглашение между Россией и КНР о мерах по охране технологий от 25 июня 2016 года: цель заключения и эффективность	71
Булавкин А.А., Проценко А.И., Сычев Е.А., Поделякин А.А. История развития института правовладения в римской и отечественной дореволюционной традиции	74
Гавриленков С.А., Ротар А.И. Цель как конструктивный признак законодательной конструкции хищений	79
Галустян А.А. Признание сделки недействительной как основание для привлечения к субсидиарной ответственности	83
Галь А.Е. Некоторые аспекты криминалистической характеристики преступной группы, совершившей преступление, связанное с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в муниципальной собственности	86

Данилов Д.Б. Освобождение от уголовной ответственности за нарушение привлечения денежных средств граждан в целях организации долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости в России	90
Данильян А.С., Михайловская О.В. Контроль и запись телефонных переговоров: вопросы теории и практики	94
Догужева О.Р. Место совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма и его уголовно-правовое значение	97
Загалаева Ж.А. Анализ социально-экономических факторов, порождающих несостоятельность (банкротство) предприятий	101
Злыденко Д.С. Определение критериев эффективности мер уголовно-процессуального принуждения	104
Киселев С.С. Деструктивное поведение (суициды и преступления) несовершеннолетних и проблемы его коррекции с помощью воспитательных мер	107
Кузьмин М.Н., Солонникова Н.В. Особенности тактики производства допроса потерпевшего в ходе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации	111
Кузьмина О.Н. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности: перспективы совершенствования	114
Литвяк Л.Г., Смирнова К.С., Битаров А.С. Частные тюрьмы в России: насколько это возможно	118
Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Санкин А.И. Особенности производства предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего	121
Малютин М.П., Украинский М.Е. Особенности предмета доказывания по делам о получении взятки	124
Маркелов С.В. Принятие судом решения о временном отстранении обвиняемого от должности: теоретические и практические подходы применения	128
Мильшина Ю.А. Основные направления развития институтов международного миротворчества на региональном уровне	132
Моисеева О.Г., Диденко Ю.М. Институт уголовной ответственности юридических лиц в Китайской Народной Республике и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект	134
Мухамбетов Ф.Н. Пенализация деяний, посягающих на водные биологические ресурсы: теоретические и правоприменительные аспекты	137
Нигоев Н.О. Проблемы установления специального субъекта ятрогенных преступлений (на примере незаконной госпитализации)	142
Новосельский С.С. Использование специальных знаний в ходе расследования преступлений экономического характера, совершенных организованной преступной группой	145
Овчинникова Е.А. Основные идеи, формирующие процессуальный статус суда в российском уголовном процессе, и их воздействие на пределы его участия в доказывании	148
Пятница Е.Ю. Недопустимое воздействие заинтересованных субъектов, оказываемое на формирование внутреннего убеждения судьи	156
Радченко Т.Е., Пестова Ю.М. Совершенствование правовых аспектов социальной защиты молодежи при получении образования	159

Разин М.В., Кузьмин С.В. Негативные факторы, влияющие на обучающихся в учебных заведениях МВД РФ, при проведении учебных стрельб	163
Река И.Ю., Глебова Ю.Я. Использование криминалистических знаний при выявлении нарушений федерального законодательства в области гражданской обороны	167
Симакина И.А., Шиенкова А.С., Подгайный А.М. К вопросу о механизме контроля за реализацией принципа законности при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях	170
Соловяненко Н.И. Тенденции развития российского предпринимательского права в условиях цифровой экономики	173
Трофимов А.А. Перспективы развития институтов административной преюдиции и уголовного проступка в уголовном законодательстве Российской Федерации	177
Тузov А.И., Бунова О.В., Куреев В.В. Дорожно-транспортный травматизм как угроза национальной безопасности	183
Узгорская И.А. Вопросы применения денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения при производстве предварительного расследования: проблемы теории и практики	186
Украинчик А.В. Исполнитель и пособник: критерии разграничения действий соучастников	189
Шингарева Н.В., Журов А.Н. Подготовка следственной реформы 1860 г. в Российской империи	194
Шкеля О.В. Ретроспективный анализ законодательного регулирования ответственности водителей транспортных средств, находящихся в состоянии опьянения	198
Штыкова Е.Р. О моменте окончания преступления, предусмотренного Ч. 1, Ст. 282 УКРФ	201
Шуренкова С.С., Бергман Н.А. Медиация в медийной сфере и шоу-бизнесе: альтернативный способ разрешения правовых конфликтов	204
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Асрян В.М. Муниципальная служба России и Армении в контексте теории рефлексивного управления: методологический подход и перспективы использования	211
Батьковский А.М., Кравчук П.В., Мингалиев К.Н. Оценка деловой активности инновационно-активного предприятия	215
Богомолова Ю.И. Трудовой потенциал как ключевая категория экономики труда: содержание, факторы, функции	219
Власов М.М. Состояние малых и средних предприятий промышленности РФ в посткризисный период	225
Данилова Е.В., Семенова А.Г. Бедность как социально-экономическая проблема	228
Денисенкова Н.Н., Давыдова Ю.А., Кишкурно Т.В. Анализ экономической политики США в отношении Китая на современном этапе	232
Завьялов К.В. Краткий обзор исследований в сфере экологической безопасности гидротехнических сооружений	236
Кокоулина О.П., Анохина И.С., Савченко А.Л. Эдьютейнмент в высшей школе и геймификация университетской среды	242
Кравченко Л.А. К вопросу об оценке эффективности регионального вуза	246
Махова А.В., Тельтевская М.А. Анализ экспорта России квинтета стран Скандинавии в общем объеме за 2013–2017 гг.	250

Михайловна Р.И., Скроботова О.В., Волков В.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению влияния туристских кластеров на туристско-рекреационную систему региона (на примере Липецкой области)	254
Попов Д.А. Анализ методических подходов к оценке уровня социально-экономического развития региона	260
Починкин Д.В. Азиатский валютный стандарт: от доллара к юаню	264
Терещенко А.П. Повышение качества жизни россиян и оптимизация штатной структуры государственных органов и органов местного самоуправления как факторы реализации стратегий национальной и экономической безопасности России	268
Туркина Д.Е. Проблематика применения IFRS15 в российских кредитных организациях: пять основных аспектов	271
Туркина Д.Е. Основные преимущества банковских учетных систем ЦФТ и Диасофт	273

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Carina R. Bolgareva The role of social advertising in the representation of moral values of youth	17
Guseyn G. Zeynalov, Ramiz M. Aslanov, Natalia N. Derbeneva, Tamara A. Ivanova, Sergey N. Dorofeev Mathematical measurement in Ya.P. Kozelsky' ssocial the Ory	20
Vladimir I. Kurbatov, Sergey V. Kulikov, Olesya M., Papa Net on-line associations: factors of self-organisation in formation of a digital civil society	24
Kychkina Vera G., Borisova Uliana S. The role and importance of employment centers in the employment of the unemployed	32
Svetlana A. Lyausheva, Elite S. Abdulayeva On the counter-cultural determinants of youth extremism	36
Elena A. Makeeva, Inna A. Makeeva, Elena V. Loginova The higher school in the system of adaptation youth to labour market	39
Tatyana A. Mikhailova, Elena S. Studenikina, Lyubov V. Usova Value of the labour market in Gelendzhik (in the view of citizens: based on the pilot sociological study)	42
Mikhail Yu. Popov Corruption and modern Russian education	47
Serdar M. Tikhonov, Uliana S. Borisova Urban adolescents: analysis of value orientations	51
JURISPRUDENCE	
Mariam G. Arutyunyan The personality of the tax crime is an element oof forensic categories	57
Magomed T. Akhriev, Irina R. Ulyanova, Bilan M. Hamhoev Actual issues of participation of a specialist in investigative actions related to the seizure of electronic storage media	59
Elena A. Bespalova, Sergei S. Gostev To the question of increase of prestige of the police officers on the example of reforms of 60-ies of the 20th century	62
Stanislav V. Bogdanov On some issues of Prosecutor's supervision at the resumption of the preliminary investigation	66
Dmitriy A. Borodkin Agreement between Russia and the PRC on measures for the protection of technology of June 25, 2016: the goal of the conclusion and effectiveness	71
Alexander A. Bulavkin, Alexander I. Protsenko, Evgeny A. Sychev, Aleksandr A. Podelyakin The history of development of institute of right possession in the Roman and domestic pre-revolutionary tradition	74
Sergey A. Gavrilentov, Angelina I. Rotar Purpose as a constructive feature legislative design of theft	79
Galustyan Alexey A. Invalidity of legal transaction as a ground for imposing secondary liability	83
Anna E. Gal Some Aspects of Criminalistic Characteristics of a Criminal Group Who Committed a Crime Related to the Illegal Alienation of Land Plots in Municipal Ownership	86
Danil. B. Danilov Exemption from criminal liability for breach of attracting monetary funds of citizens for the organization of shared construction of apartment houses and other real estate in Russia	90

Alexander S. Danilyan, Olga V. Mikhaylovskaya Monitoring and recording of telephone calls: issues of theory and practice	94
Oksana R. Doguzova The place of making a false report about an act of terrorism and its criminal-legal significance	97
Janet A. Zagalaev Analysis of socio-economic factors causing insolvency (bankruptcy) of the enterprise	101
Dmitry S. Zlydenko Definition of criteria for the effectiveness of measures of criminal procedural coercion	104
Sergey S. Kiselev Destructive behavior (suicides and crimes) of minors and problems of its correction by measuring educational measures	107
Mikhail N. Kuzmin, Nina V. Solonnikova Features of tactics of production of interrogation of the victim during investigation of fraud in the field of computer information	111
Oksana N. Kuzmina Special types of release from criminal liability: prospects of improvement	114
Larisa G. Litvyak, Karina S. Smirnova, Alexander S. Bitarov Private prisons in russia: as far as possible	118
Denis N. Lozovsky, Natalia N. Lozovskaya, Alexey I. Sankin Features of production of presentation for identification in the conditions excluding visual supervision of the identifying	121
Mikhail P. Malyutin, Maxim E. Ukrainskiy Features of the subject of proof of affairs about taking of a bribe	124
Sergey V. Markelov The court's adoption of the decision on temporary dismissal of the accused from office, theoretical and practical approaches	128
Yuliya A. Milshina Main directions of development of institutes of the international peacemaking at the regional level	132
Oksana G. Moiseeva, Julia M. Didenko Institute of Criminal Liability of Legal Entities in the People's Republic of China and the Russian Federation: comparative legal aspect	134
Farkhat N. Mukhambetov Penalization of the acts encroaching on water biological resources: theoretical and law-enforcement aspects	137
Nazar O. Nigoev The problems of establishing a special subject iatrogenic crimes (on the example of illegal hospitalization)	142
Sergey S. Novoselsky The using of expertise in the investigation of economic crimes committed by an organized criminal group	145
Elena A. Ovchinnikova The main ideas that form the procedural status of the court in the Russian criminal process and their impact to the limits of his participation in the proof	148
Elizaveta Yu. Pyatnitsa Unacceptable impact of stakeholders on the formation of the judge's inner conviction	156
Tatyana E. Radchenko, Yulia M. Pestova Enhancement of legal aspects of social protection for young people during education	159
Mikhail V. Razin, Sergei V. Kuzmin Negative factors that affect students of educational institutions of the mia of the russian federation, at carrying out educational firing	163
Reka Inessa Yu., Glebova Yulia Ya. The use of forensic knowledge in the detection of violations of Federal legislation in the field of civil defense	167
Irina A. Simakina, Anna S. Shiyenkova, Andrey Podgayny To a question of the mechanism of control of realization of the principle of legality at implementation of production on cases of administrative offenses	170
Nina I. Solovyanenko Trends in the development of Russian business law in the digital economy	173

Artem A. Trofimov Prospects for the development of institutions of administrative prejudice and criminal offence in the criminal legislation of the Russian Federation	177
Aleksandr I. Tuzov, Oksana V. Bunova, Viktor V. Kureev Road traffic injury as a threat to national safety	183
Irina A. Uzgorskaya Issues of the use of a monetary penalty as a different measure of procedural coercion during the preliminary investigation: problems of theory and practice	186
Alevtina V. Ukrainchik The base of accessory in Russian accomplice theory	189
Natalia V. Shingareva, Andrey N. Zhurov Preparation of the investigative reform of 1860 in the Russian Empire	194
Oleg V. Shkelya A retrospective analysis of the legislative regulation of the responsibility of drivers of vehicles who are intoxicated	198
Ekaterina R. Shtykova About moment of end of crimes provided of the criminal code Russian Federation	201
Svetlana S. Shurenkova, Nika A. Bergman Mediation in the field of media and show business: alternative way to resolve legal conflicts	204
ECONOMIC SCIENCES	
Vahagn M. Asryan Municipal Service of Russia and Armenia in the context of the theory of reflexive management: a methodological approach and prospects for use	211
Aleksandr M. Batkovskiy, Pavel V. Kravchuk, Camille N. Mingaliyev Evaluation of business activity of innovation-active enterprise	215
Yulia I. Bogomolova Labor potential as key category of economy of work: maintenance, factors, functions	219
Mikhail M. Vlasov The state of small and medium enterprises of the industry of the Russian Federation in the post-crisis period	225
Elena V. Danilova, Ariadna G. Semenova Poverty as a Social and Economic Problem	228
Natalia N. Denisenkova, Julia A. Davydova, Tatiana V. Kishkurno The analysis of economic policy of the USA concerning China at the present stage	232
Konstantin V. Zav'yalov Overview of scientific researches of ecological security on hydro structures	236
Olga S. Kokoulina, Irina S. Anokhina, Alexander L. Savchenko Edyuteynment at the higher school and gamification of the university environment	242
Lydmila A. Kravchenko To the question of the efficiency assessment regional higher education institution	246
Anna V. Makhova, Margarita A. Teltevsckaya Analysis of exports of Russia and the quintet of the Scandinavian countries in the total volume over 2013–2017	250
Raisa I. Mikhaelovna, Olga V. Skrobotova, Vadim G. Volkov Theoretical and methodological approach to research for the tourist clusters' affect the tourist and recreational system of the region (through the example of the Lipetsk region)	254
Dmitry A. Popov Analysis of methodological approaches to assessing the level of socio-economic development of the region ..	260
Daniil V. Pochinkin Asian currency standard: from dollar to yuan	264

Alexey P. Tereshchenko

Improvement of quality of life of Russians and optimization of regular structure of public authorities and local governments as factors of realization of strategy of national and economic security of Russia 268

Diana E. Turkina

Perspective of application of IFRS15 in the russian credit institutions: five main aspects 271

Diana E. Turkina

Main advantages of CFT and Diasoft banking accounting systems 273

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Болгарева Каринэ Рафаэлевна
соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
carina1989@mail.ru

Роль социальной рекламы в репрезентации нравственных ценностей молодежи

Аннотация. Данная статья посвящена результатам социологического опроса, проведенного автором среди студентов ВУЗов г. Майкопа, изучению влияния социальной рекламы на формирование и укрепление таких аксиологических доминант, как ценность действия, филантропия, образование, воспитание, культура поведения.

Ключевые слова: социальная реклама, молодежь, ценности.

В начале XXI века социальная реклама превратилась не только в инструмент репрезентации актуальных общественных проблем, но и трансформировалась в современный способ трансляции определенных моделей поведения, нравственных и культурных ценностей, необходимых для укрепления ценностей молодого поколения [3, с. 28]. Оказывая воздействие на молодежь, социальная реклама способна внести изменения в систему ценностей и моделей поведения подрастающего поколения.

Социальная реклама транслирует определенные модели поведения, нравственные и культурные ценности, необходимые для формирования и укрепления здорового, морально воспитанного и культурного общества. Оказывая воздействие на молодежь, социальная реклама способна изменить их систему ценностей [3, с. 30].

В современной социогуманитаристике можно встретить немало работ, посвященных изучению социальной рекламы. Проблема определения и обоснования социокультурной ценности социальной рекламы нашла отражение в исследованиях Г.Г. Николайшвили, М.Г. Пискуновой, О.О. Савельевой, Н.Н. Грибок, Д.С. Кочергиной, О.Ю. Голуб и др. Выявление ценностного содержания социальной рекламы и ее влияния на ценности студенческой молодежи отражено в работах С.О. Елишева, И.А. Беляева, Н.И. Лапина, К.А. Кушховой, и др.

Тем не менее, социальная реклама является процессом малоизученным, в особенности в части осмысления ее влияния на формирование ценностей студенческой молодежи, что и под-

Carina R. Bolgareva
Post-graduated Student
of Philosophy and Sociology Department,
Adyghe State University
carina1989@mail.ru

THE ROLE OF SOCIAL ADVERTISING IN THE REPRESENTATION OF MORAL VALUES OF YOUTH

Annotation. This article is devoted to the results of a sociological survey among students of universities in the city of Maikop, the study of the influence of social advertising on the formation and strengthening of such axiological dominants as the value of action, philanthropy, education, upbringing, culture of behavior.

Keywords: social advertising, youth, values.

черкивает **актуальность** данного исследования. В этой связи **целью** настоящей работы становится рассмотрение особенностей влияния социальной рекламы на формирование и инкорпорацию нравственных ценностей студенческой молодежи.

Для достижения поставленной цели было проведено социологическое исследование, в рамках которого была реализована задача по определению роли социальной рекламы в укреплении таких аксиологических доминант как ценность действия, филантропии, образования, воспитания, культуры поведения. Исследование было проведено в декабре 2016 г. – марте 2017 г. в форме анкетирования среди студенческой молодежи ВУЗов г. Майкопа, N = 1100. Исследование показало следующие результаты:

Ценности действия и филантропии в социальной рекламе проявились в ответах студентов в вопросе, где ставилась задача выявления мотивационного потенциала социальной рекламы в оказании помощи нуждающимся людям.

Данные, приведенные в таблице 1 демонстрируют, что социальная реклама оказывает прямое воздействие на аудиторию, так как большинство студентов принимали участие хотя бы раз в оказании помощи нуждающимся благодаря воздействию социальной рекламы.

На сегодняшний день социальная реклама является одним из факторов воспитания молодежи, способным формировать культуру поведения, образования. В этой связи мы поставили перед собой задачу выявления социализационного потенциала социальной рекламы в молодежной

среде. Исследовав ответы на поставленные вопросы, мы получили следующие результаты: большинство опрошенных студентов считают, что социальная реклама способствует формиро-

ванию культуры поведения индивида в обществе и несет в себе функции просвещения и образования, а также является студенческим ориентиром молодежи.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Побуждала ли вас социальная реклама к оказанию помощи нуждающимся в затронутой рекламой проблеме? (отослать смс в помощь нуждающимся, перевести деньги на указанный счет и т.д.)»

№	Вариант ответа	Кол-во
1	Да, один раз	24 %
2	Да, несколько раз	39 %
3	Постоянно	5 %
4	Нет	32 %

Влияние социальной рекламы на **ценность культуры поведения** было отражено в вопросе, где ставилась задача выявления способности социальной рекламы к формированию норм и культуры поведения человека в обществе:

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, может ли социальная реклама способствовать формированию культуры поведения индивидов в обществе?»

№	Вариант ответа	Кол-во
1	Да	57 %
2	Нет	23 %
3	Затрудняюсь ответить	20 %

По результатам ответов видно, что респонденты рассматривают социальную рекламу как способ демонстрации культурного поведения индивида в обществе.

Ценность образования проявляется в вопросе, задачей которого было выявить необходимость социальной рекламы в просвещении граждан:

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Несет ли социальная реклама функцию просвещения и образования граждан?»

№	Вариант ответа	Кол-во
1	Да	53 %
2	Нет	26 %
3	Сомневаюсь	22 %

Согласно ответам студентов по данному вопросу, можно сделать вывод, что молодежь воспринимает социальную рекламу в качестве инструмента образования и просвещения.

Ценность воспитания социальной рекламы проявилась в вопросе, в котором было необходимо выявить её роль в воспитательном процессе молодежи:

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Выполняет ли, на Ваш взгляд, социальная реклама воспитательную функцию?»

№	Вариант ответа	Кол-во
1	Да	54 %
2	Нет	23 %
3	Затрудняюсь ответить	23 %

Как видно из представленных ответов, студенты считают, что социальная реклама является инструментом воспитания, просвещения и образования молодежи, а также способствует формированию культуры поведения. Это можно объяснить тем, что социальная реклама, являясь частью массовой культуры, оказывает прямое воздействие на молодежь, вызывая у них чувства сострадания, переживания, подталкивает на

принятие действий для оказания помощи нуждающимся, демонстрирует модели поведения.

Эта группа общества воспринимает данную форму культуры как учебник жизни. Современная молодежь рассматривает социальную рекламу в качестве нормативного элемента культуры. С этой точки зрения она интерпретируется как естественная часть культуры, привычный

элемент окружающей среды [1, с. 15]. Для представителей молодежи реклама, по сути, является демонстрационным материалом, транслятором идей и ценностей, показывая типичные ситуации взаимодействия человека в обществе. Учитывая это, весьма вероятно, что социальная реклама способна стать средством просвещения и образования молодежи в современном обществе, представляя удобный и современный источник информации [2, с. 53].

Литература:

1. *Кочергина Д.С.* Социальная реклама как фактор гуманизации современного общества : автореф. канд. философ.наук: 09.00.11. Омск, 2007. 26 с.
2. *Кушхова К.А.* Ценностные ориентации современной молодежи: особенности и тенденции / К.А. Кушхова, Ф.З. Шовгенова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 53–59.
3. *Николайшвили Г.Г.* Социальная реклама: теория и практика : учебное пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2008. 191 с.

Таким образом, социальная реклама, по мнению большинства опрошенных студентов, является важным инструментом в укреплении у молодежи ценностей культуры поведения, образования, филантропии, привлекает внимание студенческой молодежи к общественным проблемам, а также побуждает их к действию: оказывать помощь нуждающимся, задуматься о морали и нравственности, культуре и образовании.

Literature:

1. *Kochergina D.S.* Social advertising as a factor in the humanization of modern society: abstract of the candidate philosophical science: 09.00.11. Omsk, 2007. 26 p.
2. *Kushkhova K.A.* Value Orientations of Modern Youth: features and trends / K.A. Kushkhova, P.Z. Shovgenova // Modern problems of science and education. 2015. № 1-1. P. 53–59.
3. *Nikolayshvili G.G.* Social advertising: theory and practice : textbook for university students. M. : Aspect Press, 2008. 191 p.

Зейналов Гусейн Гардаш оглы
доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева
zggo@mail.ru

Асланов Рамиз Муталлим оглы
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий отделом
научно-технической информации,
Институт математики и механики
Национальной Академии Наук
Азербайджана
r_aslanov@list.ru

Дербеденева Наталья Николаевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры математики
и методики обучения математике,
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева
nnderbedeneva@mail.ru

Иванова Тамара Алексеевна
доктор педагогических наук,
главный научный сотрудник управления
научной и инновационной деятельности,
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьев
ivanova41ta@yandex.ru

Дорофеев Сергей Николаевич
доктор педагогических наук,
профессор кафедры высшей математики
и математического образования,
Тольяттинский
государственный университет
komrad.dorofeev2010@yandex.ru

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ Я.П. КОЗЕЛЬСКОГО

■ ■ ■
Аннотация. Статья анализирует основные моменты социальной теории просветителя, переводчика, писателя, ученого, математика XVIII века Якова Павловича Козельского (1728–1794). Авторы считают, что данная социальная модель возникает под влиянием математической методологии и просветительской культуры 18 века. Предложенный механизм решения социальных задач выстраивается в контексте

Guseyn G. Zeynalov
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy,
Mordovian State Pedagogical Institute
named after M.E. Evseviev
zggo@mail.ru

Ramiz M. Aslanov
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Head of the Scientific
and Technical Information Department
of the Institute of Mathematics
and Mechanics of the National Academy
of Sciences of Azerbaijan
r_aslanov@list.ru

Natalia N. Derbeneva
Candidat of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of Department
of Mathematics and Methods
of Teaching Mathematics,
Mordovian State Pedagogical Institute
named after M.E. Evseviev
nnderbedeneva@mail.ru

Tamara A. Ivanova
Doctor of Pedagogical Sciences,
Chief Researcher Department
of Science and Innovation,
Mordovian State Pedagogical Institute
named after M.E. Evseviev
ivanova41ta@yandex.ru

Sergey N. Dorofeev
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
Higher Mathematics
and Mathematical Education,
Togliatti State University
komrad.dorofeev2010@yandex.ru

MATHEMATICAL MEASUREMENT IN YA.P. KOZELSKY'S SOCIAL THEORY

■ ■ ■
Annotation. The article analyzes the main points of the social theory of the enlightener, translator, writer, scientist, mathematician of the XVIII century Yakov Pavlovich Kozelsky (1728–1794). The authors believe that this social model arises under the influence of mathematical methodology and educational culture of the 18th century. The proposed mechanism for solving social problems is built in the context of the scientist's mathematical

математических взглядов ученого путем механического перенесения методики решения математических уравнений на социальную среду. По этой причине проект преобразования российского общества Я.П. Козельского, предлагая трансформировать социальную систему (социальные институты и социальные структуры, социальные отношения и социальные связи) российского общества на основе принципа всеобщего равенства, выступает в качестве социальной утопии, эпохи правления Екатерины II.

Ключевые слова: Козельский Яков Павлович, социальная теория, математика, механицизм, переводчик, педагог, просветитель.

Отечественная научно-исследовательская практика советской эпохи и до него изучали творчество Я.П. Козельского односторонне, обращая внимание, в первую очередь, на его политико-правовые и философские учения. Социокультурные условия современной России XXI века, всплеск технического развития и интереса научному знанию прошлого [3], требуют целостного исследования творчества Я.П. Козельского. Новизну в методологию поиска могут внести междисциплинарный, полипарадигмальный подходы, системный, интегративный принципы современной постнеклассической научной рациональности.

Просветитель-энциклопедист, переводчик, писатель, ученый, математик XVIII века Яков Павлович Козельский (1728–1794) в своих философско-политических трактатах «Философические предложения» и «Рассуждения двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» создал яркую систематически продуманную социальную теорию. Он впервые предлагал модель социального преобразования России по западному образцу. Его борьба против крепостничества и единовластия, беззакония и бесправия превратили его образ в советской научно-исследовательской практике и до него в самую крупную фигуру российского просвещения.

Социальные взгляды Козельского сформировались под влиянием идеологии европейского Просвещения, и впитали в себя все основные естественнонаучные идеи, которые определяли сущность и содержание общественного сознания. В период учебы с 1752 по 1757 годы в Академическом университете он осваивал знания в области арифметики, геометрии, тригонометрии, географии, фортификации, физики, истории, изучил латинский, немецкий и французский языки, занимался с переводом с других языков. Все эти научные знания в совокупности сформировали его в качестве носителя идеологии энциклопедизма и определили сущность его социальной теории. Энциклопедизм в России выступает последствием европеизации и реализации философии Просвещения, раскрывается в трех направлениях: всестороннее образование, освоение существующих научных знаний во всех областях науки своего времени, получение, систематизация и рациональная организация идей.

views by mechanically transferring the method of solving mathematical equations to the social environment. For this reason, the project to transform the Russian society of Ya.P. Kozelsky, proposing to transform the social system (social institutions and social structures, social relations and social ties) of Russian society on the basis of the principle of universal equality, acts as a social utopia, the reign of Catherine II.

Keywords: KozelskyYakov Pavlovich, social theory, mathematics, mechanism, translator, teacher, educator.

Метафизическая философия XVIII века понимала мир как сложный механизм. Математика и механика формируют научную картину мира. Постепенно его математические и естественнонаучные идеи переносятся и на социальную систему. Естественно творчество Козельского не является исключением. В начале творческого пути математика и механика входят в его преподавательскую деятельность. Он, будучи преподавателем Артиллерийского и инженерного корпуса, по настоянию и рекомендации директора корпуса А.Н. Вильбоа разрабатывает учебники для кадет, в 1764 году «Арифметические предложения», а в 1765 году «Механические предложения».

Я.П. Козельский принимал активное участие в организованном Екатериной II просветительском мероприятии, в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг». [5, с. 463–464]. С 1764 по 1770 годы в творческом плане оказываются наиболее плодотворными. Он переводит и издает 11 книг [5, с. 475]. Среди них был двухтомник Л. Хольберга, известного просветителя Скандинавии, «Датская история». Переводы Козельского знакомят российского читателя трудами и взглядами Л. Хольберга, Томаса Отвея, Мозера, Роллена, Кревнера Шафины и Гольберга и других.

Иновационность в переводах Козельского заключалась в том, что он снабжал свои переводы с «... предисловиями и обширными комментариями» [5, с. 464], в рамках которых он старался выступить критиком российской действительности и аналитиком ее перспективы. Многие идеи социальной теории Козельского для феодально-крепостной России были революционными и были предтечей идей А.Н. Радищева.

Классическая линейная математика составляла методологию научного познания XVIII века, а механицистская физика применялась для анализа механизма социальных процессов. По этой причине многие идеи Козельского о свободе, равенстве, правах человека в социальной модели по преобразованию российской империи были механически заимствованы от западноевропейских просветителей.

Козельский проводит противопоставление естественного права человека с гражданским и пред-

почтение отдает последнему. «Человек должен отказаться от своего естественного права на «натуральную вольность», на все то, что его искушает и что он может достичь. Взамен этого через общественный договор он приобретает гражданскую вольность и право на собственность» [2, с. 21].»Рассматривая различные формы правления, он отдает предпочтение республике... Однако и с просвещенной абсолютной монархией он связывает надежды на справедливые преобразования...» [5, с. 464]. В этом плане его можно считать сторонником законодательного ограничения государственного произвола власти над российским обществом.

Атрибутивные элементы классической рациональности – монизм, элементаризм, универсализм, находят свое социальное выражение в идее равенства. Математическая методология становится основанием для объяснения социального равенства. Таким образом, Я.П. Козельский выступает в качестве создателя первой уравнивательной утопии в России. Его утопия обеспечивает равноправие между народами на основе международного права. Данная идея всеобщего мира созвучна с идеей «вечного мира» известных европейских гуманистов XVIII века (И. Кант и др.). В его идеальном обществе в результате отмены крепостного права и единого закона люди не притесняют и презирают друг друга. Таким образом, он «... пытается определить основные характеристики идеального общественного устройства, исходя из «натуральных» человеческих потребностей, реализуемых в процессе всеобщего и обязательного труда. Он полагал, что только в трудовых отношениях, может быть реализован высокий принцип идеального человеческого общежития – гармония общего и личного интереса» [2, с. 21].

Козельский выступает против социального неравенства и существующего в российском обществе одностороннего богатства, неумеренности и излишества дворянства [5, с. 464]. Будучи математиком, применяет методы и принципы математики для решения социальных проблем. В первую очередь, методы и принципы построения математического уравнения ложатся в основание модели идеального общества. Принцип всеобщего равенства выступает основанием в просветительском проекте Козельского для трансформации социальной системы российской империи, где все социальные институты и социальные структуры, социальные отношения и социальные связи российского общества должны равновесно уравнивать друг друга и формировать единую власть. С одной стороны уравнения находится абсолютная просвещенная власть, а с другой стороны – народ просвещенный.

Очевидно, социальный мыслитель старается заменить всеобщее бесправие с политико-право-

вым равенством перед единым законом российской империи. Он «... в своих рассуждениях придерживался концепции естественных прав человека и договорного происхождения государства. Целью договора об образовании государства, по мнению Козельского, является достижение всеобщего блага. В том случае, если правители не соблюдают условий договора и не выполняют возложенных на них задач, народ имеет право на его насильственное расторжение...» [5, с. 464].

Он считал, что абсолютизация власти в одних руках приносит пользу только в период военного времени, а в Мирное время должно установиться всеобщее равенство, и каждый человек получить право на пользование социальными благами. В данном случае, автор выступал в качестве идеолога государства всеобщего благоденствия [5, С. 464]. Он мечтал об обществе, где не будет ни богатых, ни бедных. Все люди станут жить своим трудом, работая по восемь часов в сутки, где частная собственность не ликвидируется, но существенно ограничивается. Ее обладателями становятся все члены общества [5, с. 464].

Таким образом, для математика и просветителя Козельского социальное пространство идеального общества отождествляется с гармоничным, пропорциональным и симметричным геометрическим пространством, где социальная система построена по модели математического уравнения.

Козельский Я.П., критикуя существующий социальный строй российской империи XVIII века, выступал в качестве идеолога зарождающегося третьего сословия – крупной и мелкой буржуазии, разночинной интеллигенции. Выступая против привилегий дворянства, в 1784 году от императорского двора он получил грамоту о принадлежности к дворянскому сословию. Идеи всеобщего равенства и отмены крепостного права были сердцевиной его социальной теории. С 1773 года он пожизненно владел 793 душами крепостных (по ревизии 1782 года) обоюбого пола, жившие в 60 дворах села Крутой Берег, Петровка и хутор Вязовцы (ныне Лубенский район Полтавской области Украины).

Итак, научное наследие Я.П. Козельского вызывает исследовательский интерес ученых нашего времени. Появляются статьи и диссертационные работы современных ученых [1; 2; 4]. Большинство из них продолжают научные традиции советской эпохи [5]. На наш взгляд, рассмотрение просветительского проекта Козельского в контексте математической методологии XVIII века и постнеклассической рациональности открывает широкий горизонт для современных междисциплинарных исследований.

Литература:

1. *Асланов Р.М.* Предшественники современной математики. Историко-математические очерки : в 5 т. / Р.М. Асланов, Л.Н. Матросова, В.Л. Матросов. М. : «Прометей» МПГУ, 2009. Т. 1, Ч. 2. С. 302–305.

Literature:

1. *Aslanov R.M.* The forerunners of modern mathematics. Historical and mathematical essays : in 5 vol. / R.M. Aslanov, L.N. Matrosova, V.L. Matrosova. M. : «Prometheus» MPGU, 2009. T. I, Part 2. P. 302–305.

2. Глоба Т.А. Философская мысль в России во II половине XVIII века (Г.С. Сковорода и Я.П. Козельский) : автореф. дис. ... на соиск. уч. степени канд. Филос. наук по спец. 09.00.03. – история философии. Мурманск, 2009. 23 с.

3. Зейналов Г.Г. Роль Русского технического общества в формировании основ промышленности и технического образования // Учебный эксперимент в образовании. 2018. № 1 (85). С. 5–10.

4. Костин А.А. Новые материалы к биографии Я.П. Козельского // XVIII век. Сборник 28. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2015. С. 473–483.

5. Козельский Я.П. История политических и правовых учений : учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд. М. : Норма, 2004. С. 463–465.

2. *Globa T.A.* Philosophical Thought in Russia in the II half of the XVIII century (G.S. Skovoroda and Ya.P. Kozelsky) : Abstract of thesis for the degree of candidate of philosophical sciences. Specialty 09.00.03. – history of philosophy. Murmansk, 2009. 23 с.

3. *Zeynalov G.G.* The role of the Russian technical society in the formation of the foundations of industry and technical education // Educational experiment in education: scientific and methodical journal. 2018. № 1(85). P. 5–10.

4. *Kostin A.A.* New materials for the biography of Ya.P. Kozelsky // XVIII century. Collection 28. M.; SPb. : Alliance-Archeo, 2015. P. 473– 483.

5. *Kozelsky Ya.P.* History of political and legal studies : textbook for universities / Under total. ed. V.S. Nersesyants. 4th ed. – M. : Norma, 2004. p. 463–465.

Курбатов Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор,
Южный федеральный университет
kurbashy@list.ru

Куликов Сергей Владимирович

кандидат философских наук,
доцент филологического факультета,
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия
kulikov_sv@pfur.ru

Папа Олеся Михайловна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальных технологий,
Южный федеральный университет
olesyapapa@list.ru

**СЕТЕВЫЕ ОН-ЛАЙН
СООБЩЕСТВА: ФАКТОРЫ
САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ
ЦИФРОВОГО
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Сетевые он-лайн сообщества, рассматриваемые как новый вид информационной, социально-коммуникационной и цифровой социальности, характеризуются с точки зрения их самоорганизованности и самоуправляемости. Факторами самоорганизованности и самоуправляемости являются их информационно-коммуникационные, структурные, функциональные и организационные формы существования и коммуникационного взаимодействия, системные связи между ними и информационные взаимоотношения, сетевые сообщества как основа сетевизации общества, цифровое гражданское общество.

Ключевые слова: сетевые он-лайн сообщества, информационная социальность, цифровая социальность, структура сетевых он-лайн сообществ, функциональные характеристики сетевых он-лайн сообществ, организационные формы сетевых сообществ, отношения и связи сетевых сообществ как факторы самоорганизации и самоуправления сетевых сообществ, сетевизация, цифровое гражданское общество.

Различные сетевые он-лайн сообщества (профессиональные, бизнес сетевые сообщества, образовательные, историко-культурные сетевые сообщества, сетевые сообщества по

Vladimir I. Kurbatov

Doctor of the Philosophical Sciences,
Professor,
South Federal University
kurbashy@list.ru

Sergey V. Kulikov

Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor of Philological Faculty,
Russian Peoples' Friendship University,
Moscow, Russia
kulikov_sv@pfur.ru

Olesya M. Papa

Candidate of Philosophical Sciences,
Docent of Social Technologies,
South Federal University
olesyapapa@list.ru

**NET ON-LINE
ASSOCIATIONS: FACTORS
OF SELF-ORGANISATION
INFORMATION
OF A DIGITAL CIVIL SOCIETY**

Annotation. Net on-line associations are the new type sociality. This new type sociality is connected with information-communication and digital forms of existence and communication relativities. In the article is consider the net on-line associations, which can interpreted as a new forms of sociality as point of view of structure-functional characteristics of net on-line societys, of organisation forms of net digital civil society factors of self-organisation and selfe managment of net on-line societys, net on-line societys as formation of a digital civil society.

Keywords: net on-line associations, information reality, digital reality, structure-functuonal characteristics of net on-line associations, organisation forms of net on-line societys as factors of self-organisation and selfe managment of net on-line societys, digital civil society.

интересам и т.д.) рассматриваются в настоящей статье как специфический новый вид социальности. Это, на наш взгляд, новые формы организации и самоорганизации социума, характерные

для информационной эпохи. Они имеют информационную, коммуникационную, цифровую, мультимедийную природу и для всех них характерна глобальная природа, информационно-коммуникационный характер взаимодействия, активность в форме информационного обмена взаимодействия, самодеятельность и самоорганизация в их возникновении и самоуправление в форме существования.

Основные тезисы настоящей статьи следующие:

– сетевые он-лайн сообщества представляют собой реальность информационного мира и в результате этого могут трактоваться как новый вид социальной организации, т.е. как новый вид социальности;

– они самоорганизуются и самоуправляются, поскольку существуют вне властных вертикальных отношений, вне всякой централизации;

– они интерактивны, добровольны, обусловлены информационными потребностями акторов, свободой доступа к информационным ресурсам;

– информационные связи сетевых он-лайн сообществ имеют трансграничный глобальный характер;

– сетевые он-лайн сообщества конструируют внутригрупповые и межгрупповые нормы, кодексы и правила информационного взаимодействия и этим самым конституируют глобальный информационный мир межгруппового и глобального социального информационного взаимодействия, который является цифровым гражданским обществом.

В настоящее время сетевые он-лайн сообщества как новый вид социальности представляют собой такую же реальность, как и реальность традиционного социума. Реальностью этого нового вида социальности является то, что в ней посредством глобального информационного обмена и взаимодействия реализуются личные и социальные интересы потребности индивидов и групп людей: экономические и бизнес-потребности (Интернет-торги, Интернет-магазины), образовательные потребности и потребности саморазвития и самосовершенствования, развлекательные потребности, культурные потребности, профессиональные потребности, потребности социальной, политической, конфессиональной и этнической идентичности, потребности общения, посредством чего осуществляется социализация и социальная адаптация индивидов в информационную эпоху.

Чтобы различать эти два вида социальной реальности в околонучной и публицистической литературе для обозначения нового вида социальной реальности используется термин «виртуальная реальность» [1]. В социологической и социально-философской теории сетевые он-лайн сообщества трактуются как специфические социальные конструкты.

В соответствии с этим, сетевые он-лайн сообщества являются объектом исследования, а трактовка их как социальных конструктов, выражающих новый вид социальности, выступает в качестве предмета.

Основной исследовательской методологической программы мы выбираем методологию социального конструктивизма [2]. Соответственно этому, основными методами исследования самоорганизации и самоуправления сетевых он-лайн сообществ выбраны методы структурного и функционального анализа. Указанные методы позволяют эксплицировать структурно-организационные формы сетевых он-лайн сообществ. Мы также используем методы системно-информационного взаимодействия, включающие в себя принципы системного анализа, информационных характеристик и основы теории действия и взаимодействия, которые дают возможность анализировать характер, формы, направленность, мотивированность и интенсивность коммуникационно-информационного, личностного, профессионального, социально-гражданского взаимодействия, выражающего функционирование сетевых сообществ как их реальный способ бытия в информационном обществе.

Для анализа индивидуально-персонального, социетально-группового и информационно-социального характера информационного взаимодействия сетевых он-лайн сообществ мы также использовали ресурсный и динамический подходы. Они, на наш взгляд, дают возможность исследовать персонально-личностные, профессиональные и социальные ресурсы персональных и групповых акторов сетевых сообществ, характеризующих личностное и социальное саморазвитие акторов и их персональную, групповую и социальную самопрезентацию и самопредъявление как в виртуальном пространстве, так и в реальном социуме.

Применение указанной методологии и методов исследования дает возможность выявить и исследовать ряд факторов, определяющих самоорганизацию и самоуправление сетевых он-лайн сообществ. Выявлению указанных факторов предшествует наличие ряда объективных условий самого существования указанных факторов. Объективность данных условий определяется объективным бытием информационного мира, его глобальным характером, динамикой развития, непрерывным прогрессом в области информационных и цифровых технологий и независимостью глобальности информационного мира от идеологических, политических, национально-этнических, конфессиональных и других обстоятельств и условий, выражающих цивилизационно прошедшие и устаревшие способы формирования человеческой цивилизации.

В этих новых цивилизационных условиях возникает как новый тип человека, личности информационной эпохи – «*homo informaticus*» [3], так и новые типы информационной реальности – компьютерный андеграунд [4].

Глобальный характер информационной вселенной и, как следствие, глобальный характер ин-

формационного взаимодействия вместе с объективностью этих условий порождают те факторы, которые характеризуют самоорганизованность, добровольность, самоуправляемость, трансграничность сетевых он-лайн сообществ. Трансграничность информационного бытия сетевых он-лайн сообществ и глобальность их информационного взаимодействия выражаются в элиминированности территориальных, государственных, политических, идеологических, конфессиональных, этнонациональных и прочих границ.

Это создает новую реальность мира. Она выражается, прежде всего, в том, что уходит в прошлое вертикальная организация и координация социальной организации. Ей на смену приходит горизонтальная координация различных социальных сегментов. А горизонтальная координация сетевых он-лайн сообществ означает, что они возникают, существуют и функционируют не по волеизъявлению «сверху», а по собственной самодеятельности, по своим личным интересам и потребностям.

Соответственно, указанный фактор порождает свою цепь последствий, которая характеризует следующий фактор самоорганизации и самоуправления сетевых он-лайн сообществ. Его можно выразить следующим образом: для сетевых он-лайн сообществ свойственно принципиально новое социально-информационное бытие, которое можно охарактеризовать следующим образом:

- горизонтальные связи;
- принципиальное отсутствие всякой централизации;
- интерактивность;
- свобода доступа к информационным ресурсам;
- свобода выбора партнеров информационного взаимодействия;
- свобода выбора форма организации и самоорганизации;
- внутренне самоуправление;
- конституирование внутригрупповых и межгрупповых норм, кодексов и правил информационного взаимодействия;
- конституирование информационного мира межгруппового информационного взаимодействия и, как следствие, конституирование мега-информационного мира социального информационного взаимодействия как социума нового типа, основанного на перечисленных выше факторах, в число которых входят также добровольность, консолидация, заинтересованность, сетевой язык, сетевая мораль, сетевые методы и способы решения социально значимых проблем.

Конституирование мега-информационного мира в этом сообществе не работает, влияние социальной природы нового типа ставит много новых вопросов и проблем: персональный, профессиональ-

ный и демографический состав сетевых сообществ, их новая стратификация и ее критерии, поскольку предыдущие стратификационные признаки уже не срабатывают, перспективы сетевизации, влияние сетевизации на личностную социализацию, на идентичность, на принадлежность актора сразу нескольким субкультурам, закономерности формирования сетевых сообществ. Все эти проблемы являются актуальными и широко обсуждаемыми, в связи с чем, можно указать на работы Д. Бойнда, В.В. Зайонц, В.Н. Лупанова, А.В. Назарчука, С.Г. Ушкина, Н.Б. Элисона [5].

Проблемы организации, саморганизации, управления и самоуправления сетевых он-лайн сообществ также являются актуальными и изучаются в работах таких исследователей, как А.А. Виттих, А.В. Егорова, М. Кастельс, Л.А. Саенко, О. Элиман и других авторов [6].

Можно заключить, что самоорганизация и самоуправление сетевых он-лайн сообществ представляет собой новый тип социального управления и самоуправления. Это, на наш взгляд, связано с тем, что сетевые он-лайн сообщества, будучи выражением нового вида социальности, а именно, цифровой, виртуальной, информационно-коммуникационной социальностью, они, кроме тех объективных условий и производных от условий факторов самоорганизации и самоуправления, отличаются следующим:

- специфической формой существования (виртуальная реальность);
- характеризуются особыми функциями (глобальное информационное взаимодействие и глобальный информационный обмен);
- глобальное информационное взаимодействие и информационный обмен выражает новую форму освоения объективной реальности – информационное освоение;
- сетевые он-лайн сообщества имеют специфическую гибкую, децентрализованную, интегративную матрично-ячеистую структуру;
- сетевые он-лайн сообщества, имея горизонтальную координацию, самоорганизуются и самоуправляются вне и помимо вертикальной координации;
- они представляют собой системные элементы информационного мира, конституируя свои собственные правила и кодексы и, тем самым, конституируя мега-информационный мир, новый информационный социум.

Самоорганизация и самоуправление сетевых он-лайн сообществ обусловлена не только объективными обстоятельствами формирования информационного мира, которые обуславливают специфическую природу и структуру сетевых он-лайн сообществ как сегментов нового вида социальности, но и производными от этого специфическими функциями, которые они реализуют. В целом, все основные функции сводятся к главной – к глобальному информационно-коммуника-

ционному обмену и взаимодействию. Именно глобальное информационно-коммуникационное взаимодействие конституирует ткань информационного мира, формирует общество нового типа, которого еще не знала человеческая цивилизация – информационное общество [7].

Сетевые он-лайн сообщества, представляя собой горизонтально связанные ячейки социума нового типа, информационного социума, свои функционированием порождают, поддерживают и развивают этот новый социум. Среди различных функций, осуществляемых сетевыми он-лайн сообществами, изучение которых должно быть предметом отдельного исследования, следует выделить следующие:

- коммуникативная функция (информационное взаимодействие, обмен информацией, общение, коммуникативная консолидация);
- образовательная функция (освоение информационных ресурсов);
- функция персонально-личностного, профессионального и социального развития);
- познавательная функция (освоение акторами информационного мира, своих партнеров и самих себя);
- чисто информационная функция (получение, предоставление, хранение и использование информации с определенной целью);
- функция информационной социализации (освоение информационных технологий и медиа-средств для информационного взаимодействия);
- гражданская функция (осмысление и выражение своей гражданской позиции);
- персонально-личностная функция (осмысление, формулирование и выражение личностной позиции);
- функция сетевой солидарности (поиск единомышленников и поддержка их в своей личностной и гражданской позиции);
- функция сетевой рефлексивности (самопрезентация, самоопределение и самопредъявление, посредством конструирования своего личностного персонального сетевого «Я» и представления его для информационного взаимодействия);
- функция цифровой виртуальной публичности (трансформирование всех вышеперечисленных функций в общедоступный информационный сетевой ресурс).

Как мы видим, сетевые он-лайн сообщества выполняют такие функции, которые до информационного реформирования общества не выполняли ни одни сегменты социума. Весь спектр функционирования сетевых он-лайн сообществ осуществляется на основе самоорганизации и самоуправления.

Выделим и систематически перечислим основные признаки сетевой он-лайн организации социума, изучение которых также, на наш взгляд, требуют специального исследования.

Во-первых, множество сетевых он-лайн сообществ представляют собой матричную ячеистую структуру, которая характеризуется децентрализацией и горизонтальными связями. В этой структуре осуществляется самоуправляемая интеграция различных потребностей, интересов и целей, намерений и проектов, которые имеют персонально-личностное, групповое и социальное значение.

Во-вторых, сетевая организация имеет многоуровневую структуру, характеризуется гибкостью; в ней отсутствуют четко выраженные границы. Первое обстоятельство позволяет интегрировать в сети разнообразные виды информационного взаимодействия; второе обстоятельство дает возможность координировать согласованные виды реагирования на изменение информационной среды; третье – характеризует отсутствие ограничений и традиционных социальных барьеров для глобального информационного взаимодействия.

В-третьих, сетевая организация является разветвленной сетью множества самопорождающихся и самовоспроизводящихся горизонтальных связей, пересечение которых создает новые ячейки, узлы, формы информационного взаимодействия.

На основе перечисленных объективных обстоятельств развития информационного мира, производных от них факторов и специфических форм функционирования сетевых он-лайн сообществ возникает новый тип социальной организации общества. Этот тип организации называется сетевой он-лайн организацией.

Сетевая он-лайн организация общества есть принципиально новый вид его конституирования. Эта организация основывается на информационной солидарности и информационном сотрудничестве, заинтересованности акторов информационного взаимодействия на совместном использовании информационных ресурсов для достижения определенной цели. При этом, нужно заметить, что целей сетевого взаимодействия может быть множество; они могут пересекаться, взаимодополняться и порождать новые цели.

Достижение целей в сетевом информационном взаимодействии выражается в различных формах, но, как правило, посредством информационной виртуализации, цифровой публичности и таких качеств, как добровольность сетевого взаимодействия, независимость акторов сетевого взаимодействия, отсутствие централизованного управления, вертикального вектора определения ценностей и приоритетов сетевого взаимодействия, множественность акторов, которые в реализации некоторых целей на некоторое время становятся лидерами в освоении, использовании и интерпретации информационных ресурсов.

Сетевая самоорганизация и сетевое самоуправление – это новый способ форматирования социума. В этом информационном социуме реализуются осмысленные и целенаправленные действия множества информационных акторов сетевого взаимодействия для достижения добровольно и самостоятельно поставленных информационных целей. Этим достигается самоорганизованный социум, который существует на основе информационной согласованности, добровольности, отсутствия внешнего вертикального управления. В информационном взаимодействии множества акторов, которые своих действиях реализуют персонально-личностные, групповые и социальные потребности, осуществляется их объединение в глобальное сетевое общество [8].

Глобальное сетевое общество – это, прежде всего, глобальная информационная сеть. Выделим параметры глобальной информационной сети следующим образом:

– глобальная сеть – это множество взаимосвязанных точек пересечения разнонаправленных потоков информации;

– потоки информации есть выражение информационных потребностей, интересов, ценностей и намерений;

– глобальная сеть – это добровольное и заинтересованное объединение людей для реализации своих информационных потребностей;

– глобальная сеть – это информационное пространство, свободное от вертикальных властных отношений.

Глобальная сеть – это самоорганизующееся и самоуправляемое объединение, трансформирующееся в глобальное сетевое информационное сообщество трансформируется в сетевое гражданское общество [9].

Сетевое гражданское общество представляет собой самоорганизующиеся структуры, которые образуются из совокупности отдельных социальных объектов (сетевых сообществ) в качестве единого качественно нового социального формирования – сетевого гражданского общества [10].

Понятие «сетевое общество» (Network Society) достаточно многозначно и закреплено за различными феноменами и процессами информационной революции. Как известно, впервые понятие «сетевое общество» использовал Ян ван Дайк в своей работе «De Netwerkmatschappij» (буквальный перевод означает – «Сетевое общество»), изданной в 1991 году, в которой сетевое общество – это такой социум, в котором осуществляется интеграция медиа – и социосетей для формирования новых способов организации жизни и деятельности в постиндустриальном мире. При этом им было отмечен феномен «удвоения» социального мира в виде мира традиционно реального и информационного медиапространства, которое представляет собой мир виртуальный [11].

Мануэль Кастельс в коллективной работе «Сетевое общество: кросс-культурные перспективы» характеризует сетевое общество как модели и динамику развития информационного общества в различных национальных контекстах [12], а Дерин Барни, обобщив различные концепции сетевого общества, выделяет различные технологические, социальные, экономические, политические и культурные аспекты развития сетевых глобальных институций и практик, при этом, строя модель взаимоотношений между технологиями и обществом, под углом зрения рассматриваются проблемы цифровой демократии, различных инициатив новых социальных отношений и движений, трансформаций общества, власти, политики, экономики, культуры, образования и появления гражданской цифровой идентичности [13].

Сетевая организация оказала влияние на переуструктурирование экономики, политики, торговли, образования, досуга, социальных и культурных процессов. «Цифровизация» сетевого переустройства общества связана с современной эффективной технологической обработкой потоков глобальной информации. Уточним, что когда мы говорим о цифровом гражданском обществе, мы имеем в виду построение информационного общества нового типа, которое характеризуется глобальным информационным взаимодействием людей, их неограниченным доступом к мировым информационным ресурсам, посредством которых удовлетворяются их информационные потребности и интересы, но самое главное – это то, что такое общество является глобальным сообществом множества добровольных объединений людей, сетевых он-лайн сообществ, которые самоорганизуются и самоуправляются, множеством информационных связей и отношений, множеством социальных сетей, которые становятся дополнительным ресурсом для личностного саморазвития, личностной самореализации и самосовершенствования, а в результате для совершенствования социальных отношений.

Уже сегодня во многих странах существуют и эффективно функционируют различные формы «электронной демократии», «электронного города», «электронных муниципалитетов», «электронного правительства» и даже «виртуального электронного государства». Появление виртуальной инфосферы, которая представляет собой цифровое гражданское общество, стирает пространственные границы между локальными общностями, регионами, странами и континентами, выравнивает цифровое неравенство, способствует распространению ценностей информационного мира, и самое главное, заставляет считаться с собой традиционное государство с его вертикалью властных отношений, которое вынуждено не только учитывать мнение пользователей этой информационной индустрии, но и подстраиваться под него, т.е. адаптировать свои традиционные властные функции к свободному самоопределению личностей информационного мира.

Выводы о том, что самоорганизующееся и самоуправляемое сетевое он-лайн сообщество поро-

ждает сетевую переформатизацию всего общества, более того, порождает цифровое гражданское сетевое общество, которое характеризуется самоактивизацией, сетевой солидарностью, информационной и гражданской заинтересованностью в достижении согласованных целей и потребностей, организационным саморегулирова-

Литература:

1. Виртуальная реальность и проблемы нейрокомпьютинга: Д.И. Шапиро СПб., РФК «Имидж-Лаб», 2008. 454 с.; *Кирик Т.А.* Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы // Studfiles.ru. Файловый архив. 26.02.2016. URL : <http://goo.glNQwL5p> (дата обращения: 03.08.2016).; *Курбатов В.И.* Сетевые сообщества Интернета: виртуальные фантомы, новый вид социальности или социальные конструкты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2012, № 5. С. 13–19.; *Rheingold H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge, Massachusetts, 2000. 346 p.; Феноменология ноосферы. Предтеча ноосферы. Ч. 2. А.А. Яшин. Мышление и виртуальная реальность. М. : ЛКИ, 2015. 280 С.
2. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности: Трактат / П. Бергер, Т. Лукман; Пер. с англ. Е. Руткевич; Московский философский Фонд. М. : Академия-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
3. *Курбатов В.И.* «Homo informaticus» – человек информационной эпохи: характерологические черты / В.И. Курбатов, О.М. Папа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 46–51.
4. *Куликов С.В.* Сетевая субкультура компьютерного андеграунда / С.В. Куликов, В.И. Курбатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 69–74.
5. *Иванченко Д.А.* Специфика социального взаимодействия индивидов в интернет-сообществах: сайт Российской академии наук Института социологии РАН. URL : http://www.isras.ru/abstract_bank/1208188722.pdf (дата обращения: 29.03.2011).; *Каменский Е.Г., Гримов О.А.* Сетевые сообщества в социальных сетях как фактор развития личностной субъектности // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 2 (34). С. 62–67.; *Косивченко Е.И.* Стратегии самопредъявления и проблемы приватности личности в виртуальном пространстве ее бытия // Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология событийности : Материалы Всероссий. науч.-практ. конф.; Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар : Кубанский гос. Ун-т, 2012. С. 120–124.
6. *Зайонц В.В.* Социологические подходы к исследованию виртуальных социальных сетей // Молодой ученый. 2010. № 4. С. 266–271. URL : <https://moluch.ru/archive/15/1432/> (дата обращения: 24.02.2018); *Коноплицкий С.* Сетевые сообщества как объект социологического анализа //

нием, коллективным информационным самоконтролем, осмыслением сетевого самоуправления, еще требует своего дальнейшего исследования. Но уже ясно то, что это совершенно новый тип социальности, характерный для информационной эпохи.

Literature:

1. Virtual reality and problems of neurocomputing: D.I. Shapiro SPb., RFC Image-Lab, 2008. 454 p. *Kirik T.A.* Virtual reality and its ontological prototypes // Studfiles.ru. File archive. 02.26.2016. URL : <http://goo.glNQwL5p> (appeal date: 08/03/2016). *Kurbatov V.I.* Network communities of the Internet: virtual phantoms, a new kind of sociality or social constructs // Humanitarian, social - economic and social sciences. All-Russian Scientific Journal. 2012, № 5. P. 13–19. *Rheingold H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge, Massachusetts, 2000. Phenomenology of the noosphere. The forerunner of the noosphere. Part 2. *Yashin A.A.* Thinking and virtual reality: Moscow : LKI, 2015. 280 P.
2. *Berger P.* Social construction of reality: Treatise / P Berger, T. Lukman Trans. from English E. Rutkevich; Moscow Philosophical Foundation. M. : Academy-Center; Medium, 1995. 323 p.
3. *Kurbatov V.I.* Homo informaticus» is a person of the information age: characterological features / P. Berger, T. Lukman // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 1. P. 46–51.
4. *Kulikov S.V.* Network subculture of computer underground / Kulikov S.V., Kurbatov V.I. // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. P. 69–74.
5. *Ivanchenko D.A.* The specifics of the social interaction of individuals in Internet communities: the site of the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. URL : http://www.isras.ru/abstract_bank/1208188722.pdf (appeal date: 03/29/2011). *Kamensky EG, Grimov O.A.* Network communities in social networks as a factor in the development of personal subjectivity // Sociology and social work. Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2014. № 2(34). P. 62–67. *Kosivchenko E.I.* Self-presentation strategies and challenges personal privacy in the virtual space of its co-being // Personality and Being: Problems, Patterns and phenomenology of co-being: materials of All-Russia. scientific-practical conf. by ed. Z.I. Ryabikina, V.V. Signs. Krasnodar : Kuban State. University, 2012. P. 120–124.
6. *Zayonts V.V.* Sociological approaches to the study of virtual social networks // Young Scientist. 2010. № 4. P. 266–271. URL <https://moluch.ru/archive/15/1432/> (appeal date: 02/24/2018); *Konoplitsky S.* Network communities as an object of sociological analysis // Sociology: theory, methods,

- Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 167–178.; *Лупанов В.Н.* Интернет как объект социологического исследования (к вопросу о развитии социологической сети в интернете, Web-сети) // Информационное общество. 2001. № 1. С. 40–43.; *Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39–51.; *Ушкин С.Г.* Социология социальных сетей: ретроспективный анализ // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 94–110.; *Boyd D.* Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. Boyd, N.B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. № 13(1), 2007. URL : <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd.ellison.html> использовано 15.03.2010); *Buch-Hansen H.* Social Network Analysis and Critical Realism // Theory Soc. Behav. 2014. № 44. P. 306–325.
7. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества / Д. Белл; Сокращ. перев. Ю.В. Никуличева; Под ред. П.С. Гуревича // Новая технократическая волна на Западе. М. : 1988. 330 с.; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 369 с.
8. *Егоров М.В.* Интернет-сообщества как фактор сетевой самоорганизации // Наука и образование в современном обществе: вектор развития: материалам Международной научно-практической конференции : в 7 частях. Ч. VI. М. : «АР-Консалт», 2014. С. 156–157.; *Казаков М.Ю.* Социально-коммуникативные основы формирования социальной солидарности в сетевом (со)обществе : дис. ... канд. фил. наук: 09.00.11. Нижний Новгород, 2014. 130 с.; *Орлов А.Ю.* Организация виртуального сообщества в сети Интернет // Информационные технологии. 2008. № 8. С. 15–19.
9. *Затонский В.А.* Гражданское общество и государство: противостояние или партнерство? // Конституционное и муниципальное право. 2007. №16. С. 10–16.; *Буряк В.В.* Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь : ДИАИПИ, 2011. 152 с.; *Шакула Д.* Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы: сайт научно-культурологического журнала «RELGA» 2006. URL : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 30.03.2011). *Bykov I.A.* Electronic state, PR and Web 2.0 technologies // Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference «PR, business, media partnership and competition». SPb. : ENGECON, 2010. P. 28–30.
10. *Буряк В.В.* Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь : ДИАИПИ, 2011. 152 с.
11. *Dijk J.A. G.M. van.* The Network Society / Jan A.G.M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. 272 p
- marketing. 2004. № 3. P. 167–178. *Lupanov V.N.* Internet as an object of sociological research (on the issue of the development of a sociological network on the Internet, Web-network) // Information Society. 2001. № 1. P. 40–43. *Nazarchuk A.V.* On the network research in the social sciences // Sociological studies. 2011. № 1. P. 39–51. *Ushkin S.G.* Sociology of social networks: a retrospective analysis // Sociological Journal. 2013. № 1. P. 94–110. *Boyd D.* Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. Boyd, N.B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. № 13(1), 2007. URL : <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd.ellison.html> использовано 15.03.2010); *Buch-Hansen H.* Social Network Analysis and Critical Realism // Theory Soc. Behav. 2014. № 44. P. 306–325.
7. *Bell D.* The social framework of the information society. Abbreviation trans. Yu.V. Nikulicheva // New Technocratic Wave in the West. Ed. P.S. Gurevich. M. : 1988. 330 P.; *Castells M.* Information Age: Economy, Society and Culture. M. : State University Higher School of Economics, 2000. 369 p.
8. *Egorov M.V.* Internet communities as a network factor self-organization // Science and education in modern society: development vector: materials of the International Scientific and practical conference. In 7 parts. Part VI. M. : AR-Consult, 2014. P. 156–157; *Kazakov M. Yu.* Socio-communicative basis for the formation of social solidarity in a network (co) society : dis. ... Cand. Phil. Science: 09.00.11 / Kazakov Maxim Yuryevich. Nizhny Novgorod, 2014. 130 p.; *Orlov A.Yu.* Organization of a virtual community on the Internet // Information technologies. 2008. № 8. P. 15–19.
9. *Zatonsky V.A.* Civil society and the state: confrontation or partnership? // Constitutional and municipal law. 2007. № 16. P. 10–16; *Buryak V.V.* Global civil society and network revolutions. - Simferopol: DIAIPI, 2011. 152 p. *Shakula D.* Internet communities as subjects forming the global information environment: concept, origin, types: website of the scientific-culturological journal «RELGA» 2006. URL : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (appeal date: 03/30/2011); *Bykov I.A.* Electronic state, PR and Web 2.0 technologies // Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference «PR, business, media partnership and competition». SPb. : ENGECON, 2010. P. 28–30.
10. *Buriak V.V.* Global civil society and network revolutions. Simferopol: DIAIPI, 2011. 152 p.
11. *Dijk J.A. G.M. van.* The Network Society / Jan A.G.M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. 272 p

12. *Castells M.* (ed.). *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective* // editor: Manuel Castells. Northampton, Massachusetts : Edward Elgar Publishing, 2004. 464 p.

13. *Barney D.* *The Network Society* (PKC – Polity Key Concepts series) / Darin Barney. Oxford : Polity, 2004. 216 p.

12. *Castells M.* (ed.). *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective* / editor: Manuel Castells. Northampton, Massachusetts : Edward Elgar Publishing, 2004. 464 p.

13. *Barney D.* *The Network Society* (PKC – Polity Key Concepts series) / Darin Barney. Oxford : Polity, 2004. 216 p.

Кычкина Вера Геннадьевна
магистрант,
Северо-Восточный
федеральный университет.
kyckinavera@gmail.com

Борисова Ульяна Семеновна
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
и управления персоналом,
Северо-Восточный
федеральный университет.
ulsem2012@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРОВ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ БЕЗРАБОТНЫХ

Аннотация. Данная статья посвящена роли и значению Центров занятости населения при трудоустройстве безработных в городе Якутске. В статье говорится о том, что безработица представляет угрозу для государства и личности. В ней анализируется степень удовлетворенности клиентов предоставляемыми услугами в целях защиты от безработицы.

Ключевые слова: безработные, клиенты, трудоустройство, услуги, центр занятости населения.

Безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней.

Граждане не признаются безработными, если не достигли 16-летнего возраста и получают трудовую пенсию по старости [1].

Следует отметить, что данная тема охватывает целый спектр работ, в которых безработица рассматривается как серьезная проблема экономического развития современного общества, также выделяются ее виды и последствия [6]. Описываются профессиональные кризисы безработного [2]. Также подробно рассматривается роль государства в регулировании занятости населения [4].

Последствия безработицы: снижение доходов населения, потеря квалификации личности, экономические результаты (утрата ВВП), увеличение числа преступности, уменьшение динамики роста заинтересованности населения к работе, снижение степени состоятельности домохозяйств. Безработица представляет угрозу для государства так как имеет крайне негативные

Kychkina Vera Gennadievna
Undergraduate,
North-Eastern Federal University
kyckinavera@gmail.com

Borisova Uliana Semenovna
Doctor of Sociology,
Professor, Department of Sociology
and Personnel Management,
North-Eastern Federal University
ulsem2012@mail.ru

THE ROLE AND IMPORTANCE OF EMPLOYMENT CENTERS IN THE EMPLOYMENT OF THE UNEMPLOYED

Annotation. This article is devoted to the role and importance of employment centers in the employment of the unemployed in the city of Yakutsk. The article states that unemployment is a threat to the state and the individual. Analyzes the degree of customer satisfaction with the services provided in order to protect against unemployment.

Keywords: unemployed, clients, employment, services, employment center.

социальные последствия как для отдельного человека, так и для общества в целом.

Люди остро ощущают нехватку спроса на свои знания, производственного опыта и переживают, когда переходят из одной общественной категории в иную. Исследования зафиксировали основные психологические характеристики безработного: невысокий уровень социальной храбрости, податливость, беспринципность, пессимизм и осторожность в поведении, подозрительность или недоверие, стойкое маргинальное эмоциональное состояние. Это приводит к увеличению смертности от сердечных заболеваний, росту числа самоубийств, психическим заболеваниям, ухудшению семейных отношений, увеличению преступности и т.д.

Данный вопрос актуален даже для школьников. Например, на вопрос «Чего Вы опасаетесь в будущем?» 58 % старшеклассников села сельских школ в 2017 году отметили проблемы с трудоустройством, «остаться без средств существования» – 34 % [5].

Для защиты людей от безработицы создаются государственные службы занятости, которые в свою очередь восстанавливают рынок труда,

путем содействия в трудоустройстве граждан, а также предоставляют новые профессиональные возможности.

За 2015–2017 гг. Центром занятости населения города Якутска было трудоустроено 21 % граждан из числа обратившихся, то есть 79 % граждан не смогли найти подходящую работу [7].

Таким образом, безработные граждане находятся в зоне риска, так как падает уровень жизни, за счет материальной неустойчивости. Центр занятости населения города Якутска оказывает большой спектр услуг по защите населения от безработицы. К специалистам данной организации предъявляют высокие требования, поскольку они работают с людьми столкнувшиеся с проблемой безработицы. И на этом основании нам представляется важным рассмотреть деятельность Центра занятости, а именно степень удовлетворенности граждан оказываемыми услугами.

Цель исследования – выявление удовлетворенности клиентов деятельностью Центра занятости населения города Якутска. В анкетировании приняли участие 102 человека, пришедших за услугами в ЦЗН города Якутска. Выборка респондентов была осуществлена методом стихийного отбора, поскольку представителей изучаемой совокупности трудно отобрать другими методами. Социально-демографическая характеристика респондентов: распределение по полу:

мужчины составляют 29 %, женщины – 71%. Распределение по возрастным категориям: до 30 лет – 46 %, 30 лет и старше – 54 %. Уровень образования: высшее профессиональное – 45 %, неполное высшее (учится) – 6 %, среднее профессиональное – 33 %, среднее общее – 7 %. Распределение по занятости респондентов: учусь – 11 %, домохозяйка – 13 %, безработный – 67 %, предприниматель – 2 %, работаю – 7 %.

Были проанализированы стадии обращений клиентов в ЦЗН. В числе опрошенных было больше тех, кто впервые туда пришел и находится в процессе получения услуги. Из этого следует, что деятельность ЦЗН не утратил свою актуальность, и на сегодняшний момент люди обращаются за помощью в трудоустройстве (табл. 1).

Информированность клиентов об предоставляемых услугах является неотъемлемой частью деятельности ЦЗН. Респонденты на данный вопрос ответили «большинство», что указывает на достаточно хорошую осведомленность населения об услугах ЦЗН (табл. 2).

Особенность данного вопроса состояла в том, что была возможность выбрать несколько вариантов ответа. В результате, самой востребованной услугой среди клиентов стала помощь в трудоустройстве, поскольку она является основной задачей ЦЗН (табл. 3).

Таблица 1

Стадии обращений

	Частота	Процент
В этом году пришел(-ла), в процессе получение услуги	60	58,8
Зарегистрирован(-а), и уже получал(-а) услуги	25	24,5
Не состою на учете, но неоднократно получал(-а) услуги	17	16,7
Итого	102	100,0

Таблица 2

Информированность клиентов об услугах ЦЗН

	Частота	Процент
да, все знают	23	22,5
большинство	68	66,7
малая часть	11	10,8
Итого	102	100,0

Таблица 3

Услуги ЦЗН

	Ответы	
	N	Процент
помощь в трудоустройстве	86	60,6 %
помощь в организации собственного дела	2	1,4 %
психологическая поддержка	3	2,1 %
профессиональное обучение	17	12,0 %
материальная поддержка	19	13,4 %
помощь в профессиональной ориентации	5	3,5 %
юридическая поддержка	4	2,8 %
консультацию для работодателей	6	4,2 %
Всего	142	100,0 %

Взаимодействие специалистов с клиентами играет огромную роль для ЦЗН. Большинство опрошенных клиентов оказались удовлетворены взаимодействием со специалистами, это показывает компетентность и профессионализм специалистов в решении любых вопросов (рис. 1).

На данный вопрос, меньше половины респондентов ответили, что полностью удовлетворены предоставляемыми услугами 3 человека ответили, что неудовлетворены (рис. 2). Данный факт может указывать на недостаточную эффективность услуг из-за рынка труда, но не может оцениваться как неудовлетворенность клиентов качеством услуг.

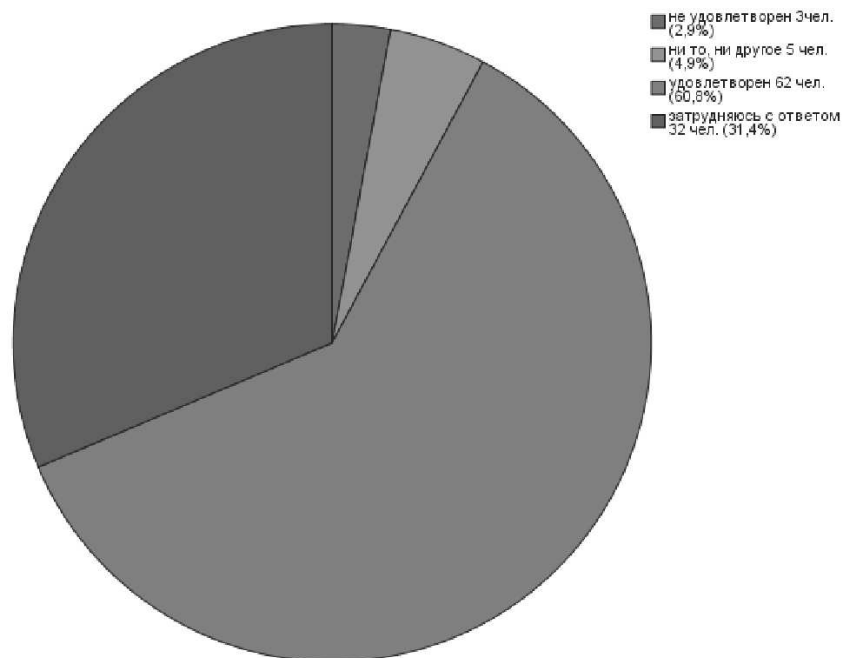

Рисунок 1 – Диаграмма удовлетворенности клиентов взаимодействием со специалистом

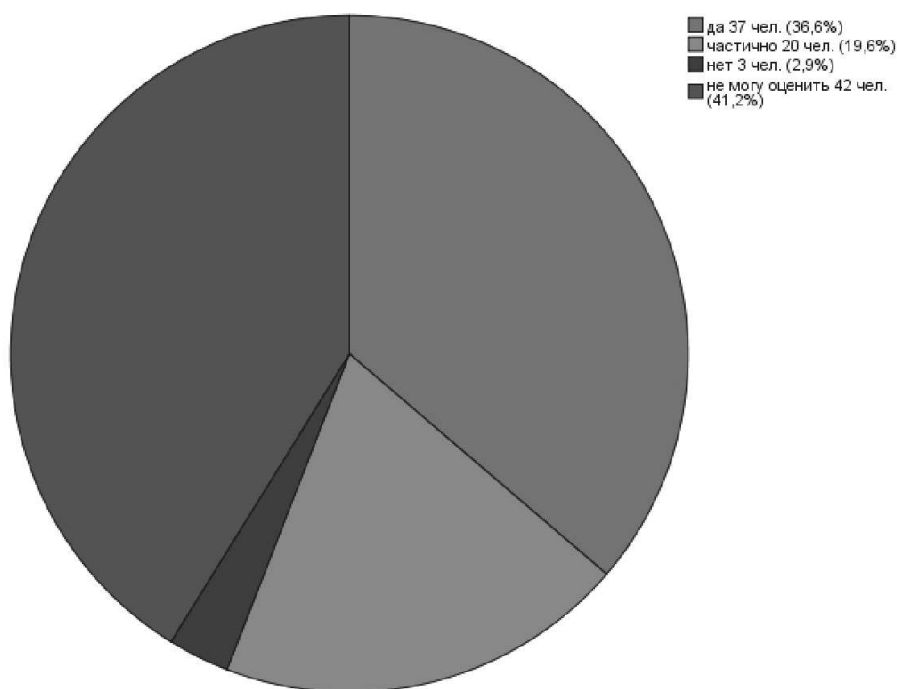

Рисунок 2 – Диаграмма удовлетворенности клиентов услугами

Помимо этого, в анкете был открытый вопрос, на который ответили не все респонденты, а лишь 15 из 102. Характер вопроса состоял в том, что

нужно было внести предложения по улучшению работы центра занятости населения. Были предложены следующие улучшения:

- расширение штата сотрудников – 2 респондента;
- расширение спектра услуг в электронном варианте – 5 респондентов;
- расширение базы вакансий – 3 респондента;
- решение вопросов по телефонному разговору;
- оптимизирование работы ЦЗН (ускорить);

Данные ответы указывают на то, что ЦЗН отстает от прогрессивного настроения общества. С освоением интернета люди хотят решать свои вопросы по трудоустройству, не выходя из дома.

Литература:

1. О занятости населения в Российской Федерации: Фед.Закон РФ № 1032-1 от 19 апр. 1991 г; в редакции № 116-ФЗ от 25 июля 2002 г. М. : Ось-89, 2002. 31 с.
2. *Бендюков М.А.* Психология профессионального кризиса у безработных // Социальное здоровье: проблем и решения. 2015. № 2. С.135–158.
3. *Боровина В.С.* Занятость населения. Ростов н/Д. : Феникс, 2001. 320 с.
4. *Вишнякова В.А.* Роль государства в регулировании занятости населения в экономической системе общества // Ученые записки РГСУ. 2012. № 2. С. 64–69.
5. *Захарова А.П.* Ценности старшеклассников саха сельских школ / А.П. Захарова, У.С. Борисова // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. № 11-1(65). С. 45–48.
6. *Кучма К.П.* Безработица: виды, причины и пути решения / К.П. Кучма, О.П. Кучма, О.Н. Горбунова // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 7. С. 77–83.
7. 2-Т Статистика труда и занятости населения (арх. ГКУ РС(Я) ЦЗН г. Якутск).
8. Юбилейный выпуск «25 лет вместе на рынке труда»: ГКУ РС(Я) ЦЗН г. Якутска. Типография ООО «Дани-Алмас», 2016. 96 с.

Также клиенты обратили внимание на темп работы и предложили ускорить его путем расширения штата сотрудников – достаточно справедливое замечание, поскольку специа-листов не так много, и они не всегда справляются большим количеством клиентов.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что большинство опрошенных граждан владеют информацией об услугах предоставляемых центрами занятости населения, многие респонденты регулярно обращаются в службу занятости и в целом удовлетворены качеством и доступностью их предоставления.

Literature:

1. On employment of the population in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation № 1032-1 of April 19 1991; in the edition № 116-FZ of July 25, 2002. M. : Os-89, 2002. 31 p.
2. *Bendyukov M.A.* Psychology of the professional crisis of the unemployed // Social health: problems and solutions. 2015. № 2. P. 135–158.
3. *Borovina V.S.* Employment. Rostov n/Don. : Phoenix, 2001. 320 p.
4. *Vishnyakova V.A.* The role of the state in the regulation of employment in the economic system of society // Scientific Notes RGSU. 2012. № 2. P. 64–69.
5. *Zakharova A.P.* Values of high school students of Sakha rural schools / A.P. Zakharova, U.S. Borisova // International Research Journal, 2017. № 11-1(65). P. 45–48.
6. *Kuchma K.P.* Unemployment: types, causes and solutions / K.P. Kuchma, O.P. Kuchma, O.N Gorbunova // Socio-economic phenomena and processes. 2015. Т. 10. № 7. P. 77–83.
7. 2-T Statistics of labor and employment of the population (architect GKU RS (Y) TsZN Yakutsk).
8. The anniversary issue of «25 years together in the labor market»: GKU RS (Y) TsZN Yakutsk. Printing house Dani-Almas LLC. 2016. 96 p.

Ляушева Светлана Аслановна

доктор философских наук,
профессор кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
slyausheva@rambler.ru

Абдулаева Элита Султановна

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет,
докторант Адыгейского
государственного университета

Svetlana A. Lyausheva

Doctor of Philosophy,
Professor of Philosophy
and Sociology Department,
Adyghe State University
slyausheva@rambler.ru

Elite S. Abdulayeva

Candidate of Philosophy,
Associate Professor,
Department of Theory
and Technology of Social Work,
Chechen State University,
Doctoral Student of Adyghe State University
elita8881@mail.ru

**О КОНТРАКУЛЬТУРНЫХ
ДЕТЕРМИНАНТАХ
МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА**

Аннотация. В статье представлена актуальная и острая тема, касающаяся контркультурных детерминант молодежного экстремизма. Авторы анализируют причины радикальных и экстремистских настроений молодежи и подчеркивают, что появление экстремизма среди молодежи есть результат дестабилизации традиционной культуры. Целенаправленно дестабилизируется ядро традиционной культуры путем создания псевдонаучных проблем и героизации отдельных личностей в истории, которые не являются центровыми.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, девиации, традиции, общество.

Вызовы современности, связанные с глобализацией, внедрением новых информационных технологий в сочетании с ростом международного терроризма вновь актуализируют проблему культурной безопасности. В современном глобальном мире происходит стагнация и нивелировка традиционных ценностей духовной культуры этносов, способных к защите от угрозы как извне, так и изнутри общества [1]. Целенаправленно дестабилизируется ядро традиционной культуры путем создания псевдонаучных проблем и героизации отдельных личностей в истории, которые не являются центровыми. Следствием подобных действий, на наш взгляд, стало появление экстремистских настроений среди молодежи, которая «ищет» альтернативные ценности в героическом прошлом своего этноса.

Недовольство и «отчуждение» молодежи от государства, общества и его успешных представителей сопровождается отсутствием стабильности и социальных гарантий. Сложившаяся си-

**ON THE COUNTER-
CULTURAL DETERMINANTS
OF YOUTH EXTREMISM**

Annotation. The article presents a review of relevant and pressing topics related to the counter-cultural determinants of the youth extremism. The authors analyze the causes of radical and extremist attitudes of young people and emphasize that the emergence of extremism among young people is the result of the destabilization of traditional culture. Deliberately destabilizes the core of traditional culture through the creation of pseudo-problems and the glorification of individuals in history who are not center.

Keywords: extremism, youth, deviation, traditions, society.

туация проявляется особенно ярко в тех случаях, например, когда студентам после окончания учебного заведения не гарантирована будущая успешная работа, поэтому многие молодые люди по многим показателям «исключены» из успешного развития в силу того, что являются представителями малообеспеченных семей [2].

Неудовлетворенность результатами разделения труда в капиталистическом обществе становится благоприятной почвой для восприятия националистических идей. Отметим также, что ряд исследователей называют причиной распространения радикализма и экстремизма среди молодежи, переселение выходцев из Средней Азии и с регионов с гомогенной традиционной культурой. Речь идет о больших группах людей, которые нарушают этнический баланс в том регионе, в котором до этого не наблюдались межэтнические конфликты [4, с. 123]. Совершенно очевидно, что стремление адаптироваться у мигрантов отсутствует из-за огромного количества коммуникантов «своей» культуры. То есть, первона-

чальный процесс аккультурации, который был бы «естественен» при соприкосновении с представителями других культур здесь прерывается на уровне биологической адаптации к климату.

Предрасположенные к экстремизму молодые люди нуждаются в собственной доктрине, способной обеспечить контркультурную легитимизацию. В связи с тем, что путь легализации для экстремистского поведения закрыт, молодые люди ищут опоры в контркультурных типах, предстающих в сочетании традиционного и харизматического типа легитимации. Отсюда проистекает желание молодых экстремистов опереться на традиции прошлого, в котором доминировали харизматические вожди и пророки, свободные от бюрократизированных форм современных общественных институтов. Соответственно с этим запросом возрастает интерес молодых девиантов к альтернативным теориям, способным обосновать экстремистские типы поведения. Причём, вовсе не обязательно, чтобы теория, которой руководствуется молодой экстремист, обязательно представляла собой систему логически проработанных понятий или, тем более, претендовала на статус научно обоснованной и признанной концепции.

Таким образом, искажение достоверной информации представляет собой распространенное явление в среде молодых экстремистов, идеология которых базируется на неадекватном понимании субъектности и стратификации «собственной» социальной группы, которую они собрались защищать от воздействий «чужаков».

В современной социологии принято исследовать особый социально-экономический фундамент молодёжного экстремизма, подчеркивая, что молодые люди становятся такими, прежде всего, в силу бедности и отсутствия должного образования. Этот подход, несомненно, имеет под собой серьезную фактическую основу, поскольку социально исключенная и фрустрированная молодёжь в большей степени склонна к манифестации экстремистского типа поведения [5]. Действительно, значительное число молодых людей (как девушек, так и юношей), пополняющих ряды, например, исламистских террористических организаций, не получили должного как религиозного, так и светского образования; многие из них стали заложниками низкого экономического уровня развития и высокой степени коррумпированности местных чиновников.

Вместе с тем, вышеописанный подход не нужно абсолютизировать, а необходимо применять его в совокупности с другими способами интерпре-

тации проблем молодёжного экстремизма. Ведь как же тогда объяснить многочисленные факты, когда группировки молодых экстремистов пополняются юношами из вполне обеспеченных семей с довольно высоким уровнем образования [4], поэтому не совсем верной является однобокая, на наш взгляд, тенденция редуцировать все типы проявления молодёжного экстремизма к латентным формам классовой борьбы.

Важную контркультурную особенность, под которую, на наш взгляд, необходимо подвести молодёжный экстремизм, можно охарактеризовать как особого рода «романтизм», свойственный юным и в определенной степени творческим натурам. Таким образом, основные контркультурные детерминанты современного молодёжного экстремизма восходят к паттернам, в которых зачастую происходит искажение действительно существовавших в прошлом форм культуры.

Изменяя и дестабилизируя ядро традиционной культуры, мы воссоздаем новые уродливые формы ценностей, которые «копируя» традиции прошлого приобретают устрашающие формы экстремизма, радикализма и нетерпимости к представителям других культур, рас, конфессий. Как известно, традиционные аспекты поведения способны противодействовать экстремистским проявлениям, которые вызывают отторжение на глубинном этническом уровне культуры, так как противоречат ее сути и поиску развития в современный период [2]. Традиции образуют «коллективную память» общества и культуры, тот «резервуар» нетленных образов, к которым обращаются из поколения в поколение члены той или иной социальной группы [3].

Однако факторы и мотивы могут отличаться у каждого в зависимости от убеждений и контекста деятельности. Потребность молодого поколения в самореализации проявляется в его поведении и интересах. Возможное решение проблемы видится в наблюдении и превентивном устранении барьеров в поиске профессии для молодых людей, своего дела, стимулировании молодежи к общественной деятельности. Против отклоняющегося или агрессивного поведения нужно целенаправленно культивировать высокие нравственные привычки, содействовать устранению социального неравенства.

Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ НШ-6738.2018.6 «Ислам в региональном социокультурном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)».

Литература:

1. *Абдулаева Э.С.* Антропокультурный кризис и трансформация жизненных ценностей чеченской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории практики. 2016. № 1. С. 13–15.

Literature:

1. *Abdulaeva E.S.* Anthropometry crisis and transformation of life values of the Chechen youth // Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Theory and practice. 2016. № 1. P. 13–15.

2. *Akaev V.* Islamic fundamentalism in the northern caucasus: my thorrality? Central Asia and the Caucasus. 2000. С. 3.

3. Культурология : учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М. : Высшее образование, 2007. 566 с.

4. *Ляушева С.* Социоинтегративный потенциал традиционной адыгской культуры как фактор преодоления межэтнической напряженности на Кавказе в условиях глобализации / С. Ляушева, В. Нехай, Р. Хунагов, Б. Шхачемукова // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. С. 123–132.

5. *Манкиев А.А.* Религиозно-политический экстремизм в Чечне в конце XX–XXI вв.: истоки и сущность // Материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». 2018. С. 144–146.

2. *Akaev V.* Islamic fundamentalism in the northern caucasus: my thorrality? Central Asia and the Caucasus. 2000. С. 3.

3. Cultural science : textbook / Under the editorship of Yu.N. Solonin, M.S. Kagan. M. : Higher education, 2007. 566 p.

4. *Lyausheva S.* Social Integration potential of traditional culture as a factor of overcoming interethnic tension in the Caucasus in the conditions of globalization / S. Lyausheva, V. Nekhai, R. Khunagov, B. Shakhachekova // Central Asia and the Caucasus. 2016. Vol. 19. P. 123–132.

5. *Mankiev A.A.* Political extremism In Chechnya at the end of XX–XXI centuries: origins and essence. Materials of the I International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Chechen state University. 2018. P. 144–146.

Макеева Елена Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

Макеева Инна Александровна

учитель иностранных языков,
МБОУ гимназия «САН» г. Пензы
innamia88@yandex.ru

Логинова Елена Валерьевна

студент,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

**ВЫСШАЯ ШКОЛА
В СИСТЕМЕ АДАПТАЦИИ
МОЛОДЕЖИ К РЫНКУ ТРУДА**

■ ■ ■
Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей молодежного рынка труда в современном российском обществе. Особое внимание в статье уделено анализу механизмов содействия адаптации молодежи на рынке труда в системе высшего образования.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, профессиональная адаптация, социализация.

■ ■ ■
В настоящее время российский рынок труда претерпевает значительные социально-экономические изменения: появляются новые отрасли и профессии, принципы организации производства, происходит увеличение обязанностей специалистов, руководителей на различных предприятиях. В связи с этим изменился смысл понятия «трудовые ресурсы», в котором важнейшими составляющими становятся уровень образования и интеллекта, быстрота адаптации работников к новым формам организации труда, профессиональная мобильность кадров, легкая обучаемость. Такого рода изменения существенно отразились на состоянии занятости и положении на рынке труда различных слоев населения, в числе которых молодежь.

Именно молодые люди является наиболее активной и перспективной группой населения. В зависимости от их трудовой деятельности и степени активности в жизни общества зависит развитие экономики российского государства, и в конечном итоге, решение социальных задач.

В социологии молодежью называют отдельную общественную группу лиц в возрасте от 14 до 30

Elena A. Makeeva

Candidate of Historic Science,
Associate Professor,
Department of History and Philosophy,
Penza State University
of Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

Inna A. Makeeva

Teacher of Foreign languages
Gymnasium «SUN», Penza
innamia88@yandex.ru

Elena V. Loginova

Student,
Penza State University
of Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

**THE HIGHER SCHOOL
IN THE SYSTEM OF ADAPTATION
YOUTH TO LABOUR MARKET**

■ ■ ■
Annotation. The article is devoted to the analysis of some peculiarities of youths' labour market in the modern Russian society. In the article special attention is given to the analysis of assistance to the youths' adaptation on the labour market in the system of higher education.

Keywords: youths, labour market, professional adaptation, socialization.

■ ■ ■
лет (в ООН от 14 до 29 лет). Однако границы возраста молодости не являются четкими. При ресурсном подходе молодежью считают людей в возрасте от 18 до 30 лет. В определенных национальных молодежных программах в качестве представителей молодого поколения рассматривают лица в возрасте до 35 лет. На основе предложенных вариантов выделяют следующие периоды: подростки («ранняя молодость») – до 18 лет, собственно молодежь – 18–24 лет, «молодые взрослые» – 25–29 лет.

В контексте трудового потенциала российской экономики значимую роль играет молодежь 18–24 лет, так как является носителем передовых идей и взглядов. Несмотря на это, молодежный рынок труда имеет свои особенности.

Во-первых, низкая конкурентоспособность молодежной рабочей силы, обусловленная недостатком профессиональных знаний, отсутствие первоначальных практических навыков работы и чрезмерная обобщенность теоретических знаний.

Во-вторых, мнение молодежи о возможных направлениях адаптации в сфере труда и занято-

сти. Несмотря на то, что пришедший абитуриент в высшее учебное заведение (вуз) уже решил с выбором дальнейшей профессии, в действительности это не всегда так. Часто молодой человек не имеет достаточного представления о реальной ситуации на рынке труда в потребностях специалиста данного профиля. Так, существует проблема профессиональной ориентации, которая во многих случаях откладывается на момент окончания вуза.

В-третьих, в условиях современного рынка труда чаще наблюдается нестабильность спроса работодателей на определенные специальности и существующим предложением специальностей со стороны тех, кто ищет работу.

В-четвертых, изменчивость ориентации молодых людей в социально-профессиональной сфере. Молодежь не может быть уверена, в том, что выбранная ими специальность будет единственной и основной на протяжении всей их жизнедеятельности. Многие меняют место своей работы, но также кардинально меняется и сфера занятости. Соответственно возрастает не только значимость устойчивой профессиональной ориентации, но также способность к быстрому освоению новых навыков и компетенций в зависимости от ситуации на рынке. Так, встает вопрос о необходимости трансформации профессиональной подготовки в рамках образовательных учреждений.

В-пятых, различие между профессионально-трудовыми и квалификационными параметрами молодых людей и требованиями работодателей, «порождаемое инерцией индустрии образования, не способной прогнозировать и гибко реагировать на постоянно изменяющиеся потребности рынка труда в тех или иных специалистах, а также отсутствием эффективных систем профориентации и трудоустройства выпускников учебных заведений».

Исходя из выше сказанных проблем, институты образования и труда являются особым элементом в этой системе. Связь между этими двумя сторонами традиционно осуществлялась через процесс профессиональной ориентации молодежи. В связи с этим вуз должен являться не только площадкой для реализации образовательной и научной деятельности профессорско-преподавательского состава и студентов, но и некоторой платформой для формирования и накопления интеллектуального и социального капитала молодых людей [3].

Формирование профессиональных компетенций у обучающихся может происходить путем включения в деятельность вуза нескольких направлений.

Немаловажным является предоставление студентам необходимой информации о выбранной профессии как о дальнейшей сфере деятельности, в которую студентам предстоит включиться по окончании университета. Решение этой задачи может происходить не только в момент обучения и передачи специализированных знаний,

но также при непосредственном взаимодействии с представителями выбранного направления и будущими работодателями. Данные системы партнерств вузов и предприятий существовали еще в советское время. В нынешних условиях данная модель взаимодействия претерпела существенные доработки. Но и сегодня особенно важны подобные практики, благодаря которым возможно решить проблему трудоустройства молодых людей.

Взаимодействие специалистов и представителей предприятий может осуществляться непосредственно на различных этапах обучения молодых людей в вузе - от поступления до защиты выпускной квалификационной работы. Например, создание на базе университета инновационных лабораторий для исследовательской работы, реализация совместных проектов, создание и продвижение на рынке продукции, поощрение студентов, чьи разработки для предприятия имеют ценность, помощь в прохождении трудовой практики, организация выставок и экскурсий по предприятию, программы по повышению квалификации на основе требований предприятий и т.д. Данная совместная работа может способствовать установлению и укреплению профессиональных практических навыков молодых людей.

Так, в соответствии с «Рекомендациями по проведению организационно - методической работы в области содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования» Министерства образования Российской Федерации и Министерства труда и социального развития на базе Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (ПГУАС) работает соответствующий Центр. Основной целью сотрудничества является организация практик студентов и содействие их трудоустройству.

Также в некоторых ВУЗах страны, например, МАИ и МГТУ им. Баумана, применяют дуальную систему образования. Студенты помимо получения теоретических знаний, также включаются в производственный процесс в качестве работника предприятия. Данная система позволяет решить задачу подготовки специалистов, отвечающих требованиям современной экономики. Однако чтобы добиться значимого эффекта от этой технологии обучения, необходимо ее применять во всех учебных заведениях, а не в единичных учреждениях.

Еще одним направлением обучения молодежи в университетах является внедрение новых программ, представляющих собой курсы получения дополнительной квалификации. Например, обучающиеся могут пройти курсы переводчика в сфере профессиональной коммуникации, на знание IT-системы и многое другое.

Одним из действенных решений в данном вопросе являются российские студенческие отряды, где молодые люди с первых курсов включаются в практическую деятельность. Основной задачей отрядов считается трудоустройство молодежи и вовлечение их в профессиональную деятельность с целью реализации приобретен-

ных знаний и навыков и подготовки к самостоятельному выходу на рынок труда.

Включаясь в школу студенческих отрядов, молодые люди оказываются в реальной трудовой обстановке, которая их ждет после окончания учебного заведения, узнают на своем опыте действие процесса, приводящего в движение непростую систему производственных отношений. Студенческие отряды позволяют подготовить не узконаправленных специалистов, а профессионалов, готовых к предъявлению себя на рынке услуг. Это особенно важно, если речь идет об инженерных, технических и производственных специальностях [2].

Российские студенческие отряды (РСО) впервые появились в 1959 году. Однако с того момента отряды претерпели множество изменений и проблем. Спустя несколько лет, в 2003 году, было принято решение по развитию и возобновлению движения РСО. На данный момент существуют множество видов отрядных движений: строительные отряды (ССО), отряды проводников (СОП), сервисные отряды. Их деятельность имеет поистине масштабное распространение. Бойцы участвуют в таких всероссийских проектах, как «Север», Всероссийская студенческая стройка «Космодром «Восточный», «Заполярье». Впервые за всю историю РСО стало возможна реализация молодежного проекта в Арктике [4].

Помимо основной трудовой деятельности РСО оказывают помощь ветеранам, пожилым людям,

инвалидам, людям с ограниченными возможностями. Помогают восстанавливать памятники, проводят время в детских садах и школах.

Студенческие отряды – проект, благодаря которому молодые люди еще во время обучения могут приобрести опыт работы и необходимые для будущей профессии навыки. Например, в рамках педагогических отрядов будущие учителя получают возможность развить свой профессиональный потенциал. Так, в ПГУАС активно функционирует педагогический отряд «Колорит». Ребята работают водителями и кураторами на различных сменах и слетах, оказывают помощь в организации отдыха и досуга школьников. Также в университете действуют два строительных отряда «Спектр» и «Сириус». Молодые люди трудились на таких масштабных проектах, как «Мирный атом», всероссийских стройках в г. Екатеринбург, Санкт-Петербурге, республике Саха (Якутия). Именно благодаря данной детальной будущие специалисты технического профиля имеют возможность применить теоретические знания на практике [1].

Таким образом, сегодня высшая школа основательно включилась в рыночные отношения. Современные проблемы молодежного рынка труда показали всю значимость высшего профессионального образования. Так, перед высшей школой стоят множество важных задач, одной из которых является приведение структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда и экономики.

Литература:

1. *Макеева Е.А.* Студенческие отряды как объект государственной молодежной политики / Е.А. Макеева, И.А. Макеева, Е.В. Логинова // Гуманитарные. Социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 66–69.
2. *Попов И.Л.* Роль студенческих отрядов в трудовом воспитании молодежи / Редкол.: О.Н. Широков и др. // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы IX Междунар. науч.- практ. конф. (Чебоксары, 7 авг. 2016 г.). Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. № 3(9). С. 49–52.
3. *Самойлюк Т.А.* Профессиональное развитие кадров в современных условиях // Роль непрерывного образования в подготовке инновационных кадров для экономики России. Междунар. науч.-методич. конф. : сб. материалов (Новосибирск, 13 сентября 2012 г.). Новосибирск : СГГА, 2012.
4. Официальный сайт «Российские студенческие отряды». URL : <http://www.shtabso.ru>, (дата обращения 31.10.2018).

Literature:

1. *Makeeva E.A.* Student groups as a subject of state youths policy / E.A. Makeeva, I.A. Makeeva, E.V. Loginova // Human Sciences. Socio-economic and Social Sciences. 2018. № 4. P. 66–69.
2. *Popov I.L.* Role of student groups in the youths labour education / editorial: O.N. Shirokov and others // A new word in science: development perspective: materials of IX International scientific conference (Cheboksary, 7 August 2016). Cheboksary : «Interactive plus», 2016. № 3(9). P. 49-52.
3. *Samoilyuk T.A.* Professional development of the staff in the modern conditions // Role of continuous education in innovative staff training for Russian economy. International scientific conference: collection of materials (Novosibirsk, 13 September 2012). Novosibirsk : SSGA, 2012.
4. Official site «Russian student groups». URL : <http://www.shtabso.ru>, (date of access 31.10.2018).

Михайлова Татьяна Александровна
кандидат социологических наук
tatanastydent@yandex.ru

Студеникина Елена Станиславовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
el.studenikina@yandex.ru

Усова Любовь Викторовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
lyubov_soc@mail.ru

ОЦЕНКА ГОРОЖАНАМИ РЫНКА ТРУДА ГЕЛЕНДЖИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИЛОТАЖНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

■ ■ ■

Аннотация. Рынок труда курортных городов Краснодарского края обладает своей спецификой и определенным дисбалансом, обусловленным сезонной занятостью части трудоспособного населения. В статье на основе опроса жителей города-курорта Геленджика анализируются возможности трудоустройства специалистов с разным уровнем подготовки; выявляются мотивы выбора профессии и места работы, в частности, респонденты готовы скорее пройти переподготовку, чем переехать в другой населенный пункт. Также рассматриваются проблемы востребованности отдельных сфер занятости и субъективная оценка респондентами проблем и перспектив трудоустройства в городе-курорте.

Ключевые слова: рынок труда, трудоустройство, профессия, образование, профессиональная переподготовка, мотивы выбора профессии, вакансия, город-курорт.

■ ■ ■

Актуальность проблемы. На сегодняшний день Краснодарский край по праву можно отнести к перспективным и инвестиционно привлекательным регионам нашей страны. К примеру, на 2017 год, общий объем инвестиций в основной капитал составил 484,1 млрд рублей [1]. Ведущими отраслями по привлечению инвестиций в крае остаются транспорт и связь, агропромышленный, санаторно-курортный и туристический комплексы [2].

Tatyana A. Mikhailova
Candidate of Sociological Sciences
tatanastydent@yandex.ru

Elena S. Studenikina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Sociology,
Kuban State University
el.studenikina@yandex.ru

Lyubov V. Usova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Sociology,
Kuban State University
lyubov_soc@mail.ru

VALUE OF THE LABOUR MARKET IN GELENDZHİK (IN THE VIEW OF CITIZENS: BASED ON THE PILOT SOCIOLOGICAL STUDY)

■ ■ ■

Annotation. Labor market in the resort cities of Krasnodar region has its own specifics and a certain imbalance, due to the seasonal employment of the working population. The article analyzes the employment opportunities of specialists with different levels of training through the survey of habitants of the resort city Gelendzhik. Also, the paper discover the motives for choosing a profession and place of work, especially, respondents are more likely go retraining than to move to another locality. Moreover, the article deals with the problems of demand for certain areas of employment, subjective assessment by respondents of problems and prospects of employability in the resort city. Keywords: the labour market, profession, education, vocational retraining, motives of choice of profession, job.

Keywords: labour market, employment opportunity, profession, education, professional retraining, the motives for choosing a profession, vacancy, the resort city.

■ ■ ■

Для улучшения социального и экономического благополучия граждан, в Краснодарском крае реализуются специальные стратегии и программы. Так, Законодательным Собранием Краснодарского края был утвержден закон «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года» от 16 апреля 2008 года [2], направлений на повышение качества и продолжительности жизни граждан, формирова-

ние условий для развития человеческого капитала и др. [2]. Губернатором Краснодарского края, В.И. Кондратьевым, была утверждена Государственная программа Краснодарского края «Содействие занятости населения» от 16 ноября 2015 г. № 1036 [3]. Ее целью является «создание условий, способствующих эффективному развитию рынка труда и социально-трудовых отношений в Краснодарском крае» [3].

По мнению Слепцовой Е.В. и Яшкина П.А. [4], на фоне относительно низкого уровня безработицы в Краснодарском крае, все же существует проблема сезонной безработицы в предгорных районах края Азово-Черноморского побережья. А в некоторых сельских районах сохраняется проблема нехватки специалистов в сфере здравоохранения и образования [3].

Результаты исследования. Геленджик относится к числу городов, где преимущественно основным источником дохода населения является сезонная работа – это гостиничный бизнес, торговля, различные развлекательные и культурные мероприятия и прочее, тогда как специалисты в других сферах остаются невостребованными. В такой ситуации возникает противоречие между спросом и предложением на рынке труда Геленджика. В ходе пилотажного социологического исследования (апрель – август 2018 г.), было опрошено 75 респондентов – жителей города-

курорта Геленджика и его ближайших окрестностей (41 женщина и 34 мужчины), в возрасте от 18 до 50 лет.

Большинство опрошенных мужчин (88 %) и женщин (94 %) на день проведения опроса имели среднее специальное образование. Среди полученных профессий у женщин были: педагог (воспитатель), медицинская сестра, продавец, экономист, техник. У мужчин – техник, слесарь, фельдшер, экономист, продавец. Однако, стоит отметить, что 74 % респондентов продолжили свое образование и в момент опроса являлись студентами высших учебных заведений. При чем, большинство из тех, кто продолжил свое образование (59 %) – уже взрослые люди от 30 лет, которые хотели бы в дальнейшем продвижения по службе.

Как отметили респонденты, на выбор их будущей профессии, повлияли следующие факторы: на первом месте – жизненные обстоятельства, на втором – ценность и необходимость профессии для социума, на третьем – материальная выгода, на четвертом – престижность профессии. Интересно, что среди ответов респондентов редко упоминается такой фактор, как спрос на данную профессию со стороны работодателя. Из этого следует, что, получая первое профессиональное образование, наши опрашиваемые при выборе профессии ориентировались скорее на собственные предпочтения и желания, нежели на сложившийся в городе рынок труда (рис. 1).

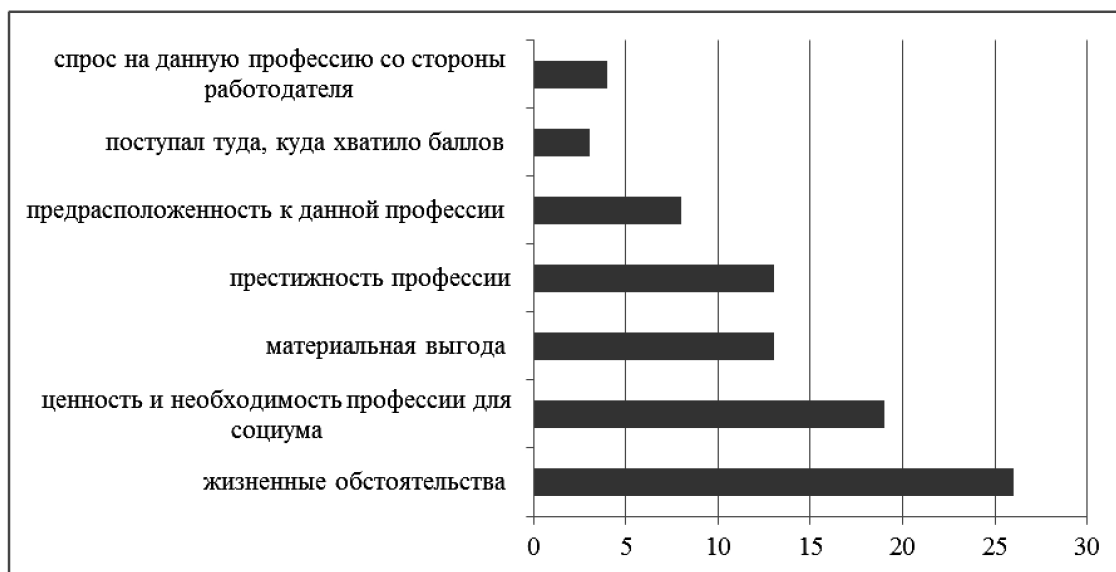

Рисунок 1 – Факторы, которые повлияли на выбор профессии

При выборе места работы для большинства респондентов, как мужчин (87 %) так и женщин (93 %), наиболее важным оказался интерес к данной профессии (93 %). Следующим по значимости фактором респонденты назвали материальную выгоду (90 %), на третьем месте – перспективы карьерного роста (85 %), далее опрашиваемые отметили удобный график работы (67 %) и социальный пакет, предлагаемый работодателем (65 %). Такие факторы как спрос на данную про-

фессию со стороны работодателя, а также ценность и необходимость профессии для социума, респондентами были учтены в минимальном количестве.

Исследование показало, что подавляющее большинство респондентов (80 %) готово сменить профессию, если не найдет работу по специальности, тогда как сменить место жительства в отсутствии хорошей работы по специальности

в своем городе 75 % респондентов готово лишь в крайнем случае.

В число самых востребованных профессий на рынке труда города-курорта Геленджика, по мнению участников опроса входят: медицинский работники, педагоги, работники гостиничного сервиса, за ними следуют водители, строители и др. (рис. 2).

По мнению респондентов, причины повышенного спроса на специалистов данных профессий за-

ключаются, прежде всего, в «нехватке квалифицированных кадров», «низкой оплате труда», «ориентированности города на туризм», «сезонной занятости населения», «такие профессии как медицинские работники, педагоги, военные являются необходимыми для нормальной жизни города».

Участникам опроса было предложено проранжировать сферы занятости в Геленджике, от самой востребованной, до самой невостребованной. Были получены следующие результаты (рис. 3).

Рисунок 2 – Профессии, наиболее востребованные в г. Геленджик

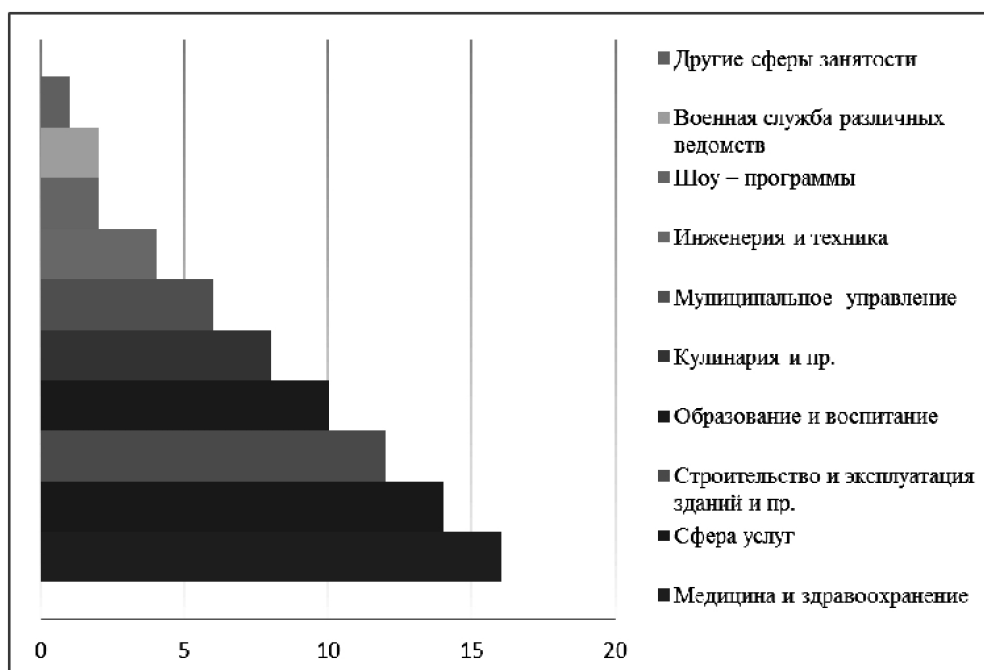

Рисунок 3 – Востребованные сферы занятости

Самой востребованной сферой занятости, по мнению опрошенных, в Геленджике является медицина и здравоохранение. На следующее

место по популярности респонденты поставили сферу услуг. Немного меньшей востребованностью, согласно опросу, пользуется сфера строи-

тельства и эксплуатации зданий и сфера образования и воспитания. Самыми востребованными сферами занятости в Геленджике, по мнению граждан, являются – военная служба в различных ведомствах, шоу-программы и сфера инженерии и техники.

Для успешного трудоустройства, по мнению респондентов, кроме наличия образования, требуются еще и определенные личностные качества. На сегодняшний день 98 % опрошенных считают, что конкурентоспособный специалист в городе Геленджике должен обладать профессионализмом; 94 % участников опроса выделяют среди необходимых качеств быструю обучаемость, способность к выполнению многих задач одновременно; 90 % – коммуникабельность и открытость; 85 % респондентов полагают, что обязательными качествами, которыми должен обладать специалист, являются доброта, отзывчивость, умение идти на компромиссы. Каждый третий респондент назвал среди важных качеств целеустремленность, а вот хитрость и лицемерие отметили только 5 % респондентов.

Большинство респондентов (95 %) отметили, что самым популярным средством получения информации о вакансиях на рынке труда, по их мнению, является интернет. Каждый четвертый опрошиваемый указал, что в вопросе поиска работы помогают знакомые люди, а каждый восьмой респондент указал центр занятости населения. Такие средства получения информации как газеты, журналы и пр., как показали результаты исследования, не пользуются спросом не только у молодых, но и у взрослых геленджичан.

Подавляющее большинство участников опроса (85 %) согласны с тем, что создание единой платформы (приложения или сайта) для размещения информации о существующих вакансиях, облегчило бы поиск работы в городе.

При этом 87 % респондентов, считают, что существует необходимость создания в Геленджике центра, для прохождения ускоренных курсов переквалификации. В поддержку этого прозвучали следующие высказывания: «быстро и по специальности обучат», «удобно при получении нового рабочего места», «в городе маленький выбор востребованных специальностей» и пр. Были и те, кто против такой идеи: «я вообще против переквалификации (она не дает глубины знаний)».

Литература:

1. Инвестиционный портал Краснодарского края. URL : <http://www.investkuban.ru/ru/novosti-i-sobytiya/news/v-2017-godu-investitsii-v-krasnodar-skiy-kray-vyrosli-bolee-chem-na-6-/>
2. Закон «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года». URL : <http://docs.cntd.ru/document/461601815>
3. Государственная программа Краснодарского края «Содействие занятости населения» и о

Участники опроса отметили следующие проблемы, связанные с трудоустройством и занятостью населения в Геленджике (открытый вопрос): «Курортный город – нужны профессии, связанные с курортным бизнесом, а на низкооплачиваемые профессии бюджетной сферы, желающих немного!», «сезонность работы», «наличие опыта и стажа работы», «нет работы по специальности и др. Как мы видим, самыми «острыми» проблемами, связанными с трудоустройством и занятостью у геленджичан, являются: низкая оплата труда, сезонность работы (предлагаемых вакансий), нехватка постоянных мест работы, отсутствие должного стажа работы.

Выводы и рекомендации. Отмечая определенные проблемы в сфере трудоустройства, опрошенные нами жители Геленджика, тем не менее, не готовы сменить место жительства ради карьеры. Таким образом, переподготовка специалистов является не только потребностью рынка труда, но и дает шанс на трудоустройство самим горожанам. Однако, указывая на нехватку персонала в ряде «бюджетных» отраслей, респонденты объясняют ее не отсутствием таких специалистов в принципе, а невысокой оплатой труда, что делает эти вакансии менее привлекательными. Горожане ищут информацию о вакансиях преимущественно в интернете и позитивно относятся к идее создания единой платформы с максимально полными сведениями о рынке труда города.

С увеличением пенсионного возраста стоит особенно внимательно относиться к здоровью работников, поэтому руководству различных организаций необходимо в свободное от работы время организовать ряд физкультурно-оздоровительных мероприятий как для поддержания здоровья и профилактики болезней, так и для поднятия коллективного духа и сплоченности среди сотрудников. На наш взгляд, для потенциальных будущих работников (школьников старших классов, студентов и пр.), в учебных заведениях разного уровня необходимо проводить специально организованные лекции по профориентации и трудоустройству. Следует рассказывать молодежи о рынке труда города и востребованности профессий, для четкого понимания учащимися не только того, кем они хотят стать, но и где они смогут работать, чтобы в дальнейшем приносить пользу социуму и государству в целом.

Literature:

1. Investment portal of Krasnodar region. URL : <http://www.investkuban.ru/ru/novosti-i-sobytiya/news/v-2017-godu-investitsii-v-krasnodar-skiy-kray-vyrosli-bolee-chem-na-6-/>
2. The law «On the strategy of socio-economic development of the Krasnodar region until 2020». URL : <http://docs.cntd.ru/document/461601815>
3. The state program of Krasnodar Krai «Assistance of employment of the population» and

признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов главы администрации (губернатора) Краснодарского края. URL : <http://docs.cntd.ru/document/430655712>

4. Слепцова Е.В. Проблемы регулирования рынка труда в Краснодарском крае / Е.В. Слепцова, П.А. Яшкин // СИМВОЛ НАУКИ. 2016. № 3. С. 159–161.

about recognition become invalid for some regulatory legal acts of the head of administration (Governor) of Krasnodar Krai. URL : <http://docs.cntd.ru/document/430655712>

4. *Sleptsova E.V.* Yashkin Problems of labor market regulation in Krasnodar region. SCIENCE SYMBOL. 2016. 3. 159–161.

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
главный редактор,
научный журнал «Гуманитарные,
социально-экономические
и общественные науки»
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Editor-in-chief of the Scientific magazine
«Humanitarian, social and economic
and social sciences»
popov-52@mail

КОРРУПЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

CORRUPTION AND MODERN RUSSIAN EDUCATION

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов, протекающих в российском образовании, начиная с 1990-х гг. В результате его автор приходит к выводу о том, что оно не только переживает продолжительный кризис, в котором оказалось все российское общество, но и стало одним из генераторов духовного кризиса в нем, а также наряду с отечественной бюрократией стимулировало практически во всех его сферах системную коррупцию. В завершение публикации высказываются предложения по снижению коррупционных рисков в отечественном образовании.

Annotation. The article is devoted to analysis of processes in Russian education, starting with the 1990-es. As a result, the author finds it not only experiencing a long period of crisis facing all Russian society during this time period, but became one of the generators of the spiritual crisis in it, as well as domestic bureaucracy stimulated in virtually all its spheres of systemic corruption. In conclusion, published proposals to reduce corruption risks in the domestic education.

Ключевые слова: коррупция, духовный кризис, образование, глобальные проблемы современности, социум.

Keywords: corruption, spiritual crisis, education, global issues of the day, society.

То, что коррупция является одной из глобальных проблем современности независимо от уровня развития государства для многих исследователей является неоспоримым фактом. Как показали многочисленные исследования на эту тему, в обществах в зависимости от уровня их экономического развития, состояния гражданского общества или цивилизационных особенностей она проявляется в различных формах, и в то же время, есть определенные универсальные признаки этого явления, характерные для каждого современного социума. В нашем представлении к таким признакам, в первую очередь, относится стремление субъекта коррупции к защите собственных корыстных интересов от посягательств со стороны государства, правоохранительных органов и гражданского общества посредством сохранения своих властных полномочий на всех уровнях государственного управления, в хозяйственной сфере, в бизнесе.

благодаря отлаженным коррупционным схемам, активно внедряемым в государственных и частных учебных заведениях на фоне коммерциализации отечественного образования с начала 1990-х гг., в связи с чем образование на всех его уровнях превратилось в доходный бизнес для его правообладателей как на официальном уровне, так и в теневом секторе. Лица, стремившиеся к его получению, в большинстве своем были заинтересованы в получении дипломов по соответствующей специальности при условии его организации таким образом, чтобы они на реализацию этого проекта затратили бы наименьшие усилия за приемлемое вознаграждение лицам, «курирующим» это так называемое обучение.

Соблазнительным для исследователя является желание объяснить распространение коррупции в современном российском обществе кризисом его духовности, который, в свою очередь, вызван низким уровнем образованности населения нашей страны, что резко контрастирует с большим количеством людей, имеющих дипломы, нередко, о двух и более высших образованиях, которые были ими получены (а вернее, приобретены),

Обладание же дипломом о высшем образовании предоставляло возможность «специалисту» занятия должности на государственной службе, в правоохранительных органах в других структурах, работа в которых является не только престижной, перспективной для карьерного роста, но и может приносить дополнительные коррупционные дивиденды: «нужные» связи, источники дополнительных доходов, возможность «решать вопросы» и т.д.

Глубокий экономический кризис, который сопровождал вступление России в новый этап своей

истории с начала 1990-х гг., привел к государственному финансированию сферы образования по остаточному принципу, в результате чего оно оказалось фактически без средств для существования, что, в конечном итоге, закономерно вызвало падение престижа профессии педагога и, в подавляющем большинстве случаев – к безвозвратному уходу из нее специалистов высокой квалификации в те сферы экономики, которые являлись источником более высоких доходов, позволивших им выйти из нищенского состояния. В результате этих процессов в крайне тяжелом положении оказались средняя школа, а также сектор гуманитарных знаний на всех уровнях отечественного образования, а среднее профессиональное образование на долгое время (фактически на два десятилетия) оказалось невостребованным из-за стагнации отечественной промышленности.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что коммерциализация образования в нашей стране, его выход из сферы тотального экономического государственного контроля позволил найти ему дополнительные источники финансирования из негосударственных источников, благодаря чему оно смогло выйти из глубокого экономического кризиса, если иметь ввиду источники его финансирования. Но вместе с тем, фактическое отсутствие эффективного государственного контроля за его качеством привело, в подавляющем большинстве, к имитации образовательной деятельности, да и сам этот контроль осуществлялся по двойным стандартам в силу системной коррупции, поразившей эту сферу. В связи с этим, зачастую, он носил формальный характер, потому что подменялся не системным анализом качества организации учебного процесса, научной деятельности вузов, а документальной отчетностью, не отражающей реального положения дел в учебных заведениях.

Кстати, нами при анализе состояния современного отечественного образования была замечена одна немаловажная особенность: чем с большим кругом проблем оно сталкивалось, тем больше документальной отчетности требовалось от руководителей учебных заведений, профессорско-преподавательского состава, а также других документов, касающихся организации учебного процесса, в результате чего произошла фактическая подмена реальной учебно-методической работы на всех уровнях отечественного образования бумажной отчетностью, которая не только не отражает реальное состояние организации учебного процесса, а фактически подменяет его отчетностью по многочисленным циркулярам, направляемым в учебные заведения из центральных и региональных структур, руководящих ими.

Причиной подобного положения дел в организации современного отечественного образования, по нашему мнению, стала:

– подмена профессионально подготовленных управленцев в системе образования так называемыми менеджерами, которые его эффективность, зачастую, оценивают по показателям, да-

леко не всегда имеющим непосредственного отношения к его качественному состоянию;

– коммерциализация отечественного образования во многих его секторах, определение его места в обществе как услуги, в результате чего его качество по многим направлениям перестало соответствовать современным требованиям, что самым негативным образом отразилось на функционировании практически всех сфер жизнедеятельности российского общества, включая систему государственного и регионального управления, деятельность правоохранительных органов, здравоохранения, где в настоящее время трудятся на различных должностях выпускники вузов 1990-х гг., куда они попали, чаще всего, с использованием коррупционных технологий, и поэтому для многих из них фактором, определяющим мотивацию к профессиональной деятельности, является коррупционная составляющая по принципу «занимаемая должность тем статуснее, чем больше теневых доходов она приносит». Именно этим обстоятельством мы объясняем системный характер коррупции в современной России, потому что под ее влиянием оказывались не только представители какой-то отдельной сферы деятельности, а практически каждой из них, выстроенной по определенной схеме, что и обеспечивало «эффективность» функционирования коррупционной машины в нашем государстве в постсоветский период его истории.

И как мы полагаем, генераторами системной коррупции в современной России стала не только государственная бюрократия, но и отечественное образование.

Первая выстроила систему формальных и неформальных взаимоотношений между обладателями властных полномочий по распределению бюджетных средств как источника теневых доходов, которая до недавнего времени действовала практически без сбоев, благодаря чему происходило перераспределение государственных средств как в легальную, так и в нелегальную сферы по различным схемам, в том числе, через завышение сметной стоимости различных проектов, «откатов» за допуск к их реализации через фиктивные тендеры, а также с использованием неприкрытого взяточничества.

Если же коснуться темы образования как одного из генераторов системной коррупции в современной России, то этот процесс развивался в двух направлениях:

1. Оно в результате обесценивания на государственном уровне и в массовом сознании революционной марксистско-ленинской идеологии на всем постсоветском евразийском пространстве попало под влияние либеральной идеологии, в которой доминировали идеи рыночной экономики и общества потребления, определяющие успешность личности в социуме ее коммерческими успехами практически в любой сфере жизнедеятельности. В результате этой трансформации отечественное гуманитарное образование оказалось подчинено этим принципам, отодвинув на

периферию его духовно-гуманистическую и воспитательную составляющие, что на фоне пропаганды западного образа жизни в средствах массовой коммуникации и спровоцировало духовный кризис в российском обществе.

2. Остаточный принцип государственного финансирования образования и науки в нашей стране, как уже отмечалось нами выше, привел к падению престижа этих видов деятельности из-за мизерной оплаты труда педагогов и ученых, что привело их или к смене рода занятий, или к эмиграции за рубеж в те страны, где их труд оплачивался значительно выше.

Коммерсализация же образования, подготовки научных кадров на фоне внедряемых в массовое сознание либеральных ценностей спровоцировала всплеск коррупции в этих сегментах, превратив их в источник легальных и теневых доходов для многих участников этих видов деятельности, что еще более усугубило духовный кризис в российском обществе, который стимулировал в нем безнравственность и многочисленные формы социальных деформаций, и как следствие, способствовал систематизации коррупции в нашей стране. Закономерным следствием этих процессов стала не только низкая эффективность системы государственного управления, масштабное хищение государственных средств и их перевод в теневой сектор, сравнимый по своим ресурсам с официальной экономикой, криминализация российского общества, тормозящие экономическое развитие нашей страны в масштабах, превосходящих, по нашему мнению, последствия от санкций по отношению к ней со стороны западного сообщества. В совокупности же, эти процессы в конце десятилетия XXI в. стали представлять реальную угрозу социальному и экономическому порядку нашей стране, формированию в мировом сообществе отношения к ней как к государству с высокими рисками для инвестиций из-за коррумпированности элиты и сложной криминогенной обстановки в стране.

На протяжении текущего десятилетия руководством Российской Федерации предпринимаются энергичные усилия, направленные на противодействие коррупции. Они не ограничиваются только громкими разоблачениями чиновников и представителей бизнеса. Активные мероприятия в нашей стране на протяжении двух десятилетий проводятся в направлении совершенствования антикоррупционного законодательства, создания правовых и экономических условий для противодействию ей, но, к нашему глубокому сожалению, эти мероприятия до настоящего времени не приводят к ощутимым результатам. Как мы полагаем, причиной тому служат несколько обстоятельств:

– больше половины уголовных дел о коррупции не доходят до суда и не только из-за коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, но из-за их низкой профессиональной компетентности, в результате чего эти дела нередко «разваливаются» усилиями адвокатов, большинство из которых представлено бывшими

сотрудниками тех же правоохранительных органов, знакомых с их деятельностью «изнутри»;

– антикоррупционная политика государства реализуется, в основном, при участии государственных служащих, т.е. «сверху», среди которых немало тех, кто не заинтересован в ее эффективности, саботируя этот процесс, в том числе, и в структурах, чья деятельность направлена на борьбу с коррупцией, чему немало примеров, включая историю с полковником полиции Захарченко.

Одним из факторов, стимулирующих борьбу с коррупцией, помимо государственного участия, обязаны стать институты гражданского общества, но их деятельность в этом направлении должна при условии обеспечения со стороны государства гласности и открытости во всех сферах его жизнедеятельности за исключением тех из них, которые касаются национальной безопасности (хотя, как свидетельствует мировой опыт, именно в этих секторах высок уровень коррупции из-за их недоступности для гражданского общества).

Государство также же должно, с одной стороны, создавать в рамках своих полномочий такие условия для деятельности государственных служащих, которые делали бы не только бессмысленными коррупционные практики, но и несли бы в себе угрозу поражения в правах не только их самих, но и членов их семей. С другой стороны, государству необходимо ужесточить требования к подбору кадров на государственную службу, а также реформировать крайне неэффективную деятельность образовательных учреждений по подготовке сотрудников правоохранительных органов и государственной службы, затраты на которые окажутся несоизмеримо ниже тех материальных и нравственных потерь, которые несет наше государство от коррупции.

Если же коснуться темы преодоления коррупции в отечественном образовании, то этот процесс должен протекать по нескольким направлениям:

1. Повышения престижа профессий педагога (и не только высшей школы, а на всех его уровнях) и ученого, начиная с увеличения государственного финансирования этого сектора, повышения размеров оплаты их труда, создания им более комфортных условий социальной защиты, благодаря чему они будут избавлены от необходимости превращать свой труд в унижительное ремесло по добыванию средств для достойной жизни, в том числе, и с использованием коррупционных схем. В эту категорию необходимо включить и молодых ученых, чье обучение в магистратуре, аспирантуре и докторантуре должно происходить за государственный счет и оплачиваться таким образом, чтобы они получили возможность для полноценного занятия наукой, а не в свободное от зарабатывания средств для своего существования и для обучения время, в результате чего это нередко только стимулирует коррупцию и в научной сфере.

2. Повышения доли патриотической и воспитательной составляющих в дошкольном и общем образовании, позволяющем наполнить его ду-

ховной и нравственной компонентами, защитить обучающихся от деформирующего влияния на их сознание либеральной и криминальной идеологии.

3. Изменения условий профессиональной деятельности современных педагогов, позволяющей

Литература:

1. *Сельцовский П.А.* Российская модернизация и коррупция / П.А. Сельцовский, В.А. Воронин, В.С. Шукшин, М.Ю. Попов. М., 2011.

2. *Попов М.Ю.* Коррупция в современной России: причины, динамика, альтернативы / М.Ю. Попов, А.А. Курносенко, В.В. Войнов, В.Н. Гришай, М.А. Абрамов, А.З. Афаунов. М., 2016.

3. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. М., 2003.

4. *Алексеев С.В.* Коррупция. Социологический анализ. Шахты., 2008.

им заниматься научной, методической работой, самообразованием, а не подготовкой многочисленных документов, зачастую не имеющих никакого отношения в реальной педагогике и научной работе, и только имитирующих ее в угоду органам, контролирующим образование.

Literature:

1. *Selcovskij P.A.* Russian modernization and corruption / P.A. Selcovskij, V.A. Voronin, V.S. Shukshin, M.U. Popov. M., 2011.

2. *Popov M.U.* Corruption in modern Russia: the causes, dynamics, alternatives / M.U. Popov. A.A. Kurnosenko, V.V. Voynov, V.N. Grishay, M.A. Abramov, A.Z. Afaunov. M., 2016.

3. *Rose-Ackerman S.* Corruption and State. M., 2003.

4. *Alekseev S.V.* Corruption. Sociological analysis. Shahty., 2008.

Тихонов Сердар Мурадович

магистрант,
Северо-Восточный
федеральный университет
имени М.К. Аммосова
serdar-t@yandex.ru

Борисова Ульяна Семеновна

профессор,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
ulsem2012@mail.ru

ГОРОДСКИЕ ПОДРОСТКИ: АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Аннотация. Современные социально-политические и экономические изменения в обществе влияют на мировоззренческие взгляды и ценности всех людей, но в большей степени – на подрастающее поколение. В статье представлены результаты анкетного опроса, проведенного в октябре 2018 в одной из городских школ Якутска с целью выявления ценностных ориентаций у современных подростков школьного возраста.

Ключевые слова: подростки, ценностные ориентации, ценность, отношение к миру, мировоззрение, современные подростки, школьники, социологический опрос, Якутск.

Многие нормы и традиции, которые использовали прошлые поколения, изменились со временем [7, с. 48]. В разных научных дисциплинах интерпретировали термин «ценность» по-разному. На данный момент считается что понятие «ценность» не является самостоятельной системой мировоззрения, а является продуктом взаимодействия индивида и конкретной социальной группы.

Новейшие исследования по данной тематике показывают, что ценности изменились [5, с. 13–15]. При этом ценность всегда носит субъективный характер, но есть и общечеловеческие ценности, которые являются для большинства людей характерными – свобода, труд, гуманизм, семья, дети и т.д. Ценностные ориентации – это один из важнейших элементов внутренней структуры личности, которые приобретаются в результате его личного опыта.

У социологов, как и у других различных специальностей ученых, подростки часто становятся объектом исследования, так как они представляют собой наиболее проблемную социально-демографическую группу среди молодежных

Serdar M. Tikhonov

Master Student,
Northeastern Federal University
named after M.K. Ammosova
serdar-t@yandex.ru

Uliana S. Borisova

Professor,
Northeastern Federal University
named after M.K. Ammosova
ulsem2012@mail.ru

URBAN ADOLESCENTS: ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS

Annotation. Contemporary socio-political and economic changes in society affect ideological attitudes and values all people, but to a greater extent on the younger generation. The article presents the results of the questionnaire survey conducted in October 2018 in one of the city schools of Yakutsk with the purpose of identification of valuable orientations of modern young people of school age.

Keywords: adolescents, value orientations, value, attitude to the world, worldview, modern adolescents, schoolchildren, sociological survey, Yakutsk.

возрастных групп [1, с. 70–76]. Проблемы подросткового возраста, имеют возрастной, социальных и психологический характер, собственные особенности форм поведения общения и отношения, а ценностная и нормативная неопределенность становится главной проблемой современного подростка. В нашем обществе потребления, глобализации, компьютеризации расширяют круг вопросов для исследования.

Вопросы для изучения ценностных ориентаций современных подростков становятся приоритетными, учитывая возраст объекта исследования. Объектами особого внимания становятся подростки четырнадцатилетних, пятнадцатилетних, шестнадцатилетних возрастов, которых можно рассматривать как полноценную личность [4, с. 99–107]. В связи с этим, интерес к исследованию ценностных ориентаций современных школьников подросткового возраста представляется своевременным и полезным для всего общества. Многообразие всех ценностных ориентаций, мировоззрений, точек зрения придает исследованиям междисциплинарный характер, привлекая внимание социологов, педагогов, психологов, философов [8, с. 212–217].

Вместе с тем, можно отметить недостаток исследования ценностных ориентаций современных подростков школьного возраста в одном из самых отдаленных от центра субъекте Российской Федерации, в таком, как Республика Саха (Якутия). Исследователи систематически проводят исследования по изучению школьников, в основном старшекласников. Например, представлены результаты выявления образовательных стратегий учащихся одиннадцатых классов средней общеобразовательной школы № 31 г. Якутска [2, с. 9–14], анализ результатов социологического исследования с целью изучения ценностей терминальных и инструментальных ценностей старшекласников саха сельских школ Таттинского улуса [6, с. 45–48].

Нами был проведен анкетный опрос 118 подростков (62 парня и 56 девочек) в одной из столичных школ Республики Саха (Якутия). Возраст подростков распределился следующим образом, 14 лет – (10,5 %), 15 лет – (48 %), 16 лет – (39 %), 17 лет – (2,5 %). Распределение по национальности: Саха (53,4 %), Русские (42,4 %), Другие национальности (4,2 %). По классам: 9 классы – (55 %) , 10 классы – (45 %). Обработка полученных результатов была обработана в программе социологических исследований SPSS Statistic.

Для подростков тема учебы в школе является довольно важной, хотя 63,6 % подростков отно-

сятся к школе нейтрально. 58,5 % удовлетворены отношением со стороны учителей. 67,8 % удовлетворены отношениями между учащимися. 69,5 % удовлетворены качеством преподавания. 51,7 % не удовлетворены организацией досуга в школе. На вопрос «Что Вам дала школа?» 35,6 % ответили «друзей», а еще 33,1 % ответили «знания», по 7,6 % ровно ответили «подготовку в ВУЗ» и «подготовку к жизни в современном обществе», 16,1 % ответили «ничего».

49 % подростков видят смысл жизни в улучшении собственной жизни, 43,2 % – в борьбе за свои цели, 27,1 % – в реализации своих способностей.

На вопрос «Каковы на Ваш взгляд критерии успеха?» 62,7 % выбрали жизнь в свое удовольствие, 59,3 % – наличие надежных друзей, 46,6 % отметили материальное богатство.

На вопрос «Что для Вас имеет наибольшую ценность?» среди множества вариантов ответов на первом месте идет «Семья с хорошими отношениями» (72 % по частоте выбора ответов, далее только проценты); «друзья» (57,6 %); «здоровье» (54,2 %); «собственная жизнь» (47,5 %); «деньги» и «возможность реализовать свои способности» набрали по 34,7 %; Наименьший процент выбора ответа стала «религия» (1,7 %) (табл. 1).

Таблица 1

Ранговая таблица ценностей городских подростков

Ранг	Варианты ответов	% выбравших
1	семья с хорошими отношениями	72,0%
2	друзья	57,6%
3	здоровье	54,2%
4	собственная жизнь	47,5%
5	свобода	40,7%
6	деньги	34,7%
6	возможность реализовать свои способности	34,7%
7	жизнь другого человека	20,3
8	труд	15,3%
8	мир	15,3%
9	власть	10,2%
9	власть	10,2%
10	признание общества	8,5%
11	природа	7,6%
12	другое	6,8%
13	Родина	5,1%
14	религия	1,7%

У современных подростков такие качества в людях, как «честность и надежность» по ценности стоит на первом месте 80,5 %, причем, это качество наиболее отметили 84,0% русских школьников, 89,1 % – девушек и 100 % семнадцатилетние школьники. Ценность «общительность и чувство юмора» занимает вторую строку (70,3 %). 80,4 % девушек отмечают ее, это больше на 20 % чем юноши. На третьей строке идет ценность «отзывчивость и искренность» (56,8 %). Здесь также преобладают девушки (78,3 %).

Понятие «счастье» для многих респондентов оказались верные друзья (69,5 %) и семья (68,6 %),

а также достижение мечты (67,8 %), остальные варианты ответов оказались ниже, например, материальное благополучие (48,2 %).

Понятие «несчастье» для многих респондентов оказались такие варианты ответов как болезнь близких (74,6 %), и нищета (52,5 %); наименьшим оказался ответ депрессия (22 %).

Наиболее острые переживания у респондентов вызывает взаимоотношения в семье (56,8 %), затем следуют дела, связанные с учебой (43,2 %); наименьшее переживание у респондентов вызывает происходящее в стране и мире.

Таблица 2

Инструментальные ценности подростков г. Якутска (в %%)

Инструментальные ценности	всего	Национальность		Пол		Возраст			
		Саха	Русский	парни	девушки	14	15	16	17
Общительность и чувство юмора	70,3	69,8	68,0	63,9	80,4	100,0	71,0	57,9	66,7
Доброта и справедливость	48,3	44,4	52,0	50,0	45,7	16,7	12,9	0,0	0,0
Честность и надежность	80,5	76,2	84,0	75,0	89,1	83,3	88,7	71,1	100,0
Целеустремленность и трудолюбие	27,1	39,7	12,0	30,6	21,7	33,3	24,2	28,9	66,7
Ум и ответственность	34,7	31,7	36,0	31,9	39,1	0,0	46,8	26,3	66,7
Отзывчивость, искренность	56,8	57,1	56,0	43,1	78,3	41,7	64,5	47,4	66,7
наглость и уверенность	8,5	15,9	0,0	11,1	4,3	16,7	12,9	0,0	0,0

Теперь мы выявим некоторые особенности по национальности, полу. Здесь представлены наиболее важные на наш взгляд особенности.

1. Особенности по национальности – у национальности Саха негативное отношение к школе составляет 27 %, в то время как национальность «Русский» имеет 82 % нейтрального отношения; В отношении со стороны учителей у национальности «Русский» ответили «удовлетворяет» (70 %), а Саха (50,8); На вопрос «что вам дала школа?», Русские ответили большинство знания 46,7 % (Саха 20,6), Саха ответили друзья 49,2 % (Русские –18 %).

2. Особенности по полу – мужской пол 37,5 % признались, что не стараются в учебе, из женского признались только 19,6 %; Острые переживания вызывают у женского пола взаимоотношения

в семье 71,7 %, в то время как мужской пол в этом вопросе переживают 47,2 %; Отношения с другими людьми вызывают переживания у девочек – 45,7 %, у мальчиков – 19,4 %; В вопросе о несчастье, болезнь близких воспринимается как несчастье у женского пола – 87 %, у мужского 66,7 %; На вопрос о счастье, мужскому полу счастье представляется как достижение мечты (82,2 %), женский пол (60,9 %); В вопросе о критериях жизненного успеха ответили интересная работа женский пол (71,7 %), мужской пол 25 %;

При сравнении с результатами аналогичного исследования проведенного в 2017 году в Республике Башкортостан [3, с. 483–486], там идет на первом месте материально обеспеченная жизнь (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение результатов исследования

	Якутск (Республика Саха)	Республика Башкортостан
материально-обеспеченная жизнь	34,7 %	74,3 %
счастливая семейная жизнь	72,0 %	58,4 %
здоровье	54,2 %	54,1 %
интересная работа	43,2 %	44,2 %

Таким образом, исследование показало, что среди подростков 14–17 лет в г. Якутске Республики Саха (Якутия) преобладают:

– семейные ценности, хорошие взаимоотношения в семье и вызывают наиболее острые переживания именно взаимоотношения в семье;

Литература:

1. Беляева Е.В. Мораль современной молодежи: от традиционализма к постмодерну // Социология. 2008. № 4. С. 70–76.
2. Борисова У.С. Образовательные стратегии выпускников школ (на примере МОБУ СОШ № 31 г. Якутска) / У.С. Борисова, Ю.В. Крылатова // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 43. С. 9–14.
3. Гайфуллин А.Ю. Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи: социологический анализ // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время ре-

– видят смысл жизни в улучшении условий собственной жизни, критериями жизненного успеха считают жизнь в свое удовольствие, ценят в людях такие качества как честность и надежность;

– видят счастье в наличии верных друзей, болезнь близких воспринимают как несчастье.

Literature:

1. Belyaeva E.V. The moral of modern youth: from traditionalism to postmodern // Sociology. 2008. № 4. P. 70–76.
2. Borisova U.S. Educational strategies of graduates of schools (on the example of MOBU school № 31 of Yakutsk) / U.S. Borisova, Yu.V. Krylatova, // Scientific-methodical electronic journal Concept. 2016. T. 43. P. 9–14.
3. Gayfullin A.Yu. Transformation of value orientations of modern youth: a sociological analysis // XXI Ural sociological readings. Social space and time of the region: problems of sustainable

гиона: проблемы устойчивого развития : материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 593 с; С. 483–486.

4. *Данилова Е.А.* Социодинамика ценностей молодежи // Социология. 2008. № 4. С. 99–107.

5. *Добрынина В.* Ценностные ориентации учащихся и студенческой молодежи / В. Добрынина, Т. Кухтевич // *Alma mater*. 2003. № 2. С. 13–15.

6. *Захарова А.П.* Ценности старшеклассников саха сельских школ / А.П. Захарова, У.С. Борисова // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 11-1(65). С. 45–48.

7. *Михайлева Е.Г.* Ценности и ценностные ориентации в современной образовательной среде. X. : Изд-во НУА, 2004. 48 с.

8. *Яковлева М.Н.* Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // *Смыслы жизни российской интеллигенции* / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. Ред.-сост. Д.Т. Цибикова. М. : РГГУ, 2018. С. 212–219.

development: materials of the International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, March 15–16, 2018) / total. ed. Yu.R. Vishnevsky. Ekaterinburg : University of the Humanities, 2018. 593 p. P. 483–486.

4. *Danilova E.A.* Sociodynamics of youth values // *Sociology*. 2008. № 4. P. 99–107.

5. *Dobrynina V.* Valuable orientations of students and students / V. Dobrynina, T. Kukhtevich // *Alma mater*. 2003. № 2. P. 13–15.

6. *Zakharova AP.* Values of high school students of Sakha rural schools / A.P. Zakharova, U.S. Borisova // *International Research Journal*. 2017. № 11-1(65). P. 45–48.

7. *Mikhayleva E.G.* Values and value orientations in the modern educational environment. X. : PUA Publishing House, 2004. 48 p.

8. *Yakovleva M.N.* The dynamics of the value orientations of modern youth // *Sense of life of the Russian intelligentsia* / RSUH, Sociologist. Fac-t, Center sociologist. research. Under the general ed. J.T. Toshchenko. Drafting editor D.T. Tsibikova. M. : RGGU, 2018. p. 212-219.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Арутюнян Мариам Гагиковна
аспирант кафедры криминалистики
юридического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
msu_law_mariam@mail.ru

Личность субъекта налогового преступления как элемент криминалистической характеристики

Аннотация. Статья посвящена анализу личности налогоплательщика, преступно уклоняющегося от уплаты налогов, с точки зрения криминалистических аспектов путем выявления присутствующих им определенных закономерностей с учетом современных тенденций. Посредством анализа уголовных дел по преступному уклонению от уплаты налогов также выявилась тенденция привлечения в качестве генерального директора или главного бухгалтера граждан иностранного государства, что впоследствии служит препятствием для привлечения их к уголовной ответственности.

Ключевые слова: налоги, уклонение от уплаты налогов с физического лица, уклонение от уплаты налогов с организации, личность субъекта налогового преступления, криминалистическая характеристика преступлений, элементы криминалистической характеристики.

В действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за преступное уклонение от уплаты налогов двух видов субъектов – физических и юридических лиц.

Исследование криминалистических особенностей лица, совершившего преступление, является обязательным элементом криминалистического анализа преступления и является важным составляющим предмета доказывания и определения степени уголовного наказания.

Рассмотрим криминалистические особенности юридических лиц, как субъектов расследуемой группы преступлений. В соответствии с проведенными нами исследованиями, в 87 % случаях совершения преступного уклонения от уплаты налогов юридическим лицом, инициатором выступает руководство. Частными случаями такого преступного уклонения от уплаты налогов организацией можно выделить не отражение в учетных документах части выручки, завышение мнимых расходов, использование заведомо подложных бухгалтерских документов и др. Причем,

Mariam G. Arutyunyan
PhD Applicant of Law School,
Lomonosov Moscow State University
msu_law_mariam@mail.ru

THE PERSONALITY OF THE TAX CRIME IS AN ELEMENT OF FORENSIC CATEGORIES

Annotation. This scientific article is devoted to the analysis of the personality of the taxpayer, who is criminally evading taxes, from the point of view of forensic aspects by revealing the inherent certain regularities, taking into account current trends. By means of the analysis of criminal cases on criminal evasion of taxes the attraction trend as the chief accountant of citizens of the foreign state also came to light that serves subsequently as an obstacle for attraction them to criminal liability.

Keywords: taxes, evasion from payment of taxes from an individual, evasion from payment of taxes from an organization, personality of a tax crime subject, criminalistic characteristics of the criminal, the elements of criminalistics characteristics.

главный бухгалтер далеко не всегда может быть информированным о корыстных целях руководителя.

При этом, как отмечает И.В. Александров, соучастниками обычно (80 %) являются именно руководители организации и бухгалтер. Реже соучастниками выступают заместители руководителя, товароведы, экспедиторы и т.д. Устойчивые группы, специально созданные для совершения налоговых преступлений, почти не встречаются.

Достаточно актуальной является проблема по установлению всего круга соучастников, поскольку в практике достаточно часто встречаются ситуации, когда должности генерального директора и главного бухгалтера занимают личности, вовсе не осуществляющие данную деятельность *de facto*. По нашим исследованиям, в практике достаточно распространен случай, когда лица, реально организовавшие сокрытие доходов от налогообложения, отдававшие распоряжения на внесение искаженных данных в бухгалтерскую отчетность, к уголовной ответственности не привлекались, поскольку в соответствии с

документацией организации они не являлись руководителями или бухгалтерами. Однако, на самом деле, именно они прямо руководили финансово-хозяйственной деятельностью юридического лица, а также давали указания о подписании направляемых в налоговые органы документов юридическим ответственным «номинальным» руководителям, не ставя их в известность о том, что подписанные документы содержат искаженные данные. Таким образом, в целом, бухгалтерские документы подписываются лицами, которые и вовсе не имеют право осуществлять данное действие.

По нашим исследованиям, в соответствии с рассмотренными материалами уголовных дел, из всего числа лиц, подписывающих бухгалтерские документы, только 43 % являются надлежащими (обладающим соответствующим правомочием) и 57 % – ненадлежащими. Поэтому для разрешения данной задачи необходимо проанализировать не только нормативное, но и фактическое распределение обязанностей в организации. Следует также отметить, что посредством анализа уголовных дел по преступному уклонению от уплаты налогов также выявилась тенденция привлечения в качестве генерального директора или главного бухгалтера граждан иностранного государства, что впоследствии служит препятствием для привлечения их к уголовной ответственности.

Для физических лиц основными криминалистически значимыми чертами являются, во-первых, то, что в 97 % случаев уклонение от уплаты налогов с физических лиц осуществляется единолично налогоплательщиком. Причем, либо по

средством минимизации налогооблагаемого дохода путем фальсификации налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, либо вовсе непредставления соответствующих документов.

Важно отметить, что для физических лиц, преступно уклоняющихся от уплаты налогов, также характерно совпадение места совершения некоторых операций, входящих в способ совершения налогового преступления или с фактическим местом проживания субъекта (71 %), или с местом осуществления им трудовой деятельности (24 %).

В совокупности можно сказать, что общим для субъектов, преступно уклоняющихся от уплаты налогов, является наличие корыстных мотивов; непризнание своей вины; противодействие следствию; сокрытие следов преступления путем уничтожения документов, их фальсификации, подкупа свидетелей, а также должностных лиц; стремление скрыть размеры совершенного преступления, а в случаях, когда факт их вины уже установлен и вполне очевиден – добровольно возмещают ущерб, хотя и без раскаяния.

Проведенные исследования показали, что с точки зрения криминалистических особенностей, социологических и иных, принципиальных отличий между физическим лицом и юридическим лицом не имеется. В этой связи, нам представляется необходимым и важным объединить статьи 198 и 199 УК РФ, поскольку они предусматривают ответственности единого субъекта – налогоплательщика.

Литература:

1. *Александров И.В.* Налоговые преступления: Криминалистическая проблемы расследования. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 247 с.
2. *Александров И.В.* Криминалистическая тактика и методика : учебник для бакалавриата и магистратуры. М. : Издательство Юрайт, 2016 313 с. Бакалавр и магистр. Модуль.
3. *Расследование налоговых преступлений : учебное пособие / Под общ. Ред. В.Н. Карагодина.* 2-ое издание. Екатеринбург, 2016. 256 с.
4. *Алиев В.М.* Современные тенденции в распространении экономической преступности // Безопасность бизнеса. 2014. № 3.
5. *Куликова О.Н.* Проблемные вопросы при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях и расследовании уголовных дел данной категории // Российский следователь. 2015. № 1.

Literature:

1. *Aleksandrov I.V.* Tax crimes: Forensic investigation problems. SPb. : Publishing house «Legal Center Press», 2002. 247 p.
2. *Aleksandrov I.V.* Forensic tactics and methodology : textbook for undergraduate and graduate programs. M. : Yurayt Publishing House, 2016. 313 p. Bachelor and Master. Module.
3. *Investigation of tax crimes : a manual / under the general. Ed. V.N Karagodina.* 2nd edition. Ekaterinburg, 2016. 256 p.
4. *Aliiev V.M.* Current trends in the spread of economic crime // Business security. 2014. № 3.
5. *Kulikova ON* Problematic issues in the consideration of reports on tax crimes and the investigation of criminal cases of this category // Russian investigator. 2015. № 1.

Ахриев Магомед Тимурович
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет
МВД России
dlozovsky@mail.ru

Ульянова Ирина Рачиковна
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет
МВД России
dlozovsky@mail.ru

Хамхоев Билан Мухамедович
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Magomed T. Akhriev
Associate of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Irina R. Ulyanova
PhD, Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Bilan M. Hamhoviev
Adjunct of the chair of Criminalistics,
Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗЪЯТИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты участия специалиста в ходе проведения следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации. Проанализированы теоретические основы данной деятельности, даны рекомендации по алгоритму действий специалиста.

Ключевые слова: специалист, изъятие электронных носителей информации, осмотр места происшествия, обыск, следственные действия.

Правоохранительными органами для раскрытия преступления часто используются фотографии и видеозаписи, сделанные с помощью цифровых фото- и видеокамер, установленных в помещениях банков, магазинов, а также на городских улицах. В следственно-криминалистической практике все чаще применяются цифровые способы фиксации следов преступления, моделирования внешности преступника и поиска информации, относящейся к событию преступления. Вместе с тем, процедура их использования нередко вызывает определенные сложности, связанные в том числе, с участием специалиста при производстве следственных действий направленных на изъятие

ACTUAL ISSUES OF PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN INVESTIGATIVE ACTIONS RELATED TO THE SEIZURE OF ELECTRONIC STORAGE MEDIA

Annotation. The article deals with some aspects of the participation of a specialist in the course of investigative actions related to the seizure of electronic media. Theoretical bases of this activity are analyzed, recommendations on algorithm of actions of the expert are given.

Keywords: specialist, removal of electronic media, inspection of the scene, search, investigative actions.

электронных носителей информации.

Специалист – это «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Как можно заключить из приведенного законодательного определения в современном уголовном процессе специалист необходим:

– во-первых, для оказания помощи следственным работникам при обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления во время следственных действий;

– во-вторых, для оказания содействия тем же следственным работникам, а также другим участникам уголовного судопроизводства в применении специальных технических средств, направленных на решение обозначенных выше задач;

– в-третьих, для дачи разъяснений и заключений участникам уголовного судопроизводства по специальным вопросам, которые входят в его специальную компетенцию.

К расследованию уголовного дела специалист-криминалист привлекается в ситуациях, когда:

– лицу, производящему расследование, требуется помощь в обнаружении, фиксации, изъятии следов преступления;

– лицо, производящее расследование, не имеет достаточных специальных знаний, которые необходимо применить в процессе расследования;

– лицу, производящему расследование, необходима определенная помощь лица, обладающего специальными знаниями в области предмета расследования;

– лицу, производящему расследование, необходима консультационная помощь от лица, обладающего специальными знаниями;

– разрешение вопроса в ходе следственного действия не требует проведения детального исследования в соответствующих условиях (лабораториях, диагностических центрах и т.д.);

– подлежат применению методы исследования, не подвергающие риску уничтожения изучаемый след.

Ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливают, что при производстве обыска и выемки изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста.

А.Б. Судницын считает, что при производстве следственного действия с целью изъятия электронных носителей информации, в ходе которого планируется (не исключается), осуществляется копирование информации, требуется обеспечить участие специалиста. Отсутствие в данном случае специалиста и нарушает процедуру, и ограничивает конституционные права и свободы владельца (обладателя) [1].

По мнению А.И. Зазулина, понятие «электронный носитель информации» прямо не раскрывается в тексте закона и может быть распространено на сильно отличающиеся друг от друга по сложности технические средства [2, с. 111]. Вследствие этого судами была выработана позиция, в соответствии с которой изъятие электронного носителя информации в ходе обыска или выемки может правомерно осуществляться без специалиста, если копирование информа-

ции, содержащейся на нем, не производится либо изъятие не представляет сложности и не требует специальных знаний и навыков.

На возможность изъятия электронных носителей информации без участия специалиста указывают многие региональные суды. (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 08.08.2016 по делу № 22-6494/2016, Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда от 04.08.2015 по делу № 22-4519/2015), подчеркивая право следователя в рамках принципа независимости (ч.1 ст. 168 УПК РФ) самому определять, в каком случае обстоятельства требуют участия специалиста, а в каком – нет. (Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 07.10.2013 по делу № 10-9861).

В качестве основания для привлечения следователем специалиста при осмотре информации на электронных носителях может выступать необходимость применить специальные знания и навыки в следующих случаях:

– поиск и открытие закрытых для общего доступа файлов. (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 03.11.2016 по делу № 22-4229/2016);

– обнаружение признаков удаления файлов, их изменения, реквизитов операций, произведенных с ними. (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 08.08.2016 по делу № 22-6494/2016) [2, с. 112].

Значительный вклад в качество осмотра места происшествия вносит присутствие специалиста, который оказывает содействие следователю в обнаружении, закреплении и изъятии электронных носителей. Если осмотр места происшествия проводится в организации, рекомендуется привлечь сетевого или системного администратора организации (системный программист, системный инженер), отвечающего за осматриваемые компьютеры и знающего особенности их эксплуатации. Однако при этом следует учитывать его возможную заинтересованность в исходе дела и возможность уничтожения изымаемой информации.

Кроме того, при необходимости, для оказания помощи в работе сотрудникам, входящим в состав следственно-оперативной группы, на месте преступлений могут быть включены следующие специалисты:

– специалист в области защиты информации;

– специалист в области сетевых технологий (при наличии локальной компьютерной сети);

– специалист в области электросвязи а также иные специалисты, знающие специфику работы осматриваемого объекта.

По мнению И.Г. Савицкой, участие специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации, включает в себя два этапа. Первый этап – изъятие электронного носителя информации в ходе следственного действия. Вторым этапом можно назвать непосредственное извлечение и исследование информации, содержащейся в электронном устройстве с привлечением специалиста.

Как при подготовке к осмотру места происшествия, так и к осмотру предметов следователь должен предусмотреть целесообразность использования специальных средств и программных продуктов. Как правило, это осуществляется путем проверки их наличия у специалиста. Например, в ходе осмотра мобильного телефона нужно проверить заряд его батареи и при необходимости обеспечить наличие зарядного устройства, а при осмотре банковской карты электронную информацию можно получить при наличии определенного терминала.

Литература:

1. Судницын А.Б. Отдельные процессуальные и организационные особенности изъятия и хранения электронных носителей информации при производстве по уголовным делам // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 1(22). С. 11–16.
2. Зазулин А.И. Участие специалиста и производство судебных экспертиз при исследовании компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 110–115.
3. Савицкая И.Г. Участие специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 250–254.

Согласно действующему законодательству специалист может оказать содействие следователю в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту. Вместе с этим, участие специалиста поможет в обсуждении вопросов, выносимых при назначении судебной экспертизы (чч. 1, 3 и 4 ст. 57, ч. 2 ст. 197 УПК РФ). В зависимости от поставленных задач и целей производства осмотра следователю необходимо определиться с профилем привлекаемого специалиста.

Таким образом, участие специалиста в производстве следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации, позволяет более качественно провести обнаружение, фиксацию и изъятие отдельных объектов в целях дальнейшего успешного расследования преступлений.

Literature:

1. Sudnitsyn A.B. Separate procedural and organizational features of withdrawal and storage of electronic media of information by criminal cases production//the Bulletin of the Siberian legal institute FSKN of Russia. 2016. № 1(22). P. 11–16.
2. Zazulin A.I. Participation of the expert and production of judicial examinations at a research of computer information // Law and order: history, theory, practice. 2018. № 1. P. 110–115.
3. Savitskaya I.G. Participation of the expert in the investigative actions connected with withdrawal of electronic media of information // Judicial authority and criminal proceedings. 2016. № 2. P. 250–254.

Беспалова Елена Александровна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
истории государства и права,
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
pysh00@mail.ru

Гостев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
истории государства и права,
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
dragon9006@list.ru

**К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ
ПРЕСТИЖА СОТРУДНИКОВ ОВД
НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМ
60-Х ГОДОВ 20 ВЕКА**

Аннотация. Над актуальностью проблемы повышения престижа органов внутренних дел ученые начали думать еще с середины XIX века. Само понятие «престиж» исходит от французского языка («Prestigio»). Согласно толковому словарю Вебстера, престиж – известность кого-либо или чего-либо, основанная на высокой оценке и уважении в обществе. Кроме того, престиж – это представление об объекте (товаре или институте и т.д.), как правило, целенаправленно формируемое в массовом сознании с помощью СМИ, рекламы либо пропаганды. Чтобы обосновать необходимость реформы советской милиции 60-х годов 20 века, направленной на повышение престижа сотрудников ОВД, необходимо проанализировать события, которые произошли в то время.

Ключевые слова: правоохранные органы, престиж, реформы, милиция, полиция, МВД СССР, общественный порядок, общественная безопасность, отечественный детектив.

Главной задачей органов внутренних дел как системы государственных органов исполнительной власти является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, их имущества, а также интересов общества и государства от преступных или иных противоправных деяний. Цели советской милиции, а на сегодняшний день – и полиции, также включали и включают обеспечение личной безопасности граждан и общественной безопасности, предотвращение, пресечение и раскрытие преступлений, защиту общественного порядка, оказание помощи гражданам,

Elena A. Bespalova

PhD in Law, Teacher of the Department
of History of State and Law,
Moscow University
of the MIA of Russia
named after V.J. Kikot
pysh00@mail.ru

Sergei S. Gostev

PhD in Law,
Teacher of the Department
of History of State and Law,
Moscow University
of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
dragon9006@list.ru

**TO THE QUESTION OF INCREASE
OF PRESTIGE OF THE POLICE
OFFICERS ON THE EXAMPLE
OF REFORMS OF 60-IES
OF THE 20th CENTURY**

Annotation. Scientists began to think about the relevance of the problem of increasing the prestige of the internal Affairs bodies since the middle of the XIX century. The very concept of «prestige» comes from the French language («Prestigio»). According to Webster's interpretative dictionary, prestige is the fame of someone or something based on high esteem and respect in society. In addition, prestige is the idea of the object (product or Institute, etc.), as a rule, purposefully formed in the mass consciousness with the help of the media, advertising or propaganda. To justify the need for reform of the Soviet police 60-ies of the 20th century, aimed at increasing the prestige of police officers, it is necessary to analyze the events that occurred at that time.

Keywords: law enforcement agencies, prestige, reforms, militia, police, USSR Ministry of internal Affairs, public order, public security, domestic detective.

должностным лицам и организациям в осуществлении их законных прав и интересов.

Рассматриваемый период времени был отмечен очень активными действиями по реформированию карательно-репрессивной системы Министерства внутренних дел, созданной в условиях возникновения и быстрого развития тоталитарного режима в предыдущие годы. Основными причинами реформ в правоохрательной системе являлись противоречия между различными отделами и группами правящей элиты в борьбе

за власть, начало которой было отмечено смертью И.В. Сталина 5 марта 1953 года. Основными действующими лицами, между которыми развернулась борьба за доминирующее положение в обществе, были следующие структуры: правоохранительная структура (МВД-МГБ) во главе с Л. Берия, идеологическая (КПСС), возглавляемая Г. Маленковым и Н. Хрущевым и военная, во главе с Г. Жуковым.

После смерти И.В. Сталина, номинально Л.П. Берия занимал второе место в правящей иерархии (главным считался Г.М. Маленков). Однако Л.П. Берия, который руководил всем карательно-репрессивным аппаратом и, соответственно, неустанно наблюдал за всеми процессами, имевшими место в Советском Союзе – имел реальную власть. Желание Л. Берии добиться полной власти в стране можно рассматривать как централизацию карательно-репрессивной системы, которую он совершил в этот период, и которая достигла своей высшей точки.

Уже на следующий день после смерти И.В. Сталина – 6 марта 1953 года состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР, на котором было принято решение объединить такие структуры, как Министерство внутренних дел и МГБ, в единое министерство внутренних дел СССР под руководством Л.П. Берии. Это решение закрепил «Закон о преобразовании министерств СССР», утвержденный 15 марта 1953 года. В результате в середине мая 1953 года на службу в органы и войска МВД СССР поступило 1095,7 тыс. человек. Численность сотрудников милиции 1 июня 1953 года составляла 233791 человек находящихся на гос. бюджете и 43926 человек в ведомственной милиции [5].

Одной из первых мер, направленных на либерализацию внутренней жизни в стране и лишение МВД исключительных полномочий, было постановление Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года «Об упразднении органа внесудебных репрессий», Особого совещания при Министре внутренних дел СССР. После этого началась работа по полной реорганизации всей системы карательно-репрессивных органов. Основным направлением реформирования системы МВД в этот период была политика по его децентрализации. Первой мерой на пути к децентрализации системы Министерства внутренних дел стало исключение из состава органов государственной безопасности, которое осуществлялось на основании постановления ЦК КПСС «Об основных задачах МВД» от 12 марта 1954 года. В соответствии с этой резолюцией органы государственной безопасности были преобразованы в независимый Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР.

10 мая 1954 года Министерство внутренних дел издало директиву «О работе среди населения», в которой основное внимание уделялось сотрудникам по усилению связей милиции с общественностью и укреплению правосознания граждан. В частности, директива обязывала всех со-

трудников проводить интервью с работниками по конкретным фактам. Популярности деятельности милиции среди населения в значительной степени способствовало повышение интереса к ее работе со стороны средств массовой информации, писателей и деятелей искусства.

В этот период стали появляться художественные работы о милиции, появился жанр отечественного детектива. В 1953 году на улицах Москвы стали активно применяться моторизованные патрули. Хорошо обученные мотоделу милиционеры были объединены в отряды, которые подчинялись управлениям милиции города. Моторизованный отряд использовался для патрульной службы вечером и ночью. Моторизованные патрули в очень короткий промежуток времени оказались эффективным средством борьбы с хулиганством, грабежами и другими «уличными» преступлениями. Обладая хорошей маневренностью, их экипажи быстро объезжали закрепленную за ними территорию, останавливаясь для детального изучения обстановки в наиболее неблагоприятных местах. Мотопатрули действовали в тесном контакте с участковыми уполномоченными и постовыми. Впоследствии эта практика была распространена и на другие города страны.

В октябре 1954 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли совместный указ, в котором были приняты конкретные меры по укреплению милиции. Более 3000 человек были направлены через органы партии в Министерство внутренних дел СССР, в том числе более ста партийных работников, имеющих высшее и среднее образование, были назначены на должности министров внутренних дел Союзных и автономных республик, руководителей УВД и их заместителей. В 1954 году в милицию пришли на службу многие офицеры, уволенные в резерв, в связи с сокращением численности Вооруженных сил [1].

29 января 1958 года было принято очередное постановление ЦК КПСС «О фактах нарушения законности в милиции», в котором было сделано заключение о том, что факты необоснованного задержания, жестокого обращения и т.д. являются следствием слабой воспитательной работы. Поэтому было предложено укрепить контроль за деятельностью ОВД, пополнить ряды милиции сотрудниками партийных и комсомольских организаций и активировать надзорную деятельность прокуратуры. В то же время Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд мер по улучшению транспортного обеспечения, коммуникаций и служебных помещений милиции. В 1957 году зарплаты сотрудников были повышены. Чтобы стабилизировать и сократить текучесть кадров рядовых сотрудников милиции, были введены три категории сотрудников со значительной разницей в окладах: первый – милиционеры, прослужившие 6 и более лет, второй – от 3 до 6 лет, третий до 3-х лет.

Были предусмотрены ассигнования на строительство жилья, исполнительные комитеты ме-

стных Советов должны были предоставить участковым уполномоченным жилую площадь по месту службы.

В декабре 1957 года введена новая форма для сотрудников милиции. Также были приняты меры по повышению профессиональной подготовки сотрудников путем расширения сети ведомственных учебных заведений. С 1956 по 1958 год были открыты 12 средних специальных школ милиции, 25 средних специальных школ, 9 школ переподготовки для офицеров и 4 высших учебных заведения милиции (в Москве, Киеве, Ташкенте, Омске) [3].

В 1956 году была введена обязательная начальная подготовка для всех сотрудников милиции, командиров взводов, участковых уполномоченных и дежурных по органам милиции. В 1957 году данную подготовку прошли 17 тысяч человек. В целях обеспечения непрерывной работы милиции и повышения эффективности деятельности милиции и эффективности управления суточными нарядами в 1954 году была организована служба дежурных. С этого момента дежурные становились штатной категорией. Благодаря этому улучшилось руководство патрульно-постовой службой.

Кроме того, населению была предоставлена возможность в любое время суток обратиться за помощью к милиции, тем самым способствуя принятию своевременных мер по предотвращению пьяных драк и задержанию преступников. В результате предпринятых усилий раскрываемость по горячим следам в РСФСР в 1958 году увеличилась на 18 % по сравнению с 1956 годом, снижение общего уровня хищения социалистической собственности на 21,2 %, грабеж на 10,6, 13, 4, убийства – на 15,7 % [2].

2 марта 1959 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка», в котором говорилось, что милиция имеет недостаточные связи с общественными организациями. В соответствии с этим постановлением реорганизованы общественные формирования по охране общественного порядка, существовавшие в стране с конца 1920-х годов. Бригады содействия милиции (бригадмил), которые формировались при органах милиции, были распущены. Вместо этого начали создаваться добровольные народные дружины (ДНД). Вскоре они появились почти во всех населенных пунктах советского союза. В добровольные дружины вступило более миллиона трудящихся по всей стране.

17 августа 1962 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», в котором изложен ряд важных организационных мер, направленных на улучшение ее деятельности. В постановлении определены меры по повышению уровня работы милиции, укреплению ее штатного расписания, предоставлению ее органам средств связи, транспорта и специального оборудования. Тогда

же было утверждено новое Положение о милиции, которое определило основные задачи милиции, ее место и роль в системе органов государственного управления. В соответствии с Положением, милиция была определена как административный и исполнительный орган Советского государства, призванный защищать общественный порядок в городах, поселениях и на транспорте, обеспечивать защиту социалистической собственности, отдельных лиц и прав граждан от преступных посягательств и своевременно предотвращать, пресекать и раскрывать уголовные преступления. Также в Положении подчеркивалось, что всей своей деятельностью милиция служит народу, поддерживает постоянную связь с широкими массами рабочих и общественными организациями, опирается на их помощь и поддержку. В то же время, было принято решение ввести торжественную присягу и учредить для республиканских, региональных и крупных городских гарнизонов Красные знамена. В этом Положении также был введен профессиональный праздник – День милиции, который начали отмечать 10 ноября 1962 года.

Подводя итоги, следует выделить ряд вышеупомянутых реформ, которые действительно помогли повысить престиж сотрудников ОВД и использовать этот опыт в будущем:

- 1) 17 августа 1962 г. Совет Министров СССР утвердил новое «Положение о советской милиции» определившее основы милицейской деятельности, ее главные цели и задачи. Показательно, что в один день с Положением ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», по устоявшейся практике указывающее на серьезные недостатки в милицейской деятельности;
- 2) Указом Президиума ВС СССР от 26 сентября 1962 года 10 ноября определили как ежегодный праздник – День советской милиции;
- 3) 15 октября того же года утвердили Присягу личного состава милиции;
- 4) Указ Президиума ВС СССР от 6 апреля 1963 г. «О предоставлении права предварительного следствия органам охраны общественного порядка», дал ОВД право проведения предварительного следствия в соответствии с которым повсеместно были упразднены отделы (отделения) дознания и за короткое время организованы следственные аппараты органов охраны общественного порядка;
- 5) особое внимание было уделено улучшению качества кадров милиции, повышению их профессиональной подготовки. Эта работа проводилась по нескольким направлениям. Значительно расширилась сеть ведомственных учебных заведений. С 1956 по 1958 год было открыто 12 средних специальных школ милиции (в то время в штате милиции было 25 средних специальных учебных заведений и 9 школ переподготовки). Кроме того, к началу 1960-х годов суще-

ствовали 4 высших учебных заведения – в Москве, Киеве, Ташкенте, Омске;

6) в 1956 году была введена обязательная начальная подготовка для всех сотрудников милиции, командиров взводов, участковых уполномоченных и дежурных по органам милиции;

7) в 1957 году зарплаты сотрудников были повышены. Чтобы стабилизировать и сократить текучесть кадров рядовых сотрудников милиции, были введены три категории сотрудников со значительной разницей в окладах: первый – милиционеры, прослужившие 6 и более лет, второй – от 3 до 6 лет, третий до 3-х лет.

Литература:

1. *Гавриленко Д.А.* Понятия, значение и способы укрепления служебной дисциплины в органах внутренних дел. М., 1975.
2. История советской милиции / Под ред. Н.А. Щелокова. Т. 1–2. М., 1977.
3. *Колонтаевский Ф.Е.* Организация и совершенствование деятельности милиции общественной безопасности. М., 2005.
4. *Седунов А.В.* Российская полиция во второй половине XIX – начале XX в.: сфера компетенции, отношение к службе, реформирование / А.В. Седунов, К.Д. Иванов // История государства и права. 2005. №3.
5. *Тарасов А.* Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность // Российский следователь. 2006. №4.

Но как мы знаем, к сожалению, в начале 1980-х годов произошла смена руководящего состава министерства, что привело к катастрофическим последствиям, поскольку повлекло не имевшую аналогов по своим масштабам чистку кадров (с 1982 по 1986 год заменены практически все руководители горрайорганов). Такие меры оказали негативный эффект, отбросив органы внутренних дел в своем развитии далеко назад. Фактически заново пришлось решать задачу «формирования ядра профессионалов» (проблема 1920, 1930, 1940-х годов), поставленную руководством МВД накануне семидесятилетнего юбилея ведомства [3].

Literature:

1. *Gavrilenko D.A.* Concepts, value and ways of strengthening of office discipline of law-enforcement bodies. M., 1975.
2. The history of the Soviet militia / Under the editorship of N.A. Shchelokov. T. 1–2. M., 1977.
3. *Kolontayevsky F.E.* Organization and improvement of activity of militia of public safety. M, 2005.
4. *Sedunov A.V.* The Russian police in the second half of XIX – the beginning of the 20th century: sphere of competence, relation to service, reforming / A.V. Sedunov, K.D. Ivanov // History of state and law. 2005. № 3.
5. *Tarasov A.* Law-enforcement activity: her concept and entity // Russian investigator. 2006. № 4.

Богданов Станислав Вячеславович
доцент, кафедра уголовного процесса,
криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы
исполнения наказаний
leva_308@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРИ ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности органов прокуратуры при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, связанные с проверкой законности и обоснованности вынесенных следователями постановлений о приостановлении предварительного расследования. Анализируются возникающие при этом в надзорной деятельности проблемы соблюдения прокурорами уголовно-процессуальных сроков проверки приостановленных уголовных дел, отмены прокурорами постановлений о приостановлении предварительного следствия, порядка принятия следователями дел к производству и установления сроков расследования при возобновлении уголовных дел.

Ключевые слова: приостановление и возобновление следствия, срок следствия, прокурорский надзор.

■ ■ ■

В деятельности органов прокуратуры Российской Федерации надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, занимает одно из приоритетных направлений, принимая во внимание значимость борьбы с преступностью, в особенности, на фоне происходящих в последние время политических, социальных и экономических преобразований. Данные преобразования коснулись, в том числе, сферы уголовного судопроизводства. Следует отметить, что не все происходящие в последние годы изменения уголовно-процессуального законодательства по расследованию уголовных дел и прокурорского надзора на данном направлении однозначно воспринимаются учеными и практиками. Справедливым представляется мнение Силкина В.П. и Лодкина А.Е. о том, что по УПК РСФСР прокурор являлся, по сути, процессуальным руководителем предварительного расследования, а после вступления в силу УПК РФ в 2001 году стал

Stanislav V. Bogdanov
Department of Criminal Procedure,
Criminalistics and Operative-Search,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service
leva_308@mail.ru

ON SOME ISSUES OF PROSECUTOR'S SUPERVISION AT THE RESUMPTION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

■ ■ ■

Annotation. The article deals with certain aspects of the activities of the Prosecutor's office in the supervision of the procedural activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation, related to the verification of the legality and validity of the decisions made by the investigators to suspend the preliminary investigation. Analyses arising from this oversight, problems of compliance by the prosecutors of the criminal procedure timing check suspended criminal cases, the abolition of prosecutors decisions on suspension of the preliminary investigation, making the investigators of the cases for trial and establish the timing of the investigation and the resumption of criminal cases.

Keywords: suspension and resumption of investigation, term of investigation, Prosecutor's supervision.

■ ■ ■

фигурой во многом «наблюдающим» за расследованием [5, с. 165].

Значительное ограничение полномочий прокурора с 2001 года привело к тому, что реальными процессуальными правами, которыми можно повлиять на ход и результаты следствия, он стал обладать только на завершающих этапах расследования после вынесения следователями постановлений о приостановлении следствия или прекращения уголовного дела либо при поступлении к прокурору уголовного дела с обвинительным заключением. Отсутствии постоянного прокурорского надзора за работой следователей непосредственно в процессе расследования, неравноценная замена его ведомственным процессуальным контролем негативно сказывается на качестве предварительного следствия. О повсеместном ухудшении качества следствия неоднократно отмечал Генпрокурор РФ Чайка Ю.Я., в том числе, в своем докладе Федеральному Собранию РФ 18.04.2018 [1].

О неудовлетворительном качестве предварительного расследования могут свидетельствовать отдельные показатели работы органов прокуратуры при осуществлении надзора за приостановлением уголовных дел. Так, в 2016 году по различным основаниям было приостановлено 983355 уголовных дел. В том же году прокурорами было отменено 453260 постановлений о приостановлении, что составило 46,1 %. В 2017 году приостановлено 886 786 дел, из которых отменено прокурорами 440 576 постановлений или 49,7 %. За 10 месяцев 2018 приостановлено 659958 дел, отменено уже 356728 постановлений, т.е. более 54 %. [6; 7] Таким образом, на протяжении последних трех лет органами прокуратуры признаются незаконными и необоснованными практически каждое второе постановление о приостановлении при наличии тенденции к общему росту их количества. На этом фоне значение прокурорского надзора за качеством следствия только возрастает.

В тоже время, существующие полномочия прокурора и порядок реагирования на незаконные и необоснованные решения следователей о приостановлении расследования в ряде случаев на практике вызывают отдельные проблемы. В уголовно-процессуальном законодательстве приостановлением предварительного следствия признается временный перерыв в производстве следственных действий, вызванных невозможностью подозреваемого (обвиняемого) участвовать в расследовании, либо иными обстоятельствами, которые препятствуют производству по уголовному делу [9].

Перечень оснований приостановления установлен ст. 208 УПК РФ, а именно:

- когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;
- когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;
- когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;
- в случае временного тяжелого заболевания подозреваемого или обвиняемого, удостоверенного медицинским заключением, препятствующим его участию в следственных и иных процессуальных действиях.

Возобновляется предварительное расследование, согласно п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 211 УПК РФ постановлением следователя, если основания приостановления отпали или возникла необходимость в проведении дополнительных следственных действий.

Федеральным Законом от 28.12.2010 ч. 1 ст. 211 УПК РФ была дополнена еще одним основанием возобновления расследования – отмена прокурором постановления о приостановлении предварительного следствия. Этим же Федеральным Законом введена ч. 1.1, которая установила, что

прокурор, признав постановление о приостановлении предварительного следствия незаконным или необоснованным обязан отменить его в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела. Аналогичный срок был закреплен и в ст. 214 УПК РФ в части отмены прокурором постановлений о прекращении уголовного дела [10].

С момента внесения в УПК РФ данного срока реализации прокурором своих полномочий у многих ученых и практиков возник справедливый вопрос о причинах и обоснованности установления данного срока, а также о возможности принятия прокурором решения об отмене постановления о приостановлении по истечении 14 дней, который актуален и сегодня.

В частности, В.А. Лазарева В.А., анализируя данный Закон, высказывала мнение о том, что в случае истечения 14 суток прокурору необходимо обратиться к руководителю СО, который и отменяет это постановление, поскольку его полномочие законом не ограничено [2].

Представляется более справедливым мнение Таболиной К.А., которая исходит из того, что ограничение полномочий прокурора определенным сроком отмены незаконного или необоснованного решения препятствует законному производству по уголовному делу и является недопустимым. [8]

Следует заметить, что Конституционный Суд РФ, высказал свою правовую позицию относительно установленного в ч. 1 ст. 214 УПК РФ 14-дневного срока, отметив, что он исчисляется с момента получения прокурором материалов прекращенного уголовного дела, которое может быть истребовано для проверки в рамках надзорной деятельности, а его истечение не влечет для прокурора запрета принять соответствующее решение, т.е. этот срок не является пресекательным, препятствующим осуществлению прокурором своих полномочий [3]. Однако на практике обоснованно вызывает сомнение правомерность применения данного решения Конституционного Суда РФ «по аналогии» к вопросам отмены не прекращенных, а приостановленных уголовных дел. И эти сомнения окончательно не разрешены.

Указанные положения УПК РФ о сроках отмены постановлений нашли свое закрепление в приказе Генпрокурора Российской Федерации – (далее – Приказ ГП РФ) от 28.12.2016 № 286, согласно которому, кроме того, прокуроры обязаны вести соответствующий учет принимаемых решений о приостановлении следствия, а также обеспечить проверку и изучение материалов всех приостановленных уголовных дел в течение одного месяца со дня вынесения соответствующего постановления [4].

Представляется, что наличие в УПК РФ указанного срока является излишним и заформализованным и подлежит отмене. В тоже время, нали-

чие его в Приказе ГП РФ является обоснованным, организующим надзорную деятельность прокурора на данном направлении.

Однако наибольшие проблемы на практике возникают при реализации прокурорами вышеуказанных полномочий по отмене постановлений.

Поскольку большинство уголовных дел приостанавливается в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого либо за его розыском, то важным моментом при их возобновлении является установление срока следствия, так как приостановление дел по данным основаниям возможно только после истечения предусмотренного ст. 162 УПК РФ срока.

Решение вопроса об установлении срока расследования при возобновлении дела, исходя из положений ч. 6 ст. 162 УПК РФ, возлагается на руководителя того следственного органа (далее – СО), в производстве которого находится уголовное дело. При этом не имеет значения предыдущий срок расследования. В любом случае возобновления следствия руководитель СО вправе установить срок в пределах 1 месяца со дня поступления уголовного дела к следователю.

Что же происходит, когда постановление о приостановлении предварительного следствия отменяется прокурором?

Руководитель СО, получив уголовное дело с постановлением прокурора, передает его следователю, который должен вынести постановление о возобновлении следствия, а также возбудить перед своим руководителем ходатайство об установлении процессуального срока.

Однако ни в УПК РФ, ни в приказах ГП РФ или иных ведомственных актах не содержится указания о тех сроках, в течение которых следователь обязан вынести постановление о возобновлении расследования. Только в ч. 6 ст. 162 УПК РФ содержится положение о том, что срок при возобновлении производства устанавливается со дня поступления дела к следователю.

Что считать «днем поступления уголовного дела к следователю»? Дату его регистрации по журналам входящей корреспонденции, или дату передачи следователю с «визой» руководителя? На практике зачастую следователи считают таким днем дату принятия уголовного дела к производству, обосновывая это требованиями ст. 156 УПК РФ в части начала расследования с момента принятия уголовного дела к производству.

Следует заметить, что положения ст. 154 УПК РФ не конкретизируют обязанность принятия дела следователем к производству в случае возобновления приостановленного уголовного дела. Эта обязанность вытекает из формулировки ч. 2 данной статьи, согласно которой при поручении производства по уже возбужденному уголовному делу следователь обязан выносить постановление о принятии его к своему производ-

ству. В тоже время, принять приостановленное уголовное дело к производству без его возобновления также невозможно. То есть, все три процессуальных решения: о возобновлении следствия, о принятии дела к производству и об установлении срока расследования следователь принимает одновременно, как правило, единым постановлением. Когда и в какой срок он это должен сделать законодатель не определяет.

Таким образом, сроки принятия данных решений после отмены постановления о приостановлении расследования прокурором находятся в прямой зависимости от конкретного следователя, который может длительное время его не возобновлять.

Причины таких ситуаций могут быть различны. Это может являться следствием недобросовестного исполнения следователем своих служебных обязанностей. В отдельных ситуациях это может быть вызвано умышленными действиями, связанными с нежеланием увеличивать себе нагрузку, с манипулированием показателями работы по приостановленным делам и по иным причинам. В ряде случаев затягивание с возобновлением расследования может быть связано с истребованием материалов уголовного дела вышестоящим следственным органом в порядке процессуального контроля для его изучения.

В любом вышеуказанном, а также и в иных случаях, отсутствие конкретных сроков, обязывающих руководителя СО и самого следователя возобновить следствие, в случае отмены прокурором постановления о приостановлении может привести и приводит к нарушению требований ст. 6.1 УПК РФ в части соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства. На это и ссылаются прокуроры в своих актах прокурорского реагирования при выявлении подобных нарушений. Но даже эти акты прокуроров не всегда можно признать бесспорными, поскольку понятие разумности срока носит субъективный и оценочный характер. Кроме того, единственным действенным актом прокурора в данной ситуации может являться только представление, которое вносится при наличии существенных нарушений. Но каковы критерии существенности при несвоевременном возобновлении следователем дела? Применяемые же на практике «требования», вытекающие из полномочий прокурора предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, следователями зачастую не воспринимаются, поскольку не имеют законодательного закрепления ни в УПК РФ, ни в ФЗ «О прокуратуре РФ» [11].

Как нам видится, устранение подобных пробелов возможно только путем внесения комплексных изменений в ряд статей УПК РФ регламентирующих полномочия прокурора (ст. 37 УПК РФ), следователя (ст.38 УПК РФ), руководителя СО (ст. 39 УПК РФ), сроки предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ), возобновление приостановленного предварительного следствия (ст. 211 УПК РФ), разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), на основе обобщения и внимательной практической проработки.

Нам представляется, что данные изменения должны содержать обязанность руководителя СО и следователя обеспечить возобновление приостановленного уголовного дела, после его отмены прокурором, в течение 5 суток с момента поступления уголовного дела в соответствующий СО. Также должно быть предусмотрено право следователя, с согласия руководителя СО обжаловать решение прокурора вышестоящему

Литература:

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18.04.2018 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL : <https://www.genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-1367434/> (дата обращения 11.12.2018)

2. *Лазарева В.А.* Долгожданные изменения в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко». URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709796/>

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 286 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС Консультант Плюс

5. *Силкин В.П.* Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования / В.П. Силкин, А.Е. Лодкин // Пробелы в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 164–167.

6. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL : <https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/> (дата обращения 11.12.2018).

7. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-октябрь 2018 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL : <https://genproc.gov.ru/stat/data/1500132/> (дата обращения 11.12.2018).

8. *Таболкина К.А.* Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 228.

прокурору и рассмотрение им соответствующего ходатайства с установлением каждому из них срока не более 5 суток. Данные изменения будут способствовать не только соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства, но и нормализации прокурорского надзора на данном направлении деятельности органов предварительного расследования.

Literature:

1. The report of the Prosecutor General of the Russian Federation Yu.Ya. Chaika at a meeting of the Federation Council of Federal Assembly of the Russian Federation 18.04.2018//the Official site of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://www.genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-1367434/> (date of the address 11.12.2018).

2. *Lazareva V.A.* Long-awaited changes in the status of the prosecutor (Law of December 28, 2010. № 404-FZ) // Criminal proceedings. 2011. № 3.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 14, 2017 № 28-P «On the case of check of constitutionality of separate provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen M.I. Bondarenko». URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709796/>

4. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 28.12.2016 № 286 «About the organization of public prosecutor's supervision of procedural activity of bodies of preliminary investigation» // Union of Right Forces Consultant Plus.

5. *Silkin V.P.* Practice and problems of public prosecutor's supervision of criminal procedure activity of bodies of preliminary investigation / V.P. Silkin, A.E. Lodkin // Gaps in the Russian legislation. 2017. № 5. P. 164–167.

6. Statistical data on key performance indicators of bodies of prosecutor's office of the Russian Federation for January-December, 2017//the Official site of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/> (date of the address 11.12.2018).

7. Statistical data on key performance indicators of bodies of prosecutor's office of the Russian Federation for January-October, 2018//the Official site of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://genproc.gov.ru/stat/data/1500132/> (date of the address 11.12.2018).

8. *Tabolina K.A.* Supervision of the prosecutor of excitement and investigation of criminal cases : yew edging. jurisprudence sciences. M, 2015. P. 228.

9. Уголовный процесс : учебник / Под ред. Божьева В.П., 3-е изд., перераб и доп. М., Издательство Юрайт, 2011. С. 279.

10. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108566/1d180977d026edde9616ec2b675f597f5573a08e/#dst100264 (дата обращения 11.12.2018).

11. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 11.12.2018).

9. Criminal proceedings: the textbook / under the editorship of Bozhyev V.P., the 3rd prod., the reslave and additional M., Yurayt Publishing house, 2011. P. 279.

10. The federal law of December 28, 2010 No. 404-FZ (in an edition of 31.12.2017) «About introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation in connection with improvement of activity of bodies of preliminary investigation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108566/1d180977d026edde9616ec2b675f597f5573a08e/#dst100264 (date of the address 11.12.2018)

11. Federal law «About Prosecutor's Office of the Russian Federation» OF 17.01.1992 № 2202-1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (date of the address 11.12.2018).

Бородкин Дмитрий Андреевич
аспирант кафедры патентного права
и правовой охраны средств
индивидуализации, юриспруденции,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
borodkind@gmail.com

Dmitriy A. Borodkin
Graduate Student Department of Patent Law
and Legal Protection of Means
of Individualization, Law,
Russian State Academy
of Intellectual Property
borodkind@gmail.com

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КНР О МЕРАХ ПО ОХРАНЕ ТЕХНОЛОГИЙ ОТ 25 ИЮНЯ 2016 ГОДА: ЦЕЛЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

AGREEMENT BETWEEN RUSSIA AND THE PRC ON MEASURES FOR THE PROTECTION OF TECHNOLOGY OF JUNE 25, 2016: THE GOAL OF THE CONCLUSION AND EFFECTIVENESS

Аннотация. В настоящей статье анализируется цель заключения и реальная эффективность Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о мерах по охране технологий в связи с сотрудничеством в области исследования и использования космического пространства в мирных целях и в создании и эксплуатации средств выведения и наземной космической инфраструктуры, подписанного в Пекине 25 июня 2016 года. Сделан вывод о не проработанности вопросов ответственности и контроля за действиями сторон.

Ключевые слова: продукция военного назначения, передача технологий, защита прав, защита технологий.

Annotation. This article deals with the goal of the conclusion and the real effectiveness of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on measures to protect technologies in connection with cooperation in the exploration and use of outer space for peaceful purposes and in the creation and operation of launch vehicles and ground-based space infrastructure, signed in Beijing on June 25, 2016. The conclusion is drawn that the issues of responsibility and control over the actions of the parties are not developed.

Keywords: military products, technology transfer, protection of rights, protection of technology.

В 2014 году стало известно об интересе Китайской Народной Республики к сферам, в которых российские технологии традиционно лидируют на мировом рынке – к жидкостным ракетным двигателям, системам противоздуш- ной обороны и большегрузным вертолётам.

Особо важным для Китая является приобрете- ние двигателей семейства РД-170 производства НПО «Энергомаш», которые являются самыми мощными ракетными двигателями на жидких компонентах топлива из когда-либо созданных человечеством.

В данную серию входят двигатели РД-180 для американских ракет «Atlas», РД-183 для американских «Antares», РД-191 для российской «Ан- гары» и РД-171 для «Зенита».

Известный эксперт Чад Охланд из аналитическо- го центра RAND, базирующегося в США, указы- вает, что двигатель РД-180 развивает как мини- мум в три раза большую тягу, чем самый мощ- ный из существующих на данный момент китай- ский двигатель YF-100 [1].

Однако на протяжении долгого времени поставка данных двигателей тормозилась из-за опасений того, что китайские партнёры закупят лишь не- сколько образцов для исследования и проведе- нием реверс-инжиниринга, после чего начнут выпуск собственной продукции с аналогичными характеристиками, но с более низкой себестои- мостью, как это уже было неоднократно.

Кроме того, опасения связаны ещё и с тем, что, хотя двигатель РД-180 рассчитан, прежде всего, на применение в гражданских космических раке- тах, он может иметь и весьма важное военное назначение – тем более, что Китай в настоящий момент разрабатывает новое поколение балли- стических ракет, а компания-учредитель Great Wall Industry, CASC (China Aerospace and Technology Company), ведущая переговоры о закупке двигателей – главный разработчик меж- континентальных баллистических ракет Китая [2].

На этом фоне с воодушевлением было встречено подписание в Пекине 25 июня 2016 года Со- глашения между правительствами Китайской Народной Республики и Российской Федерации

о мерах по охране технологий в области исследования и использования космического пространства и в создании и эксплуатации средств выведения и наземной космической инфраструктуры (далее – Соглашение), которое было заключено для обеспечения защиты отечественных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в ракетно-космической отрасли на территории Китая.

Во время подписания и ратификации соглашения статьи в отечественных СМИ выходили с заголовками «Россия и КНР летом подпишут соглашение об охране технологий» [3], «Ракетные двигатели защитят от копирования» [4] и тому подобными.

Проанализируем данное Соглашение и определим, насколько оно соответствует поставленным целям и отвечает интересам Российской Федерации.

Цель заключения Соглашения сформулирована в статье 3 следующим образом: установление отношений сотрудничества при охране технологий в связи с реализацией совместных программ и проектов по созданию и эксплуатации средств выведения и наземной космической инфраструктуры и в области исследования и использования космического пространства.

Для достижения этой цели, заключившие Соглашение стороны, обязались задействовать все имеющиеся в их распоряжении средства и методы для предотвращения несанкционированного доступа к охраняемым технологиям и изделиям, любой несанкционированной их передачи, а также предпринять меры по правовой и физической защите технологий и изделий для обеспечения режима обращения с ними и эффективного контроля.

Рассматриваемое Соглашение устанавливает ряд весьма важных прав обращения с охраняемыми изделиями и технологиями, под которыми понимаются любые товары и технологии, и в их отношении выдаются экспортные лицензии на вывоз на территорию другой страны и осуществляется контроль экспортирующей страной.

Так, в частности, в соответствии со статьей 5 Соглашения, участники совместной деятельности разрабатывают планы охраны технологий, в том числе, заблаговременно до начала совместной деятельности.

Нет сомнений, что данная мера позволит прорабатывать особенности охраны конкретных изделий и технологий, передаваемых заказчику по каждой конкретной сделке.

Согласно же статье 7, стороны, подписавшие Соглашение, обязывают конечных пользователей оформлять и представлять экспортирующей стороне заверенные сертификаты конечных пользователей, в которых должны содержаться обязательства использовать охраняемые изделия и технологии только в заявленных целях.

При этом в сертификатах конечных пользователей должны иметься обязательства не осуществ-

лять реэкспорт охраняемых изделий и технологий, копирование, реверс-инжиниринг, модернизацию и иные аналогичные действия без предварительного согласия в письменной форме экспортирующей стороны и выдачи ее уполномоченными органами лицензии.

Данная статья является краеугольным камнем всего Соглашения, смыслом и целью его заключения. Принцип закрепления обязанности конечных пользователей давать соответствующие гарантии и соблюдать установленные запреты в полной мере согласуется с предлагаемыми автором настоящей статьи мерами по защите результатов интеллектуальной деятельности в области военно-технического сотрудничества.

Вместе с тем, нет сомнений, что одна лишь декларация обязанностей и намерений не будет в надлежащей степени эффективна без средств контроля и обеспечения соблюдения интересов каждой из сторон.

Необходимо отдать должное авторам Соглашения, предусмотревшим в статье 8 функции контроля за передаваемыми объектами. Так, для обеспечения соблюдения условий исполнения выданных лицензий на экспорт в отношении охраняемых изделий и технологий, владельцу технологии должна быть предоставлена возможность инспектирования.

Однако в исследуемом Соглашении отсутствует конкретизация подобного правомочия, поскольку в той же статье указывается, что принципы и процедуры проведения инспекций согласовываются в отдельных случаях уполномоченными органами обеих сторон.

Надо полагать, что подобное согласование может затягиваться на годы и не состояться вообще, что фактически парализует возможность осуществления контроля в связи с наличием одной лишь декларативной нормы, не предусматривающей прямого действия и четкого механизма реализации.

Кроме того, самой значительной проблемой заключенного соглашения является фактическое отсутствие санкций за нарушение закреплённых в нём норм.

В статье 17 Соглашения, имеющей заголовок «Урегулирование споров» указывается, что любые разногласия, возникающие в связи с толкованием и применением Соглашения, стороны будут разрешать путем переговоров и консультаций.

В пункте 3 статьи 6 закреплено, что в случае установления любой стороной нарушения положений Соглашения и норм охраны технологий, она обращается к контрагенту с соответствующим запросом и просьбой представить объяснения, после чего проводит консультации.

Единственной предусмотренной Соглашением возможностью защиты прав является приостановление действия экспертной лицензии или отзыв её с введением ограничений на экспорт до

устранения нарушений импортирующей стороной.

Подобные способы защиты не в полной мере отвечают интересам экспортирующей стороны, поскольку они направлены лишь на ограничение будущих поставок, в то время как в отношении уже поставленных образцов будут продолжаться неправомерные действия.

Украденную вещь можно изъять, оккупированную территорию захватить, но раскрытую информацию вернуть в изначальное состояние невозможно, в связи с чем, должны быть приняты все возможные меры для эффективного предотвращения самого факта неправомерного заимствования технологий.

На основании выше изложенного заключенное Соглашение нельзя считать решающим все проблемы, возникающие в исследуемой сфере. Несмотря на актуальность темы и важную цель, стоящую и перед Россией, и перед Китаем, предусмотренные Соглашением действия можно назвать лишь полумерами.

Нам представляется, что обеспечить надлежащий уровень защиты прав экспортёров возможно лишь закрепив в ст. 6 Федерального закона «О военном-техническом сотрудничестве Российской

Федерации» обязанности субъектов военнотехнического сотрудничества включать в договоры с иностранными заказчиками условия использования передаваемой информации, материальных носителей и самих охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Как уже отмечалось автором настоящей статьи ранее, договоры должны содержать условия о недопустимости несогласованного использования и передачи информации третьим лицам, реверс-инжиниринга, и об обеспечении средств технического контроля за соблюдением данного запрета, а что особенно важно – положения об авансировании поставок и другие условия о контроле за соблюдением условий соответствующего договора и предусматривать соответствующие санкции за их нарушение.

Недостаточно эффективное обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и передаваемой военнотехнической информации, а также отсутствие проработанных механизмов защиты государственных интересов при передаче изделий и технологий военного и двойного назначения иностранным заказчикам несёт угрозу для национальной безопасности в связи с получившимися широкое распространение случаями обратной разработки (реверс-инжиниринга).

Литература:

1. США уличили Россию в сливе Китаю технологии РД-180 // Lenta.Ru (Лента.Ру). URL : <https://lenta.ru/news/2018/01/22/rocketengines/>
2. FT: «ракетные переговоры» России и Китая не понравятся Вашингтону // Channel «RT TV». URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-01-19/FT-raketnie-peregovori-Rossii-i>
3. Россия и КНР летом подпишут соглашение об охране технологий // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2972697>
4. Ракетные двигатели защитят от копирования // Газета «Известия». URL : <https://iz.ru/656712/raketnye-dvigateli-zashchitiat-ot-kopirovaniia>

Literature:

1. The United States caught Russia in the sink to China technology RD-180 // Lenta.Ru (Lenta.ru). URL : <https://lenta.ru/news/2018/01/22/rocketengines/>
2. FT: «missile talks» of Russia and China do not like Washington // Channel «RT TV». URL : <https://russian.rt.com/inotv/2018-01-19/FT-raketnie-peregovori-Rossii-i>
3. Russia and China will sign an agreement on technology protection in the summer // Kommersant network publication. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2972697>
4. Rocket engines will protect against copying // Izvestia newspaper. URL : <https://iz.ru/656712/raketnye-dvigateli-zashchitiat-ot-kopirovaniia>

Булавкин Александр Александрович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России
bulavkin_aleksan@mail.ru

Проценко Александр Иванович
преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России
protsenko1978@mail.ru

Сычев Евгений Анатольевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России

Поделякин Александр Александрович
преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России
podlyalexandr@gmail.ru

Alexander A. Bulavkin
PhD of Sociology,
Decent of the Department
Administrative Activity of MIA
Krasnodar University of MIA Russia
bulavkin_aleksan@mail.ru

Alexander I. Protsenko
Teacher of Administrative Activity of MIA
Krasnodar University of MIA Russia
protsenko1978@mail.ru

Evgeny A. Sychev
PhD of Legal Science,
Decent of the Department
Administrative Activity of MIA
Krasnodar University of MIA Russia

Aleksandr A. Podelyakin
Teacher of Administrative activity of MIA
Krasnodar University of MIA Russia
podlyalexandr@gmail.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВАЛАДЕНИЯ В РИМСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматривается и дается характеристика развития основных этапов института владения в римском и отечественном дореволюционном праве, анализируется опыт функционирования права собственности в обществе дореволюционной России. Авторами отмечается, что в традиции его развития центральное место, безусловно, занимает гражданское право, и в рамках его – институт защиты права собственности и других вещных прав.

Ключевые слова: право собственности, вещно-правовые способы защиты, vindикационный иск, негаторный иск, иск о признании права собственности.

■ ■ ■
Право собственности, т.е. закрепленное законом определенное состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ, как и иные вещные права, охраняется нормами едва ли не всех отраслей права:

– уголовного, устанавливающего ответственность за преступное посягательство на имущество государства, юридических лиц и граждан; административного, наказывающего мелкие проступки такого рода;

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF RIGHT POSSESSION IN THE ROMAN AND DOMESTIC PRE-REVOLUTIONARY TRADITION

■ ■ ■
Annotation. In article characteristic of development of the main stages of institute of possession in the Roman and domestic pre-revolutionary right is considered and given, experience of functioning of the property right in the society of pre-revolutionary Russia is analyzed. Authors note that in a tradition of its development the central place is taken, certainly, by civil law, and within it – institute of protection of the property right and other real rights.

Keywords: property right, proprietary ways of protection, vindicatory claim, negatory claim, claim for property right recognition.

■ ■ ■
– трудового, регулирующего, например, материальную ответственность работников за причиненный ими работодателю имущественный ущерб;

– земельного, семейного и др. [2]

Но центральное место среди них занимает, безусловно, гражданское право, и в рамках его – институт защиты права собственности и других вещных прав, которому посвящена глава 20 Гражданского Кодекса РФ.

Корни владения как института исходят из норм римского права. Именно в сочинениях римских юристов были заложены основные положения защиты, воспринятые последующими правовыми системами. Римское частное право для исходного анализа этой темы служит идеальным источником, поскольку именно в нем одновременно отражен и эволюционный генезис права собственности, исходящий из владения, и содержание в тех формах, в которых право владения получило первичное юридическое закрепление, а также закрепило наиболее простую модель закрепления правоотношений, применимую к регулированию товарного оборота без учета сочетания частного и публичного интересов.

Истоки института владения следует искать в учении о *possession*. Ученые-романисты сходятся во мнении о том, что *possession* – сложный юридический институт, соответствующий сравнительно развитой правовой системе: «*Possession* есть произведение всесторонне образованной и высокоразвитой юриспруденции, а также *spesimen* юридической техники. Столь совершенно оборудованное понятие не может относиться к господству наивного самобытного народного права». Это высказывание В.А. Юшкевича, дореволюционного русского исследователя, наглядно иллюстрирует исторические «корни» римского владения.

Вследствие этого, стоит отметить, что римские источники содержат весьма важный фрагмент, способный пролить свет на раннюю историю владения. *Possession*, по мнению юристов Павла и Лабейона, получило свое название от поселений (оседаний), так как естественно удерживается тем, кто на нем стоит. Следовательно, первоначально было возможно владение вещами телесными и недвижимыми, над которыми устанавливалось господство, носящее характер непосредственного соприкосновения с вещью [3].

Из этого следует, что конкретной формой господства в виде владения и фактического обладания над вещью было пользование (*usus*), что соответствовало картине восприятия мира римских землевладельцев, а также экономическим условиям римского хозяйства в первые века истории Республики. *Usus* объясняет историю древнего владения как физического, контактного воздействия на вещь наилучшим образом.

В науке права взглядам на вид римского владения – *usus* придерживались и крупнейший романист М. Казер, и В.А. Краснокутский [4], и другие. *Usus*, по их мнению, носит характер действительной власти и упреждает позднейшую *possession*.

Длительный период древнеримская родовая община выступала как единственный субъект права на землю и наделяла отдельные семьи земельными участками. Ее особый статус долгое время сохранялся в регулировании земельного оборота: изначально для оборота земель требовалось разрешение народного собрания, а позже общественный контроль над этим процессом стали осуществлять пять уполномоченных сви-

детелей, участвовавшие в юридической процедуре наряду с весовщиком.

Отмечается, что позже, уже в классическую эпоху, оборот итальянских земель производился исключительно как манципация, включающая элементы общественного контроля.

В предклассический период захват общественных земель привел структуру земельных отношений в хаос, отразив при этом объективную потребность нового, наступающего этапа в развитии экономической системы Рима. Спурий Торий - плебейский трибун – пресек дальнейшее разграбление общины законом «*agrarian*» и ограничил узурпированные владения 1.000 югеров земли на семью и 500 югерами на человека. Земли сверх положенного размера были изъяты и распределены между безземельными гражданами. В результате появления этого закона появились десятки тысяч новых небольших владений.

Однако упорядочение владения землями было лишь первым шагом правового регулирования этих отношений. Не заставило ждать появление новой эволюционной ступени – утверждение всех владельцев частными собственниками. Спустя несколько лет это было подтверждено запретом земельных конфискации и отменой платы за пользование землей государству [5].

Институт владения претерпел существенные изменения в последний век до нашей эры. Юридическое представление о самом владении также изменилось. Ранее владение в виде *usus* было ограничено только союгом и новым экономическим условиям уже не отвечало. Ускорению создания конструкции владения (*possession*) способствовало появление частной собственности и нестабильность гражданско-правовых отношений. Все эти факторы благоприятствовали расширению сферы объема владения и юридическому господству над вещами отдельных лиц. В начале Империи складывается новый вид института владения – *possession*.

Согласно данной конструкции, владение было реальным, фактическим обладанием вещью, пользующимся самостоятельной правовой защитой и связанным с юридическими последствиями. Однако не всякое обладание вещью признавалось владением. Проводился ряд различий между владением, как *possession* (*possession civilis*), для которого было характерным наличие двух элементов: воли на владение – *animus possessionis* и фактическое-го обладания – *corpus possessionis*, и держанием (*possessio naturalis*) [6].

Как и владелец, держатель вещи фактически обладал ею, извлекая нередко из нее доходы и плоды, однако при этом он признавал юридическое господство собственника над собой.

Также, главным отличием этих категорий являлось предоставление только владельцу права самостоятельной защиты вещи от посягательств третьих лиц. Только через собственника держатель мог потребовать устранения препятствий.

Более того, право следования не было закреплено в отношении держателей. Только по прошествии десятилетий границы между держанием и владением постепенно стали стираться [7].

Дальнейшее развитие рабовладельческой собственности привело к дезинтеграции и последующему распаду собственности. Именно этот период был ознаменован появлением дифференциации правовых институтов: собственности (*dominium*) и владения (*possessio*), а также разграничением понятий реальной и легальной власти над вещью. Были выделены и новые правовые институты частной собственности, а также получила развитие и конструкция бонитарной собственности, которая служила промежуточной моделью между законным правом собственности и защищенным владением и позволила учитывать принципы доброй воли и справедливости.

Поздние средневековые римские цивилистические школы (I век до н.э.) основали развитый институт владения, в котором использовались следующие понятия:

– *possessio naturalis (corporalis)* или *detention* – держание, так же трактующееся как «естественное владение», составляющее основу материального юридического владения;

– собственно владение – *possessio ad interdicta* – находящееся под защитой специальных исков и преторских интердиктов, которые, однако, не приводили к обретению права собственности по давности владения;

– наследуемое право аренды земельного участка – *ager vectigalis*;

– *precario possidere* – владение вещью, то есть прекарное владение, отданной до ее востребования собственником на доверительных началах;

– владение залогодержателя – *pignus datum*; *sequester* – владение переданной на хранение спорной вещью до завершения судебного процесса;

– *bonotum possessio* – владение вещью, входящей в наследственную часть, дозволенное претором на время разрешения спора между наследниками;

– *possessio ad usucapionem* – владение, преобразованное в право собственности по давности.

В римском праве значение института владения состояло в обеспечении необходимых условий для пользования вещью собственником, в предоставлении юридической защиты самостоятельному владению посредством интердиктов, а также в том, что владение носило характер составного элемента в большинстве способов получения прав собственности.

Сохранившиеся источники римской юриспруденции описывают право собственности путем использования местоимения «наше (наша)» и «мое (моя)» либо устойчивых терминов и словосоче-

таний: *proprietas, dominium, in bonis esse (habere), ususfructus* [8]. Известным советским романистом К.С. Перетерским было отмечено: «Дигесты не содержат определение ряда основных частноправовых понятий. При наличии нескольких сотен фрагментов, обращенных к собственности, само определение права собственности отсутствует».

Анализ истории права владения доказывает общественный (общинный) характер владения как земель, так и другими вещами в Древнем Риме. Именно персональное обладание вещью и естественное право владения стали легитимным юридическим прототипом появления индивидуальной частной собственности, а уже в последующем вокруг них и сложилась система римского частного права.

Иными словами, исторически право владения предшествует праву как непосредственно юридическое понятие, сохраняющее диспозитивность и после развития и утверждения права собственности.

Российское правоведение позитивно относится к постулатам, отраженным в классическом римском праве. Одним из крупнейших отечественных дореволюционных цивилистов, профессором И.А. Покровским, еще в 1917 году было отмечено, что рецепция римского права, служащая фактором прогресса – есть историческая необходимость.

Заимствование римского права началось еще в феодальной Руси и осуществлялось через посредничество Византийской православной церкви. Во многих судебниках древней Руси есть ссылки на *Corpus iuris civilis* – греческие переводы Юстиниана, заимствования порой как систем, так и отдельных юридических норм. Также известны древнейшие переводы отдельных Новелл Юстиниана на русский язык, выдержки из его Дигест и Кодекса, собранные в Кормчей книге – знаменитом своде церковного права XII века [9].

Однако традиционно в Древней Руси, как в государстве с натуральным хозяйством, большое внимание уделялось публичному праву.

Формирование же частного права началось в России лишь в период царствования Екатерины II, попавшей под влияние идей французских просветителей второй половины XVIII века [10], поэтому только в эпоху преобразований Петра I (XVIII век) рецепция римского права наиболее выражено повлияла на правовые взгляды, проявившиеся в законодательстве только к XIX веку [11].

Отечественное правоведение развивается по аналогии с римским, но в более примитивных формах: от общего к частному. Большой объем археологического материала, как и ряд статей «Русской Правды», позволяют заключить, что институт частной собственности на движимые вещи у славян существовал с древних времен. Касательно же многообразия общественных от-

ношений, которые были связаны с правом владения недвижимым имуществом, нормы писаного права не позволяли охватывать их в полном объеме, а отношения, возникшие в источниках права этого периода по поводу прав на недвижимость, не были указаны вовсе [12].

Так, земля в древней Руси носила характер коллективной собственности общины. Любой совершеннолетний поселенец имел право на получение участка земли равного участкам жителей его селения. Двор, состоящий из холодных построек, огорода и избы, составлял наследственную часть имущества семейства без права отчуждения для лиц, не принадлежащих к общине. Сенокосы, выгоны и леса находились в общем пользовании. Касательно способов раздела земель и сроков, все решалось под руководством старосты на общинном собрании домохозяев.

Многие века сельская поземельная община с выборным старшиной и периодическим переделом земли являлась наследием глубокой древности и служила доказательством того факта, что «русская земля – есть наиболее общинная и наименее патриархальная».

Племенные земли, попав во власть киевских князей, начали объединяться с X столетия, в результате чего стало складываться феодальное землевладение. Вследствие этого оформился и княжеский домен – землевладения за счет никем не занятых участков, а также общинных территорий. Крупными землевладельцами становятся князья и родоплеменная знать. Духовенство, торговцы и дружинники наделялись землей без возможности ее отчуждения по своему усмотрению [13].

Псковская судная грамота – последующий памятник законодательства, свидетельствовал о закреплении залогового права, права пожизненного владения и прав феодальной собственности, о различии между движимым и недвижимым имуществом, о появлении иных способов обретения собственности по истечении срока давности находки, наследства, приплода.

Из многочисленных грамот можно проследить дальнейший процесс отчуждения права владения от права собственности. Так, боярами и «вольными слугами» были освоены земельные держания, дающиеся им за службу великому князю. Эти земли были не только сохранены за ними, но и появилась возможность их отчуждать:

Литература:

1. *Зинченко С.А.* Собственность и производные вещные права : теория, практика / С.А. Зинченко, В.В. Галов. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2003. 200 с.
2. *Булавкин А.А.* Особенности защиты права собственности и иных вещных прав : учебное пособие / А.А. Булавкин, А.В. Герасимов, Ю.Н. Извеков. Издательство : ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД РФ». Краснодар, 2014. 56 с.

отдавать в залог, менять, дарить, продавать. Такие наследственные держания получили название «вотчин». Существовали и более условные держания наряду с вотчинами, которые давались великим московским князем на время службы. Эти земли носили название поместий. Эти наделы отчуждать либо передавать по наследству владельцы не могли.

Формирование феодальных прав собственности на землю завершилось в период сословно-представительной монархии (XVI–XVII вв.), подчеркнув монопольный характер феодального строя. Распределение земель осуществлялось по ступеням феодальной иерархии между верховным собственником и конкретным собственником государственных земель.

Именно иерархичность структуры земельной собственности создала необходимые силовые структуры, позволившие феодальному классу сохранить за собой монопольное право на собственность практически на все, а также прикрепила крестьянина к земле, тем самым, осуществив его внешнеэкономическое принуждение [14].

Трансформация интереса общинного в феодальный неоднократно подчеркивает исторический характер связи, существующей между собственностью и владением, а также юридически подтверждает, что владение способствует возникновению прав собственности и является центральным смысловым элементом.

Таким образом, активное становление нового института гражданского права – собственности и развитие старого – владения, в рамках отсутствия старинной традиции научно-теоретического освоения, где внимание законодателя было направлено на западную литературу, привело к тому, что владение трансформировалось в собственность. До правления Екатерины II русский легальный лексикон содержал обозначение правового господства лица над вещью либо, используя термин «владение», либо по способу возникновения. В качестве примера следует привести Указ «О напечатании жалованных грамот на вотчины по случаю заключения мира с Польшей» от 05 октября 1686 года.

Также отечественному законодательству известно и такое понятие, как «старинное владение», под которым подразумевается право собственности на недвижимость, доказываемое давностью.

Literature:

1. *Zinchenko S.A.* Property and Derivative Rights of Thing : Theory, Practice / S.A. Zinchenko, V.V.Galov. Rostov n/Don : SKAGS publishing house. 2003. 200 с.
2. *Bulavkin A.A.* Features of protection of property rights and other right to thing : tutoria / A.A. Bulavkin, A.V. Gerasimov, Y.N. Izvekov. I. Publishing house : FGKOU VPO «Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». Krasnodar, 2014. 56 с.

3. *Дернбург Г.* Пандекты. Вещное право. СПб., 1905. 364 с.
4. *Краснокутский В.А.* Права на вещи // Римское частное право / В.А. Краснокутский; Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М., 1994. С. 158.
5. *Кофанов Л.Л.* Владение и собственность в законах XII таблиц // Древнее право. 2000 № 01(6). М. : Спарк, 2000. 299 с.
6. *Новицкий И.Б.* Римское право. Изд. 6-е, стереотипное. М., 1997 245 с. Ассоциация «Гуманитарное знание», 1993. Издательское товарищество «ТЕИС» (г. Москва).
7. История Древнего Рима. Учебник для вузов по специальности «История». 4-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 2000. 391 с. (Классический университетский учебник, ред. Кузищин В.И.).
8. *Савельев В.А.* Юридическая концепция собственности в Древнем Риме и современность // Советское государство и право. 1990. № 8. С. 136.
9. *Цыпин В.А.* «Кормчая книга» в русском церковном праве // Древнее право. М. : Спарк, 1997. № 2. С. 120.
10. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права (оригинальное название: Обзор истории русского права). Киев : Лито-типография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1907. 714 с.
11. *Суханов Е.А.* Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации / Е.А. Суханов, Л.Л. Кофанов // Древнее право. М., 1999, № 1(4). С. 7.
12. *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к «Русской Правде». М. : Право, 1988. 176 с.
13. *Самоквасов Д.Я.* Курс истории русского права Издание третье, исправленное и дополненное. М. : Типография Императорского Московского Университета, 1908. VIII. XXIX. 616 с.
14. История Государства и права России : учебник для вузов // Г75. Под ред. С.А. Чибиряева. 1998. С. 528.
3. *Dernburg G.* Pandekty. Right of thing. SPb., 1905. 364 p.
4. *Krasnokutsky V.A.* Rights to Things // Roman Private Law / V.A. Krasnokutsky; Ed. prof. Ib Novitsky and prof. I.S. Peretersky. M., 1994. P. 158.
5. *Kofanov L.L.* Ownership and property in the laws of XII tables. The ancient right 2000 № 01(6). M. : Spark, 2000. 299 p.
6. *Novitsky I.B.* Roman law. Ed. 6th, stereotypical. M., 1997 245 c. Association for Humanitarian Knowledge, 1993. Publishing Association TEIS (Moscow).
7. History of Antique Rome. Textbook for universities in the specialty «History». 4th ed., pererab. and add. M. : Higher. Sc., 2000. 391 p. (Classical university textbook, ed. Kuzishchin VI).
8. *Saveliev V.A.* The legal concept of ownership in Antique Rome and modernity // Soviet state and law. 1990. № 8. P. 136.
9. *Tsypin V.A.* The Kormchaya Book in Russian Church Law // Ancient Law. M. : Spark, 1997. № 2. P. 120.
10. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Overview of the history of Russian law (original title: Overview of the history of Russian law). Kiev : Lithography of the Partnership I.N. Kushnerev and Co., 1907. 714 p.
11. *Sukhanov E.A.* Influence of the Roman law on the new Civil Code of the Russian Federation / E.A. Sukhanov, L.L. Kofanov // Ancient Law. M., 1999. № 1(4). P. 7.
12. *Sverdlov M.B.* From the Law of the Russian to the «Russian Truth». M. : Pravo, 1988. 176 p.
13. *Samukvasov D.Ya.* The course of the history of Russian law / D.Ya. Samokvassov. Third edition, revised and enlarged. M. : Typography of the Imperial Moscow University, 1908. VIII. XXIX. 616 p.
14. History of the State and Law of Russia : textbook for universities // G75. Ed. S.A. Chibi-ryayev. 1998. P. 528.

Гавриленков Сергей Александрович

доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса,
Северо-Восточный
государственный университет,
г. Магадан,
адвокат Магаданской областной
Палаты адвокатов
abs130671@mail.ru

Ротар Ангелина Ивановна

доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса,
Северо-Восточный
государственный университет,
г. Магадан,
адвокат Магаданской областной
Палаты адвокатов
angel-wind@list.ru

**ЦЕЛЬ КАК
КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
КОНСТРУКЦИИ ХИЩЕНИЙ**

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые вопросы квалификации хищений по факультативному признаку субъективной стороны состава преступления – цель. В работе предложены правила толкования конструкции и содержания корыстной цели, как конструктивного признака составов хищений. В частности, рассмотрен вопрос разграничения цели и мотива при квалификации хищений; акцентировано внимание на юридической структуре цели, как на смоделированном результате реализации хищения соотносительно с полномочиями собственника, установленными Гражданским кодексом РФ; установлена прямая зависимость определения критериев вины относительно цели совершения преступления.

Ключевые слова: форма вины, умысел, цель, корыстная цель, квалификация преступлений.

Вина в форме умысла или неосторожности является необходимым элементом состава каждого преступления [1, с. 198].

Четкое уяснение правоприменителем формы и вида вины является необходимым условием для правильной квалификации деяния.

При этом, диспозиции статей особенной части УК РФ описывают, по сути, лишь объективную сторону конкретных преступлений. Лишь в части диспозиций указано хотя бы на форму вины, но и в таких случаях вывод о виде умысла или неос-

Sergey A. Gavrilentov

Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminal Procedure,
North-Eastern State University,
Magadan,
Advocate of the Magadan Regional
Chamber of Lawyers
abs130671@mail.ru

Angelina I. Rotar

Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminal Procedure,
Northeastern State University,
Magadan,
Lawyer of the Magadan Regional
Chamber of Lawyers
angel-wind@list.ru

**PURPOSE
AS A CONSTRUCTIVE FEATURE
LEGISLATIVE DESIGN OF THEFT**

Annotation. In this article, some issues of qualification of thefts are considered on the optional feature of the subjective side of the offense – the goal. The work proposes rules for interpreting the design and content of a selfish goal, as a constructive feature of the compounds of theft. In particular, the issue of delimitation of purpose and motive in qualifying theft was considered; attention is focused on the legal structure of the goal, as a modeled result of the implementation of the theft in relation to the powers of the owner established by the Civil Code of the Russian Federation; the direct dependence of the determination of the criteria of guilt regarding the purpose of the crime.

Keywords: guilt, intent, purpose, selfish goal, qualification of crimes.

торожности, как в основных составах и, более того, в квалифицированных с дополнительными непосредственными объектами, правоприменитель должен делать, исходя из той же диспозиции с учетом судебной практики или доктринального толкования.

Как определить, предусматривает ли тот или иной состав преступления (в том числе квалифицированный, с дополнительными последствиями) вину умышленную или неосторожную либо допускает любую из форм?

Данная проблема при квалификации преступлений длительного времени являлась одной из актуальных в советском, а сейчас является и в Российском уголовном праве.

Форма вины может быть прямо указана в законе, вытекать из смысла употребленных терминов, из указаний в законе на мотив, цель и заведомость, либо следовать из систематического толкования закона [2, с. 148].

Как указывал Трайнин А.Н., «умолчание о форме вины не снимает вопроса о вине, а лишь требует тщательного выяснения мысли законодателя для установления необходимой для данного состава формы вины [1, с. 206].

В конечном итоге, установление как формы и вида вины, так и факультативных признаков субъективной стороны состава, необходимо для отграничения преступления от неправомерного поведения, квалифицированного состава от основного, а также разграничения смежных составов при их конкуренции.

Значение и необходимость установления субъективных признаков состава преступления актуально рассмотреть при анализе различных форм хищения, предусмотренных главой 21 Уголовного кодекса РФ.

При этом необходимо обратить внимание на то, что обязательным признаком данных деяний является корыстная цель, характерным критерием которой практика и закон признает завладение имуществом для распоряжения им как своим собственным, при котором законный собственник фактически безвозвратно теряет возможность осуществления прав собственника на вещь. Другими словами, для такой квалификации, как хищение не важно, какая модель распоряжения похищенным имуществом предполагалась лицом – извлечение полезных свойств, последующее уничтожение, обращение в пользу иных лиц и т.п.

В подтверждение данного вывода можно привести мнение Пленума Верховного Суда РФ, выраженное в Постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [5], согласно которому, в частности, кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению *(например, обратить похищенное имущество в свою пользу или пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)*.

Показательно в этой части определение Военной коллегии Верховного Суда РФ, указавшей, что хищение включает в себя, в том числе, последующее пользование и распоряжение похищенным фактически как своим собственным. Дополнительной ответственности за последующую судьбу похищенного имущества, его утрату, повреждение или уничтожение, на это лицо не возлагается [6].

Иными словами, способ распоряжения имуществом или, что важнее для понимания содержания

субъективного признака «цель», в связи с чем и для чего оно похищено (в смысле способа распоряжения собственностью), лежит за пределами юридического признака – цель и, соответственно, составов о хищении.

В связи с выше изложенным, зачастую, предлагаемая формулировка корыстной цели как материальное обогащение, по нашему мнению, является не совсем точной и корректной.

Так, Гаухман Л.Д. определяет корыстную цель тем, что виновный стремится обогатиться сам или обогатить других лиц за счет чужого имущества с нарушением порядка распределения материальных благ, установленного законом [7, с. 349].

Лишь частично можно согласиться с мнением цитируемого автора о том, что не может быть признано хищением изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц не с корыстной целью, а для его уничтожения или повреждения либо для нарушения общественного порядка, а также для осуществления виновным своего действительного или оспариваемого права.

Действительно, Пленум ВС разъяснил, что не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по статье 330 УК РФ или другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

В тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или при других преступных действиях, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество.

Однако, как мы полагаем, в данном случае автором необоснованно совмещены понятия, и в один ряд поставлены деяния с целями несовместимыми с хищением (изъятие вещи для осуществления хулиганского мотива либо «восстановления» нарушенного права при самоуправстве) и деяния с целью осуществления одного из прав собственника имущества коим является уничтожение либо его повреждение.

В соответствии с частью 1 ст. 209 Гражданского кодекса РФ, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

При этом закон не устанавливает, какое из выше перечисленных прав является преобладающим или, другими словами, составляет суть права собственности. Из смысла закона ясно, что право собственности является комплексом перечисленных равноправных полномочий и в любом случае, нет оснований утверждать, что извлечение прямых полезных свойств есть осуществ-

ленное право собственности, а уничтожение нет. В таком случае непонятно, в связи с чем, Гаухманом из всех прав собственника именно право уничтожения или повреждения имущества признано «ущербным» и не порождающим вывода о корыстной цели. Предположительно, автором также несколько смещена граница между понятиями цели и мотива. Ведь очевидно, что и незаконное тайное изъятие угля для его уничтожения (сжигания в печи, что одновременно является и извлечением полезных свойств) и незаконное тайное изъятие дорогостоящей вещи с целью ее последующего уничтожения (ввиду зависти) трудно не признать хищениями. Мы полагаем, что мотив незаконного изъятия с целью дальнейшего распоряжения как собственностью никакого квалифицирующего значения иметь не может.

Корыстная цель, в свою очередь, обуславливает форму вины при хищениях как умышленную, более того, наличие такой субъективной модели (цели) будущего преступного результата, как хищение чужого имущества, предполагающей совершение активных целенаправленных действий для его достижения, всегда сопряжённых, в том числе, с преодолением препятствующих объективных факторов, в любом случае предполагает исключительно прямой умысел как вид вины.

Так, сторонники данного вывода полагают, что цель как признак субъективной стороны преступления связана не только с мотивом, но и с виной. Включение специальной цели в субъективную сторону конкретного преступления свидетельствует о целенаправленном характере дея-

Литература:

1. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. 364 с.
2. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. 304 с.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.93 г. (с изменениями от 21.07.14 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета 23 декабря 1993 г.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями от 19.02.18 г. № 35-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое (с изменениями от 16.05.17 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
6. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ (№ 6-049/98). Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 1998 г. по уголовным делам // Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 9.

ния ... следует констатировать, что специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом. Ни неосторожные преступления, ни преступления с альтернативной формой вины, ни даже преступления, совершение которых возможно с любым видом умысла, никогда не включают в себя специальной цели сформулированной законодателем [9, с. 150].

В хищениях виновный сознает, что в результате его действий определенное чужое имущество переходит в его обладание и желает этого. Он сознает также противоправный и безвозмездный характер завладения имуществом. В содержание умысла входит и сознание виновным формы хищения, а также в соответствующих случаях наличия квалифицирующих признаков [10, с. 180].

Исходя из выше изложенного, корыстной целью следует признать мысленную модель обладания чужим имуществом для распоряжения им как своим собственным в полном объеме прав собственника (за исключением приведенных выше случаев использования либо процесса изъятия имущества как такового для глумления над личностью при хулиганстве или, в частности, как способ «восстановления» прав при самоуправстве, когда отсутствует цель заведомо незаконного или необоснованного «возведения» лицом себя фактически в статус собственника). Кроме того, не следует в данном случае корыстную цель, как признак элемента состава смешивать с другими признаками понятия хищения – безвозмездностью и противоправностью, являющимися самостоятельными конструктивными категориями.

Literature:

1. *Trainin A.N.* The general theory of the crime. M., 1957. 364 p.
2. *Kudryavtsev V.N.* General theory of qualification of crimes. M., 2004. 304 p.
3. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/93 (amended on July 21, 1414 № 11-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta on December 23, 1993.
4. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on February 19, 1998 № 35-FZ) // Meeting of the Legislation of the Russian Federation. 1996. June 17th. № 25. Art. 2954.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 29 of December 27, 2002 «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery (as amended on May 16, 1717) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 2.
6. Definition of the Military Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation (№ 6-049/98). Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the II quarter of 1998 in criminal cases // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation 1998. № 9.

7. Гаухман Д.Л. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. 448 с.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями от 29.12.17 г. № 459-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, Ст. 3301.

9. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. 304 с.

10. Рарог А.И. Российское уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / А.И. Рарог, Л.В. Инногамова-Хегай, В.С. Комиссаров. М. : Проспект, 2007. 664 с.

7. *Gaukhman D.L.* Qualification of crimes: law, theory, practice. M., 2003. 448 p.

8. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.11.1994 № 51-ФЗ (as amended on December 29, 1717 № 459-ФЗ) // Meeting of the Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, № 32, Art. 3301.

9. *Rarog A.I.* Qualification of crimes on a subjective basis. SPb., 2003. 304 p.

10. *Rarog A.I.* Russian criminal law. The special part : studies. allowance / A.I. Rarog, L.V. Innogamova-Khegai, V.S. Komissarov. M. : Prospectus, 2007. 664 p.

Галустян Алексей Арсенович
аспирант,
Российский университет дружбы народов
galustyan_alexey@mail.ru

ПРИЗНАНИЕ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье кратко рассматриваются изменения, внесенные в Закон о банкротстве [7] в 2017 году. В частности, в статье проанализированы изменения в презумпцию признания сделки недействительной как основания для привлечения к субсидиарной ответственности. Также в статье содержится анализ сложившегося в судебной практике подхода относительно применения данной презумпции доведения должника до несостоятельности (банкротства). Статья содержит вывод о несправедливости применения презумпции признания сделки недействительной как основания привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности и, соответственно, возложения на него обязанности исполнить все обязательства должника вместо возмещения убытков, причиненных недействительной сделкой.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, презумпция доведения должника до банкротства, убытки.

Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ были внесены существенные изменения в Закон о банкротстве, касающиеся привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Так, ранее действовавшая статья 10 Закона о банкротстве, содержащая, в частности, презумпции доведения должника до банкротства, была отменена, и вместо нее в Закон о банкротстве была введена отдельная глава III.2 («Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве»).

Существенность и актуальность изменений подтверждается также тем, что практически сразу появились очень важные разъяснения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017 [6] и письмо ФНС от 16.08.2017 [3].

В ранее действовавшей статье 10 Закона о банкротстве было закреплено, что пока не доказано иное, предполагается, что должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие дейст-

Galustyan Alexey Arsenovich
Ph.D Candidate,
Peoples' Friendship University of Russia
galustyan_alexey@mail.ru

INVALIDITY OF LEGAL TRANSACTION AS A GROUND FOR IMPOSING SECONDARY LIABILITY

Annotation. The article briefly deals with the amendments to the Bankruptcy Act made in 2017. In particular, the article contains an analysis of amendments to assumption of invalidity of legal transaction as a ground for bringing to secondary liability. The article also provides an analysis of the case law approach regarding the application of this assumption. The article contains a conclusion about the unfairness of applying assumption of invalidity of legal transaction as a ground for bringing a controlling person to secondary liability and, accordingly, imposing on him the obligation to fulfill all debtor's obligations instead of recovery of damages caused by an invalid transaction.

Keywords: the debtor's controlling person, secondary liability, the assumption of bringing the debtor to bankruptcy, damages.

вий и (или) бездействия контролирующих должника лиц при наличии одного из следующих обстоятельств причинен вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника, включая сделки, указанные в статьях 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве [7].

Однако в судебной практике при применении данной нормы был выработан следующий подход: если сделка признана недействительной, но при этом в результате заключения сделки из конкурсной массы было выведено имущество, имеющее небольшую ценность относительно стоимости всех активов должника (т.е. заключение сделки причинило «несущественный» вред), то суды отказывали в привлечении к субсидиарной ответственности (см., например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.04.2017 по делу № А55-5290/2012 [4], Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.08.2016 по делу № А42-8026/2011 [5]).

В новой главе III.2 Закона о банкротстве в данную презумпцию было внесено небольшое изменение: теперь в Законе о банкротстве указано, что признание не любой сделки недействительной является презумпцией невозможности полного погашения требований кредиторов, а только сделки, причинившей существенный вред имущественным правам кредиторов (подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Таким образом, изменения, внесенные в ранее действовавшую презумпцию, в целом закрепили принятый в судебной практике подход.

При этом необходимо отметить, что ни в Законе о банкротстве, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 не содержится четких критериев существенности причиненного вреда.

Так, в пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [6] разъяснено, что согласно подпункту 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве презумпция доведения до банкротства в результате совершения сделки (ряда сделок) может быть применена к контролирующему лицу, если данной сделкой (сделками) причинен существенный вред кредиторам. К числу таких сделок относятся, в частности, сделки должника, значимые для него (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно являющиеся существенно убыточными. При этом следует учитывать, что значительно влияют на деятельность должника, например, сделки, отвечающие критериям крупных сделок (статья 78 Закона об акционерных обществах, статья 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и т.д.).

При этом представляется, что к данной категории сделок могут быть отнесены не только крупные сделки.

В пункте 4.1.1 Письма ФНС России от 16.08.2017 [3] также отмечается, что новая редакция Закона о банкротстве не содержит критериев, по которым возможно квалифицировать вред как существенный или несущественный.

В этой связи с учетом аналогии пункта 2 статьи 61.2, статьи 78 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», статьи 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» ФНС России рекомендует считать существенным вредом вред, причиненный сделками с активами на сумму сделки, эквивалентную 20–25 % общей балансовой стоимости имущества должника.

При этом в данном Письме ФНС указывается, что размер ответственности может быть уменьшен, а контролирующее лицо должно быть привлечено не к субсидиарной ответственности, а должно возместить убытки (если сделка не причинила существенного вреда).

Литература:

1. Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве:

Данный подход представляется разумным и справедливым.

При этом мы отмечаем, что, по нашему мнению, субсидиарная ответственность за совершение сделки, признанной впоследствии недействительной, в любом случае является несправедливой мерой ответственности по отношению к контролирующему лицу, по сравнению со взысканием с него убытков.

Для наглядности приведем следующий пример.

Директор, являющийся контролирующим лицом согласно статье 61.10 Закона о банкротстве, за полгода до возбуждения дела о банкротстве заключает сделку, в результате которой из конкурсной массы безвозмездно выводится имущество стоимостью 50 млн руб. До заключения этой сделки общая стоимость имущества должника составляла 70 млн руб.

Очевидно, что данная сделка, заключенная директором, причинила имущественным правам кредиторов должника существенный вред.

В то же время, размер требований кредиторов составляет 120 млн руб., т.е. у должника имеются признаки объективного банкротства.

Поскольку в конкурсной массе после заключения вышеуказанной сделки осталось имущество на 20 млн руб., то руководитель должника будет привлечен к субсидиарной ответственности на сумму 100 млн руб. (120 млн руб. – 20 млн руб.).

По нашему мнению, привлечение к ответственности на 100 млн руб. является несправедливым, поскольку вред был причинен только на сумму 50 млн руб.

Необходимо отметить, что подобный подход к критике субсидиарной ответственности встречается, например, в работе Егорова А.В., Усачевой К.А. «Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова» [2] или в работе Гутникова О.В. «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования» [1].

Нам представляется, что внесенные в Закон о банкротстве изменения являются правильными, поскольку исключают возможность применения формального подхода и привлечения к субсидиарной ответственности в связи с признанием недействительными любых сделок должника (вне зависимости от размера вреда). В то же время взыскание убытков в таком случае вместо привлечения к субсидиарной ответственности представляется более разумным и справедливым.

Literature:

1. Gutnikov O.V. The Liability of a Debtor's Manager and Other Persons in a Bankruptcy Case:

общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1.

2. *Егоров А.В.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А.В. Егоров, К.А. Усачева // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

3. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148 «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ».

4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.04.2017 по делу № А55-5290/2012.

5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.08.2016 по делу № А42-8026/2011.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

the General Novelty and Drawbacks of Legal Regulation // Business Law. 2018. № 1.

2. *Egorov A.V.* Secondary liability for bringing to bankruptcy is a disappointing equivalent of piercing of corporate veil doctrine / A.V. Egorov, K.A. Usacheva // The Journal of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2013. № 12.

3. Letter of the Federal Tax Service of Russia on 08.16.2017 №, SA-4-18/16148 «On the application by tax authorities of the provisions of Chapter III.2 of the Federal Law № 127-FZ of October 26, 2002».

4. Resolution of the Commercial (Arbitrazh) Court of Povolzhskiy District on April 10, 2017 in case № А55-5290 /2012.

5. Resolution of the Commercial (Arbitrazh) Court of the North-Western District of August 29, 2016 on case № А42-8026 /2011.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on December 21, 2017 № 53 «On some issues related to the bringing of persons controlling the debtor to liability in bankruptcy».

7. Federal Law № 127-FZ of October 26, 2002 «On insolvency (bankruptcy)».

Галь Анна Евгеньевна
аспирантка,
Кубанский государственный университет
anutkanechka@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ, СОВЕРШИВШЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С НЕЗАКОННЫМ ОТЧУЖДЕНИЕМ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассмотрена криминалистическая характеристика преступной группы, совершившей преступление, связанное с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в муниципальной собственности. Проведен криминалистический анализ организованной преступной группы причастной к совершению исследуемой категории преступлений (пол, семейное положение, состав группы, сфера трудовой деятельности, наличие практического опыта и т.д.). Путем обобщения практики исследуемого вида преступления автором выделены признаки организованной группы.

Ключевые слова: преступная группа, криминалистическая характеристика преступной группы, земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, элементы предмета доказывания, преступление, участники преступной группы.

■ ■ ■

У становление лиц, совершивших преступные посягательства, является одной из приоритетных задач в деятельности правоохранительных органов по расследованию и раскрытию преступлений.

Анализ правоприменительной практики и статистических данных свидетельствует об увеличении преступлений против собственности в сегменте преступлений в сфере экономики [1], несмотря на существование норм уголовного законодательства об ответственности за их совершение. Особой категорией преступлений являются те, объектами которых являются земельные участки, находящиеся в собственности муниципального образования.

Практикой подтверждается, что при рассмотрении уголовного дела судебными органами стороной, поддерживающей государственной обви-

Anna E. Gal
Post-graduate Student,
Kuban State University
anutkanechka@yandex.ru

SOME ASPECTS OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF A CRIMINAL GROUP WHO COMMITTED A CRIME RELATED TO THE ILLEGAL ALIENATION OF LAND PLOTS IN MUNICIPAL OWNERSHIP

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the criminalistic characteristics of a criminal group that committed a crime related to the illegal alienation of land plots in municipal ownership. Conducted forensic analysis of organized criminal groups involved in the Commission of the studied categories of crime (gender, marital status, composition of the group, field of work, practical experience, etc.). By generalizing the practice of the investigated type of crime, the author identifies the signs of an organized group.

Keywords: criminal group, criminalistic characteristics of a criminal group, land plots in municipal ownership, elements of the subject of proof, a crime, members of a criminal group.

■ ■ ■

нение, нередко указывается на высокую общественную опасность совершаемых преступлений именно в связи с отнесением объекта преступления к муниципальной собственности.

Большая часть преступных посягательств на земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности многостадийны и совершаются в составе преступных групп, в связи с чем вопрос об особенностях расследования таких преступлений организованной группой остается актуальным и сегодня.

Сложность в расследовании данного вида преступлений обусловлена тем, что большинство преступлений совершаются организованными группами лиц, соблюдающими методы конспирации, заключающиеся в исключении возможности распространения сведений о преступной деятельности, в ведении переговоров, раскры-

вающих деятельность преступной группы в людных местах, при этом не использовать и не иметь рядом с собой устройств сотовой связи, во избежание контроля данных разговоров со стороны правоохранительных органов. Зачастую, практикой подтверждается, что совершению преступления предшествует и сопутствует огромное количество незаконных деяний, будь то подделка официальных документов, штампов, печатей, подписей, справок, землеустроительной документации, так и наведение справок о деятельности организаций, подыскивание сообщников и т.п.

Сам факт совершения организованной группой преступления, посягающего на земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, и предопределяет особенности данного вида преступления и как следствие – особенности его расследования. Для субъекта расследования в данном случае важна информация о составе данной группы, личностных и профессиональных качествах, взаимоотношениях внутри самой группы, наличие (отсутствие) конфликтных отношений в группе, распределение ролей, иерархия и т.д.

Еще одним моментом, определяющим особенность расследования преступлений, связанных с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, является то, что преступники, завладев земельным участком, стараются как можно быстрее от него «избавиться», совершая различного рода сделки (купля-продажа, дарение, переуступка прав и пр.), при этом, вводя в заблуждение работников регистрирующих органов о законном возникновении прав на данное имущество. Преступники стараются как можно быстрее реализовать данное имущество путем интеграции в официальную сферу экономических отношений: внешне происходит создание «видимости» легальных гражданско-правовых сделок путем введения контрагентов по сделкам в заблуждение относительно законности приобретения титула собственности на похищенное имущество.

Совершению таких преступлений способствует четкое распределение обязанностей между участниками группы, в том числе, подыскивание человека для «первичного» оформления земельного участка (практика показывает, что зачастую преступники «не оформляют на себя» права на земельные участки, и, как правило, путем обмана и злоупотребления доверием подыскивают человека из числа своих родственников или знакомых и в дальнейшем оформляют доверенность на право совершения действий по распоряжению земельным участком). Далее, преступниками подыскивается лицо, которому можно было бы реализовать данный земельный участок. Потенциального контрагента по сделке вводят в заблуждение, предъявляя ему в качестве доказательства законности приобретения права собственности поддельные схемы, правоустанавливающие документы и пр. Все это свидетельствует о коллективном объединении как моральных, так и материальных ресурсов каждого участника при подготовке, совершении и со-

крытия следов преступления в целях незаконного обогащения от преступной деятельности.

Отдельные ученые в качестве основных элементов предмета доказывания, которые должны быть установлены при расследовании мошенничества, выделяют также информацию, как распределялись обязанности по подготовке, совершению и сокрытию преступления между членами преступной группы, кто именно из членов группы непосредственно входил в доверие потерпевшему; не привлекался ли виновный ранее к ответственности [2, 3].

Учитывая, что преступления, связанные с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, имеют достаточно «сложную» схему их совершения за счет большого количества федеральных, региональных и местных правовых актов, регламентирующих порядок приобретения прав на земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, что неизбежно требует от преступников большой подготовительной работы и объединения «усилий». Преступления данной категории «многоэпизодичны», в связи с чем следователю необходимо выявить «всю цепочку» преступной деятельности, установить всех участников преступной группы, выявить ее организатора.

Проведенный нами анализ уголовных дел [4], связанных с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, показал, что более 50 % преступлений были совершены в составе организованных групп.

Д.Н. Лозовский предлагает в качестве структурного элемента криминалистической характеристики преступной группы выделять сведения о личности типичных преступников [5, 12].

Из 36 участников преступных групп (по 14 преступлениям, совершенным в составе организованных групп): лица мужского пола – 27, что составляет 75 %, женщины – 9, что составляет 25 %. Анализ показывает, что мужчины чаще совершают преступления исследуемого вида. Однако стоит заметить, что показатель участия в совершении преступлений женщин достаточно высок. Это может объясняться сменой политических убеждений в обществе, трансформации убеждений о том, что роль женщины состоит в создании семьи и продолжении рода, сейчас женщины довольно часто занимают руководящие должности на службе в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Из 9 женщин, используя свое должностное положение, преступления совершили 7 (в большинстве случаев – в качестве организатора преступной группы), что составляет 78 %.

Организованные группы отличаются небольшим составом – в среднем 2–3 человека. Как справедливо отмечает Д.Н. Лозовский, группа не является исключительно совокупной численностью ее членов, а приобретает новые качества, придающие им повышенную общественную опасность, затрудняющие их разоблачение [6, с. 79].

Высшее образование имеют 72 % соучастников, 28 % – среднее специальное образование. Это объясняется, в первую очередь, необходимостью разбираться в законодательных актах о приобретении прав на земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности. Кроме того, учитывая, что довольно большая часть преступлений совершается должностными лицами, наличие высшего образования является одним из обязательных квалификационных требований для замещения должностей в органах государственной власти или органах местного самоуправления.

В 71 % случаев сфера деятельности соучастников относилась к формированию земельных участков, изготовлению чертежей, официальных документов, практика показывает, что они обладают знаниями об официальном порядке регистрации права собственности. Преступники имеют доступ (лично или через знакомых лиц) к сведениям о земельных участках, не предоставленных юридическим и физическим лицам и распоряжение которыми осуществляется уполномоченным органом местного самоуправления; о постановке земельных участков на кадастровый учет; о наличии (отсутствии) строений на земельном участке; к архивным сведениям о предоставлении земельных участков и т.д.

По исследованным нами уголовным делам 83 % соучастников состояли в зарегистрированном браке.

Изучение уголовных дел данной категории позволило установить, что по большинству из них вынесены обвинительные приговоры, которые впоследствии обжаловались стороной защиты, но вместе с тем, судами апелляционной инстанции были оставлены в силе решения районных судов.

Зачастую преступники давали показания о своей невиновности и непричастности к преступной деятельности. Знание такой криминалистической особенности позволяет следователю заблаговременно выстроить тактику следственных действий.

Обобщение фактов правоприменительной деятельности относительно преступной деятельности данного вида позволяет сделать вывод о наличии в группе следующих признаков:

– устойчивость и сплоченность, которые выразились в тщательном подборе членов организованной преступной группы её создателем, с учетом ранее сложившихся между членами организованной группы дружеских отношений по месту постоянного проживания, имеющих опыт работы в сфере осуществления государственного кадастрового учета недвижимого имущества, образования земельных участков и государственной регистрации на них права собственности, то есть, обладающих знаниями в области земельного законодательства, а также юриспруденции.

Кроме того, признак устойчивости выражается в продолжительности существования созданной

преступной группы, постоянства её состава, количестве совершенных преступлений, тщательном планировании, подборе объектов преступных посягательств и распределении ролей между всеми участниками. Практикой подтверждается, что члены организованной группы были задолго знакомы до ее создания, совместно осуществляли свою трудовую деятельность, взаимодействовали по вопросам осуществления государственного кадастрового учета недвижимого имущества, образования земельных участков и т.д.;

– профессиональный подход при подборе участников организованной группы, основанный на анализе опыта работы членов организованной группы в указанных сферах и их профессиональных знаний, наличия дружеских связей с сотрудниками территориальных подразделений государственных органов и органов местного самоуправления;

– меры конспирации, заключающиеся в исключении возможности распространения сведений об их преступной деятельности, в ведении переговоров, раскрывающих деятельность преступной группы в безлюдных местах, при этом не использовать и не иметь рядом с собой устройств сотовой связи во избежание контроля данных разговоров со стороны правоохранительных органов;

– распределение денежных средств при незаконном приобретении права на земельные участки, находящиеся в публичной собственности, между какими именно членами преступной группы и как распределялись денежные средства, вырученные от продажи.

В предмет доказывания входит также установление личности организатора преступной группы.

По результатам анализа уголовных дел можно сделать вывод о том, что личность организатора преступной группы характеризуется, как правило, такими личными качествами, как общительность. Организатор преступной группы, можно сказать, имеет привилегированное положение в обществе, за счет отличных коммуникативных функций организатор может зайти в любой кабинет и к любому сотруднику органа, уполномоченного на решение землеустроительных вопросов, имеет свободный рабочий график.

Организатора преступной группы отличает властность, самоуверенность, категоричность, ведение переговоров тоном, нетерпящим возражения, а исполнителя, наоборот – прислушивание к мнению окружающих, потребность в указании, что делать.

Выявление признаков преступной группы, совершивших преступление, связанное с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, является одним из элементов криминалистической характеристики преступной деятельности. Исследование криминалистических характеристик пре-

ступной группы позволяет следователю выстроить тактику следственных действий при расследовании дел вышеуказанной категории, что в

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2017 года. М. : Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2017. 49 с.
2. *Аверьянова Т.В.* Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Российская; Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. М. С. 743.
3. *Руденко А.В.* Криминалистический взгляд на формализацию процесса доказывания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 113–116.
4. По специально-разработанной анкете были исследованы 24 уголовных дела.
5. *Лозовский Д.Н.* Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с организованной преступной деятельностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2011.
6. *Лозовский Д.Н.* Методы расследования преступлений : монография. Майкоп, 2010.

итоге способствует формированию приемов и методов борьбы с организованной преступностью.

Literature:

1. A condition of crime in Russia for January – September, 2017. M. : Main information and analysis center Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. 49 c.
2. *Averyanova T.V.* Russian Kriminalistika : textbook / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Russiyskaya; for higher education institutions. Under the editorship of. Honored worker of science of the Russian Federation, professor R.S. Belkin. M. P. 743.
3. *Rudenko A.V.* Criminalistic view of proof process formalization // Theory and practice of social development. 2015. No. 20. P. 113–116.
4. Under the special developed questionnaire 24 criminal cases were investigated.
5. *Lozovsky D.N.* The criminalistic doctrine about methods of investigation of crimes and its realization in practice of fight against organized criminal activity: yew.... edging. law sciences. SPb. 2011.
6. *Lozovsky D.N.* Methods of investigation of crimes : monograph. Maykop, 2010.

Данилов Данил Борисович
преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности,
Краснодарский университет МВД России
02.02.1976@bk.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ГРАЖДАН В ЦЕЛЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИИ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматриваются проблемы законодательного определения перечня уголовных наказаний за преступления, связанные с нарушением застройщиком установленного законодательством порядка привлечения денежных средств граждан для участия в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

Ключевые слова: долевое строительство, уголовная ответственность, уголовное законодательство, преступление, экономическая деятельность, жилище, недвижимость.

■ ■ ■
У становление уголовно-правового запрета на общественно-опасное поведение, зачастую обеспечивается эффективностью мер государственно-правового реагирования на факты его нарушения, одновременно с этим обеспечивая предупредительное воздействие на не желаемое поведение.

Процесс криминализации деяния, наряду с признанием его общественной опасности, связан с определением видов наказаний назначаемых за его совершение, а также установлением их размеров.

Задача уголовного права состоит в удовлетворении чувств социальной справедливости [1]. В связи с этим, уголовному закону отводится одно из наиболее важных мест в процессе регулирования общественных отношений, которые складываются в социуме. Уголовное законодательство регулирует множество сторон общественной жизни, среди которых наиболее важное значение имеют вопросы противоправных деяний и соответствующей реакции со стороны государства на их совершение в виде наказуемости [2].

Danil. B. Danilov
Teacher of Chair Operational-search Activity,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
02.02.1976@bk.ru

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR BREACH OF ATTRACTING MONETARY FUNDS OF CITIZENS FOR THE ORGANIZATION OF SHARED CONSTRUCTION OF APARTMENT HOUSES AND OTHER REAL ESTATE IN RUSSIA

■ ■ ■
Annotation. Problems of legislative definition of the list of criminal punishments for the crimes connected with violation by the Builder of the order of attraction of money of citizens established by the legislation for participation in share construction of apartment houses and (or) other real estate objects are considered.

Keywords: shared construction, criminal liability, criminal law, crime, economic activities, housing, real estate.

■ ■ ■
Вместе с этим, вопросы наказуемости представляют собой крайнюю меру, применение которой, о чем свидетельствуют результаты анализа законодательства, не обладает однозначностью и неоспоримостью. Предусмотренный ст. 7 УК РФ принцип гуманизма предполагает не только достижение цели защиты человека, но и условия реализации закрепленного комплекса уголовно-правовых мер, при этом даже сам процесс позитивного движения к их достижению способен оказать позитивное влияние на лицо, преступившее положения уголовного закона, в противном же случае их нельзя признать целесообразными [3]. Именно на это и рассчитан институт освобождения от уголовной ответственности, который представляет собой, по своей сути, альтернативу осуждению лица [4].

Анализ генезиса оснований освобождения от уголовной ответственности позволяет прийти к заключению, что освобождение от уголовной ответственности представляет собой самостоятельный институт, что не оспаривается боль-

шинством ученых. Однако, как показывает анализ его развития, он видоизменяется и совершенствуется, приобретая форму компромисса в урегулировании уголовно-правового конфликта, что особенно важно для преступлений в сфере экономической деятельности.

Процесс криминализации общественно-опасных деяний в сфере экономической деятельности, в первую очередь, носит регулятивный характер. Определяя допустимые и недопустимые формы экономической деятельности, зачастую, законодатель предусматривает возможность избежать уголовной ответственности, посредством выполнения необходимых условий, как правило, носящих компенсационный характер.

Установив уголовную ответственность за противоправные действия недобросовестных застройщиков, состоящие в привлечении денежных средств граждан, с нарушением установленного законодательством России порядка, законодатель попытался минимизировать вероятность причинения имущественного ущерба гражданам, участвующим в долевом строительстве. Очевидно, что вероятность угрозы причинения имущественного ущерба обусловлена допускаемыми застройщиком нарушениями, установленного законом порядка, привлечения денежных средств граждан для строительства многоэтажных домов. В свою очередь, признание данного деяния общественно опасным и его юридическое закрепление в ст. 2003 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) должно способствовать повышению превентивной функции уголовного законодательства, в части охраны имущественных интересов граждан, что в условиях роста числа «обманутых дольщиков» имеет принципиальное значение [5].

До принятия соответствующих поправок в УК РФ в качестве легальных средств воздействия на недобросовестных застройщиков в целях защиты имущественных интересов граждан, использовались такие механизмы как:

- 1) установление высоких требований предъявляемых к форме, содержанию и порядку заключения договоров долевого участия в строительстве;
- 2) обязательное страхование ответственности застройщика;
- 3) создание и ведение специального реестра граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены (так называемый реестр обманутых дольщиков);
- 4) административная ответственность, предусмотренная ст. 14.28 КоАП РФ.

В некоторых случаях имущественные интересы обманутых дольщиков защищались путем привлечения руководителей и лиц, осуществляющих финансовую деятельность в интересах застройщика, к уголовной ответственности по ст. 159, 160, 171, 201 УК РФ.

Принимая во внимание неоспоримое значение нормы ст. 2003 УК РФ в контексте рассматриваемых вопросов, её юридическая архитектура ставит немало вопросов перед правоприменителем в части толкования её положений и их практической реализации. По нашему мнению, одной из таких проблем является использование законодателем достаточно общих понятий, в основном определяющих содержание объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 2003 УК РФ. В частности, устанавливая основание уголовной ответственности в ст. 2003 УК РФ, законодатель использует формальную технику конструирования признаков объективной стороны, ограничиваясь описанием признаков деяния состоящего в привлечении денежных средств от граждан «с нарушением законодательства РФ об участии в долевом строительстве», совершенное либо в крупном размере (3 млн рублей), либо группой лиц по предварительному сговору или в особо крупном размере (5 млн рублей).

Принимая во внимание бланкетный характер диспозиции анализируемой нормы, установление признаков общественно опасного деяния требует обращения к нормативно-правовым актам, определяющим порядок и основания привлечения денежных средств участника (создания) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, имеющим иную отраслевую принадлежность [6].

При этом для признания преступления окончательным достаточно самого факта нарушения требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве. Мы полагаем, что избранная законодателем формальная конструкция нормы ст. 2003 УК РФ должна служить правовой основой оперативного реагирования на факты нарушения законодательства и обеспечивать упреждающее воздействие до причинения потерпевшему реального имущественного ущерба.

Однако наряду с очевидными преимуществами формальной конструкции анализируемой нормы её практическое применение может создать немало сложностей в случаях изменения обстоятельств, при которых на момент привлечения денежных средств граждан, застройщик соответствовал требованиям законодательства об участии в долевом строительстве, но в последующем, в результате тех или иных событий, перестала соответствовать им. Исходя из буквального толкования нормы ст. 2003 УК РФ, можно сделать вывод о том, что она не может распространять свое действие на подобные факты, поскольку анализируемая статья устанавливает ответственность за привлечение, а не пользование денежными средствами граждан в нарушение установленного законодательством порядка. Но при таком подходе нивелируется главная её цель – защита имущественных интересов дольщиков, поскольку, инвестировав денежные средства в долевое строительство, при подобных обстоятельствах, повышается риск заморозки

финансовых активов граждан вместе со строящимся объектом недвижимости, что приведет к возникновению уголовно-правового конфликта.

В целях преодоления подобных ситуаций, законодатель предусмотрел возможность её разрешения путем выполнения определенных условий сформулированных в примечании 2 к ст. 2003 УК РФ. Данное примечание предусматривает императивные основания освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление предусмотренного данной статьей, если оно возместит в полном объеме сумму привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами), либо предпримет меры, которые позволят ввести в эксплуатацию многоквартирный дом либо иной объект недвижимости, в строительство которого были инвестированы средства граждан.

Анализируемое примечание предполагает выполнение застройщиком одного из двух альтернативно сформулированных условий, что является императивным (безусловным) основанием освобождения от уголовной ответственности:

- 1) возмещение в полном объеме суммы привлеченных денежных средств;
- 2) принятие мер, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости были введены в эксплуатацию.

Сформулированные в примечании к ст. 2003 УК РФ условия способны исчерпывающим образом преодолеть уголовно-правовой конфликт, возникший в связи с нарушением законодательства в сфере долевого строительства и исключить возможные риски причинения имущественного ущерба, что для граждан будет иметь более важное значение, чем реально отбытое виновным наказание.

Признавая важность сформулированных в примечании положений, а также их превентивный характер, обеспечивающий защиту имущественных интересов граждан, участвующих в долевом строительстве, необходимо отметить, что сам по себе возврат денежных средств в условиях текущей инфляции и стабильного роста стоимости жилой площади, становится для потерпевшего не самым лучшим решением.

В контексте рассматриваемых вопросов, будет

Литература:

1. *Наумов А.В.* Реализация уголовно-правовых норм и деятельность следователя : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1983. С. 64.
2. *Полуэктов А.Г.* Место института освобождения от уголовной ответственности в системе уголовно-правовых средств воздействия в отношении лиц, преступивших уголовный закон // Проблемы экономики и юрид. практики. 2017. № 4. С. 108.

уместно обратиться к примерам сложившейся практики освобождения от уголовной ответственности за отдельные виды преступлений в сфере экономической деятельности, где наряду с возмещением суммы невыполненных обязательств на виновного возлагается обязанность уплаты суммы пени и штрафа. Речь идет о положениях сформулированных в примечании 2 к ст.ст. 198, 199–1991 УК РФ, из которых следует, что одним из оснований освобождения от уголовной ответственности является необходимость полного возмещения виновным суммы недоимок и соответствующей пени, а уплаты штрафа в размерах, определяемых с Налоговым законодательством РФ.

Несмотря на то, что уголовный закон не приемлет аналогии уголовно-правовых норм, мы считаем уместным преломить имеющийся законодательный опыт урегулирования уголовно-правового конфликта, возникающего в связи с уклонением от исполнения налоговых обязательств, и на исследуемую сферу экономической деятельности.

Главным аргументом в избранной нами позиции является очевидный факт недобросовестного пользования застройщиком денежными средствами граждан, привлеченными в нарушение установленного законом порядка, оплаты своих услуг и строительства объекта жилой недвижимости, в то время как платежный потенциал суммы привлеченных денежных средств может быть существенно понижен в условиях инфляции и роста рыночной стоимости недвижимого имущества. С учетом выше изложенных обстоятельств, считаем необходимым возложения на застройщика, пользующегося определенным период времени деньгами, бремени возмещения понесенных убытков, в связи с обесцениванием денежных средств. Таким образом, естественным является возложение на застройщика инфляционных рисков, он ответственности за весь объем денежных средств участников долевого строительства, размещенных на его счету.

Резюмируя выше изложенное мы считаем, что при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по ст. 2003 УК РФ необходимо наряду с возмещением потерпевшему реального ущерба, предусмотреть необходимость уплаты соответствующих процентов по денежным обязательствам.

Literature:

1. *Naumov V.* Implementation of criminal law and the activities of the investigator : studies. benefit. Volgograd : Publishing house of the USSR interior Ministry, 1983. P. 64.
2. *Poluektov, A.G.* Place of Institute of exemption from criminal responsibility in the criminal-legal measures of influence in respect of persons in conflict with the criminal law // problems of Economics and the faculty of law. practices. 2017. № 4. P. 108.

3. *Новиков В.А.* Освобождение от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 3.

4. *Полуэктв А.Г.* К вопросу о генезисе института освобождения от уголовной ответственности // Пробелы в рос. законодательстве. 2017. № 4. С. 194.

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве». URL : <http://docs.cntd.ru/document/420227745> (дата обращения 13.11.2018 г.).

6. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (в ред. ФЗ от 1 июля 2017г. № 141-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. №1 (часть I). ст. 40.

3. *Novikov V.A.* Exemption from criminal liability : dis ... kand. the faculty of law. sciences'. Krasnodar, 2003. C. 3.

4. *Poluektov A.G.* To the question of the Genesis of the Institute of exemption from criminal liability // Gaps in the Russian Federation. legislation. 2017. № 4. P. 194.

5. Explanatory note to the draft Federal law «On amendments to the criminal code of the Russian Federation, the code of Criminal procedure of the Russian Federation And the code of administrative offences of the Russian Federation regarding the establishment of criminal liability for violation of legislation on participation in the shared construction of apartment buildings and (or) other real estate and misuse of funds, paid by participants of shared construction under the contract of participation in shared construction». URL : <http://docs.cntd.ru/document/420227745> (date of circulation 13.11.2018).

6. About participation in share construction of apartment houses and other real estate objects and about modification of some legal acts of the Russian Federation: the Federal law of December 30, 2004 № 214-FZ (in the edition of FZ of July 1, 2017. № 141-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation of January 3, 2005 №1 (part I) of article 40.

Данильян Александр Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
fsin-1@yandex.ru

Alexander S. Danilyan

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Chief of Department of Criminal Proceedings,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
fsin-1@yandex.ru

Михайловская Ольга Валентиновна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
fsin-1@yandex.ru

Olga V. Mikhaylovskaya

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Criminal Proceedings,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
fsin-1@yandex.ru

**КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ
ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**MONITORING AND RECORDING
OF TELEPHONE CALLS: ISSUES
OF THEORY AND PRACTICE**

Аннотация. В данной статье анализируется процессуальный порядок производства следственного действия – контроль и запись переговоров, рассматриваются проблемы процессуальной регламентации производства данного следственного действия и его соотношение с оперативно-розыскным мероприятием – прослушивание телефонных переговоров.

Annotation. This article analyzes the procedural order of the investigative action – control and recording of telephone conversations, discusses the problems of procedural regulation of the production of this investigative action and its relationship with the operational-investigative measures – wiretapping;.

Ключевые слова: контроль и запись телефонных переговоров, следственное действие, прослушивание телефонных переговоров, осмотр и прослушивание фонограммы, получение судебного решения на производство следственного действия.

Keywords: control and recording of telephone conversations, investigative action, wiretapping, inspection and listening to the phonogram, obtaining a court decision on the production of investigative action.

Очень сложно представить современный мир без телефонной связи, в последнее десятилетие динамично набирающей обороты и внедряющейся абсолютно во все сферы жизнедеятельности человека. Каждый человек при себе имеет сотовый телефон. И преступная жизнь не является исключением. Так, телефонная связь используется участниками преступных групп для переговоров между собой намного чаще, нежели почтово-телеграфная корреспонденция.

ние правовой природы контроля и записи телефонных переговоров позволит повысить уровень защиты прав и свобод граждан в уголовном процессе, содействовать успешному осуществлению назначения уголовного судопроизводства, а также укреплению законности и правопорядка в стране.

В таких условиях важным критерием эффективной борьбы с преступностью является применение правоохранительными органами технических средств, предназначенных для получения информации, передаваемой, прежде всего, по линиям телефонной связи. И здесь, на наш взгляд, необходимо уделить пристальное внимание относительно новому и довольно сложному следственному действию – контроль и запись телефонных переговоров.

Известно, что впервые в Основах уголовного законодательства СССР 1990 года своё закрепление нашло такое следственное действие, как прослушивание телефонных переговоров. Однако в данном нормативно-правовом акте отсутствовала его процессуальная регламентация. Исправление этого пробела в праве затянулось на долгие десять лет. Лишь в УПК РФ 2001 года была введена обновленная норма относительно порядка проведения уже контроля и записи телефонных переговоров.

Споры относительно природы и правовой регламентации данного института не утихают по сей день. Именно поэтому комплексное рассмотре-

Отметим, существует несколько взаимоисключающих убеждений относительно природы контроля и записи телефонных переговоров. Так, Безлепкин Б.Т. полагает, что производство кон-

троля и записи телефонных переговоров осуществляются исключительно в рамках следственного действия. Напротив, Баев О.Я. убежден в том, что контроль и запись телефонных и иных переговоров не являются следственными действиями. При этом он не исключает использование их результатов в судебном доказывании [1].

Для того, чтобы разобраться в правильности высказываний, нам необходимо разграничить такие понятия, как следственное действие и оперативно-розыскное мероприятие. Однако стоит отметить, что ни Уголовно-процессуальный кодекс, ни Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не дает нам развернутое определение этих понятий.

Следственные действия – это производимые следователем в соответствии с уголовно-процессуальным законом процессуальные действия, целью которых являются собирание и проверка доказательств [2]. В свою очередь, под оперативно-розыскными мероприятиями понимаются предусмотренные действующим законодательством действия или совокупность действий, в рамках которых применяются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на решение задач оперативно-розыскной деятельности [3].

Исходя из вышесказанного, мы не можем назвать контроль и запись телефонных переговоров следственным действием. Во-первых, следователь непосредственно не принимает участия в нем, так как в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770, которое утверждает перечень специальных средств, используемых для негласного получения информации, такие средства вправе использовать специально уполномоченные лица.

Кто-то может не согласиться с нами по этому поводу, по аналогии исключив судебную экспертизу из ряда следственных действий, так как экспертизу проводит эксперт, а не следователь. Аргументируем свою точку зрения тем, что УПК РФ запрещает эксперту самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы, именно следователь ставит вопросы перед экспертом, выбирает экспертное учреждение, может присутствовать при производстве экспертизы, задавать вопросы по ходу производства следственного действия, проводить допрос эксперта относительно выданного им заключения и т.д.

Во-вторых, следственные действия, как правило, проходят гласно с участием либо уведомлением участников уголовного судопроизводства, с участием понятых либо с применением средств фиксации [4].

В-третьих, в соответствии со ст. 164 УПК РФ, в ходе производства ведется протокол, чего нель-

зя сказать о контроле и записи телефонных переговоров.

Двойственность природы контроля и записи телефонных переговоров приводит к дублированию процессуальных документов. Так как данное действие непосредственно затрагивает конституционное право на тайну телефонных переговоров, для его проведения требуется разрешение суда. Для этого следователь выносит мотивированное постановление о возбуждении перед судом ходатайства о проведении данного следственного действия. Получив разрешение суда, он направляет документы в орган дознания для исполнения. В свою очередь, начальник дознания должен получить разрешение на проведение оперативно-розыскного мероприятия (ст. 8 ФЗ «Об ОРД») По сути два разрешения суда на производство действия, которое в конечном итоге выполняется «одними руками».

Обратим внимание на п. 14.1 ст. 5 УПК РФ: «контроль телефонных и иных переговоров – прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм». Исходя из этого определения, выделим два этапа: Технический – прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств и процессуальный – осмотр и прослушивание фонограмм [5].

На наш взгляд, первый этап идентичен оперативно-розыскному мероприятию – прослушивание телефонных переговоров. В соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 186 УПК РФ следователь поручает техническое производство действия. На основании вышесказанного предлагаем внести изменения в ст. 186 УПК РФ следующего содержания:

1. Следственное действие: контроль и запись телефонных переговоров заменить возможностью следователя направлять поручение в орган дознания о производстве оперативно-розыскного мероприятия – прослушивание телефонных переговоров.
2. Норму о проведении прослушивания телефонных переговоров в срок до 6 месяцев предлагаем исключить, так как в настоящее время нет технической возможности проводить прослушивание столь длительный срок.
3. Полученную по результатам оперативно-розыскного мероприятия фонограмму осматривать и прослушивать в рамках такого следственного действия, как осмотр предметов и документов.

На наш взгляд, принятые меры помогут правоохранительным органам более рационально использовать предоставленную возможность ограничения конституционного права человека для расследования и раскрытия преступлений.

Literature:

1. *Sheyfer S.A. Investigative actions – whether are lawful new treatments? // LexRussica. 2015. № 10.*

Литература:

1. *Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // LexRussica. 2015. № 10.*

2. *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс : учебник для вузов (11-е изд., испр. и доп.). М., 2017.

3. *Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов (2-е изд., перераб. и доп.). М., 2013.

4. *Колосович М.С.* Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2.

5. *Павличенко Н.В.* Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3.

2. *Ryzhakov A.P.* Criminal proceedings: the textbook for higher education institutions (the 11th prod., испр. and additional). М., 2017.

3. *Markushin A.G.* Operational search activity : textbook for higher education institutions (the 2nd prod., the reslave. and additional). М., 2013.

4. *Kolosovich M.S.* Secret activities for criminal case // Current problems of Russian law. 2016. № 2.

5. *Pavlichenko N.V.* A combination of public and secret methods and means in criminal proceedings: innovation or legal reality? // Works of the MIA Academy of Management. 2017. № 3.

Догузова Оксана Руслановна
старший преподаватель
кафедры конституционного права
юридического факультета,
Горский государственный
аграрный университет
doguzova85@inbox.ru

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Автором рассматриваются проблемы законодательного определения объектов социальной инфраструктуры, в содержании объективных признаков состава преступления заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Устанавливается их связь с факультативными признаками объективной стороны (место, время, способ, обстановка совершения преступления). Обосновывается необходимость изменения законодательной конструкции ч. 2 ст. 207 УК РФ.

Ключевые слова: террористический акт, заведомо ложное сообщение, уголовное законодательство, объекты социальной инфраструктуры, место совершения преступления.

Участившиеся факты заведомо ложных сообщений об актах терроризма, наглядно демонстрируют изменение направленности этого преступления, которое из деяния представляющего разновидность хулиганства, приобрело форму террористической активности, способную реализовать политическую или экстремистскую мотивацию и обеспечить достижение целей, присущих террористическому акту, реализуемому в форме угрозы совершения взрыва, поджога или иных опасных деяний дестабилизирующих деятельность органов власти и объектов социальной инфраструктуры. Мы полагаем, что данное обстоятельство побудило законодательную власть к пересмотру качественных и количественных признаков определяющих степень и характер общественной опасности заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Предпринятая законодателем дифференциация уголовной ответственности лиц, за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, привела к установлению в ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) в качестве самостоятельного состава, установившего ответственность за заведомо ложное сообщение о

Oksana R. Doguzova
Senior Lecturer
of the Department of Constitutional Law,
Faculty of Law,
Mountain State Agrarian University
doguzova85@inbox.ru

THE PLACE OF MAKING A FALSE REPORT ABOUT AN ACT OF TERRORISM AND ITS CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE

Annotation. The article deals with the problems of legislative definition of social infrastructure objects, in the content of objective signs of the crime of knowingly false reports of an act of terrorism. Their connection with optional features of the objective party (the place, time, the way, the situation of Commission of crime) is established. The necessity of changing the legislative structure of part 2 of article 207 of the criminal code is substantiated.

Keywords: terrorist act, knowingly false report, criminal legislation, social infrastructure, crime scene.

готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 1 ст. 207 УК РФ). А также, признать квалифицированным видом преступления предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, деяния совершенные в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшие причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 207 УК РФ).

Данные положения демонстрируют стремление законодателя дифференцировать уголовную ответственность за совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма с учетом мотива и цели совершаемого преступления. В контексте рассматриваемого вопроса, представляется важным уяснение особенностей квалифицирующего признака, закрепленного в ч.2 ст. 207 УК РФ, повышающего степень опасности рассматриваемого преступления по причине нарушения деятельности объектов социальной инфраструктуры и причинения крупного ущерба.

Обращаясь к анализу законодательной техники, используемой законодателем при конструирова-

нии состава преступления предусмотренного ст. 207 УК РФ и формулировании его признаков, в частности, квалифицирующих, представляется возможным сделать вывод о формально-материальном характере ч. 2 ст. 207 УК РФ, где формальным является посягательство на объекты социальной инфраструктуры, а материальным – причинение крупного ущерба.

В этой связи мы считаем необходимым провести юридический анализ признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК РФ в целях уяснения правовой природы и законодательной точности использования данных признаков в конструкции анализируемой нормы.

Если с крупным ущербом более-менее понятно, его размер определен примечанием к ст. 207 УК РФ, согласно которому превышает один миллион рублей, а его качественная особенность характеризует общественно опасное последствие, то уголовно-правовая характеристика объектов социальной инфраструктуры, как признака состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, требует самостоятельного анализа.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 207 УК РФ, к объектам социальной инфраструктуры законодатель относят организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, различные предприятия и организации, обеспечивающие отдых и досуг населения, осуществляющие пассажирские перевозки, относящиеся к спортивно-оздоровительному комплексу, учреждения оказывающие услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.

Мы полагаем, что определение объектов социальной инфраструктуры, закрепляющее их расширительное понимание, весьма вероятно, может способствовать возникновению проблем в уяснении объема данного понятия и может служить предметом самостоятельного научного анализа.

В рассматриваемом аспекте, нас интересует уголовно-правовой характер объекта социальной инфраструктуры, как признака объективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Степень общественной опасности анализируемого преступления, существенно возрастает по причине объективной угрозы дестабилизации деятельности объектов социальной инфраструктуры, состоящей в нарушении общественной безопасности и спокойствия граждан, их эвакуации, проведении оперативно-поисковых и иных мероприятий. Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, нам представляется возможным предположить, что общим для объектов социальной инфраструктуры, является то, что все они представляют собой общественные места, т.е. предназначены для одновременного пребывания неопределенного либо относительно определенного круга людей.

В свою очередь, признаки, закрепленные в ч. 2 ст. 207 УК РФ являются квалифицирующими и дополняют основной состав ч. 1 ст. 207 УК РФ, предусматривающий ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное из хулиганских побуждений. Понимая заведомо ложное сообщение об акте терроризма как разновидность хулиганства, логичным было бы предположить, что данное преступление может быть совершено в отношении неопределенного круга лиц. К тому же, следуя позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной Постановлением «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [1], для преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, характерно явное неуважение к обществу, выражающееся в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

Обобщив изложенные суждения, мы полагаем возможным воспринять в качестве научной гипотезы предположение о признании объектов социальной инфраструктуры общественным местом, которое для целей ч. 2 ст. 207 УК РФ, является местом совершения преступления.

В свою очередь, установление правильности и достоверности сформулированного предположения требует обращения к доктринальным источникам, посвященным исследованию места совершения преступления как факультативного признака объективной стороны состава преступления.

Уголовно-правовая доктрина представлена различными точками зрения относительно определения места совершения преступления.

Согласно большинству из проанализированных авторских позиций, место совершения преступления принято рассматривать в широком смысле как часть физического пространства, т.е. территорию, на которой распространяется юрисдикция государства [2], а также в узком – определяющем пространственную характеристику преступления, прямо предусмотренную или опосредованно определенную в диспозициях норм Особенной части УК РФ [3].

К.Л. Акоев давал следующее определение: «Место совершения преступления – часть физического пространства, территория, описываемая в диспозиции уголовно-правовой нормы посредством указания на наиболее важные (для характеристики общественной опасности и видовой отличия преступлений) признаки, на которой выполнено преступное действие (бездействие) или наступил преступный результат либо преступление было завершено и пресечено» [4].

Согласно позиции автора, место совершения преступления может иметь различное значение для формальных и материальных составов преступлений.

Так, в формальных составах это будет место совершения общественно опасного деяния независимо от того, где наступят общественно опасные последствия, в то время как в материальных – местом совершения преступления следует признавать территорию, на которой наступили общественно опасные последствия.

В этой связи, в контексте рассматриваемого вопроса, с учетом формально-материальной конструкции, анализируемого состава, объекты социальной инфраструктуры следует рассматривать, как общественные места, в которых нарушается общественная безопасность по причине проводимых мероприятий, направленных на установление действительного характера сообщения об акте терроризма. В то время, как место совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма и его уголовно-правовое значение может иметь тройное значение:

- 1) место, из которого заведомо ложное сообщение было направлено;
- 2) место, в которое заведомо ложное сообщение было доставлено и соответствующим образом воспринято;
- 3) место, определенное заведомо ложным сообщением, в качестве конкретной территории.

Согласно позиции, высказанной М.А. Кауфманом, – преступление следует признавать совершенным там и тогда, где и когда совершено общественно опасное деяние, вне зависимости от наступления вредных последствий [5]. Мы полагаем, что мнение автора применимо исключительно к формальным составам преступлений, объективная сторона которых содержит прямое определение качественных признаков конкретной территории.

Принимая во внимание разнообразные способы совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма, используемые в последнее время, для совершения данного преступления вопрос о признании местом преступления территории, с которой информация была направлена, может иметь важное значение для реализации норм уголовного закона.

Использование преступниками Интернет-ресурсов, дающих возможность совершать телефонные звонки по всему миру с предоставляемых ими же временных абонентских номеров, серьезно осложняют установление преступников, поскольку серверы, на которых размещены эти ресурсы, располагаются за границей. Данное обстоятельство, усложняя возможность своевременного проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (т.к. их осуществление возможно только совместно с правоохранительными органами иностранных государств или Интерполом), одновременно с этим, требует решения вопроса о том, нормы какого уголовного закона должны применяться: Российской Федерации или уголовного закона иностранного государства, с территории которого направлялась заведомо ложное сообщение.

Так, в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий по фактам заведомо ложных сообщений о террористических актах во второй половине 2017 года стало известно, что анонимные звонки осуществлялись через Android – приложение «Позвонить бесплатно» с использованием телефона с IMEI-идентификатором 3579365 с IP-адресов, зарегистрированных на турецкого оператора «Turk telekomunikasyon anonim sirketi» [6].

Учитывая особенности анализируемого состава преступления, следует согласиться с тем, что само по себе место отправления заведомо ложного сообщения об акте терроризма не будет иметь значения для квалификации преступления и решения вопроса о признании преступления оконченным. Мы склонны считать, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма следует признавать оконченным не с момента направления соответствующей информации, а с момента его доставления адресату в качественном содержании, обеспечивающим надлежащее восприятие и принятие последним соответствующих мер по установлению достоверности полученного сообщения.

В свою очередь, время, в течении которого будет доставляться информация до адресата, следует признавать временем совершения преступления, и от того каким способом (почтовое отправление, телефонный звонок, электронное отправление, запись информации на телефонный автоответчик и т.д.) будет завесить длительность совершаемого деяния, что вполне вероятно, может служить основанием признания данного преступления – длящимся [7].

В этой связи, нам более важным представляется установление места, в которое доставляется заведомо ложное сообщение об акте терроризма, поскольку оно (место доставления информации) должно предполагать обязательное реагирование на полученное сообщение (правоохранительные органы), т.е. принятие комплекса мер, уполномоченными на то субъектами по установлению её действительного содержания и обнаружению источника заявленной угрозы. Именно с момента получения правоохранительными органами информации о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ, следует считать оконченным.

В свою очередь, дезорганизация деятельности объектов социальной инфраструктуры должна выступать в качестве признака характеризующего общественно опасного последствие, а не являться качественной особенностью общественно-опасного деяния.

Полученный вывод позволяет говорить о необходимости изменения ч. 2 ст. 207 УК РФ, которую, по нашему мнению, необходимо изложить следующим образом: «Деяние, предусмотренное

частью первой настоящей статьи, повлекшее нарушение деятельности объектов социальной инфраструктуры либо причинение крупного ущерба». Мы полагаем, что материальный характер квалифицированного вида заведомо

Литература:

1. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Российская газета от 21 ноября 2007 г. № 260
2. *Поддубный А.А.* Место совершения преступления при квалификации преступления. Определение // Российский следователь. 2001. № 3. С. 18.
3. *Акоев К.* Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение / К. Акоев, А. Наумов // Советская юстиция. М. : Юрид. лит., 1988. № 7. С. 11–14
4. *Акоев К.Л.* Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение : учебное пособие. Ставрополь : Сервисшкола, 2000. С. 26.
5. *Кауфман М.А.* Время совершения преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7.
6. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации» подготовленного Думой Ставропольского края URL : <http://www.dumask.ru/component/k2/item/18494.html> (дата обращения 11.10.2017).
7. Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (в ред. постановления Пленума № 1 от 14 марта 1963 г.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М. : Спарк, 1995. 599 с.

ложного сообщения об акте терроризма (ч. 2 ст. 207 УК РФ) может образовывать прямую зависимость между нарушением деятельности объекта социальной инфраструктуры, по причине чего может быть причинен крупный ущерб.

Literature:

1. About judicial practice on criminal cases of hooliganism and other crimes committed from hooligan motives: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007 № 45 // Rossiyskaya Gazeta of November 21. 2007 № 260
2. *Poddubny A.A.* Scene of the crime when qualifying crimes. Definition // Russian investigator. 2001. № 3. P. 18.
3. *Akaev K.* The scene of the crime and the criminal law / Akaev K., Naumov A. // the Soviet justice. M. : Yurid. lit., 1988. № 7. P. 11–14
4. *Akoev K.L.* Place of the crime and its criminal-legal significance : textbook. Stavropol : Service School, 2000. P. 26.
5. *Kaufman M.A.* The Time of the crime and its criminal-legal significance. Abstract : dis ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 1992. P. 7.
6. Explanatory note to the draft Federal law «On amendments to article 207 of the Criminal code of the Russian Federation» prepared by the Duma of the Stavropol territory. URL : <http://www.dumask.ru/component/k2/item/18494.html> (date of application 11.10.2017).
7. About conditions of application of prescription and Amnesty to the lasting and continued crimes: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 4, 1929 (in an edition of the resolution of Plenum № 1 of March 14, 1963) // Collection of resolutions of Plenums of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR (Russian Federation) on criminal cases. M. : Spark, 1995. 599 с.

Загалаева Жанета Алхазуровна
ассистент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
Zagalaevag@gmail.com

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ПОРОЖДАЮЩИХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО) ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические факторы, порождающие несостоятельность (банкротство) предприятий. Автор отмечает, что кризисные явления в мировой экономике, системный кризис обязательно отражается на отдельном предприятии. Также неправильная стратегия в государственной политике может привести к нестабильности в экономике, обусловить увеличение рисков в предпринимательской деятельности. Соответственно сбой в функционировании экономической структуры предприятия, его нестабильность является результатом неустойчивой экономической системы, характеризуется тем, что в какой-то момент система утрачивает возможность вернуться к исходному состоянию. На современном этапе в условиях финансово-экономического кризиса предприятиям необходима правильная и скоординированная работа, которая должна направить все усилия на вывод предприятия из этого состояния.

Ключевые слова: кризис, несостоятельность, банкротство, экономика, предприятия, риски, государство.

Изучение социально-экономических факторов, порождающих несостоятельность предприятий, является актуальной темой исследования из-за кризисных явлений в мировой экономике. Динамика мировых экономических отношений сопровождается часто кризисами, застоями в экономике, обанкротившимися предприятиями, уволенными работниками. Это неотъемлемая часть экономических отношений. Мировая практика показывает нам, что часто социально-экономические кризисы могут повлечь за собой дальнейшие социальные потрясения. Исходя из вышесказанного, заявленная тема актуальна.

Несостоятельность предприятия – это, прежде всего, влияние кризисных явлений в мировой экономике. Волны кризисов можно наблюдать в мировой истории со средних веков и вплоть до

Janet A. Zagalaeva
Assistant of the Department
of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
Zagalaevag@gmail.com

ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC FACTORS CAUSING INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF THE ENTERPRISE

Annotation. The article deals with socio-economic factors that generate insolvency (bankruptcy) of enterprises. The author notes that the crisis phenomena in the world economy, the systemic crisis is necessarily reflected in a separate enterprise. Also, the wrong strategy in public policy can lead to instability in the economy, cause an increase in risks in business. Accordingly, the failure in the functioning of the economic structure of the enterprise, its instability is the result of an unstable economic system, characterized by the fact that at some point the system loses the ability to return to its original state. At the present stage in the conditions of financial and economic crisis, enterprises need proper and coordinated work, which should direct all efforts to the withdrawal of the enterprise from this state.

Keywords: crisis, insolvency, bankruptcy, economy, enterprises, risks, state.

наших дней. Но, отметим, что не все кризисы одинаковы по масштабу влияния. Какие-то локальные, другие более масштабны и охватывают ряд стран, связанных экономическими отношениями. Кризисы в деятельности конкретного предприятия могут совпадать и не совпадать с ритмами общего экономического развития. Они зависят от общего цикла, но могут иметь и свой цикл [5]. Системный кризис обязательно отражается на отдельном предприятии, но в каждом конкретном случае отражается по-разному [2].

Одним из наиболее актуальных кризисов, чье влияние по-прежнему ощущается как на мировую экономику, так и на отдельные страны, является кризис 2007–2009 годов. Сегодня как никогда является актуальным вопрос о возможности избегания таких последствий, а также важно понимать существуют ли реальные механизмы предотвращения будущих кризисов [6].

Говоря о финансово-экономической системе, как о сложной открытой среде, необходимо упомянуть, что она в своем развитии проходит через чередование стадий порядка и нестабильности [7]. Если говорить о порядке, то в научном мире по поводу него ведут дискуссии в основном в плоскости формы его проявления и обеспечения управляющего воздействия на его сохранение, тогда как относительно нестабильности ведутся споры уже относительно только одного из моментов, а именно: считать ли нестабильность однозначно негативным явлением, либо ее можно изучать в качестве переходного состояния и некой возможности, которая даст качественно новый скачок в развитии социальных и экономических отношений в обществе. Необходимо нестабильность рассматривать не только как негативный процесс, который ассоциируется непосредственно только с хаосом или кризисным явлением [4].

Анализируя факторы, способствующие банкротству предприятий, нельзя не отметить следующий:

Ошибки в государственной политике, которые ведут к нарушениям в законодательстве ради прибыли. Со стороны государства необходима поддержка предприятий в случае финансовых рисков и мирового кризиса [1]. Необходима регуляция финансовой системы, которые учитывала бы также и политические кризисы взаимоотношений стран. В дальнейшем неправильная стратегия в государственной политике может привести к нестабильности в экономике, обусловить увеличение рисков в предпринимательской деятельности: резкие колебания курса рубля по отношению к другим валютам, увеличение стоимости сырья и иных ресурсов и др., что ведет, соответственно, к более высоким затратам отечественного бизнеса. Кроме того, проблема с привлечением внешних источников финансирования и большая стоимость привлеченных средств, в сравнении с зарубежными компаниями, обуславливают более низкую рентабельность предпринимательской деятельности.

Отметим другой фактор, являющийся часто следствием вышеперечисленных факторов. Это – сбой в функционировании экономической структуры предприятия. Нестабильность предприятия является результатом неустойчивой экономической системы, характеризуется тем, что в какой момент система утрачивает возможность вернуться к исходному состоянию, поскольку систе-

моизменяющие факторы начинают преобладать [3]. Отметим, что траектории процессов внутри социально-экономических систем нестабильны, и достоверные прогнозы можно разрабатывать лишь на кратковременных интервалах.

Рассматривая нестабильность с экономической точки зрения, необходимо, прежде всего, отметить, что в общественной жизни нестабильность может проявляться посредством целого ряда абсолютно разных факторов – начиная от колебаний цен и дефицита товаров или сырья, до невыполнения государством своих обязательств по защите прав и интересов граждан, повышения уровня преступности и введения чрезвычайного или военного положения в регионе [2]. То есть, описание и моделирование финансово-экономических систем и процессов всегда предполагает их ограничение и упрощение. Сложность заключается в том, что человек, находясь внутри этих систем, одновременно выступает и наблюдателем, и наблюдаемым, что само по себе делает затрудненным получение адекватной оценки.

На современном этапе в условиях финансово-экономического кризиса предприятиям необходима правильная и скоординированная работа, которая должна направить все усилия на вывод предприятия из этого состояния. При этом управление и применение антикризисных мер требует четкого представления об экономическом содержании и особенности возникновения кризисного состояния.

Социально-экономическое развитие Российской Федерации характеризуется неопределенностью темпов восстановления мировой экономики, обостряемой региональными и межрегиональными финансово-экономическими дисбалансами [6]. Данные условия будут снижать спрос на товары российского экспорта, что, однако, будет способствовать формированию дополнительных предпосылок для модернизации отечественной экономики. Сначала страны Запада приостановили сотрудничество в военной сфере и их санкции имели исключительно политический характер. Что же касается экономических санкций, то страны дифференцированно подошли к этому вопросу, согласно зависимости от РФ.

Таким образом, система поддержки малого бизнеса в России сегодня представляет собой все еще неустойчивое и негибкое к внешним вызовам образование.

Литература:

1. Андреева О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог : ТИУиЭ, 2000. 232 с.
2. Асканова О.В. Банкротство предприятий и социально-экономическое положение региона / О.В. Асканова, И.Ю. Рыбальченко // ЭКО. 2008. № 6. С.106–114
3. Астафьева О.Н. Концепты синергетики и синергетические стратегии в культурологических

Literature:

1. Andreeva O.A. Stability and instability in the context of sociocultural development. Taganrog : Tiuе, 2000. 232 p.
2. Askanova O.V. Bankruptcy of enterprises and socio-economic situation of the region / O.V. Asanova, Y.I. Rybal'chenko // EKO. 2008. № 6. С. 106–114
3. Astafieva O.N. Concepts of synergetics and synergetic strategies in cultural studies Of

исследованиях М.С. Кагана // Культура и культурная политика: материалы научно-методологического семинара. Вып. 1. Синергетическая концепция культурно-исторического процесса М.С. Кагана. М. : Изд-во РАГС, 2005. С. 100–118

4. *Белых В.С.* Правовые основы несостоятельности (банкротства) / В.С. Белых, А.А. Дубинин, М.Л. Скуратовский. М. : НОРМА, 2001. 320 с.

5. *Грамотенко Т.А.* Банкротство предприятий: экономические аспекты. М. : ПРИОР, 1998.

6. *Жарковская Е.П.* Антикризисное управление : учебник. 3-е изд. испр. и доп. / Е.П. Жарковская, Б.Е. Бродский. М. : Омега-Л, 2006.

7. *Кузнецова О.Д.* Экономическая история : учебник. М. : Юрайт, 2010.

8. *Куклина И.Н.* Глобальные тенденции в обеспечении безопасности: коллапс силы и права // Азия и Африка в современной мировой политике. Отв. ред. Д.Б. Малышева, А.А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 203 с.

9. *Шеремет А.Д.* Финансы предприятий : учебное пособие / А.Д. Шеремет, Р.С. Сауфулин. М. : Инфра. М., 1999. 343 с.

M.S. Kagan // Culture and cultural policy: materials of scientific and methodological seminar. Issue 1. Synergetic concept of cultural and historical process Of M.S. Kagan. M. : rags publishing House, 2005. P. 100–118

4. *Belich V.S.* Legal framework of insolvency (bankruptcy) / V.S. Belich, A.A. Dubinin, L.M. Skuratovskiy. M. : NORMA, 2001. 320 P.

5. *Gramotenko T.A.* Bankruptcy of enterprises: economic aspects. M. : PRIOR, 1998.

6. *Zharkovskaya E.P.* Crisis management : textbook. 3-e lzd. Ispr. and dop / E.P. Zharkovskaya, B.E. Brodsky. M. : Omega-L, 2006.

7. *Kuznetsova O.D.* Economic history: textbook. M.: Yurayt, 2010.

8. *Kuklin I.N.* Global trends in security: the collapse of power and law // Asia and Africa in modern world politics. OTV.ed. by: D.B. Malysheva, A.A. Rogozhin. M. : IMEMO RAN, 2012. 203 p.

9. *Sheremet A.D.* Finance companies : textbook / A.D. Sheremet, R.S. Sayfulin. M. : Infra. M., 1999. 343 с.

Злыденко Дмитрий Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Dmitry S. Zlydenko
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Criminal Procedure Department,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

DEFINITION OF CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

Аннотация. В статье предпринята попытка определить критерии эффективности мер уголовно-процессуального принуждения. Отмечено влияние критериев эффективности на их применение уполномоченными субъектами. Определены базовые компоненты критериев, характеризующие эффективность применения мер уголовно-процессуального принуждения на основе общих положений о защите прав и свобод граждан, а также соответствующих постановлений Верховного суда РФ обращенных к судам.

Annotation. The article attempts to determine the criteria for the effectiveness of measures of criminal procedural coercion. The impact of performance criteria on their use by authorized entities is noted. The basic components of the criteria that characterize the effectiveness of the application of measures of criminal procedural coercion on the basis of general provisions on the protection of the rights and freedoms of citizens, as well as the relevant decisions of the Supreme Court of the Russian Federation addressed to the courts have been determined.

Ключевые слова: критерий, эффективность, меры уголовно-процессуального принуждения, правоприменительный акт.

Keywords: criterion, effectiveness, measures of criminal procedural coercion, law enforcement act.

Эффективность мер уголовно-процессуального принуждения можно рассматривать как с общих позиций эффективности нормы права, так и применения мер принуждения относительно конечных достигнутых результатов в конкретном деле на всех стадиях уголовного судопроизводства. Достижение либо не достижение поставленных перед мерой целей определяет её эффективность.

амбуле Постановления пленума Верховного суда от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», в котором указано: «При разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам, исходя из презумпции невиновности следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности» [1]. Таким образом, равное соотношение публичности и свободы личности выступает критерием эффективности меры принуждения. Причем, применение меры пресечения, связанной с лишением свободы, возможно лишь по судебному решению и не исключает возможность применения более строгих мер пресечения. Анализируя обращение Пленума, очевидно, что основанием в установлении границ усмотрения лица применяющего меру уголовно-процессуального принуждения является принцип презумпции невиновности. Следовательно, деятельность уполномоченных лиц по избранию мер уголовно-процессуального принуждения в обязательном порядке сопряжена с доказыванием обоснованности принятого решения и предоставлении суду таких фактических данных, которые в своей совокупности позволяли бы ему прийти к выводам

Действующий уголовно-процессуальный закон не определяет критерии эффективности, учет которых способствовал бы в ходе применения меры пресечения в бесспорном порядке достигнуть её цели. При этом, учет критериев позволял бы избежать ошибок при принятии решений правоприменителем об избрании меры, и общество однозначно положительно бы относилось к результатам такого правоприменения.

Учитывая значимость для правоприменения соотношений общественного мнения и примененной меры уголовно-процессуального принуждения, попытаемся выделить критерии эффективности мер уголовно-процессуального принуждения. Это необходимо для того, чтобы правоприменитель мог безошибочно их применять, что получало бы в обществе одобрение. Для этого вопроса полагаем возможным обратиться к пре-

о наличии в решении уполномоченного лица законно обоснованного убеждения о необходимости применения меры уголовно-процессуального убеждения.

Следующим критерием эффективности, заложенным в преамбуле является необходимость «соблюдения баланса между публичными интересами и интересами личности в уголовном судопроизводстве».

Обращаясь к этимологии понятия «баланс» мы обнаруживаем, что оно имеет французские корни и буквально означает «весы» [2]. В рамках нашего исследования его можно определить как «равновесие» публичного и личного начал, то есть их интеграцию в возникшем общественном отношении при ограничении свободы воли и публичного интереса. Несмотря на их очевидную различную полярность, они соотносятся в равной мере и по замыслу должны оставаться неизменными. Указанное взаимопроникновение и объединение в равных долях единства публичного и личного начал по нашему мнению формирует другой критерий эффективности как справедливость.

Безусловно, «справедливость» понятие философское еще известный философ Платон писал: «...естественные законы, безусловно справедливы, ... человеческие – создаются и изменяются людьми «ради пользы» и поэтому могут быть как справедливыми, так и несправедливыми» [3]. Попытки обнаружить его содержание в уголовном процессе привели нас к тому, что термин «справедливость» упоминается в ч. 1 ст. 297 УПК РФ, которая указывает, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Часть 2 этой же статьи закрепляет, что таковым как указано в части 1, он может, является лишь, если он постановлен в соответствии с требованиями Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. По существу, содержание ст. 297 УПК РФ является продолжением принципа законности, изложенным в ст. 7 УПК РФ. Наиболее близко по нашему мнению здесь соотносится часть 4 данной статьи, которая предъявляет требования к субъекту правоприменения при принятии процессуальных решений с позиций законности, обоснованности и мотивированности. В связи с этим, очевиден пробел в содержании ч. 4 статьи 7 УПК РФ, а именно -отсутствие учета такого критерия эффективности, как «справедливость» принятого процессуального решения, уходящем своими корнями в соотношение публичного и личного начал уголовно-процессуального принуждения. Данное обстоятельство в значительной мере может поставить под вопрос итоговую нравственную оценку членов общества при примененной формы принуждения и, как следствие, достижение избранной меры уголовно-процессуального принуждения целям социальной справедливости. Учитывая, что критерий «справедливость» имеет слабую правовую регламентацию и лишь применением различных способов толкования нормы права способен раскрыть свою суть, он будет является самым сложным в его единообразном понимании и применении в практике.

Применительно к уголовному судопроизводству, можно выделить определенную многоуровневость понимания справедливости. Первый уровень характеризует понятие «справедливость», сложившуюся в обществе. Второй уровень - это точное и неукоснительное следование положениям закона и его правильное применение в конкретной ситуации при избрании меры уголовно-процессуального принуждения. Третий уровень характеризует деятельность судебной системы, направленную на осуществление судебного контроля за органами предварительного расследования, ходатайствующими о применении меры уголовно-процессуального принуждения. Характеризуя правовую справедливость, нельзя не забывать о том, что помимо принуждения, как некой угрозы для лица, она одновременно несет в себе функцию убеждения под страхом существующих форм принуждения.

Действующий уголовно-процессуальный закон, не раскрывая понятия «справедливость» в ч. 2 ст. 389.18, раскрывает понятие «несправедливый приговор», указывая, что это такой приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо является чрезмерно суровым либо слишком мягким.

Исходя из вышеуказанного, можно определить еще один критерий эффективности мер уголовно-процессуального принуждения - это соответствие меры уголовно-процессуального принуждения тяжести преступления. Одной из его характеристик, имеющей влияние на применение меры принуждения, являются свойства личности, указанные в ст. 97 и ст. 99 УПК РФ. У суда обоснованно возникает обязанность учета индивидуальных признаков личности для обеспечения справедливости применения меры уголовно-процессуального принуждения, что, в итоге, и должно привести к индивидуализации меры принуждения под конкретное лицо.

Одним из центральных критериев эффективности на практике является своевременность применения мер уголовно-процессуального принуждения. В данном случае это такой промежуток времени, в течение которого избрание меры уголовно-процессуального принуждения максимально быстро достигнет своей цели. Например, своевременность задержания либо применения меры пересечения обеспечит участие подозреваемого или обвиняемого на всем протяжении предварительного расследования и в суде вплоть до вынесения окончательного приговора судом. Своевременность, по нашему мнению, имеет прямую связь с такими факторами, как: «фактическая сложность уголовного дела» и обстоятельствами, «характеризующими работу органов предварительного расследования и суда».

Также необходимым критерием для обеспечения эффективности примененной меры принуждения является её «экономность», что предполагает применение такой меры принуждения, которая, с одной стороны, отражала бы рациональный подход, и соразмерность (адекватность) применяе-

мой меры к обстоятельствам дела и личности участника судопроизводства, а с другой стороны позволяя применять меру достичь основной цели судопроизводства с наименьшим ущербом для прав и законных интересов личности.

Другим немаловажным критерием эффективности примененной меры уголовно-процессуального принуждения является ее гуманность или гуманизм [5]. Стойки зрения гуманизма меры уголовно-процессуального принуждения должны обеспечивать безопасность лица при применении к нему меры, а также отсутствие предпосылок причинения ему физических страданий, либо унижение его чести и достоинства. Определенные фрагменты приведенного нами критерия отрывочно присутствуют в содержании ст. 9 и ч. 3 ст. 10 УПК РФ, но в достаточно нечетком виде и требуют от правоприменителя еще дополнительного толкования.

Также, заслуживает внимания такой критерий, как «соразмерность» примененной меры уголовно-процессуального принуждения [6]. В понимании института мер уголовно-процессуального принуждения – это, прежде всего, определенная пропорция между интересами государственными

Литература:

1. URL : <https://rg.ru/2013/12/27/praktika-dok.html>. (дата обращения 18.01.2018).
2. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/742758> (дата обращения 20.01.2018 года) франц.balance, букв. весы).
3. Цит по: Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 10
4. Введена ФЗ № 72 от 18.04.2018 г. Рос. газ. от 20 апреля 2018 г. № 7548
5. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 20.03.2018 г.) (от лат. humanitas – «человечность», humanus – «человечный», homo – «человек») – этическая жизненная позиция, утверждающая, что люди имеют право в свободной форме определять смысл и форму своей жизни.
6. URL : <https://kartaslov.ru/> (дата обращения 21.03.2018 г.) (Соразмерность – соответствие, какой либо части другой части, то есть пропорция, соответствие размерам, качественным характеристикам, соответствие, какому то общему мерилу).

ми, общественными и личностными. При этом их взаимное уравнивание должно происходить с учетом других представленных нами критериев эффективности. Принимая во внимание, что законодатель предложил различные меры уголовно-процессуального принуждения от «менее строгих к более строгим», предполагая, что при их выборе субъектом расследования они не должны быть сразу строгими, а подбираться с учетом различной степени их воздействия на участников судопроизводства.

Таким образом, под критериями эффективности применения мер уголовно-процессуального принуждения понимаются такие факторы, которые имеют влияние на их применение позиций законности, справедливости, презумпции невиновности, баланса интересов личности, общества и государства, при условии их своевременности избрания, соразмерности, экономии и безопасности применения при отсутствии физических страданий, либо унижения чести и достоинства участника уголовного судопроизводства.

Literature:

1. URL : <https://rg.ru/2013/12/27/praktika-dok.html>. (date of circulation 01/18/2018).
2. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/742758> (circulation date January 20, 2013) fr. balance, letters. Libra).
3. Citation by: Ekimov AI Justice and Socialist Law. L., 1980. P. 10
4. Introduced Federal Law – № 72 of 18/04/2018. Ros.gaz. of April 20, 2018 № 7548
5. URL : <https://en.wikipedia.org/wiki/> (date of circulation 20.03.2018) (from Latin humanitas – «humanity», humanus – «humane», homo – «man») – ethical life A position that states that people have the right to determine in free form the meaning and form of their life.
6. URL : <https://kartaslov.ru/> (date of circulation 21.03.2018) (Proportionality – conformity, to some part of another part, that is, proportion, conformity to dimensions, quality characteristics, conformity, to some common measure).

Киселев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук,
начальник
научно-исследовательского отдела,
Краснодарский университет МВД РФ
kiselev_omamvd@mail.ru

ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (СУИЦИДЫ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ) НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО КОРРЕКЦИИ С ПОМОЩЬЮ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕР

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа природы девиантного поведения несовершеннолетних, дается новая классификация принудительных мер воспитательного воздействия, а также компетенции соответствующих органов реализации рассматриваемых мер. Автором отмечается тревожная тенденция увеличения количества особо тяжких преступлений, совершенных лицами данной возрастной категории. При этом по-прежнему они совершаются преступной группой в два раза чаще, чем в одиночку.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетних, надзор, комиссия, ответственность, преступность, суицид.

В настоящее время множество подростков, практически не выходя из своей комнаты или класса, подверглись воздействию ужасающих трендов скулшутинга, кибербуллинга и танатофилии (танатомании). Смерть стала крайне интересна для них, при этом, в большинстве случаев они вообще не понимают, что происходит. Поражает число попыток самоубийств подростков России в рамках 2,5–3 тысяч случаев каждый год и более семисот результативных суицидов ежегодно [1].

Жестокость и безмотивность подростковой преступности известна давно. Однако сегодня создается впечатление, что формируется самостоятельный вид экстремизма, когда мы начинаем панически бояться собственных детей. Трагедии в школах Санкт-Петербурга (14 апреля 2015 г.), Находки (18 марта 2016 г.), Ивантеевки Московской области (5 сентября 2017 г.), Перми (15 января 2018 г.), Улан-Уде (19 января 2018 г.), в политехническом колледже Керчи (17 октября 2018 г.), у здания ФСБ России в Архангельске (31 октября 2018 г.) являются тревожным звонком для всей правоохранительной системы России, свидетельствуют, в том числе, о неэффек-

Sergey S. Kiselev
Candidate of Law
Head of Research Department,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kiselev_omamvd@mail.ru

DESTRUCTIVE BEHAVIOR (SUICIDES AND CRIMES) OF MINORS AND PROBLEMS OF ITS CORRECTION BY MEASURING EDUCATIONAL MEASURES

Annotation. The article attempts to analyze the nature of the deviant behavior of minors, gives a new classification of coercive measures of educational influence, as well as the competence of the relevant implementation bodies, the measures under consideration.

Keywords: compulsory educational measures, minor, supervision, commission, responsibility, crime, suicide.

тивности существующих мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, что требуют серьезного анализа их психологии, глубокой рефлексии от родителей и органов правопорядка всех уровней.

Примечательно, что, исходя из статистических данных МВД России, общее количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними за последние десять лет, идет на спад. Так, в сравнении с 2013 годом в 2017 году количество подобных преступлений сократилось на 32,7 %, а число их участников – на 30 % [2].

Однако наблюдается тревожная тенденция увеличения количества особо тяжких преступлений, совершенных лицами данной возрастной категории. При этом по-прежнему они совершаются преступной группой в два раза чаще, чем в одиночку [3].

Важно понимать, что процесс «криминализации» каждого несовершеннолетнего угрожает не только отдельной семье или конкретному человеку. Он влияет на обеспечение национальной безопасности России и, безусловно, является про-

блемой с многолетними последствиями. И здесь крайне важна верная реакция государственных органов и общества в каждом случае нарушения закона.

Привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности и назначение наказания имеют ряд особенностей, обусловленных возрастом, социальной незрелостью, правосознанием и духовным развитием ребенка. Практика сегодня идет по пути смягчения ответственности и наказания несовершеннолетних, но при этом принудительные меры воспитательного воздействия (далее – ПМВВ), призванные заменить наказание, назначаемое несовершеннолетним и выступающие основным уголовно-правовым средством, сегодня применяются крайне редко, что говорит о наличии проблем в их реализации.

На наш взгляд проблемы применения ПМВВ включают в себя два аспекта: объективный и субъективный. В объективный аспект входят недоработки и пробелы в законодательстве [4] и правоприменительной деятельности правоохранительных органов в рамках регулирования применения принудительных мер воспитательного воздействия. Субъективный аспект подразумевает под собой особенности психологического и психического влияния данных мер воздействия на несовершеннолетнего.

В настоящее время в Российской Федерации, а также в ряде стран СНГ меры, указанные в статье 90 УК РФ, как уже отмечалось ранее, выступают способом воздействия на поведение несовершеннолетнего без назначения ему наказания. Судебная практика показывает, что количество вынесенных решений об освобождении подростка от реального наказания и назначении ему мер принудительного воздействия в порядке ст. 90 и ст. 92 УК РФ весьма незначительно. Это обусловлено тем, что правовые и организационные пробелы, нечеткость формулировок, которые существуют на данный момент в уголовном законе, препятствуют судам в полном объеме использовать такую альтернативу при решении вопроса о карательных мерах для несовершеннолетних правонарушителей. Необходимо отметить, что по смыслу закона принудительные меры воспитательного воздействия применяются при нецелесообразности отбывания несовершеннолетним наказания, что некоторым образом сближает их с условным осуждением, которое, напротив, уже более десяти лет назад нашло широкое применение в судебной практике [5].

Предупреждение, как наиболее «мягкая» из системы мер принудительного воздействия, согласно закону, заключается в психологическом разъяснении подростку вреда совершенного им деяния и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных в уголовном законодательстве. Судья при вынесении своего мотивированного постановления (определения) о применении данной меры воспитательного воздействия должен отразить отрицательные нравственные и правовые аспекты содеянного. Данная мера предусматривает оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетнего,

но при этом он не несет никаких обязательств и обязанностей. Социализация индивида предполагает становление и развитие его правовой культуры, представлений о морали, социальных нормах, усвоение образцов поведения, необходимых для успешного функционирования в обществе. В случае, если он совершил деяние, нарушил установленные нормы уголовного закона, причинил вред, превентивные цели, которые ставит перед собой предупреждение, не будут достигнуты.

Предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, а также исследование детерминантов подростковой преступности должны проводиться субъектами профилактики до момента совершения преступления. Исходя из вышесказанного, эффективность применения данной меры принудительно воздействия незначительна.

Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа закреплена в п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 91 УК РФ обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением возлагаются на родителей, лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган. Применение данной меры, на наш взгляд, может быть признано действенным в случае реального наличия у субъекта применения данной меры, средств и методов, которые могут повлиять на ресоциализацию несовершеннолетнего. Между тем, мы согласны с мнением А.А. Горшенина, который утверждает, что в настоящий момент ответственности за неисполнение этой принудительной меры воспитательного воздействия указанными лицами не предусмотрено, так как отсутствует сам механизм контроля за исполнением родителями, опекунами или попечителями возложенных на них обязанностей при исполнении данной меры [6]. Также не стоит забывать о том, что родители или лица, их заменяющие, являются первичными агентами социализации человека. На них возложена миссия по формированию и изменению жизненных установок ребенка.

Судьи довольно формально изучают детско-родительские отношения, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, сведения о взаимоотношениях в семье, взаимоотношениях родителей между собой, количественные и качественные аспекты воспитательного процесса, кто принимал активное участие в формировании у него соответствующего уровня социальной ориентации. Однако, если несовершеннолетний совершил преступление, значит, в его воспитании были допущены упущения, и, следовательно, возникает вопрос о разумности передачи его под надзор тем же лицам.

Законодатель также предусмотрел обязанность загладить причиненный вред, закрепив это в п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ. Данная мера имеет двойственную формулировку вреда. В последнее время данный термин используется все чаще при определении и характеристики объективной

стороны состава преступления. В отдельных источниках понятие общественно опасных последствий раскрывается через собирательную категорию «вред». В уголовно-правовой литературе вред, причиненный преступлением в форме действия (бездействия), как правило, делится на нематериальный и материальный. Мера, указанная в ч. 2 ст. 90 УК РФ носит как имущественный, так и неимущественный характер и заключается в возмещении несовершеннолетним лицом вреда, который оно причинило, либо своими силами, либо материальными возможностями родителей или лиц, их замещающих. В соответствии с ч. 2 ст. 1074 ГК РФ вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Но если возлагать обязанности возмещения причиненного деянием вреда на родителей, цель воспитательного воздействия на несовершеннолетнего не будет достигнута, возможность осознания тяжести совершенного им противоправного деяния будет утрачена.

Существует также правовая коллизия в формулировке категории «загладить» и «возместить вред». Так, в ч. 1 ст. 1064 ГК РФ [7] вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда № 19, п. 2.1, «под заглаживанием вреда понимается принятие «иных» мер, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [8]. Таким образом, заглаживание предусматривает симбиоз действий неимущественного и имущественного характера. Неимущественные действия могут выражаться в восстановлении поврежденного имущества, принесении извинений. Специфичность данной меры состоит в том, что ее возможно применить не к каждому подростку. Это неразумно в отношении несовершеннолетнего лица, не ведущего самостоятельный образ жизни, поскольку есть большая вероятность того, что это лицо может либо частично обладать специальными навыками, либо не обладать ими вовсе.

Проведенное нами исследование показало, что нечеткость изложения диспозиций законодателем, вызывает у суда серьезные проблемы при индивидуализации наказания. Учитывая вышеуказанные недостатки, нам представляется возможным предложить следующую систему принудительных мер воспитательного воздействия, отразив ее в части 2 статьи 90 УК РФ:

а) возложение обязанности публично или в иной форме, определенной судом, принести извинения потерпевшему;

б) передача под надзор родителей или иного лица, заслуживающего доверия по воспитанию,

Литература:

1. Пучнина М.Ю. Анализ регионального опыта в сфере профилактики подросткового суицида //

либо специализированного государственного органа;

в) возложение обязанности на несовершеннолетнего и его родителей или лиц, их заменяющих, пройти курс обучения по особенностям развития и воспитания несовершеннолетнего;

г) определение на общественные работы;

д) помещение в государственное или частное учебное учреждение;

е) возложение обязанности возместить причиненный вред;

ж) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, в том числе в сети Интернет.

Крайне важна при реализации предложенной системы воспитательных мер координация и совершенствование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН) [9] и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН) [10].

Для эффективного исправления несовершеннолетнего, не связанного с применением к нему наказания как меры государственного принуждения, необходимо реформирование работы КДН и ПДН. Направления данного реформирования следующие:

– создать в указанных органах оплачиваемые должности на постоянной основе для осуществления контроля и надзора за несовершеннолетними в любое время суток, а также обязательного взаимодействия с правоохранительными органами с целью своевременного выявления фактов повторного совершения преступления несовершеннолетним, являющихся основанием для замены существующей меры воспитательного воздействия на более строгую в соответствии с УК РФ;

– включить в обязанности ПДН контроль и надзор за несовершеннолетними, в отношении которых судом назначены принудительные меры воспитательного воздействия;

– выработать способы эффективного взаимодействия КДН, ПДН, муниципалитета и общественных организаций.

По нашему мнению, предлагаемый комплекс изменений административного и уголовного законодательства позволит создать правовую базу для эффективного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, достижимой окажется цель принудительных мер воспитательного воздействия – перевоспитание несовершеннолетних лиц, проявляющих деструктивное поведение (суициды и преступления).

Literature:

1. Puchnina M. Yu. Analysis of regional experience in the prevention of adolescent suicide // Bulletin of

Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 86–91.

2. Портал правовой статистики. URL : http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.08.2018).

3. Портал правовой статистики. URL : http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.08.2018).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СПС «Консультант Плюс».

5. *Черненко И.В.* Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2006. 199 с.

6. *Горшенин А.А.* Виды принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 4. С. 21.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 22 декабря 1995 года № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СПС «Консультант Плюс».

8. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : пленум Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. 29.11.2016) // СПС «Консультант Плюс».

9. Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав : постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995 // СПС «Консультант Плюс».

10. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4. P. 86–91.

2. The portal of legal statistics. URL : http://crimestat.ru/offenses_chart (appeal date: 08/20/2018).

3. The portal of legal statistics. URL : http://crimestat.ru/offenses_chart (appeal date: 08/20/2018).

4. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on July 29, 2018) // ATP Consultant Plus.

5. *Chernenko I.V.* Features of criminal liability and alternative measures for her in relation to minors : dis. ... cand. legal sciences. Kemerovo, 2006. 199 p.

6. *Gorshenin A.A.* Types of compulsory educational measures of influence // Penal system: law, economics, management. 2011. № 4. P. 21.

7. Civil Code of the Russian Federation of December 22, 1995 № 14-FZ (as amended on December 31, 2017) // SPS «Consultant Plus».

8. On the application by the courts of legislation governing the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 dated June 27, 2013 (Amendment 11/29/2016) // ATP «Consultant Plus».

9. On approval of the Model Provision on Commissions for Minors and Protection of Their Rights: Resolution of the Government of the Russian Federation of November 6, 2013 № 995 // ATP «Consultant Plus».

10. On the judicial practice of applying the legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 of February 1, 2011 // ATP «Consultant Plus».

Кузьмин Михаил Николаевич
старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
mihail_kuzmin@mail.ru

Солонникова Нина Валерьевна
старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
mihail_kuzmin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

■ ■ ■
Аннотация. В статье раскрываются особенности тактики производства допроса потерпевших по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере компьютерной информации. Автор обращает внимание на то, что следователи зачастую не готовятся к допросу и добиваются его целей, действуя по ситуации. Разумеется, это приводит подчас к серьезным упущениям, вызывающим необходимость повторных допросов, что существенно осложняет и замедляет расследование.

Ключевые слова: мошенничество в сфере компьютерной информации, допрос, расследование преступлений, потерпевший, тактические особенности, план допроса.

■ ■ ■
Первоначальный этап расследования мошенничества в сфере компьютерной информации подразумевает, что следователь на основе базовой информации и криминалистической характеристики устанавливает обстоятельства, которые подлежат доказыванию в рамках расследования преступления.

Применительно к мошенничеству в сфере компьютерной информации такими обстоятельствами являются:

- 1) установление факта совершения мошенничества;
- 2) определение места и времени его совершения;

Mikhail N. Kuzmin
Senior Lecturer of the Department
of Criminalistics,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs Russian Federation
mihail_kuzmin@mail.ru

Nina V. Solonnikova
Senior Lecturer of the Department
of Criminalistics,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs Russian Federation
mihail_kuzmin@mail.ru

FEATURES OF TACTICS OF PRODUCTION OF INTERROGATION OF THE VICTIM DURING INVESTIGATION OF FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

■ ■ ■
Annotation. The article reveals the peculiarities of tactics of interrogation of victims in cases of fraud committed in the field of computer information. The author draws attention to the fact that investigators often do not prepare for interrogation and achieve its goals, acting on the situation. Of course, this sometimes leads to serious omissions that necessitate repeated questioning, which significantly complicates and slows down the investigation.

Keywords: fraud in the field of computer information, interrogation, investigation of crimes, victim, tactical features, interrogation plan.

- ■ ■
- 3) выявление способа и предмета его совершения;
 - 4) установление совершившего мошенничество в сфере компьютерной информации лица (при групповом преступлении устанавливается роль каждого участника);
 - 5) определение потерпевшего, размера причиненного ущерба, наличия (отсутствия) содействия в сокрытии преступления, всех обстоятельств совершения мошенничества.[2, с. 69]

Подразделим на подгруппы и охарактеризуем лиц, которые могут быть потерпевшими от мошенничества в сфере компьютерной информации. Мошенничество данного вида имеет корыстный характер, поэтому на основе проведенно-

го анализа уголовных дел выделим следующие категории потерпевших:

- 1) физические лица, в том числе иностранные;
- 2) предприятия связи и провайдеры сети Интернет;
- 3) банки и другие кредитные организации;
- 4) магазины электронной торговли;
- 5) другие коммерческие и некоммерческие организации;
- 6) другие иностранные юридические лица.

В целом характеристика круга потерпевших лиц независимо от конкретного вида мошенничества в сфере компьютерной информации во многом схожа. Большинство потерпевших является пользователями со средним уровнем активности, поэтому они мало информированы о существующих технических и программных возможностях, а также способах привлечения преступников к ответственности.

Потерпевшего характеризует и само преступление, жертвой которого он стал. В зависимости от конкретной области мошенничества его жертвы могут иметь характеристики: склонность к азартным играм (мошенничество с фальшивыми онлайн-казино), опрометчивость, самонадеянность, желание легкой наживы (мошенничество с инвестиционными схемами и платежными системами) и т.д. Это обстоятельство необходимо учитывать, поскольку такие потерпевшие склонны к отрицанию отдельных фактов, например, часто указывают на неосторожное обращение к ресурсам, случайной активации вирусного продукта и т.д. Этим затрудняется для следствия установление ряда значимых обстоятельств.

Ложные заявления о совершении мошенничества в сфере компьютерной информации встречаются довольно редко, но потерпевший часто скрывает тот факт, что стал жертвой преступных действий. Однако по заявлениям о мошенничестве данного типа требуется предварительная проверка, особенно если информация о них поступает не сразу, а по истечении определенного времени. При проверке у заявителя и свидетелей берутся подробные объяснения и запрашиваются документы и т.д. [1, с. 260]

Наиболее значимыми факторами, определяющими содержание тактического обеспечения производства допроса потерпевших по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации, можно считать:

- 1) разновидность способа мошенничества в сфере компьютерной информации (безусловно, тактическое обеспечение допроса потерпевшего по уголовным делам о так называемых мошенничествах в социальных сетях будет отличаться от тактики допроса по уголовным делам о мошенничествах в сфере потребительского кредитования);

2) позицию, занятую потерпевшим по отношению к проводимому расследованию и личности допрашивающего;

3) отношение к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении мошенничества в сфере компьютерной информации, а также к потерпевшим от криминальной деятельности мошенника;

4) этап, на котором находится расследование в момент подготовки и производства допроса (первоначальный или последующий);

5) личностные особенности потерпевшего (характер, темперамент, направленность личности, типичная манера общения и т.д.);

6) условия восприятия свидетелем информации, входящей в предмет доказывания по уголовному делу о мошенничестве в сфере компьютерной информации.

В целях эффективного проведения допроса свидетелей по отдельным видам мошенничества в сфере компьютерной информации (в частности, мошенничества, связанного с функционированием банковских кредитных карт) необходимы, помимо определенных личностных качеств следователя, специальные знания. В связи с этим подготовка допроса потерпевшего обязательно предусматривает получение консультации профильных специалистов. Специфика допроса свидетелей по делам о мошенничестве в сети Интернет проявляется в основном в том, что большинство способов мошенничества изначально не предполагают очевидцев преступления, или правоохранительные органы имеют трудности с их установлением.

Возникают определенные сложности и с вызовом на допрос лиц, проходящих по делу в качестве потерпевших (начиная с надуманных предложений с целью уклониться от участия в уголовном судопроизводстве в любом качестве и заканчивая реальными заграничными командировками). Тактика допроса предопределяется количеством и качеством информации об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу об мошенничестве в сфере компьютерной информации, которой располагает потерпевший. Особо важными для успешного доказывания по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации являются показания потерпевших.

План допроса потерпевшего от мошенничества в сфере компьютерной информации в общем виде выглядит следующим образом:

- место, время, обстановка совершения мошенничества в сфере компьютерной информации;
- обстоятельства, при которых потерпевший оказался в преступной ситуации;
- как представился мошенник, предъявлял ли документы на сайтах, какие предлагал услуги или ценности, за какую сумму и т.д.;

– что конкретно было передано мошеннику и на какую сумму, индивидуальные признаки хищения;

– имелся ли посредник при знакомстве потерпевшего с мошенником;

– был мошенник один или в составе группы, если была группа, то какова роль каждого участника;

– кто располагал сведениями о наличии у потерпевшего ценностей или о его желании приобрести что-либо;

– кто мог наблюдать происходившее, кому потерпевший сообщил о случившемся;

– кто может подтвердить факт совершенного мошенничества.

В зависимости от наличия или отсутствия конфликта интересов между допрашивающим и потерпевшим, от объекта и предмета конфликта, от степени его остроты, от ресурсного потенциала каждого из участников конфликта следова-

Литература:

1. Криминалистика : учебник / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. М. : Юрид. лит., 2013.

2. *Михайлов И.Ю.* Методические рекомендации: Носители цифровой информации (обнаружение, изъятие, назначение компьютерно-технической экспертизы). Курган : ЭКЦ при УВД Курганской области, 2013.

тель принимает решение о месте, времени, обстановке допроса, прогнозирует возможные варианты противодействия, выбирает адекватные сложившейся ситуации тактические приемы, оценивает необходимость использования технических средств.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что позитивные изменения в противостоянии мошенникам в сфере компьютерной информации находятся в прямой зависимости от того, насколько адекватен существующим криминальным угрозам арсенал тактических средств следователя. Немаловажной составляющей этого арсенала является тактическое обеспечение допроса потерпевшего по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации. Своевременное обновление, дополнение и совершенствование данного тактического обеспечения способно заметно повысить эффективность выявления и пресечения фактов мошенничества, а также расследования уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации.

Literature:

1. Criminalistics : textbook / Under the editorship of I.F. Panteleyev, N.A. Selivanov. M. : Yurid. lit., 2013.

2. *Mikhailov I.* recommendations: Carriers of digital information (detection, removal, purpose of computer-technical expertise). Kurgan : ekts with ATC Kurgan region, 2013.

Кузьмина Оксана Николаевна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. Их система видится автором составной частью (субинститутом) института освобождения от уголовной ответственности. Осуществленное в рамках статьи рассмотрение позволило предложить некоторые направления совершенствования содержания соответствующих уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, виды освобождения от уголовной ответственности, примечание к статье УК РФ, уголовно-правовой институт, уголовно-правовой субинститут.

Уголовный кодекс РФ в главе 11 закрепляет общие нормы об освобождении от уголовной ответственности, составляющие костяк и основу института освобождения от уголовной ответственности. Однако, будучи сложным, комплексным, рассматриваемый институт, помимо норм Общей части УК РФ, включает специальные нормы об освобождении от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части Кодекса. Такие специальные виды освобождения в настоящее время предусмотрены нормами, закрепленные в статьях 110.2, 122, 126, 127.1, 178, 184, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6 (в данном случае законодатель использует фразу «лицо не подлежит уголовной ответственности»), 206, 208, 210, 212, 222, 222.1, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 282.1, 282.2, 282.3, 284.1, 291, 291.1, 291.2, 307, 322.2, 322.3, 337, 338.

С момента принятия УК РФ перечень специальных видов освобождения от уголовной ответственности значительно расширился, что обусловлено главным образом введением в уголовный закон новых составов преступлений. Естественно, существование таких видов освобождения

Oksana N. Kuzmina
Graduate Student of Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

SPECIAL TYPES OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY: PROSPECTS OF IMPROVEMENT

Annotation. In article the special types of release from criminal liability provided by notes to articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. Their system seems the author a component (sub-institution) of institute of release from criminal liability. The consideration which is carried out within article allowed to offer some directions of improvement of content of the relevant criminal standards.

Keywords: release from criminal liability, types of release from criminal liability, the note to the article of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal institute, criminal sub-institution.

продиктовано своеобразием конкретных преступлений, в связи с чем законодатель использует и специфические формулировки. Большинство рассматриваемых видов освобождения представляют собой частные случаи деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ), то есть позитивного постпреступного поведения лица. Однако, к примеру, примечание к ст. 122 УК РФ увязывает освобождение от уголовной ответственности не с последующим поведением лица, а с согласием потерпевшего. Кроме того, в ряде случаев в законе используются фразы «не подлежит уголовной ответственности», «действие данной статьи не распространяется». Полагаем, что в данных ситуациях речь идет не об освобождении от уголовной ответственности. Это, скорее, правила квалификации преступлений, и решение указанных вопросов должно быть осуществлено еще в период доследственной проверки.

В литературе сложилось устойчивое мнение о том, что примечания к статьям Особенной части УК РФ не требуют наличия условий, перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, в частности такого из них, как совершение преступления впервые [1]. В связи с этим традиционной критике в доктрине подвергается примечание к ст. 126 УК РФ. Здесь

отсутствует требование о совершении преступления впервые, то есть виновный может всякий раз избегая уголовной ответственности при их освобождении. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении примечания к ст. 206 УК РФ. Думается, что в рассматриваемых примечаниях в обязательном порядке в качестве условия освобождения от уголовной ответственности должно быть указано совершение преступления впервые.

Обращает на себя внимание то, что в ст. 127 УК РФ соответствующего примечания нет. С одной стороны, освобождение от уголовной ответственности здесь возможно на основании ст. 75 УК РФ. Однако, согласно требованиям последней, освобождение возможно только в случае совершения впервые преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 127 УК РФ. Наблюдается бессистемность подхода законодателя к решению вопросов освобождения от уголовной ответственности за похищение человека и незаконное лишение свободы. В связи с этим необходимо, во-первых в примечании к ст. 126 УК РФ (и 206 УК РФ) в качестве обязательного требования указать на совершение преступления впервые, во-вторых, ввести в ст. 127 УК РФ примечание, аналогичное по содержанию, и также с указанием на совершение преступления впервые.

В ином случае, если оставить всё как есть, получится, что при совершении похищения человека организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, тяжкое преступление) и последующем освобождении потерпевшего виновные подлежат освобождению от уголовной ответственности, а при незаконном лишении свободы, совершенном организованной группой (также тяжкое преступление) – в любом случае не подлежат освобождению, так как ст. 75 УК РФ предусматривает освобождение только за преступления небольшой и средней тяжести.

Федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ в уголовный закон были введены ст. ст. 110.1 и 110.2, установившие ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. В примечании к последней указано, что «лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 настоящей Кодекса или настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Этим же федеральным законом в УК РФ была введена ст. 151.1, криминализовавшая склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим

восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий. Но здесь примечание отсутствует. Вместе с тем, очевидно, что преступления, предусмотренные ст. ст. 110, 110.1 и 110.2 более опасны, так как выражаются не только в склонении лица к совершению самоубийства, но и нередко в качестве последствия содержат завершенное самоубийство. Диспозиции статей 110.2 и 151.1 УК РФ довольно близки по содержанию, в обоих случаях речь идет об организации деятельности, несущей опасность для людей. Однако в первом случае законодатель оставляет виновному возможность нивелировать последствия своей преступной деятельности, поощряя его освобождением от ответственности, а во втором случае – нет. Следовательно, за совершение деяния, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, также целесообразно предусмотреть освобождение от уголовной ответственности.

В паре смежных составов, предусмотренных ст. ст. 121 и 122 УК РФ, также отсутствует единый подход законодателя к вопросу об освобождении от уголовной ответственности. Согласно примечанию к ст. 122 УК РФ при совершении деяний, предусмотренных ч. ч. 1 и 2 данной статьи, лицо освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения. При заражении венерической болезнью возможность освобождения от уголовной ответственности предусмотрена лишь на основании норм Общей части (ст. 75 и 76 УК РФ). Возникает ситуация, аналогичная с примечанием к ст. 126 УК РФ. Во-первых, примечание к ст. 122 УК РФ носит императивный характер: при установлении всех предусмотренных условий лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности. Статьи 75 и 76 УК РФ предусматривают лишь возможность освобождения от ответственности по усмотрению соответствующих органов. Во-вторых, примечание к ст. 122 УК РФ не предусматривает в качестве условия освобождения совершение преступления впервые. Способствует ли это предупреждению совершения новых преступлений, противодействию распространения ВИЧ-инфекции? Думается, что нет. Так, лицо, зараженное ВИЧ и употребляющее наркотики инъекционно, ставит в реальную угрозу заражения тех, кто пользуется с ним одним шприцем. При этом потерпевшие вполне могут быть осведомлены о ВИЧ-статусе их «коллеги», но добровольно согласиться использовать один инструмент для инъекции. Причем такая ситуация может повторяться не один раз, и при этом виновный будет подлежать освобождению от уголовной ответственности. Думается, что это неприемлемо. Кроме того, заражение венерической болезнью – преступление гораздо менее общественно опасное, чем заражение ВИЧ-инфекцией. Поэтому нам представля-

ется, что в примечании к ст. 121 УК РФ также необходимо предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности, но при условии совершения преступления впервые.

Уголовный закон предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности за ряд преступлений, являющих собой разновидности организованной преступной деятельности. Они предусмотрены ст. ст. 205.4, 205.5, 208, 210, 282.1, 282.2 УК РФ. Здесь уместно обратить внимание на несколько моментов. В ст. 209 УК РФ установлена ответственность за создание, руководство и участие в банде или в совершаемых ею нападениях. Возможность освобождения от уголовной ответственности здесь не предусмотрена. Насколько обоснованным будет допущение возможности освобождения от уголовной ответственности за данное деяние? Думается, что теоретически это возможно, но при соблюдении нескольких условий. Во-первых, совершение преступления впервые. Во-вторых, отсутствие в действиях лица состава иного преступления, то есть участия в конкретных нападениях. В-третьих, изобличение иных участников банды, активное способствование раскрытию и расследованию преступления. В-четвертых, освобождение должно носить диспозитивный характер. Только при наличии совокупности этих условий допустимо освобождение лица от уголовной ответственности за бандитизм.

Примечание к ст. 208 УК РФ определяет, что «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Соединительный союз «и» в буквальном толковании говорит о необходимости наличия двух обязательных условий освобождения от уголовной ответственности: прекращение участия в незаконном вооруженном формировании и сдача оружия. Возникает вопрос, как быть, если лицо – участник незаконного вооруженного формирования в силу занимаемого там положения вообще не имело оружия? Получается, что оно не подлежит освобождению от уголовной ответственности, даже если добровольно прекратит участие в незаконном вооруженном формировании. Однако, как указано в

Литература:

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 10. СПб., 2008. С. 40.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // ИПС «Гарант». URL : <http://base.garant.ru/70137188/>
3. Антонов А.Г. Деятельное раскаяние. Кемерово, 2002. С. 76–82.

п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», участник незаконного вооруженного формирования, в силу возложенных на него обязанностей не обладающий оружием, может быть освобожден от уголовной ответственности на том основании, что он добровольно прекратил участие в незаконном вооруженном формировании и сообщил об этом органам власти [2]. Таким образом, Пленум изменил содержание нормы, предусмотренной в примечании к ст. 208 УК РФ, что видится неправильным. Более корректно было бы законодателю наряду с союзом «и» использовать разделительный союз «или», что позволило бы освобождать лиц, как прекративших участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшим оружие, так и не обладавших оружием.

Ряд авторов справедливо отмечают, что в ряде случаев целесообразно установить возможность освобождения от уголовной ответственности, что могло бы послужить эффективным средством возмещения причиненного ущерба (например, ст. ст. 127, 158, 174, 174.1, 184, 186, 187, 192, 193, 209, ч. ст. 330 УК РФ) [3;4;5; 6;7; 8].

Итак, проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов:

1. Анализ норм Особенной части, регламентирующих вопросы освобождения от уголовной ответственности, позволяет прийти к выводу о несистемном подходе законодателя к установлению конкретных его видов. Особенно наглядно это прослеживается на примере ряда смежных составов преступлений (ст. 126 и 127, 121 и 122 УК РФ), когда в одних случаях возможность освобождения от уголовной ответственности предусмотрена, в других – нет.
2. Считаем, что обязательным условием любого специального вида освобождения от уголовной ответственности должно быть совершение деяния впервые. Законодатель в большинстве случаев игнорирует это обстоятельство.
3. Ряд примечаний требует законодательной корректировки (примечания к ст. ст. 122, 126, 208 УК РФ).

Literature:

1. Encyclopedia of criminal law. T. 10. SPb., 2008. P. 40.
2. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 № 1 (in an edition of 03.11.2016) «About some questions of judicial practice on criminal cases about crimes of terrorism» // The Information retrieval system «Guarantor». URL : <http://base.garant.ru/70137188/>
3. Antonov A.G. Active repentance. Kemerovo, 2002. P. 76–82.

4. *Беницкий А.С.* Освобождение от уголовной ответственности за отмывание доходов, добытых преступным путем // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сб. науч. трудов / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2006. С. 296–299.

5. *Крылова Н.Е.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / Н.Е. Крылова, Ю.М. Ткачевский; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. // Курс уголовного права : в 5 т. Т. 2: Общая часть. Учение о наказании. М., 2002. С. 174.

6. *Кузьмин С.В.* Проблемы уголовной ответственности и назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 184 УК РФ // Российский судья. 2002. № 2. С. 27.

7. *Скоблицов П.* Незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника в новом уголовном законодательстве // Законность. 1997. № 9. С. 54.

8. *Тенчов Э.* О частных началах в российском уголовном праве // Уголовное право. 2000. № 1. С. 46.

4. *Benitsky A.S.* Release from criminal liability for laundering of the income got in the criminal way // Criminal policy and problems of counteraction of modern crime: сб. науч. works / under the editorship of N.A. Lopashenko. Saratov, 2006. P. 296–299.

5. *Krylova N.E.* Release from criminal responsibility in connection with active repentance / N.E. Krylova, Tkachevsky Yu.M. under the editorship of N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova // The Course of criminal law : in 5 t. T. 2: General part. The doctrine about punishment. M, 2002. P. 174.

6. *Kuzmin S.V.* Problems of criminal liability and assignment of punishment for the crimes provided by Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation//the Russian judge. 2002. № 2. P. 27.

7. *Skoblikov P.* Illegal imprisonment, kidnapping and taking of the hostage in the new criminal legislation//Legality. 1997. № 9. P. 54.

8. *Tenchov E.* About the private beginnings in the Russian criminal law//Criminal law. 2000. № 1. P. 46.

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
llg1978@yandex.ru

Смирнова Карина Сергеевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
mail2smirnova@mail.ru

Битаров Александр Сергеевич

курсант 215 учебного взвода,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
llg1978@yandex.ru

Larisa G. Litvyak

Candidate of Law,
Associate Professor, Head of Department
Criminal law and Criminology,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Karina S. Smirnova

Candidate of Law,
Head of Department Special Disciplines,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
mail2smirnova@mail.ru

Alexander S. Bitarov

Cadet 215 training Platoon,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
llg1978@yandex.ru

ЧАСТНЫЕ ТЮРЬМЫ В РОССИИ: НАСКОЛЬКО ЭТО ВОЗМОЖНО

Аннотация. Статья посвящена изучению функционирования систем частных тюрем в ряде зарубежных стран. В работе, в частности, изучен позитивный опыт работы следственной частной тюрьмы Уолдз в Великобритании. Также в статье изучается возможность появления данных исправительных учреждений в нашем государстве.

Ключевые слова: частная тюрьма, исправительные учреждения, лишение свободы, заключенные, частные корпорации, законопроект.

Исследователями был изучен опыт работы следственной частной тюрьмы Уолдз в Великобритании. И вот, что показало такое изучение. Администрация следственной тюрьмы Уолдз перед началом эксперимента по управлению деятельностью данной тюрьмы ставило перед собой следующие цели и задачи:

1. Путем эффективного управления ресурсами обеспечить для заключенных справедливые, безопасные, гуманные и конструктивные условия жизни, которые всегда отвечали бы всем существующим стандартам, а по возможности, и превосходили бы их.
2. Создать такой режим, который обеспечивал бы более высокую степень свободы и возможности передвижения заключенных по сравнению с той, которая существует в государственных тюрьмах. Подвергать их только тем ограничени-

PRIVATE PRISONS IN RUSSIA: AS FAR AS POSSIBLE

Annotation. The article is devoted to the study of the functioning of private prison systems in a number of foreign countries. The work, in particular, studied the positive experience of the investigation private prison Walds in the UK. The article also examines the possibility of the appearance of these correctional institutions in our country.

Keywords: private prison, correctional institutions, imprisonment, prisoners, private corporations, bill.

ям, которые непосредственно вытекают из их заключения, а в остальном предусмотреть возможность для таких лиц вести полноценную жизнь, как если бы они находились на свободе (в частности, в течение 15 часов ежедневно они могут находиться вне пределов исправительного учреждения, право на 6 часов учебных занятий и 6 часов занятий спортом еженедельно, возможность пользоваться душем в любое время, басейн, настольный теннис и ряд других благ).

3. Внести кардинальные изменения в методы тюремного управления. Это касалось негативно-го отношения сотрудников к заключенным, персонала к руководящему звену, руководства к персоналу и излишнего бюрократизма, который препятствует нововведениям.

Внедрив в практику все, о чем было сказано выше, в данной частной тюрьме получили сле-

дующие результаты. Не было ни одного крупного инцидента, повлекшего за собой потерю контроля над управлением данным учреждением. Почти 80 % опрошенных заключенных ответили, что тюрьма Уолдз лучше, чем те, в которых отбывали наказание раньше. Большинство заключенных считали, что частных тюрем должно быть больше и что это приведет к улучшению условий содержания в них. Большинство опрошенных из числа заключенных положительно оценивали работу персонала тюрьмы Уолдз и качество взаимоотношений с сотрудниками [1]. Идея создания и функционирования частных тюрем находит поддержку и в других странах, например, они есть в Великобритании, Австралии, Канаде, Швеции, Франции, Эстонии, Латвии, а в Латвии, Германии, Японии, Чехии и ЮАР обсуждают необходимость их создания. Во Франции с 90-х годов XX века существуют тюрьмы со смешанным частно-государственным управлением: здания строят и обслуживают частные компании, а вопросы исполнения наказания государство оставляет за собой. Указанными тюрьмами управляют две администрации: одна из них, укомплектованная тюремным департаментом, несет ответственность за поступление, размещение, режим и условия содержания заключенных, а также за применение мер исправительного воздействия и социальную реабилитацию. В функции второй, исполнительной дирекции, входят вопросы эксплуатации, ремонта зданий и сооружений частной тюрьмы, обеспечения пищи, коммунально-бытовыми условиями и личной гигиены заключенных. Таким образом, государство минимизировало влияние частного сектора на режим и условия содержания заключенных. Кстати, похожая практика существовала и в царской России. Например, так было в XIX веке в тюрьме, которая называлась Орловский централ. Частные предприниматели охотно заключали выгодные для них договоры об использовании арестантского труда, потому что были вполне гарантированы от забастовок, от предъявления ими требований увеличения заработной платы, об улучшении условий труда: тюремная администрация с ее надзирателями мастерских превращалась в самого энергичного и бесстыдного помощника откупщиков при эксплуатации труда заключенных [2]. Впрочем, может возникнуть вопрос: какое дело россиянам до того, что происходит в Штатах или других странах, своих проблем достаточно? В действительности, так и есть, если бы не одно «но»: наша власть всерьез предлагает использовать практику Штатов и других стран и легализовать частные тюрьмы.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», подготовленной в 2015 г. членом Совета Федерации А.В. Беляковым, упоминалось, что смешанное финансирование системы исполнения наказаний давно практикуется в странах ЕС и США. Более чем 20-летний американский опыт использования данного механизма доказал свою оправданность и корректность в отношении столь важной сферы общественной жизни. Однако данный законопроект, внесенный

20 октября 2015 г. в Государственную Думу, был возвращен 15 февраля 2016 г. А.В. Белякову в связи с несоблюдением требования Регламента Государственной Думы.

Идем далее. В 2016 г. Депутат Государственной думы Иван Сухарев начал готовить законопроект, разрешающий создание частных тюрем в России. По словам парламентария, это выгодно для государства, которое тратит на содержание заключенных колоссальные суммы. Пока на рассмотрение в ГД ФС РФ этот законопроект не поступал. Суть его такова – владелец частной тюрьмы будет получать от государства средства на содержание каждого осужденного. Государство же будет определять для коммерческого места заключения конкретную норму прибыли. В случае неисполнения обязательств по содержанию осужденных государство разрывает контракт, и этот контракт передается другим владельцам частных тюрем. В частных тюрьмах будут присутствовать государственные инспекторы, получающие зарплату из госбюджета и имеющие задачу следить за соблюдением установленных контрактом правил содержания во всех аспектах. Также планируется, что инвестор будет следить за питанием заключенных и внешней охраной. Частный инвестор, таким образом, получит прибыль за счет дотаций из бюджета на содержание каждого заключенного, а еще возможен дополнительный заработок за счет производства, на котором будут трудиться осужденные. Идею создания частных тюрем поддержал несколько лет назад глава такого ведомства, как ФСИН России Корниенко Геннадий Александрович.

В 2017 году Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации в рамках Государственного задания было осуществлено исследование практики функционирования частных тюрем в зарубежных странах. Результаты были опубликованы в Вестнике Томского государственного университета. Их вывод состоит в том, что можно учитывать «тюремный» опыт других стран, но разумно. Российским властям вполне возможно рассмотреть вопросы привлечения частного капитала в пенитенциарную систему, а точнее, в уголовно-исполнительную деятельность в качестве эксперимента, например, как было указано выше, взяв за основу опыт смешанного публично-частного управления Франции, который может быть наиболее приемлемым к российским условиям, связанным со свойственным им личностным усмотрением и низким уровнем правосознания.

В России есть ярые противники частных тюрем. Правозащитники утверждают, что создание частных тюрем не только спровоцирует новые коррупционные потоки, но и исказит само назначение тюрем как исправительного учреждения. Владельцы тюрем будут заинтересованы в большем притоке заключенных (как это происходит в США), причем на длительные сроки, поскольку их труд – это основная прибыль. Зарубежный опыт коммерциализации тюрем привлекает внимание не только отечественных ученых-пенитенциаристов и практиков, но и российских

бизнесменов. Изучение предложений российско-го рыночного сектора показало, что понятие «частная тюрьма» они понимали в полном смысле этого слова и предполагали взимать плату с осужденных за свое пребывание в ней. По их представлению, в частную тюрьму должны направляться лица, совершившие преступления в сфере экономики (т.е. граждане, обладающие многомиллионным состоянием), и за счет содержания их в комфортных условиях «владельцы» тюрем успешно получают прибыль. Представителям российского бизнеса было разъяснено, что порядок и условия исполнения наказаний в таких учреждениях должны осуществляться в строгом соответствии с российским законодательством и под контролем центрального органа уголовно-исполнительной системы. За участие в

Литература:

1. *Шамсунов С.Х.* Частные тюрьмы в мире: нужны ли они современной России? Дата размещения статьи: 24.09.2016. URL : <http://xn7sbbaj7auwnffhk.xnp1ai/article/20416>
2. Рожденные революцией (из истории «Орловской каторжной тюрьмы»). URL : <http://57.fsin.su/istoriauisoblasti.php>

тюремном деле возможно лишь получение налоговых льгот. В результате российский бизнес уже не торопился вкладываться в уголовно-исполнительный сектор. Все-таки, пока идея создания частных тюрем в России кажется неисполнимой. Ссылаться на опыт других стран неправильно, потому что там частные тюрьмы совершенно не преследуют цели гуманизации, а просто зарабатывают деньги. Подчас условия содержания в них хуже, чем в государственных исправительных учреждениях. Поскольку цель частных тюрем – зарабатывание денег, то, соответственно, персонал экономит на всем. Все это дает толчок к росту насилия среди заключенных. То есть, проблем очень много, поэтому ориентироваться на опыт западных стран в этом вопросе пока не стоит.

Literature:

1. *Shamsunov, S.Kh.* Private prisons in the world: do they need modern Russia? Article placement date: 09/24/2016. URL : <http://xn7sbbaj7auwnffhk.xnp1ai/article/20416>
2. Those born of the revolution (from the history of the «Oryol convict prison»). URL : <http://57.fsin.su/istoriauisoblasti.php>

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mai.ru

Лозовская Наталья Николаевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mai.ru

Санкин Алексей Игоревич

аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mai.ru

Denis N. Lozovsky

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of Criminalistics
and Legal Informatics Department,
Kuban State University
dlozovsky@mai.ru

Natalia N. Lozovskaya

Candidate of Law,
Senior Lecturer of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
dlozovsky@mai.ru

Alexey I. Sankin

Post-graduate Student of the Department
of Criminology and Legal Informatics,
Kuban State University
dlozovsky@mai.ru

**ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВИЗУАЛЬНОЕ
НАБЛЮДЕНИЕ ОПОЗНАЮЩЕГО**

**FEATURES OF PRODUCTION
OF PRESENTATION
FOR IDENTIFICATION
IN THE CONDITIONS EXCLUDING
VISUAL SUPERVISION
OF THE IDENTIFYING**

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты производства предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего. Выявлены проблемы, возникающие в ходе производства данного следственного действия. Предложен алгоритм действий следователя.

■ ■ ■
Annotation. The article deals with the criminal procedural and forensic aspects of the production of presentation for identification in conditions that exclude the visual observation of the identification. The problems arising in the course of production of this investigative action are revealed. The algorithm of actions of the investigator is offered.

■ ■ ■
Ключевые слова: тактика производства отдельных следственных действий; предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение; процессуальный порядок производства следственных действий.

■ ■ ■
Keywords: tactics of production of separate investigative actions; presentation for identification in the conditions excluding visual supervision; procedural order of production of investigative actions.

■ ■ ■
Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] гласит, что в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

■ ■ ■
готовки и осуществления вызывают у следователей затруднения [2, с. 106].

Предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, сравнительно новый способ производства данного следственного действия, поэтому некоторые тактические аспекты его под-

УПК РФ содержит следующие правила производства предъявления для опознания живых лиц, в том числе в условиях исключающих визуальное наблюдение опознающего:

– до начала опознания опознающий должен быть допрошен о том, при каких обстоятельствах он наблюдал опознаваемого гражданина, а также о том, по каким приметам и особенностям опознающий опознает опознаваемое лицо;

– предъявление для опознания лица осуществляется вместе с другими лицами, по возможности сходными с ним по признакам внешности;

– для опознания одновременно предъявляется не менее трех лиц;

– до начала опознания опознаваемому лицу предлагается самостоятельно занять любое место среди статистов, о чем делается запись в протоколе;

– если опознающий указал на кого-либо из предъявленных ему лиц, то он должен объяснить, по каким признакам внешности он его опознал;

– в ходе опознания постановка наводящих вопросов опознающему лицу недопустима;

– при производстве опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, понятия должны находиться вместе с опознающим;

– не допускается проведение повторного опознания лица тем же опознающим и по тем же признакам;

– по окончании опознания, в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ, составляется протокол, в котором указываются условия, в которых производилось опознание, его результаты, а также объяснения опознающего, изложенные и по возможности дословно. О производстве опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, также делается отметка в протоколе.

Участие не менее двух понятых при производстве предъявления для опознания устанавливается ст. 170 УПК РФ и в настоящее время обязательно вне зависимости от использования технических средств фиксации.

Помимо вышеперечисленных нормативных условий производства предъявления для опознания, разработаны криминалистические рекомендации, не закрепленные законодательно, но дополняющие и конкретизирующие положения статьи 193 УПК РФ, а именно:

– до начала предъявлением для опознания следователь должен исключить возможность встречи опознающего с опознаваемым, и иные наводящие ситуации;

– статисты, вместе с которыми будет предъявляться опознаваемый, должны быть не причастны к расследуемому делу;

– опознаваемый не должен обращать на себя внимание, выделяясь среди статистов одеждой, стрижкой или иными признаками, по которым можно судить о том, что он находится под стражей или подозревается в совершении преступления.

– в ходе опознания опознающему должна быть обеспечена возможность тщательного осмотра

предъявленных ему для лиц, т.е. соответствующее освещение, достаточное количество времени, наблюдение опознаваемого в различных позах и т.д.;

– если опознающих и опознаваемых несколько, опознание проводится с каждым из них отдельно, т.е. каждый раз одному опознающему предъявляется только один опознаваемый со статистами. При этом каждое следующее опознание того же лица, желательно проводить с новыми статистами.

Изучение следственной практики позволило обобщить наиболее типичные и частые нарушения процессуальных и криминалистических требований при производстве предъявления для опознания живых лиц, в том числе в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего:

– на предварительном допросе не выясняются признаки, по которым будет опознаваться предъявляемое лицо либо такой допрос вообще не проводится;

– опознаваемый предъявляется с другими лицами, которые резко отличается от по внешности и одежде;

– опознаваемый предъявляется в одиночку без статистов.

Многие ошибки следователей связаны с обеспечением процессуальной фиксации хода и результатов предъявления для опознания и обусловлены их невнимательностью и неорганизованностью:

– отсутствуют подписи лиц, участвовавших в производстве следственного действия;

– отсутствуют некоторые реквизиты (данные о разъяснении понятым их прав и обязанностей, сведения об их местожительстве, их подписи, сведения о том, что опознаваемое лицо самостоятельно выбрало и заняло место среди статистов);

– у участников следственного действия не выясняются вопросы о том, не возникло ли у них замечаний по ходу производства опознания, или это не отражено в протоколе и др.

При организации проведения предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего, требуется особая предварительная подготовка места его проведения. Для этих целей предусмотрена возможность использования оборудованных в зданиях правоохранительных органов специальных помещений, состоящих из смежных комнат с отдельными входами. В одной из таких комнат в ходе следственного действия находятся лица, предъявляемые для опознания, а в другой - остальные его участники. Эти комнаты должны быть разделены стеной с проемом, закрытым стеклом, на которое с одной стороны нанесено зеркальное покрытие, не позволяющее опознаваемому наблюдать находящихся в смежной комнате. Ино-

гда такие комнаты оборудуются двусторонней связью. Очевидно, что такие меры предосторожности надежно оберегают опознающего от опасного воздействия на него со стороны опознаваемого подозреваемого (обвиняемого), и вместе с тем, позволяют получать допустимые доказательства.

Недопустимо, чтобы опознающий заходил во второе помещение через первое, поскольку в подобном случае требования об отсутствии визуального восприятия опознающего опознаваемым не будут выполнены. Также недопустимо, чтобы следователь, вызывая опознающего, выходил из помещения и находился вне визуального восприятия защитники и понятых. Кроме того, защитнику запрещается выходить в первое помещение и общаться с опознаваемым [3, с. 124].

Иногда следователям приходится прибегать к использованию более простых методов реализации рассматриваемого вида предъявления для опознания в связи с отсутствием специально оборудованных помещений. Так в этих целях могут быть использованы:

– автомобиль с затонированными стеклами – опознающий, следователь и понятые находятся в салоне автомобиля, опознаваемые с помощником следователя – снаружи;

– две смежные комнаты, соединенные дверным проемом – в комнате, где находятся опознаю-

щий, следователь и понятые, создается затемнение, не позволяющее наблюдать их опознаваемым, находящимся в смежной хорошо освещенной комнате;

– ширма с прорезями для глаз – располагается так, чтобы отделить опознаваемых от опознающего. Преимущество данного способа, во-первых, в том, что другие участники следственного действия могут располагаться так, чтобы одновременно наблюдать и действия опознающего и реакции, действия опознаваемого. Во-вторых, все участники следственного действия находятся в одной комнате, поэтому опознаваемый впоследствии не может заявить, что он не может быть уверен в том, что на самом деле опознали именно его. Несмотря на то, что он не может видеть опознающего, все его реплики, в том числе, и указание на него как опознанного, ему слышны хорошо.

Таким образом, предъявление лиц для опознания в условиях, визуальное наблюдение опознающего – один из важнейших способов получения доказательственной информации о лице, совершившем преступление, в том числе, в составе организованной группы. Успешное производство данного следственного действия требует от следователя знания его тактики и значительных усилий, направленных на его подготовку и осуществление.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: справочно-правовая система «Гарант». URL : garant.ru (дата обращения 26.11.2018).

2. *Попова О.А.* Тактические аспекты предъявления для опознания лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2. С. 106–109.

3. *Стельмах В.Ю.* Процессуальный порядок предъявления для опознания в условиях исключающих визуальное наблюдение опознающего // В сборнике: Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXVIII международной научно-практической конференции. М. : Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2016. С. 123–126.

Literature:

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (with subsequent changes and additions) [An electronic resource]: legal-reference Guarantor system//Mode of access: garant.ru (date of the address: 26.11.2018).

2. *Popova O.A.* Tactical aspects of presentation for identification of persons in the conditions excluding visual observation identified // Bulletin of the Volgograd Russian Interior Ministry Academy. 2016. № 2. P. 106–109.

3. *Stelmakh V.Yu.* A procedural order of presentation for identification in the conditions of excluding visual observation identifying // In the collection: Modern problems of humanitarian and natural sciences: materials XXVIII of the international scientific and practical conference. M. : Scientific and information publishing center «Institute of Strategic Researches». 2016. P. 123–126.

Малютин Михаил Петрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
ukrainskiy-maksim@mail.ru

Украинский Максим Евгеньевич

магистрант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
ukrainskiy-maksim@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ

Аннотация. Получение взятки является одним из сложных для расследования преступлений. Обусловлено это тем, что данным преступлениям присуща «бедная» следовая картина: механизм преступления происходит без очевидцев, все участники преступления заинтересованы в успехе преступления и применяют все возможные меры, чтобы избежать появления случайных свидетелей и других следов их деятельности; в случаях взяточничества, связанных с осуществлением законных служебных или властных действий, иногда вообще исключается наличие следов преступления и усложняется установление факта дачи-получения взятки. Поэтому установление предмета доказывания играет важную роль в ходе расследования всех должностных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, должностные преступления, взятка, доказывание, криминалистика, обстоятельства подлежащие доказыванию, предмет доказывания.

В современный период в РФ ужесточается законодательство о противодействии коррупции, поэтому противодействие коррупции как приоритетное направление государственной политики требует осуществлять доказывание по делам о коррупционных преступлениях на высоком уровне, чтобы преступники не избежали заслуженного и справедливого наказания за преступления, разлагающие властные структуры, оскорбляющие и унижающие гражданское общество, в целом [см., напр.: 3, 25 с.].

Сложность доказывания по делам о коррупционных преступлениях обусловлена объективными причинами, вытекающими из сущности данных деяний;

– отсутствие потерпевшего по ряду преступлений, например, за взяточничество;

Mikhail P. Malyutin

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
ukrainskiy-maksim@mail.ru

Maxim E. Ukrainskiy

Undergraduate of Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
ukrainskiy-maksim@mail.ru

FEATURES OF THE SUBJECT OF PROOF OF AFFAIRS ABOUT TAKING OF A BRIBE

Annotation. Taking of a bribe is one of the crimes, most difficult for investigation. It is caused by the fact that the «poor» trace picture is inherent in these crimes: the mechanism of crime occurs in most cases in the absence of eyewitnesses, all participants of crime are interested in success of crime and apply all possible measures to avoid appearance of casual witnesses and other traces of their activity; in the cases of bribery connected with implementation of lawful office or imperious actions sometimes in general existence of traces of crime is excluded and establishment of the fact of giving – taking of a bribe becomes complicated. Therefore establishment of circumstances of a subject of proof plays an important role during the investigation of all malfeasances.

Keywords: corruption, malfeasances, a bribe, proof, criminalistics, the circumstances which are subject to proof, a proof subject.

– активное противодействие расследованию и разбирательству в суде с использованием высококвалифицированной защиты;

– применение коррупционерами тщательно продуманных, завуалированных способов приема-передачи предмета взятки, коммерческого подкупа;

– использование связей во властных структурах и правоохранительных органах;

– наличие иммунитетов, препятствующих привлечению к уголовной ответственности в обычном порядке;

– применение передовой техники, в том числе, для получения конфиденциальной информации и т.д. [1. 64 с; 2. с. 30–32].

Результатом анализа элементов криминалистической характеристики взяточничества является совокупность обстоятельств, подлежащих установлению. Она шире, чем предмет доказывания по делам, поскольку с криминалистической точки зрения следователь для полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств дела должен установить и исследовать все факты, имеющие значение для квалификации содеянного и назначения справедливой меры наказания. Кроме того, часть обстоятельств устанавливается по мере расследования как промежуточные факты, служащие переходными к предмету доказывания при проверке всех версий по делу. На определенном этапе эти обстоятельства могут использоваться в определенных целях как ориентирующая информация [см., напр.: 1, 108 с.].

По каждому делу предмет доказывания отражает особенности данного преступления, и тем самым требует большей конкретизации и детализации, с нахождением индивидуальных особенностей, поэтому в каждом случае необходимо установить круг обстоятельств, исследование которых обеспечит полное и всестороннее расследование дела [см., напр.: 5, с. 215–223; 7, с. 57].

Рассматривая предмет доказывания по делам о взяточничестве, необходимо отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», учитывая сложность и специфику дел данной категории, обратил особое внимание судебных органов на необходимость исследования ряда существенных обстоятельств. Для минимизации ошибок, суды должны тщательно выяснять все фактические обстоятельства, должностное положение лица, обвиняемого в получении взятки, характер действий, совершенных им с использованием своего служебного положения, за которые давалась взятка, наличие или отсутствие квалифицирующих обстоятельств получения, дачи взятки или посредничества во взяточничестве.

Субъекту доказывания следует исходить из перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и конкретизировать их с учетом норм материального закона.

Детально выясняется вопрос о предмете взятки и его характерных признаках. Это обуславливается, прежде всего, тем, что не все может быть предметом взятки. К примеру, не могут быть предметом взятки блага нематериального характера, например, такие, как благоприятный отзыв в печати. Отсутствие в качестве предмета взятки материального блага исключает состав взяточничества. Следовательно, установление характера получаемой должностным лицом выгоды служит одним из критериев обоснованного привлечения к уголовной ответственности за взяточничество. В ходе расследования устанавливаются родовые и индивидуальные признаки предмета взятки. Это важно не только для полной его характеристики, но и для его обнаруже-

ния, выбора направления расследования и следственных действий.

Выявление источников взятки становится весьма важной задачей потому, что дает возможность раскрытия нередко связанного с взяточничеством хищения государственного и общественного имущества и привлечения к уголовной ответственности за это преступление. Разумеется, необходимость в установлении источника взятки возникает не всегда. Она зависит от характера конкретных обстоятельств уголовного дела.

Необходимо установить большую группу обстоятельств, составляющих в совокупности непосредственно получение взятки. Подлежат установлению место, время, обстановка и другие важные обстоятельства совершения преступления. По каждому делу необходимо исследовать, кто конкретно и кому передал взятку, так как передача третьему лицу взятки, о которой не знало должностное лицо, исключает ответственность последнего за ее получение, независимо от того, выполнило или не выполнило должностное лицо определенные действия в пользу взяткодателя. При наличии предварительной договоренности (при взятке-подкупе) должны быть исследованы обстоятельства, связанные с достижением договоренности, в частности вопрос о формах ее достижения.

Значение имеет выявление способов получения взятки и сокрытия взяточничества. Выясняется вопрос, передана ли взятка открыто или в замаскированной, скрытой форме, например, в виде подарка, проигрыша в пари, предоставления займа, передачи якобы проданной вещи, продажи по явно заниженной цене, явно неравноценного обмена дорогой вещи на дешевую, передачи денег по фиктивному трудовому соглашению, за мнимое совместительство, в качестве премияльных и т.д.

Учитывая, что субъектом получения взятки может быть лишь должностное лицо, необходимо достоверно установить это обстоятельство. Это факты, подтверждающие статус должностного лица и фактическое или возможное выполнение им служебного действия.

В протоколах допросов коррупционера, его руководителей, подчиненных, коллег могут отражаться факты, свидетельствующие об объеме его полномочий и фактически выполненных служебных действиях, а также о его взаимоотношениях с другими должностными лицами, на которых субъект мог оказать влияние для побуждения к определенному поведению в интересах взяткодателя, и другие данные, характеризующие предмет доказывания.

Характерной особенностью предмета доказывания по делам о взяточничестве является установление характера поведения должностного лица в связи с получением взятки. С этой целью выясняется характер действий, которые взяткополучатель выполнил или должен был выполнить, но не выполнил за взятку, определяются его права и обязанности. Требуется выяснения

вопрос о том, являлось ли совершение действия в пользу взяткодателя служебной обязанностью должностного лица.

Тщательному исследованию подлежат конкретные формы использования должностным лицом своего служебного положения для выполнения или невыполнения в интересах взяткодателя определенных действий [см., напр.: 8, с. 16–19].

Для решения этого вопроса требуется, во-первых, исследование установленного порядка совершения тех действий, которые выполнил или должен был выполнить, но не выполнил взяткополучатель в пользу заинтересованного лица; во-вторых, выявление того, в чем именно выражались нарушения существующих правил и порядка, кто их допустил и как эти нарушения использовал взяткополучатель в преступных целях.

При исследовании действия, выполненного за взятку, следует выяснить, не совершило ли должностное лицо иное преступление, обусловленное получением взятки, [см., напр.: 9, с. 145], т.е. законное или незаконное действие было им совершено, в частности, не имел ли место подлог. При выполнении взяткополучателем незаконного действия следователь должен выяснить, не является ли взяткодатель подстрекателем должностного лица на совершение другого преступления, что будет основанием для привлечения взяткодателя к уголовной ответственности как соучастника в совершении этого преступления.

Расследование не может быть признано полным, если не установлены точные размеры полученного взяткополучателем незаконного вознаграждения, а также доля преступного обогащения посредника, действующего, как правило, из корыстных мотивов. Выясняя роль посредника, надо проверить, не был ли он организатором получения или дачи взятки, что существенно влияет на правовую оценку его преступной деятельности.

Таким образом, субъект доказывания обязан выяснить:

Литература:

1. *Кушниренко С.П.* Особенности расследования взяточничества : учебн. пособие. СПб., 2002. 108 с.
2. *Малютин М.П.* Криминалистические аспекты работы с доказательствами по делам о коррупционных преступлениях // Юридически вестник Кубанского государственного университета. 2015. № 4(25). С. 30–32.
3. Организация и методика расследования взяточничества: метод. пособие. М., 2001. 64 с.
4. *Посохина И.В.* Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 25 с.

1) группу обстоятельств, с которыми непосредственно связано получение взятки, а именно место – время, кем и кому непосредственно передана взятка и т.д.;

2) предмет взятки, его признаки, источники и размеры;

3) способы получения взятки и сокрытия преступления;

4) круг служебных полномочий и характер действия должностного лица, получившего взятку или покушавшегося на ее получение;

5) должностное положение взяткополучателя;

6) конкретные формы использования служебного положения в целях выполнения обещанного за взятку или при посредничестве во взяточничестве;

7) не было ли связано взяточничество с совершением иного преступления?;

8) не было ли вымогательства взятки, и если было, то в чем конкретно оно выражалось?;

9) виновность лица, получившего взятку, цели, мотивы совершения преступления;

10) размеры преступного обогащения взяткополучателя и посредника;

11) обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность участников преступления;

12) причины и условия, способствовавшие получению взятки.

Противодействие взяточничеству на современном этапе требует осуществлять деятельность по доказыванию на самом высоком уровне, чтобы преступники не избежали заслуженного и справедливого наказания за преступления, разлагающие властные структуры, оскорбляющие и унижающие гражданское общество в целом.

Literature:

1. *Kushnirenko S.P.* Features of investigation of bribery : education guidance. SPb., 2002. 108 p.
2. *Malyutin M.P.* Criminalistic aspects of work with proofs on cases of corruption crimes // Legally bulletin of the Kuban State University. 2015. № 4(25). P. 30–32.
3. Organization and technique of investigation of bribery : method. grant. M., 2001. 64 p.
4. *Posokhina I.V.* Criminalistic aspects of maintenance of public prosecution on cases of bribery : avtoref. yew.... edging. юрид. sciences. SPb., 2006. 25 p.

5. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания. М., 2011. С. 215–223

6. Хусаинов О.Б. Организационно-тактические особенности расследования коррупционных преступлений (по материалам Республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 27 с.

7. Гармаев Ю.П. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: Теория и практика / Ю.П. Гармаев, А.Ф. Лубин. СПб., 2006. С. 57.

8. Комбаров К.Ю. Актуальные проблемы раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Российский следователь. 2016. № 2. С. 16–19.

9. Лямин М.В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 145.

5. Rudenko A.V. Substantial logic of proof. M., 2011. P. 215–223

6. Khusainov O.B. Organizational and tactical features of investigation of corruption crimes (on materials of the Republic of Kazakhstan) : avtoref. yew. ... edging. юрид. sciences. Chelyabinsk, 2005. 27 p.

7. Garmayev Yu.P. Problems of creation of criminalistic techniques of investigation of crimes: Theory and practice / Yu.P. Garmayev, A.F. Lubin. SPb., 2006. P. 57.

8. Kombarov K.Yu. Current problems of disclosure and investigation of the corruption crimes committed by health workers//the Russian investigator. 2016. № 2. P. 16–19.

9. Lyamin M.V. Use of criminalistic methods at investigation of bribery in law enforcement agencies : yew. ... edging. юрид. sciences. Saratov, 2003. P. 145.

Маркелов Сергей Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
S.V.Markelov@ya.ru

Sergey V. Markelov
Candidate of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
S.V.Markelov@ya.ru

ПРИНЯТИЕ СУДОМ РЕШЕНИЯ О ВРЕМЕННОМ ОТСТРАНЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО ОТ ДОЛЖНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИМЕНЕНИЯ

THE COURT'S ADOPTION OF THE DECISION ON TEMPORARY DISMISSAL OF THE ACCUSED FROM OFFICE, THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES

Аннотация. В системе мер уголовно-процессуального принуждения принятых в российском праве отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности занимает особое место – в первую очередь, в связи с высокой вероятностью причинить социальные испытания личности подозреваемого или обвиняемого (которые при этом, совершенно не обязательно виновен в инкриминируемом ему деянии). Вследствие такого отстранения указанные лица зачастую теряют работу, положение и успех в обществе, получая при этом регламентированный законом уровень материальной поддержки от государства. При этом, практика применения этой меры во многом противоречива, что и определяет необходимость ее отдельного анализа.

Ключевые слова: судебный контроль, судебная власть, уголовный процесс, правоприменение, меры принуждения, отстранение от должности, предварительное расследование, должностное лицо.

Annotation. In the system of measures of criminal procedural coercion adopted in the Russian law, the removal of a suspect or accused from office occupies a special place-first of all, due to the high probability of causing social tests of the personality of the suspect or accused (which, at the same time, is not necessarily guilty of the act incriminated to him). As a result of this suspension, these persons often lose their jobs, position and success in society, while receiving a legally regulated level of material support from the state. Thus, practice of application of this measure in many respects contradictory, and this determines the necessity of separate analysis.

Keywords: judicial control, judicial power, criminal process, law enforcement, coercive measures, removal from office, preliminary investigation, official.

Если подозреваемый или обвиняемый отстраняется от своей должности, то можно говорить о применении к нему весьма специфической меры процессуального принуждения. Суть данного способа воздействия заключается в том, чтобы указанные лица не были допущены к исполнению своих должностных обязанностей. Применение этой принудительной меры обуславливается тем, чтобы не дать возможности подозреваемому (обвиняемому) каким либо образом препятствовать производить уголовное дело или исполнить приговор.

Подозреваемый (обвиняемый) может быть абсолютно непричастен к тому деянию, которое ему инкриминируется. Поэтому изначально в целях не причинения социальных проблем его личности, данная мера занимает особое положение в системе мер уголовно-процессуального принуж-

дения, которые существуют в российском праве. Как следствие такого отстранения, подвергающиеся ему лица зачастую теряют работу, положение и успех в обществе, получая при этом регламентированный законом уровень материальной поддержки от государства. Данная мера принуждения применяется только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 114 УПК РФ [2]). При этом практика применения этого способа во многом противоречива, что и определяет необходимость ее отдельного анализа.

Подобная мера используется тогда, когда есть основания предположить, что должностное лицо:

– будет влиять на свидетелей, подчинённых ему по службе с целью попыток воспрепятствовать расследованию дела;

– будет пытаться скрыть или ликвидировать документацию либо другие доказательства, относящиеся к делу;

– будет создавать помехи следователю в расследовании дела, используя своё служебное положение.

1 февраля 2018 г. в Приказе МВД России № 50 было закреплено положение о временном отстранении от должности сотрудника правоохранительных органов. Для целесообразности применения подобной меры рассмотрен ряд несколько других причин [4]. Сотрудник правоохранительных органов может быть временно отстранён от занимаемой должности, если:

– был замечен на службе в нетрезвом виде или состоянии наркотического опьянения;

– в период окончания допуска сотрудника к государственной тайне;

– сотрудником не была пройдена нужная профессиональная переподготовка по применению физической силы или спецсредств.

Данная мера не имеет целью ограничить гражданина в каких-то других его правах, кроме посещения им своего рабочего места. Он имеет право свободного передвижения, посещения родных и близких, друзей, любых мест, встречаться с адвокатом. Исключение составляет случай применения какой-либо иной меры пресечения наравне с отстранением от должности.

Так как по причине отстранения от должности гражданин не будет получать ежемесячную заработную плату на весь период применения к нему данной меры, то он имеет право каждый месяц получать пособие в размере МРОТ по России. Судьёй выносится документ, утверждающий размер такого пособия.

Это пособие гражданину может выдаваться по месту нахождения финансовой службы, которая производит такие выплаты или быть перечислено на банковский счет гражданина не позднее месяца с момента вынесения постановления суда.

Налоговые отчисления из сумм пособия удержаны быть не могут, так как являются необходимыми издержками всего процесса по делу. Но в этом случае и пенсионные отчисления в ПФР не производятся.

Пока сотрудник правоохранительных органов отстранён от должности, он не имеет права пользоваться служебным удостоверением и табельным оружием, которые у него изымаются на весь период отстранения.

Следствие при этом должно располагать серьёзными причинами для подозрений виновности данного гражданина в совершении преступного деяния.

Вопрос отстранения сотрудника от должности может быть решён независимо и наряду с при-

менением других мер борьбы с правонарушениями.

Судом выносится постановление о временном отстранении от должности гражданина, после этого решение суда передаётся по месту его службы. Вручается постановление непосредственному начальнику, который обязан реализовать утверждение суда.

По указанию руководителя гражданин должен немедленно покинуть свое рабочее место и уйти с места службы. Во время исполнения данной меры он может получать денежное пособие от государства в силу отсутствия возможности работать и получать заработную плату.

О применении к гражданину такой меры по ст. 114 УПК РФ должно подаваться ходатайство в суд от следователя или дознавателя. На основании положений прошения, поданных следователем или дознавателем, судья принимает решение о рациональности применения к гражданину этой меры пресечения. Судья также должен быть убеждён в наличии причин для подозрений гражданина в преступных действиях.

В приложение к ходатайству входит следующая документация:

– документ, подтверждающий уголовный порядок иницируемого дела;

– документы, подтверждающие получение объектом категории подозреваемого;

– процессуальные документы, доказывающие целесообразность применения меры.

Прощение может быть рассмотрено как самим судьёй единолично, так и судебным заседанием в присутствии того лица, по отношению к которому решается необходимость применения данной меры. Следует знать, что это является правовой составляющей, а не обязанностью.

По ч. 3 ст. 133 УПК РФ гражданин имеет право ходатайствовать о возмещении причиненного ему ущерба в случае вынесения судом оправдательного приговора либо в случае прекращения судопроизводства на основании реабилитирующих обстоятельств. Это означает полное восстановление гражданина в занимаемой им прежнее должности, а также наличие у него права требования компенсировать разницу между окладом, предусмотренным его служебным положением и размером государственного пособия, получаемого гражданином в период исполнения меры отстранения его от должности [5, с. 12].

Когда судом выносится обвинительный приговор, то данная мера принуждения может быть отменена или, если УК РФ это предусматривает, то суд выносит постановление о лишении гражданина права работать на определённых вакансиях или производить какой-то определённый вид деятельности. Это может быть определено как основное либо дополнительное наказание. В подобных случаях приговором суда выносится окончательное решение о возможности гражда-

нина занимать ту или иную должность, а также заниматься той или иной деятельностью.

Временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ) является особой мерой, обеспечивающей ограничительный характер деятельности гражданина. Её правовая конструкция, которая определяет эффективность воздействия, нуждается в совершенствовании и доработке. В том виде, в котором законодательная конструкция действует сегодня, она имеет ряд противоречий в определении оснований, участников, сроков и порядка их применения.

Первоочередно стоит вопрос о личности подозреваемого или обвиняемого, к кому можно применить эту принудительную меру. Некоторые научные деятели считают, что эту меру принуждения допустимо применять только по отношению к должностным лицам в согласовании с примечанием к ст. 285 УК РФ [3].

Сюда можно отнести следующие гражданские категории:

– граждане, представляющие власть или наделённые организационно-представительскими функциями по полномочию либо на время;

– граждане, занимающие административные посты в госорганах или учреждениях;

– служащие в войсках РФ.

Следует отметить ограниченность такого подхода к этому вопросу. Учёные говорят о несколько ином роде природы временного отстранения от должности, чем предусматривает УК РФ [5, с. 23].

Основываясь на вышеизложенном, вопрос о личности подозреваемого или обвиняемого имеет ориентиром ст. 47 УК РФ. Эта статья является

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

4. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

5. Бикмиев Р.Г. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в

регулятором применения этого вида уголовного наказания: лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Если рассматривать этот вопрос под таким углом зрения, то открываются перспективы на расширение рубежей применения исследуемого института принуждения, а также возможности обосновывать его применение на практике.

Нужно сказать, что дефиниция ст. 114 УПК РФ не содержит указания на выбор исследуемой меры принуждения, основываясь на материальную составляющую вопроса. Об этом говорят оценочные фразы «при необходимости» и «на сроки ее применения».

При этом в науке существуют многократные указания на некорректность данной формулировки [6, с. 85–88].

Так же учёные указывают на следующие проблематичные вопросы, возникающие при применении данной меры [7, с. 202]:

– о личности подозреваемого или обвиняемого, на кого возможно воздействовать данной мерой принуждения;

– о необходимости создать четкий перечень оснований для применения меры, а также её содержания и регулирования последствий временного отстранения от должности в свете правовых норм.

Все описанные и прочие проблемы повествуют о надобности усовершенствования этого закона за счёт новых дополнений и правок существующих положений. Это всё должно быть направлено на повышение уровня эффективности применения его в реальности, а также обеспечить в действительности права и свободу подозреваемым и обвиняемым.

Literature:

1. Russian Constitution. Adopted By popular vote on 12 December 1993 (as amended on 21.07.2014) // Rossiyskaya Gazeta. 25.12.1993. № 237.

2. Criminal procedure code of the Russian Federation. The Federal law from 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 29.07.2018) // collected legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. № 52 (part I). St. 4921

3. Criminal code of the Russian Federation. Federal law of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 29.07.2018) // collected legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. № 25. St. 2954.

4. Order of the Ministry of internal Affairs of Russia of February 1, 2018 № 50 «about the statement of The order of the organization of service in law-enforcement bodies of the Russian Federation» // Union of Right Forces Consultant Plus.

5. Bikeev R.G. Temporary dismissal of the suspect or accused in criminal proceedings : the nature,

уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2015. С. 30.

6. *Кутуев Э.К.* Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности / Э.К. Кутуев, Е.В. Кудрина // Вестник экономической безопасности. 2012. № 9. С. 85–88.

7. *Тензина Е.Ф.* К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ / Е.Ф. Тензина, Л.Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 3. С. 201–203.

significance and legal implications: the author's abstract : diss. kand. Jus. sciences. Ekaterinburg, 2015. P. 30.

6. *Kutuev E.K.* Problems of application of a measure of coercion in the form of temporary dismissal / E.K. Kutuev, E.V. Kudrina // Bulletin of economic security. 2012. № 9. P. 85–88.

7. *Tensina L.G.* To the question of the application of temporary dismissal of the code of criminal procedure Of the Russian Federation. Vestnik Udmurt University. Series «Economics and law». 2014. № 3. P. 201–203.

Мильшина Юлия Александровна
адъюнкт кафедры прав человека
и международного права,
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
okfku07@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. Глобальное развитие человеческой цивилизации, помимо неоспоримых преимуществ, неизбежно порождает новые конфликты самого разного типа, которые в ряде случаев грозят перерасти в прямые военные столкновения. Наличие устойчивых и стабильных механизмов миротворчества и профилактики конфликтов на международном и, в первую очередь, на региональном уровне, является залогом стабильного развития и безопасности всей человеческой цивилизации.

Целью исследования является анализ сложившихся международных механизмов миротворчества. Задачи исследования: выработка рекомендаций по развитию систем профилактики международных конфликтов. Гипотеза исследования – Наличие эффективных региональных и глобальных институтов международного арбитража способно значительно снизить риски и негативные последствия международных конфликтов. Методы исследования: научная абстракция, анализ и синтез. Достигнутые результаты: перечислены основные направления развития институтов международного миротворчества.

Ключевые слова: профилактика международных конфликтов, механизмы миротворчества, институты миротворчества, институты согласования глобальных интересов.

Новые вызовы безопасности и стабильности в мире привели к специфической трансформации миротворчества и к расширению арсенала его средств.

Характеризуя роль и место миротворческих операций в истории международных отношений, необходимо отметить, что они представляли собой попытку ООН изолировать региональные конфликты от столкновения сверхдержав [1].

На сегодняшний день можно констатировать, что международное миротворчество представляет

Yuliya A. Milshina
Adjunct Department of Human Rights
and International Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named
after V.J. Kikot
okfku07@mail.ru

MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF INSTITUTES OF THE INTERNATIONAL PEACEMAKING AT THE REGIONAL LEVEL

Annotation. Global development of a human civilization besides indisputable advantages inevitably generates the new conflicts of the most different type which in some cases threaten to develop into straight lines military collisions. Existence of steady and stable mechanisms of peacemaking and prevention of the conflicts on international, and first of all at the regional level, is the key to stable development and safety of all human civilization.

Research objective is the analysis of the developed international mechanisms of peacemaking. Research problems: development of recommendations about development of systems of prevention of the international conflicts. A research hypothesis – Existence of effective regional and global institutes of the international arbitration is capable to reduce considerably risks and negative consequences of the international conflicts. Research methods: scientific abstraction, analysis and synthesis. The achieved results: the main directions of development of institutes of the international peacemaking are listed.

Keywords: prevention of the international conflicts, peacemaking mechanisms, institutes of peacemaking, institutes of coordination of global interests.

собой два направления – это прекращение и профилактика международных конфликтов между субъектами международного права, и борьба с внесистемными и нелегитимными акторами на международном уровне, в частности - ликвидация международного терроризма и экстремизма.

Для борьбы с терроризмом осуществляются международные контртеррористические операции, порядок и условия осуществления которых до сих пор не урегулированы в международном праве, несмотря на частоту их применения. Значимость устранения указанного пробела в пра-

вовом регулировании определяется тем, что международный терроризм позиционируется как международное преступление [2].

Нового осмысления требует и выявление связи между урегулированием региональных конфликтов и становлением новой системы безопасности на базе сотрудничества. В этой связи миротворческая деятельность рассматривается как составная часть глобального политического процесса [3].

Согласно сложившемуся мировому порядку, роль верховного миротворца отведена ООН, которая может решением Совета Безопасности прибегнуть к силовым санкциям, в т.ч., в случае, если исчерпаны все экономические и политические рычаги воздействия на стороны, участвующие в конфликте, вправе наделить коалицию стран-членов ООН особыми полномочиями по использованию «всех необходимых средств», вплоть до военной акции, с целью разрешения (как правило - заморозки) конфликта. Причем все эти акции могут проводиться исключительно под непосредственным руководством Генерального Секретаря ООН.

После окончания конфликта структуры ООН, как правило, начинают выполнять миротворческие функции, направленные на поддержание структур, которые призваны укреплять и консолидировать мирный процесс, и деятельность которых распространяется на военную безопасность, правопорядок, защиту прав человека, проведение выборов, здравоохранение, образование и восстановление экономики.

Вместе с тем, как показала практика последних десятилетий, ряд государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН де-факто игнорируют Устав ООН, предпринимая весьма спорные миротворческие операции в обход Совета Безопасности.

Подобное поведение спровоцировало тенденции к формированию различных региональных меж-

дународных структур миротворчества. Инициаторами здесь выступили крупные государства, обладающие международным и региональным лидерством, посчитавшие необходимым обезопасить себя и зону своих экономических либо геополитических интересов от вмешательства третьих стран под предлогом мнимого миротворчества.

Именно после 1999 года, когда на территории бывшей Югославии впервые была проведена так называемая миротворческая операция в обход Совета Безопасности ООН, Китай, Россия, Индия, и ряд других крупных держав сосредоточили свои усилия на создании новых и развитии уже имевшихся региональных международных организаций сотрудничества и безопасности, в функции которых также входит исполнение миротворческих операций, в случае возникновения каких-либо конфликтов в соответствующем регионе.

В настоящее время помимо ООН в мире насчитывается более 20 региональных союзов и организаций различной направленности, уставы которых предусматривают возможность участия в международных миротворческих операциях.

Таким образом, прецедент фактического нарушения порядка проведения международных миротворческих операций через Совет Безопасности ООН, послужил стимулом формирования и укрепления целого ряда региональных организаций, наделенных функцией миротворчества, что с одной стороны снижает роль Совета Безопасности ООН, с другой стороны, все-таки позволяет сформироваться стабильным региональным кластерам миротворческих институтов, отвечающих запросам и вызовам каждого конкретного региона, а также служит сокращению возможности иностранного вмешательства в дела независимых государств под предлогом проведения мнимых миротворческих операций.

Литература:

1. *Никитин А.И.* Миротворческие операции: концепции и практика. Сер. 117. Научные доклады. М., 2000.
2. *Вербицкая Т.В.* Соотношение понятий международной контртеррористической операции и миротворческой операции // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2017. № 2(40). С. 120–124.
3. *Клюев К.Г.* Международные миротворческие операции как политический инструмент урегулирования военно-политических конфликтов // *Молодые вчений.* 2016. № 10(37). С. 127–131.

Literature:

1. *Nikitin A.I.* Peacekeeping operations: concepts and practice. It is gray. 117. Scientific reports. M., 2000.
2. *Verbitskaya T.V.* Ratio of concepts of the international counter-terrorist operation and peacekeeping operation//*Jurisprudence and law-enforcement practice.* 2017. № 2(40). P. 120–124.
3. *Klyuev K.G.* International peacekeeping operations as political instrument of settlement of the military-political conflicts // *Molody vcheniye.* 2016. № 10(37). P. 127–131.

Моисеева Оксана Георгиевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Алтайский государственный университет

Диденко Юлия Максимовна

магистрант юридического института,
Алтайский государственный университет
didenko_969696@mail.ru

**ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию института уголовной ответственности юридических лиц в китайском и российском праве. В статье рассматриваются исторический аспект появления данного института в праве Китайской Народной Республики, связанный с упрочением традиционных китайских представлений о коллективной ответственности, и экономический, связанный с необходимостью ужесточения ответственности за корпоративные преступления. Делаются выводы относительно необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, принцип личной ответственности в уголовном праве, принцип двойного наказания юридического лица, синши цзэжэнь, юаньцзо, лянцзо, шуанчунсин.

Уголовная ответственность – синши цзэжэнь – выступает в китайском праве стержнем всего института юридической ответственности: законодатель Китайской Народной Республики и китайские ученые уделяют вопросам уголовной ответственности самое пристальное внимание. Это обуславливается тем, что для китайской государственности была характерна развитая система уголовных законов, главенствующее место в которых занимали вопросы уголовной ответственности. Система уголовных законов – «люй» – по мнению Е.И. Кычанова, составляла не просто ядро китайских законов, но большую их часть [1, с. 7].

П.В. Трощинский отмечает, что исследование уголовной ответственности в Китае начало на-

Oksana G. Moiseeva

Candidate of Law,
Associate Professor of Theory and History,
State and Law,
Altai State University

Julia M. Didenko

Master of Law Institute,
Altai State University
didenko_969696@mail.ru

**INSTITUTE OF CRIMINAL
LIABILITY OF LEGAL ENTITIES
IN THE PEOPLE'S REPUBLIC
OF CHINA AND THE RUSSIAN
FEDERATION: COMPARATIVE
LEGAL ASPECT**

Annotation. The article is devoted to the study of the institution of criminal responsibility of legal entities in Chinese and Russian law. The article discusses the historical aspect of the emergence of this institution in the law of the People's Republic of China, associated with traditional Chinese ideas of collective responsibility and the economic aspect. Conclusions are drawn regarding the need to introduce the institution of criminal responsibility of legal entities into the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability of legal entities, principle of personal responsibility in criminal law, principle of double punishment of a legal entity.

бирать обороты лишь в последнее время. Отчасти это связано с тем, что в китайском праве стал положительно решаться вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Введение института уголовной ответственности юридических лиц в Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) произошло 14 марта 1997 г. В действующий УК КНР 1979 г. «после многолетних дискуссий, яростных споров и политических согласований» были внесены «революционные поправки», вступившие в силу с 1 октября 1997 г. [2, с. 6, 49]. Эти поправки явили свету исключение из классического принципа личной ответственности в уголовном праве: сегодня специальный параграф Общей части УК

КНР предусматривает основание и порядок уголовной ответственности за корпоративные преступления. Пан Дунмэй по этому поводу пишет следующее: «Несмотря на то, что в УК КНР идет речь о преступлениях корпоративных, а не о преступлениях юридических лиц, их теоретические основания представляются тождественными» [3, с. 64]. В своем исследовании он заключает, что из общего числа составов преступлений, предусмотренных действующим китайским уголовным законодательством, 148 составов (33 %) есть составы преступлений корпоративных [3, с. 69].

Вместе с тем, положения об уголовной ответственности юридических лиц подвергались осмыслению китайскими юристами еще в 1982 г. и были закреплены в ряде Проектов о наказании за контрабанду, коррупцию и взяточничество. Законодательное же закрепление уголовная ответственность юридических лиц в Китае впервые получила 22 января 1987 г. в ст. 47 Таможенного кодекса КНР [4, с. 110].

Исследуемый институт имеет глубокие исторические корни: он вырос из традиционных представлений китайцев о коллективной ответственности и представляет собой вариацию этого древнейшего института. Законодательная фиксация института коллективной ответственности юридических лиц в Китае по историческим меркам произошла недавно, но установления эти были рождены в глубокой древности и вошли в китайскую ментальность с упорчением института коллективной ответственности.

Исследованию феномена коллективной ответственности в Древнем Китае посвящают труды как зарубежные, так и отечественные ученые [5]. По меткому выражению В.П. Трощинского, суть коллективной ответственности заключается в фиксации как можно большего круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности за совершение противоправных деяний [4, с. 116]. О.Е. Авилова и О.Г. Моисеева основание для выделения видов коллективной ответственности в праве Древнего Китая видят в характере единства, которое может быть родственным или корпоративным. Отсюда различаются два варианта коллективной ответственности: общесемейная ответственность или юаньцзо и общесуженная ответственность или лянцзо [6, с. 3–5].

Таким образом, исторический фактор, лежащий в основе современного института уголовной ответственности организаций в Китайской Народной Республике, оказал влияние, которое должно быть названо значительным. Но не единственным. К концу 80-х гг. XX в. в Китае получают небывалое распространение правонарушения юридических лиц, что, в первую очередь, связывается с развитием рыночной экономики. Необходимость ужесточения борьбы с ними – одна из причин введения исследуемого института. Отсюда, помимо исторического фактора, связанного с традиционными представлениями китайцев о коллективной ответственности, стоит выделять фактор экономический.

Отметим, что введенное в УК КНР положение о возможности возложения мер уголовной ответственности на организацию вызвало неоднозначную реакцию китайской научной общественности. Наряду с именованьем новшества «прорывом в концепции о том, что субъектом преступления может быть только физическое лицо», имели место акты негодования по поводу того, что «организация не обладает волей», «лица, виновные в совершении преступления избегают ответственности» [7, с. 41; 8, с. 43].

Отечественной науке уголовного права дискуссии о возможности введения уголовной ответственности юридических лиц также не оказались чуждыми. Свое начало они берут с 90-х гг. прошлого столетия. Попытки внедрения рассматриваемого института предпринимали ряд проектов Уголовного кодекса РФ, однако до сих пор этот не решенный законодательно вопрос не сходит со страниц юридической печати.

Традиционно полемика строится по следующим направлениям. В качестве аргументов «против» исследователи указывают на противоречие уголовной ответственности организаций принципу личной ответственности и индивидуализации наказания; отсутствие у юридического лица природы человека и, как следствие, невозможность воздействия на личность виновного; дублирование штрафа как меры уголовной ответственности с аналогичной мерой ответственности административной. Ключевым моментом продолжает оставаться проблема вины. В качестве аргументов «за» ученые прибегают к такой категории, как «эффективность уголовно-правовых средств борьбы», указывают на сложность идентификации физических лиц, причастных к совершению преступления, обращают внимание на интерпретацию имеющихся у России международных обязательств [9, с. 21–22]. Так, В.Е. Квашиш, являясь сторонником внедрения исследуемого института, подытоживает: «Необходимость введения института уголовной ответственности юридических лиц диктует сама жизнь» [10, с. 89]. И.С. Власов, приходя к выводу о ненужности введения института в российское уголовное право, озвучивает очень любопытную мысль: «Введение уголовной ответственности юридических лиц затрагивает основу, на которой зиждутся все виды юридической ответственности в России, а равно вековые традиции, уходящие своими корнями еще в Русскую Правду» [11, с. 88]. Это позволяет нам с выгодного ракурса продемонстрировать разницу между рождением уголовной ответственности организаций в китайском праве и попытками ее насаждения в праве российском.

Таким образом, мы констатируем, что современное российское право в вопросе установления уголовной ответственности юридических лиц крепко держится за принципы личной ответственности и индивидуализации наказания. В Китае, напротив, с 1997 г. активно реализуется шуанчунсин – принцип двойного наказания юридического лица (самой организации и ее должностных лиц). Мы считаем, что в ближайшее время данный опыт Россией не будет перенят, однако рассматриваемая проблематика достойна самого пристального изучения.

Литература:

1. *Кычанов Е.И.* Основы средневекового Китайского права (VII–XIII вв.) / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М. : Наука, 1986. 264 с.
2. Новая редакция полного собрания часто используемых законов и подзаконных актов КНР. Пекин, 2009.
3. *Пан Дунмэй.* Корпоративное преступление в китайском уголовном праве // *Lex Russica*. 2015. № 7. С. 64–69.
4. *Трощинский П.В.* Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М. : ИДВ РАН, 2011. 272 с.
5. *Моисеева О.Г.* Уголовные установления династии Тан: общесемейная и общеслужебная ответственность // АлтГУ, ЮФ: «Правовая мысль в образовании, науке и практике». 2017. № 2(6). С. 46–50.
6. *Авилова О.Е.* Коллективная ответственность в праве Древнего Китая / О.Е. Авилова, Е.О. Воронкова, О.Г. Моисеева // АлтГУ, ЮФ: «Правовая мысль в образовании, науке и практике». 2017. № 2(6). С. 3–6.
7. *Хуа И.* О некоторых проблемах Дополнительного постановления о наказании за коррупцию и взяточничество // *Фасюе цзачжи*. 1988. № 2.
8. *Чжан Минкай.* Правильно квалифицировать экономические преступления в соответствии с требованиями реформы экономической системы // *Реформа экономической системы и борьба с экономическими преступлениями*. Пекин, 1987.
9. *Артемьев В.Ю.* К вопросу о возможности введения в России уголовной ответственности и уголовных наказаний юридических лиц (сравнительный аспект) // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 5. С. 21–25.
10. *Квашис В.Е.* Институт уголовной ответственности юридических лиц как новый этап развития уголовного права // 2016. № 12. С. 79–90.
11. *Власов И.С.* О введении в России института уголовной ответственности юр. лиц // *Журнал российского права*. 2015. № 11. С. 82–89.

Literature:

1. *Kychanov E.I.* Fundamentals of Medieval Chinese Law (VII–XIII.) / Editor-in-chief L.P. Delyusin. M., 1986. 264 p.
2. New edition of the complete collection of frequently used laws and regulations of the PRC. Beijing, 2009.
3. *Pan Dongmei.* Corporate crime in Chinese criminal law // *Lex Russica*. 2015. № 7. P. 64–69.
4. *Troschinsky P.V.* Legal responsibility in the law of the People's Republic of China. M., 2011. 272 p.
5. *Moiseeva O.G.* Criminal Establishments of the Tang Dynasty: Family and General Service Responsibility // *Legal thought in education*. 2017. № 2(6). P. 46–50.
6. *Avilova O.E.* Collective responsibility in the law of ancient China / O.E. Avilova, E.O. Voronkova, O.G. Moiseeva // *Legal thought in education*. 2017. № 2(6). P. 3–6.
7. *Hua I.* On some problems of the Additional Resolution on Punishment for Corruption and Bribery // 1988. № 2.
8. *Zhang Minkai.* Correctly qualify economic crimes in accordance with the requirements of the reform of the economic system // *Reform of the economic system and the fight against economic crime*. Beijing, 1987.
9. *Artyomov V.Yu.* On the issue of the possibility of introducing criminal liability and criminal penalties for legal entities in Russia / *Magazine of the foreign legislation and comparative jurisprudence* // 2017. № 5. P. 21–25.
10. *Kvasash V.E.* Institute of criminal liability of legal entities as a new stage in the development of criminal law // *Journal of Russian Law*. 2016. № 12. P. 79–90.
11. *Vlasov I.S.* On the introduction in Russia of the institute of criminal liability of legal entities // *Journal of Russian Law*. 2015. № 11. P. 82–89.

Мухамбетов Фархат Нурылгаенович

помощник прокурора,
Харабалинский район,
Астраханской области,
юрист 1 класса
milena.555@mail.ru

Farkhat N. Mukhambetov

Assistant Prosecutor,
Harabalinsky District,
Astrakhan region,
Lawyer of the 1 class
milena.555@mail.ru

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ВОДНЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

PENALIZATION OF THE ACTS ENCROACHING ON WATER BIOLOGICAL RESOURCES: THEORETICAL AND LAW-ENFORCEMENT ASPECTS

Аннотация. В статье рассмотрены понятие и принципы пенализации общественно опасных деяний с преломлением к проблемам противодействия незаконной добыче водных биологических ресурсов. Автором критическому анализу подвергнут законодательный подход к регламентации наказуемости водного браконьерства, как самого распространенного из числа экологических преступлений.

Annotation. In article the concept and the principles of a penalization of socially dangerous acts, with refraction to problems of counteraction to illegal production of water biological resources are considered. Will subject to the critical analysis legislative approach to a regulation of punishability of water poaching as the most widespread from among ecological crimes.

Ключевые слова: пенализация, понятие принципа, цели наказания, браконьерство, экологическое преступление, санкция нормы, правоприменительная практика, профилактика.

Keywords: penalization, concept of the principle, punishment purpose, poaching, ecological crime, sanction of norm, law-enforcement practice, prevention.

Институт пенализации в теории уголовного права понимают как многогранное социально-правовое явление, включающее:

нализации отнести: целесообразность уголовно-правового запрета; экономию репрессии; дифференциацию ответственности [2].

а) установление принципов и критериев применения различных видов государственного принуждения за деяния, признаваемые преступными;

Имеют место и иные суждения, которые, как правило, высказываются при рассмотрении прикладных вопросов уголовной ответственности за конкретные преступления [3]. Но мы не ставим задачу проанализировать имеющиеся точки зрения, поэтому отметим лишь те принципы пенализации, которые следует учитывать при анализе составов преступлений, охарактеризованных законодателем в ст. 256 УК РФ.

б) формулирование целей уголовного наказания, определение его видов и размеров;

в) предложение системы иных мер уголовно-правового характера, необходимых и достаточных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния [1].

Прежде всего, по нашему мнению, пенализация общественно опасных деяний, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, во-первых, должна быть основана на принципе экономии уголовной репрессии. Данный принцип обязывает законодателя учитывать характер и степень общественной опасности анализируемого преступления, но, по возможности, как пишет П.В. Жестеров, «обходиться минимальными по строгости наказаниями», обеспечивающими достижение целей, сформулированных в ч. 2 ст. 43 УК [4].

При рассмотрении вопросов пенализации общественно опасных деяний, совершаемых в сфере незаконной добычи водных биоресурсов, необходимо обратить внимание и на ее специальные принципы, которые можно определить как основополагающие идеи, обосновывающие как общий подход к формированию системы мер уголовно-правового воздействия в уголовном праве, в целом, так и при установлении совокупности наказаний и иных мер уголовно-правового характера к виновным в совершении определенных общественно опасных деяний. Например, Т.Р. Сабитов предлагает к числу принципов пе-

Во-вторых, при пенализации должно быть обеспечено соответствие санкции составов ст. 256 УК характеристике личности виновного (браконье-

ра), его материальному положению и другим обстоятельствам.

В-третьих, должна быть создана реальная альтернативность наказания, обеспечивающая суду возможность дифференциации его выбора в зависимости от конкретных обстоятельств незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и личности виновного.

В-четвертых, наказание не должно быть единственным средством исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Законодатель должен, наряду с наказанием, предоставлять суду возможность дополнительно применять к осужденному иные меры уголовно-правового воздействия – меры безопасности.

При этом следует подчеркнуть нашу принципиальную позицию по анализируемому вопросу – уголовно-правовое воздействие допустимо исключительно по судебному решению. В этом мы солидарны с мнением С.Ф. Милукова и Д.А. Корецкого, отмечающих, что даже в чрезвычайной ситуации внесудебная репрессия не может быть основным инструментом борьбы с преступностью [5].

Основным направлением обоснования необходимости пенализации общественно опасного деяния является выявление факторов, способствующих совершению преступлений, и решения вопроса об их устранении посредством мер уголовно-правового воздействия. При этом особенность исследуемого преступления, сложившаяся криминальная ситуация в сфере добычи водных биологических ресурсов выдвигают на повестку дня два основных направления совершенствования уголовного законодательства:

1) создание новых специальных норм (в данном случае пенализация выступает в качестве результата криминализации общественно опасных деяний);

2) «приспособление» под реальную криминальную ситуацию в интересующей нас сфере общественных отношений уже существующих норм. В последнем случае также возможны два пути развития законодательства:

а) дополнение ст. 256 УК новыми квалифицирующими признаками или квалифицированными составами;

б) изменение санкций норм (видов и размеров наказаний и иных мер уголовно-правового характера).

Как показали социологические исследования, проведенные в разное время отечественными учеными, уголовно-правовое воздействие имеет ожидаемый социальный эффект, оказывает максимальное воздействие на сознание и поведение людей лишь тогда, когда предлагаемые уголовно-правовые меры соответствуют реальной действительности, т.е. совокупности социально-экономических, демографических и иных факторов [6]. На это указали и 42,2 % опрошенных

нами респондентов – экспертов и 44,6 % респондентов – граждан.

Обобщая итоги таких исследований, следует отметить, что результаты пенализации можно оценить не по всей совокупности преступлений, а лишь применительно к конкретной группе однородных общественно опасных деликтов. Так, незаконная добыча водных биологических ресурсов обладает как специфическим механизмом их совершения, так и сложным механизмом противодействия этим преступлениям. При этом следует отметить, что незаконный промысел рыбы и иных водных биоресурсов, объектов охоты обладает достаточно высоким уровнем криминогенности [7]. Биологические объекты, обитающие во внутренних и внешних водах, обладающие повышенным спросом и приносящие быстрые сверхприбыли при незначительных затратах, находятся в сфере внимания и официальных предприятий, и разного уровня дельцов. Имеющие место различные формы законной добычи водных биологических ресурсов (любительская и спортивная добыча, вылов в научных и учебных целях, промысловая добыча и т.д.) создают трудности в их отграничении от незаконной добычи.

Анализ правоприменительной практики показывает, что при сложной криминальной ситуации в исследуемой сфере, принимаемые судом меры весьма либеральны. Так, изучение обвинительных приговоров в отношении 253-ти осужденных, вынесенных судами Астраханской области и Дагестана за период с 2012 г. по первое полугодие 2017 г., показывает, что условно были осуждены 49 чел., на срок до 1 года реального лишения свободы – 26 чел., на срок до 1,5 лет – 35 чел., до 2 лет – 13 чел., до 5 лет – 3 чел., 127 чел. – к штрафу.

В Республике Калмыкия за этот же период были осуждены 172 чел.: на срок до 1 года реального лишения свободы – 52 чел., на срок до 1,5 лет – 28 чел., до 2 лет – 17 чел., остальные 75 чел. – к штрафу. Во многих случаях такая практика объясняется тем, что установление размера ущерба, причиненного браконьером, зависит от правосознания судей и сотрудников правоохранительных и природоохранных органов, которые не привлекают в этих целях специалистов в области рыболовства, зоологии, биологии и экологии. При этом не исследуется, а, следовательно, и не учитывается ущерб, причиняемый браконьерами в отношении среды обитания водных биоресурсов, а также и самим биоресурсам. Все это снижает эффективность применения правовых мер борьбы с браконьерством.

Одновременно следует активизировать и практику применения ст. 81 УПК РФ об обязательной конфискации орудий и средств незаконной добычи водных биоресурсов, а также дополнить п. 1 ч. 1 ст. 1041 УК и ст. 256 УК о конфискации имущества виновных [8]. Наш вывод нашел поддержку у 97,3 % опрошенных респондентов.

Исследование проблем причин и условий, способствующих совершению незаконной добычи

(вылова) водных биологических ресурсов, свидетельствует, что общественная опасность этих деяний определяется не общим их количеством, а той угрозой для общества, которая исходит от данного вида преступлений.

Одним из факторов, обуславливающих высокий уровень незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, являются существенные недостатки государственной политики в сфере регулирования уголовно-правовой охраны как, в целом, природной среды, так и конкретно водных биоресурсов. В этой связи в специальной литературе обращается внимание на несимметричность дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемую категорию экологических преступлений с различными формами хищений (глава 21 УК) [9].

К сожалению, законодатель не устранил указанную несимметричность наказаний в результате изменения редакции ст. 256 УК Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 330-ФЗ «О внесении изменения в статью 256 Уголовного кодекса Российской Федерации» [10]. Так, за незаконную добычу водных биологических ресурсов, сопряженную с причинением крупного ущерба (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК), предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. В то же время, за кражу в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК) законодатель предусмотрел лишение свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

Дисбаланс в размере наказаний становится особенно ярким, если указанные деяния совершаются организованной группой или с причинением особо крупного ущерба. Так, по ч. 3 ст. 256 УК за такие деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового. В то же время в ч. 4 ст. 158 УК за аналогичные деяния установлено лишение свободы на срок до 10 лет со штрафом в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет [11].

Мы солидарны с мнением Р.Д. Шарапова, считающего, что такой законодательный подход к регламентации наказуемости водного браконьерства, как самого распространенного из числа экологических преступлений, абсолютно не обоснован ни с юридической, ни с криминологической точки зрения [12], поэтому максимальное наказание, установленное в ст. 256 УК, целесообразно приблизить к верхним пределам санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за хищение чужого имущества.

Иной подход предлагает Э.Н. Жевлаков. По его мнению, браконьерские методы рыбного промысла, являющиеся способами последующего хищения имущества, представляют собой отдельные составы преступлений, и квалифициро-

вать указанные деяния необходимо по совокупности – по статьям об ответственности за посягательство на отношения по охране природы и как хищение имущества [13]. Данное предложение было сделано до принятия ныне действующей Конституции РФ. Однако в современных правовых условиях оно не имеет под собой законодательной основы. В ч. 1 ст. 9 Конституции РФ установлено: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Следовательно, они являются общенародной собственностью, поэтому в данном случае состав хищения отсутствует.

Но есть и другой правовой режим использования природных ресурсов, определенный в ч. 2 ст. 9 Конституции РФ. В ней определено: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Ключевым в данном случае является слово «...могут...». Следовательно, если в отношении природных ресурсов специально установлен указанный режим, к примеру, «особо охраняемых природных территорий» [14] (п. «г» ч. 1 ст. 256 УК), содеянное должно быть квалифицировано по совокупности деяний, предусмотренных ст. 256 УК и соответствующей статьей, криминализующей хищение имущества. Поэтому следует дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от размера причиненного ущерба биоресурсам, окружающей природной среде и в экономической сфере, в целом. Необходимо обеспечить и активное противодействие организованным формам преступного посягательства, в том числе и путем усиления уголовно-правовых санкций [15].

Расширению сферы незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов способствует отсутствие идеологии в обществе, низкая правовая и экологическая культура, правовой нигилизм, проявление безразличия к охране природы и браконьерству. Указанные причины роста незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов породили теневой икорно-рыбный рынок, который и притягивает к себе браконьеров, скупщиков рыбы и икры, добытой преступным путем, способствует созданию организованных преступных групп и преступных сообществ. Выявление причин и условий, способствующих совершению незаконной добычи водных биологических ресурсов, и принятие мер по их предупреждению, предполагает осуществление постоянного экологического мониторинга, что также должно рассматриваться в рамках оценки эффективности пенализации. При этом особенность Каспийского бассейна требует проведения международного мониторинга, наряду с российским, включающего систему стационарных и подвижных пунктов наблюдения. Ведение экологического мониторинга водных объектов позволяет установить происходящие изменения в состоянии окружающей среды и их последствия. Он также позволит выявлять и прогнозировать развитие негативных процессов, разрабатывать уголовно-правовые меры по предотвращению последствий этих процессов.

Литература:

1. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика : монография. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 142.
2. *Сабитов Т.Р.* Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестник НГУ. Серия: Право. 2011. Т. 7. Вып. 1. С. 138.
3. *Козлов А.Е.* Анализ динамики пенализации получения взятки / А.Е. Козлов, В.Ю. Ларин // Журнал правовых и экономических исследований. 2015. № 2. С. 73–78.
4. *Жестеров П.В.* Значение принципа экономии уголовной репрессии при формировании и реализации отечественной уголовной политики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 299–305.
5. *Корецкий Д.* Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью / Д. Корецкий, С. Милюков // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112–114.
6. *Милюков С.Ф.* Российская система наказаний / С.Ф. Милюков; Науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 1998. С. 43–47.
7. *Максимов А.М.* Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 22.
8. *Милюков С.Ф.* Ревизия российского уголовного законодательства: криминологическая обоснованность и уголовно-политические последствия // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: сборник научных трудов. Саратов, 2004. С. 117–124.
9. *Шарапов Р.Д.* Проблема эффективности уголовной ответственности за преступное завладение природными ресурсами // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 49.
10. *Собрание законодательства РФ.* 2016. № 27 (часть II). Ст. 4263.
11. На наличие этого дисбаланса указало 42,2 % респондентов – экспертов.
12. *Шарапов Р.Д.* Проблема эффективности уголовной ответственности за преступное завладение природными ресурсами // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 50.
13. *Жевлаков Э.Н.* Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 103.
14. *Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) «Об особо охраняемых природных территориях» // СПС «Консультант*

Literature:

1. *Lopashenko N.A.* Criminal policy: monograph. M. : Volters Kluver, 2009. P. 142.
2. *Sabitov T.R.* Principles of criminalization and penalization of socially dangerous acts//NSU Bulletin. Series: Right. 2011. Vol. 7. Release 1. P. 138.
3. *Kozlov A.E.* Analysis of dynamics of a penalization of taking of a bribe / A.E. Kozlov, V.Yu. Larin // Magazine of legal and economic researches. 2015. № 2. P. 73–78.
4. *Zhesterov P.V.* Value of the principle of economy of criminal repression during the forming and implementation of domestic criminal policy // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2015. № 6. P. 299–305.
5. *Koretsky D.* Extrajudicial repression as lawful way of fight against crime / D. Koretsky, S. Milyukov // Criminal law. 2004. № 1. P. 112–114.
6. *Milyukov S.F.* Russian system of punishments / Scientific editor B.V. Volzhenkin. SPb., 1998. P. 43–47
7. *Maximov A.M.* Criminal policy in the sphere of ensuring safety of fauna: conceptual bases and prospects of optimization : abstract drs. ... jurisprudence. Krasnodar, 2015. P. 22.
8. *Milyukov S.F.* Audit of the Russian criminal legislation: criminological validity and criminal and political consequences // Crime and criminal legislation: realities, trends, interference: collection of scientific works. Saratov, 2004. P. 117–124.
9. *Sharapov R.D.* Problem of efficiency of criminal liability for criminal taking by natural resources // Jurisprudence and law-enforcement practice. 2008. № 3(6). P. 49.
10. *Collection of the legislation Russian Federation.* 2016. № 27 (Part II). Article 4263.
11. Pointed 42.2 % of respondents to existence of this imbalance – experts.
12. *Sharapov R.D.* Problem of efficiency of criminal liability for criminal taking by natural resources // Jurisprudence and law-enforcement practice. 2008. № 3 (6). P. 50.
13. *Zewlakow E.N.* Ecological crimes: concept, types, responsibility problems : yew. ... dr.s jurisprudence. M, 1991.P. 103.
14. *The federal law of 14.03.1995 No. 33-FZ (an edition of 03.08.2018) «About especially protected natural territories» // Union of Right Forces*

Плюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/

15. *Максимов А.М.* Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015. С.143.

ConsultantPlus. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/

15. *Maximov A.M.* Criminal policy in the sphere of safety of fauna: conceptual bases and prospects of optimization : abstract drs. ... jurisprudence. Krasnodar, 2015. P. 143.

Нигоев Назар Онিকেевич
аспирант,
Кубанский государственный университет
nazar.nigoev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ)

Аннотация. В статье предпринята попытка критического анализа имеющихся в доктрине уголовного права мнений относительно субъекта преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ. Определяется место незаконной госпитализации среди ятрогенных преступлений. Предлагается авторское определение специального субъекта для анализируемого состава.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, незаконная госпитализация, специальный субъект, врач.

Сегодня объем коммерческих медицинских услуг в России превысил 400 млрд. рублей (за последние 15 лет он вырос в 4 раза), а количество частных клиник практически достигло двухсот тысяч. И с учетом того, что на здравоохранение государством расходуется лишь 3,5 % ВВП (это в три раза ниже, чем в Европе и США), качественное изменение структуры и содержания государственных медицинских услуг и компетенции отдельных врачей представляется все менее реальным. Свидетельством этого может служить насыщенный одиозными медицинскими образами российский новостной контент. Безусловно, что в отличие от других профессиональных ошибок, небрежность врача может привести к инвалидности или смерти, а отдельные злонамерения могут составлять уже квалифицированные умышленные преступления против жизни, здоровья, свободы личности и здоровья населения и требуют особой ответственности.

Описанные общественно опасные деяния, совершаемые работниками медицинской сферы, даже получили самостоятельное обозначение. Их называют «ятрогенными преступлениями». Под ними сегодня принято понимать деяния, обладающие общественной опасностью, совершаемые умышленно или по неосторожности медицинскими работниками. При этом они нарушают главные условия оказания медицинской помощи и ставят под угрозу жизнь, здоровье и другие личные права пациентов, а также их интересы, либо причиняют им определенный вред [1, с. 168].

Примечательно, что до сегодняшнего дня не существует отдельных статистических данных по ятрогенным преступлениям. Нет и отдельной

Nazar O. Nigoev
Graduate Student,
Kuban State University
nazar.nigoev@mail.ru

THE PROBLEMS OF ESTABLISHING A SPECIAL SUBJECT IATROGENIC CRIMES (ON THE EXAMPLE OF ILLEGAL HOSPITALIZATION)

Annotation. An attempt is made in the article to critically analyze opinions in the doctrine of criminal law regarding the subject of the crime provided for in Art. 128 of the Criminal Code. The place of illegal hospitalization among iatrogenic crimes is determined. The author's definition of a special subject for the analyzed crime is proposed.

Keywords: iatrogenic crimes, illegal hospitalization, special subject, doctor.

группы общественно опасных деяний в уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). О состоянии такой преступности выводы возможно делать из фрагментов основных форм статистической отчетности по некоторым главам УК РФ и материалам СМИ (о них мы уже упоминали). В целом же ясно, что количество преступлений в медицинской сфере, неуклонно увеличивается. А с ним и общественно опасные последствия для пациентов и их близких.

Примечательно, что при этом уже более пяти лет действует Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. В его развитии принят целый ряд подзаконных актов, однако считать процесс формирования юридической платформы здравоохранительных отношений завершённым сегодня нельзя. И эта незавершенность на государственном уровне даже расценивается как фактор, не позволяющий обеспечить национальную безопасность России [3].

Сегодня требуется серьезная правовая проработка всех уровней ответственности субъектов рассматриваемых преступлений. Особое место занимает совершенствование уголовного законодательства как максимально репрессивного инструмента в борьбе с преступлениями в сфере медицинских услуг. Необходим глубокий анализ объектов анализируемых посягательств, установление критериев разграничения смежных составов, и точное определение субъектов отдельных преступлений.

На основании юридических комментариев юристов и анализа судебной практики был выявлен

ряд проблем, возникающих при квалификации преступлений, совершенных в соучастии с таким специальным субъектом: допускаются ошибки, связанные с неверным установлением вида соучастника преступления со специальным субъектом ятрогенных преступлений; отсутствует единство судебной практики при квалификации преступлений, объективная сторона которых выполнена лицами, не обладающими признаками специального субъекта преступлений в медицинской сфере.

На практическом и теоретическом уровнях в качестве одного из наиболее спорных составов в рамках обозначенных выше проблемных вопросов, специалисты выделяют незаконную принудительную госпитализацию в соответствии со ст. 128 УК РФ.

Прежде всего возникает масса вопросов квалификации при установлении субъекта данного преступления. Профессор А.В. Наумов предлагает привлекать к уголовной ответственности по анализируемому составу законных представителей и вменяемых родственников с условием достижения ими возраста 16 лет. Ряд авторов считают, что к субъекту незаконной принудительной госпитализации относится врач-психиатр, а также злонамеренные родственники, вводящие в добросовестное заблуждение соответствующего специалиста стационара для помещения в это медицинское учреждение потерпевшего [4, с. 53]. А.С. Горелик к таким субъектам относит только врачей, медсестер, санитаров, технический персонал стационара. В.В. Власенко ограничивает круг субъектов данного преступления исключительно врачом и членами врачебно-психиатрической больницы [5, с. 40–41]. Кроме того, в соответствии с медицинскими ведомственными актами к сотрудникам, полномочным выполнять действия по помещению лиц в психиатрический стационар относятся руководители таких учреждений, а также заведующие отделениями [6].

В целом указанные в юридической литературе авторские позиции можно отнести к дискуссионным. Единого подхода в этом вопросе ни в доктрине уголовного права ни в практике судов нет.

Серьезные сомнения вызывает оценка исключительно общего субъекта в рамках ч. 1 ст. 128 УК РФ (16-летнего физического вменяемого лица). Едва ли родственник потерпевшего с преступным умыслом может убедить в необходимости принудительной госпитализации специалиста, который объективно, с медицинской точки зрения, формирует свою оценку психического состояния помещаемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

На наш взгляд субъектами анализируемого общественно опасного деяния следует признавать:

а) лиц, уполномоченных принимать решение по вопросам недобровольного помещения в рассматриваемые медицинские организации: дежурные врачи приемного отделения, врачи-психиатры неотложной помощи и лечащие врачи;

б) лиц, согласие которых имеет ключевое значение при госпитализации недобровольного характера (законных представителей и близких родственников, установленных п. 4 и п. 12 ст. 5 УПК РФ и ст. 7 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 (ред. от 19 июля 2018 г. № 213-ФЗ) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

На ряду с близкими к уголовной ответственности могут быть привлечены и другие, не близкие родственники как организаторы, подстрекатели и пособники преступления, преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ со ссылкой на ч. 2, 3, 4 статьи 33 УК РФ. Во всех случаях принудительной госпитализации в психиатрические медицинские учреждения требуется мнение указанных выше лиц. Решение же о такой госпитализации принимает уполномоченный на это специалист он и выступает основным исполнителем преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 128 УК РФ.

Обстоятельства, отягчающие незаконную госпитализацию устанавливаются в ч. 2 ст. 128 УК РФ:

- 1) использование служебного положения;
- 2) причинение смерти;
- 3) иные тяжкие последствия.

Наиболее спорным в квалификации считается первое из перечисленных обстоятельств, так как частично дублирует суть запрета, закрепленного в ч. 1 ст. 128 УК РФ. Под служебным положением понимаются возможности исходящие из характера выполняемых работ либо занимаемой должности. Для ч. 2 ст. 128 УК РФ имеет значение служебное положение главного врача стационара, председателя врачебной комиссии и других медицинских работников, которые не участвуют непосредственно в принудительной госпитализации, но ввиду своего профессионального статуса могут оказывать влияние на принятие такого решения (помещение и продление нахождения в стационаре). Если эти действия осуществляются за незаконное вознаграждение, то виновным по совокупности вменяется получение взятки (ст. 290 УК РФ) либо коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), учитывая характер медицинской организации.

Судья, злонамеренно вынесший незаконное решение о принудительной госпитализации привлекается к ответственности по ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

Примечательно, что возникает спорный вопрос по квалификации действий врача-психиатра, принимающего решение о принудительной госпитализации в соответствии с ч.ч. 1 и 2 ст. 128 УК РФ, так как он всегда использует свое служебное положение. Однако мы установили, что такое лицо является общим субъектом рассматриваемого преступления и квалифицирующий признак только в связи с занимаемой должностью не вменяется.

Ряд авторов в этой связи предлагают уточнить ч. 2 ст. 128 УК РФ: конкретизировать суть использования своего служебного положения, и признаки такого субъекта.

И.М. Тяжкова, В.В. Агильдин, И.П. Парфиненко предлагают следующую редакцию: «то же деяние, если оно совершено должностным лицом с использованием своего служебного положения» [4]. На наш взгляд, такая формулировка не в полной мере корректна, так как в ней не учитывается объем коммерческих медицинских услуг в России и количество частных клиник и специалистов. Более того, в соответствии с ч. 1 ст. 18 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 (ред. от 19 июля 2018 г. № 213-ФЗ) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» такая помощь оказывается, в том числе врачами-психиатрами (индивидуальными предпринимателями), при наличии лицензии на осуществление медицинской деятельности.

Резюмируя вышеизложенное необходимо конкретизировать диспозицию ч. 2 ст. 128 УК РФ следующим образом: «то же деяние, если оно совершено должностным лицом с использованием своего служебного положения или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своих полномочий либо повлекшее по не-

осторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия».

Представляется, что предложенная редакция анализируемой нормы позволит четче разграничить субъектов незаконной госпитализации, обеспечить более точную и правильную квалификацию рассматриваемых общественно опасных деяний.

До внесения этих изменений, на наш взгляд квалифицировать действия субъектов данного преступления необходимо следующим образом. Действия родственников и законных представителей, опекунов, которые своими действиями склонили врача-психиатра к незаконной госпитализации, следует оценивать по ч. 4 ст. 33 и ст. 128 УК РФ как подстрекательство к совершению данного преступления. В случае, использования взятки для склонения врача-психиатра к незаконной госпитализации, действия родных квалифицируются как дача взятки по ч. 3 ст. 291 УК РФ. Действия врача-психиатра в указанных ситуациях должны оцениваться как исполнительство в незаконной госпитализации. Действия медсестер, санитаров и технического персонала при госпитализации без ведома врача-психиатра (уполномоченного на эти действия лица), предлагается в зависимости от обстоятельств квалифицировать как похищение человека по ст. 126 УК РФ либо незаконное лишение свободы по ст. 127 УК РФ.

Литература:

1. Мустафина-Бредихина Д.М. Ятрогенные преступления как новый тренд в современном обществе // Неонатология: новости, мнения, обучение. 2017. № 4.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 3 июля 2016 г.). СПС «Консультант Плюс».
3. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента от 12 мая 2009 г. № 537. Режим доступа СПС «Консультант Плюс».
4. Тяжкова И.М. Незаконное помещение в психиатрический стационар // Уголовное право. 2002. № 3.
5. Власенко В.В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ) // Медицинское право. 2016. № 3.
6. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения: приказ Минздравсоцразвития России от 17 мая 2012 г. № 566н // Российская газета. 2012. 25 июля; Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием по направлению подготовки «Здравоохранение и медицинские науки»: приказ Минздрава России от 8 октября 2015 № 707н. СПС «Консультант Плюс».

Literature:

1. Mustafina-Bredikhina D.M. Iatrogenic crimes as a new trend in modern society // Neonatology: news, opinions, training. 2017. № 4.
2. About bases of protection of health of citizens in the Russian Federation: the Federal law of the Russian Federation of November 21, 2011 № 323-FZ (with changes and additions of July 3, 2016). PCA Consultant Plus.
3. On the national security strategy of the Russian Federation until 2020: presidential Decree № 537 of 12 may 2009. The access mode of the PCA Consultant Plus.
4. Tjagkova I.M. Illegal placement in a psychiatric hospital // Criminal law. 2002. № 3.
5. Vlasenko V.V. Some problems of criminal liability for illegal hospitalization in a medical organization providing psychiatric care in hospital conditions (article 128 of the criminal code) // Medical law. 2016. № 3.
6. About the statement of the order of rendering medical care at mental disorders and behavior disorders: the order of the Ministry of health of the Russian Federation of may 17, 2012 № 566n // Russian newspaper. 2012. July 25; On approval of Qualification requirements for medical and pharmaceutical workers with higher education in the field of training «health And medical Sciences»: order of the Ministry of health of the Russian Federation dated October 8, 2015 № 707n. PCA Consultant Plus.

Новосельский Сергей Сергеевич
адъюнкт,
Краснодарский университет МВД России
mnk747@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ

Аннотация. В связи с интенсивно развивающимися рыночными отношениями, появлением новых форм оказания экономических услуг, увеличением видов экономической деятельности все большее значение приобретают проблемы выявления преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных организованной преступной группой.

Ключевые слова: экономические преступления, специальные познания, расследование преступлений, организованная преступная группа, преступления в сфере экономики.

Экономические правонарушения, хотя и не несут очевидной общественной опасности, в отличие, например, от преступлений против личности, так же имеют негативный характер. Их последствия заключаются в дестабилизации экономики государства, финансового благополучия граждан, а так же подрывают доверие к государственному управлению. Своевременное выявление, пресечение и раскрытие подобных правонарушений является важным средством защиты интересов общества.

По мнению Е.Ю. Горбачевой, одной из угроз экономическому положению страны является расширяющаяся криминализация экономических отношений [1, с. 9].

Экономическая деятельность является неотъемлемой частью функционирования государства, является основой его финансовой устойчивости. Однако, в последнее время ввиду, интенсивно развивающихся технологических процессов, а также возникновением новых видов экономической деятельности государству становится тяжелее обеспечить безопасность экономических процессов в связи с чем возникает необходимость в корректировке подхода к организации расследования преступлений экономического характера, совершенных организованной преступной группой.

Sergey S. Novoselsky
Adjunct,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs Russian Federation
mnk747@mail.ru

THE USING OF EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED BY AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP

Annotation. In connection with the intensively developing market relations, the emergence of new forms of economic services, the increase in the types of economic activity, the problems of identifying crimes in the sphere of economic activity committed by an organized criminal group become more important.

Keywords: economic crimes, special knowledge, investigation of crimes, organized criminal group.

Экономические отношения меняются достаточно быстро, что вызывает проблемы в ходе разработки и корректировки законодательной базы, которая не всегда может своевременно реагировать на экономические изменения. Подобная ситуация, с одной стороны, не позволяет стабильно и системно совершенствовать нормативно-правовые акты, что порождает возможность появления «пробелов» законодательной базы и, как следствие, совершения экономических правонарушений. С другой стороны, изменчивость экономических отношений, дает ощутимый импульс к развитию вышеупомянутой базы, а значит возможности предупреждения правонарушений.

О существующем уровне экономической преступности можно судить по информации, содержащейся в официальных статистических данных, предоставляемых органами МВД и их структурными подразделениями.

Стоит отметить, что на протяжении 2014–2017 годов резких скачков количества зарегистрированных преступлений в сфере экономики не наблюдается. На основании имеющихся данных составлен прогноз на 2018 год, предполагаемый уровень количества зарегистрированных преступлений экономической направленности – 93664,8 тысяч. Можно предположить, что данная

ситуация обусловлена с одной стороны совершенствованием механизмов профилактики, выявления и раскрытия преступлений, а с другой стороны с высокой латентностью данного вида преступлений, что усложняет процесс их выявления. Кроме того, снижение уровня экономических преступлений вызвано усилением систем внутреннего аудита в организациях и усовершенствованием систем, направленных на выявление противоправных действий.

Государство должно постоянно стремиться к созданию равных условий для всех субъектов хозяйствования, путем совершенствования нормативно-правовой базы, формирования соответствующих контролирующих органов, а также проведения различных мероприятий, способствующих предупреждению и раскрытию экономических правонарушений [2, с. 102–108].

В процессе расследования экономических преступлений, совершенных организованными преступными группами, многие вопросы не могут быть решены без привлечения лиц с особыми экономическими знаниями. Они могут действовать в процессе как специалист или эксперт [3, с. 40–44].

При расследовании преступлений чаще всего привлекаются эксперты в области финансовой отчетности. Их участие в производстве таких следственных действий, как осмотр, обыск в служебных помещениях, конфискация документов и их проверка, допрос бухгалтеров и материально ответственных лиц.

Эффективность следственных действий зависит не только от профессионализма исследователя, но и от тщательной подготовки к их поведению, в том числе с экспертными советами. Такие консультации позволяют получать информацию, которая помогает выдвигать действительные версии, правильно оценивать доступную информацию и выбирать тактику для производства следственных действий [3, с. 128].

Необходимость привлечения специалиста-бухгалтера к производству изъятия документов связана с тем, что в случае экономических преступлений документы являются наиболее важными доказательствами. Квалифицированный специалист на этом этапе сможет дать оценку имеющимся доказательствам, а так же определить их ценность для следствия.

Специалист в области бухгалтерского учета или финансовой отчетности может оказать помощь следствию путем дачи разъяснений особенностей ведения бухгалтерского учета, порядка оформления внутренних финансовых документов организации, растолковать отдельные операции, соотнести операции с документами, а так же сформулировать задачи для проведения контрольно-ревизионной проверки.

В современное время экономическая преступность оказывает более заметное влияние на деятельность государства, чем когда-либо прежде. Скорость технологического прогресса и новые способы ведения бизнеса делают задачу борьбы с экономической преступностью все

труднее. Традиционное воздействие на состояние преступности в условиях появления новых видов экономических преступлений зачастую становится не эффективным, так как отсутствуют нормы права, регулирующие вновь образующиеся экономические отношения.

В условиях роста преступности, появления ее организованных форм, улучшения технической оснащенности и повышения образовательного уровня преступников, с одной стороны, и расширением состязательности, в том числе досудебного производства.

Базовых знаний следователей зачастую не достаточно для извлечения необходимых данных из компьютерных программ, а так же идентификации этих данных с имеющимися в распоряжении у следствия документами. Роль компьютерной криминалистики в преступности только увеличится, поскольку потребность в помощи в получении информации, которая может быть использована в качестве доказательства, становится более сложной для правоохранительных органов. Поскольку цифровая преступность возрастает экспоненциально, потребность в компьютерной судебной экспертизе в правоохранительных органах растет вместе с ней. Сейчас более чем когда-либо эта растущая область исследований требует ИТ-специалистов, которые являются экспертами в этом типе поиска данных для правоохранительных органов.

Кроме того, привлечение специалистов и экспертов, которые непосредственно занимаются научными исследованиями, к проведению расследований экономических преступлений способствуют внедрению передовых научных разработок в практику деятельности следственных органов. На современном этапе вопрос о разработке новых подходов к проблеме решения преступлений в сфере экономики, совершаемых правонарушителями с использованием все более сложных и продуманных схем, невозможно решить без узкоспециализированных познаний.

Ещё одной формой привлечения специалистов при проведении расследований организованной преступной группой является аудит. Результаты аудита часто предоставляют информацию, которая значительно облегчает работу следователя по сбору и изучению преступления. Аудит представляет собой независимую экспертную оценку финансовой отчетности организации в соответствии с применимыми правовыми нормами путем проверки соблюдения процедур бухгалтерского учета и соответствия проверяемых экономических операций законодательством.

Привлечение специалистов в области бухгалтерского учета, компьютерных технологий, а так же специалистов в сферах, необходимых для расследования преступлений имеет большое практическое значение, так как профессиональных знаний следователей может быть недостаточно для эффективного осуществления следственных действий.

Литература:

1. Финансовый контроль должен обеспечить динамичное развитие общественного и частного производства: Интервью с Е.Ю. Грачевой // Российское право. 2014. №1.
2. *Никитин С.В.* Проблемы реформирования законодательства об административной ответственности юридических лиц в сфере экономической деятельности // Закон. 2016. № 3.
3. *Сергеева О.С.* Использование специальных познаний в процессе доказывания по уголовному делу: условия эффективности // Российский следователь. 2017. № 18.
4. *Тарасов А.А.* Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

Literature:

1. Financial control should ensure the dynamic development of public and private production: Interview with Gracheva // Russian law. 2014. № 1.
2. *Nikitin S.V.* Problems of reforming of legislation on administrative liability of legal persons in the sphere of economic activity, Law. 2016. № 3.
3. *Sergeeva O.S.* The Use of special knowledge in the process of proving a criminal case: conditions of effectiveness // Russian investigator. 2017. № 18.
4. *Tarasov A.A.* Is an Expert and expert in the criminal process of Russia : monograph. 2-e Izd., pererab. I DOP. M. : Prospect, 2017.

Овчинникова Елена Андреевна
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал,
Российский государственный
университет правосудия,
аспирантка кафедры уголовного процесса
Кубанского
государственного университета
mrs.e.ovchinnikova@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ, ФОРМИРУЮЩИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СУДА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ, И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРЕДЕЛЫ ЕГО УЧАСТИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования функций суда, оказывающих или способных оказать существенное воздействие на процессуальное положение суда. На основе изучения существующих в науке уголовного процесса позиций ученых, нормативного регулирования деятельности суда, а также отсутствия единства подходов относительно содержания наполнения и совокупности функций суда формулируется проблема, имеющая существенное значение для науки и правоприменителя – определение функций суда, а также, оснований для их формирования.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовное судопроизводство, суд, судья, процессуальный статус суда, процессуальные компетенции, функции суда, полномочия суда, доказывание.

■ ■ ■

Процессуальное положение суда традиционно привлекает внимание исследователей, обсуждающих и дискутирующих по самым разным аспектам, связанным с выполнением судом функций, совокупностью его полномочий, их характером, содержанием, механизмами реализации, перспективами развития и совершенствования и т.д. Накопленный объем знаний составил отдельное направление научного исследования в науке уголовного процесса. Множественность сформировавшихся точек зрения, их содержательное разнообразие, свидетельствуют об активном поиске оптимального соотношения процессуальных функций и объема, характера, содержания процессуальных полномочий суда. Принципиальное же различие во взглядах и под-

Elena A. Ovchinnikova
Lecturer of the Department
of Criminal Procedure Law,
North Caucasus branch,
Russian State University of Justice,
Post-graduate Student of the Department
of Criminal Procedure,
Kuban State University
mrs.e.ovchinnikova@mail.ru

THE MAIN IDEAS THAT FORM THE PROCEDURAL STATUS OF THE COURT IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS AND THEIR IMPACT TO THE LIMITS OF HIS PARTICIPATION IN THE PROOF

■ ■ ■

Annotation. The Article is devoted to the problem of formation of the functions of the court that have or can have a significant impact on the procedural position of the court. On the basis of the study of existing in the science of criminal procedure positions of scientists, regulatory activities of the court, as well as the lack of unity of approaches to the content and the set of functions of the court formulated a problem that is essential for science and law enforcement – the definition of the functions of the court, as well as the grounds for their formation.

Keywords: criminal procedure law, criminal procedure, court, judge, procedural status of the court, procedural competence, functions of the court, powers of the court, evidence.

■ ■ ■

ходах авторов относительно не только надделения суда какими-либо полномочиями, но и по вопросу о выполняемых судом процессуальных функциях, свидетельствует об отсутствии до настоящего времени какой-либо единой концепции процессуального положения суда.

Не ставя перед собой задачу разрешения этого фундаментального вопроса, остановимся на проблеме формирования совокупности основных идей, оказывающих или способных оказать существенное воздействие на процессуальное положение суда.

В настоящее время на формирование концепции процессуального положения суда в уголовном

судопроизводстве оказывают существенное влияние несколько факторов:

- 1) установленная состязательность уголовного судопроизводства;
- 2) наличие нескольких направлений (функций) в деятельности суда;
- 3) объем, характер, содержание процессуальных полномочий;
- 4) цель и правила доказывания.

В прикладном аспекте имеют значение:

- независимость судьи;
- процессуальная ответственность суда;
- содержание, объем и пределы применения усмотрения суда и многие другие.

В уголовно-процессуальной научной литературе достаточно много внимания уделяется функциям суда. В основном приводятся критические замечания относительно содержания и видов функций, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Данный аспект научных исследований, полагаем, объективно обоснован значимостью категории «уголовно-процессуальная функция». Функция рассматривается как направление деятельности участника уголовного судопроизводства. Соответственно, определив направление, можно на объективной основе рассматривать и разрешать вопрос относительно содержания деятельности определенного участника (совокупности и объема, характера и содержания его процессуальных полномочий), включая суд.

Мы отчасти можем согласиться с замечанием О.А. Зелениной о том, что «Статусные права и обязанности предполагают не простую совокупность правовых возможностей и обязательств участника, наоборот, их содержание и взаимное сочетание имеет логическое значение и процессуальную ценность. Эти элементы в своей сумме дают представление об общей роли конкретного участника во всем многообразии уголовно-процессуальной деятельности. Права и обязанности участника как «ступеньки» выстраиваются в линию процессуального движения – по направлению к процессуальной цели, преследуемой субъектом. Такая устремленность прав и обязанностей образует процессуальную функцию, которая связывает их в единую, логическую конструкцию, позволяющую достичь искомой цели» [1]. Аналогичная мысль исходит от В.В. Колодко: уголовно-процессуальные функции – это специальное назначение и роль участников уголовного процесса, которые выражаются в направлениях уголовно-процессуальной деятельности и возникающих правоотношениях, исходя из процессуальной обязанности и прав участников, определяемых нормами права [2].

На наш взгляд, при всей привлекательности приведенных высказываний, есть необходимость в их уточнении. Исходя из логики указанной по-

зиции, функция представляется *производной* от совокупности прав и обязанностей субъекта. Получается, что права и обязанности обуславливают процессуальную функцию. На наш взгляд, такая логика построения имеет один, но существенный недостаток, а именно – дополнение или изменение совокупности полномочий может и должно приводить к замене какой-либо функции или формированию новой. Тогда этих функций может оказаться очень много, а их общая совокупность оказывается весьма динамичной, чего не наблюдается в реальной процессуальной деятельности.

Более логичной, полагаем, выступает иной подход – разработка концептуальной основы для выполнения, в частности, судом специфических процессуальных функций (как нам представляется, указанная основа формируется через постановку общей цели, основных задач и совокупности процессуальных полномочий, как средства для достижения цели и решения задач). Специфика функции обусловлена особым предназначением суда (равно, как и любых иных органов), обеспечивающих решение отдельных задач в уголовном судопроизводстве. Так, ни один иной, кроме суда, орган не может рассмотреть и разрешить по существу уголовное дело с вынесением приговора. Соответственно, исключительность этой функции обуславливает и формирование необходимой совокупности процессуальных полномочий.

Таким образом, *функция выступает первичной, исходной категорией для формирования процессуальной компетенции и полномочий*. Функция задает траекторию деятельности, определяет ее цель и основные задачи. Тогда как компетенция и полномочия составляют механизм решения этих задач. Таким образом, *определение функции (направления деятельности) того или иного участника выступает основой для разработки совокупности его (участника) прав и обязанностей*. Значимость разрешения этого вопроса обуславливает постановку следующего: что выступает основанием для формирования функции в уголовном судопроизводстве?

Есть следующая точка зрения: «защита участниками процесса признаваемых законом интересов опосредуется исполнением ими определенных уголовно-процессуальных функций» [3]. В этом связи приведем высказывание другого известного ученого: «Если обратить внимание на приведенную группировку носителей уголовно-процессуальных функций с позиции факторов, объединяющих каждую сторону и судебные органы, то можно наблюдать ... одну отличительную грань: в каждой функции в отдельности сосредоточен строго определенный интерес, существенным образом отличающийся от интересов других процессуальных функций. Безусловно, подобного рода интересы органически связаны с функциональным характером уголовно-процессуальной деятельности ...» [4].

Иными словами, функцию порождают законные интересы участника. В вопросах о функциях и законных интересах, которые тесно связаны,

очень многие вопросы в современной науке уголовного процесса находятся в стадии разработки и пока не встречаются единства понимания среди ученых. Поэтому мы не можем вполне определенно настаивать на признании правильной какой-либо одной конкретной позиции – их очень много и они достаточно разнообразны по содержанию. Однако, мы полагаем, что исходным пунктом для формирования функции как направления процессуальной деятельности выступают именно интересы, которые в уголовном судопроизводстве могут весьма разнообразными: публичными и личными, материальными и процессуальными, законными и незаконными и т.д. Мы полагаем, что интерес опосредует цель деятельности участника. В такой ситуации выстраивается достаточно логичная схема, где первичным звеном является интерес, а конечным – цель или результат. Между ними находится совокупность процессуальных средств, необходимых для достижения цели, в качестве которых выступают, в том числе, и процессуальные полномочия, включая их перечень и механизмы реализации.

Суд есть орган государственной власти, соответственно, он может преследовать в уголовном судопроизводстве исключительно публичный интерес. Для предотвращения конкуренции интересов (личных и публичных) УПК РФ содержит институт отвода, самоотвода, гарантирующий личную незаинтересованность в уголовном деле.

Таким образом, для формирования исходной основы процессуального положения суда отметим важность определения цели, задач, необходимых средств их достижения и решения, т.е. процессуальной компетенции и конкретных процессуальных полномочий.

Приведем некоторые научные позиции. С.В. Бурмагиным предложено понятие «уголовный суд» (суда, действующего в уголовном процессе) [5]. Под процессуальными функциями уголовного суда как субъекта уголовно-процессуальной деятельности, по его мнению, «следует понимать урегулированные нормами права и обусловленные назначением суда самостоятельные направления уголовно-процессуальной деятельности, которые должен осуществлять суд для решения поставленных уголовно-процессуальным законом задач. В современном российском уголовном процессе суд выполняет следующие функции: разрешения дела, контрольную, правообеспечительную, правоохранную, правостановительную и превентивную» [5]. В качестве общих (главных) задач уголовного суда С.В. Бурмагин рассматривает:

- 1) обеспечение законного и справедливого разбирательства уголовного дела, включая создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;
- 2) разрешение конкретных уголовных дел и отнесенных к компетенции суда различных процессуальных вопросов, поставленных перед судом в заявлениях сторон [5].

Отметим полифункциональный подход к определению процессуальных функций суда в уголовном судопроизводстве, в котором присутствуют и легальные процессуальные функции, например, разрешение дела, и те, что выделяются только на теоретическом уровне, например, правоохранная (весьма дискуссионная).

Н.А. Лопаткина выделяет функции суда в зависимости от стадии, отмечая наличие судебного контроля в досудебном производстве, «которая носит обеспечительный характер» [6].

Е.С. Воронковская считает, что разрешение дела (осуществление правосудия) есть третья классическая уголовно-процессуальная функция [7].

В.А. Яблоков считает, что судебная власть реализуется в двух направлениях: в правосудии и в судебном контроле [8].

В.А. Лазарева признает единственную форму реализации судебной власти – правосудие [9]. Аналогичную позицию высказывают А.П. Гуськова, Н.Г. Муратова [10].

Иную позицию демонстрирует Е.В. Рябцева, рассматривающая правосудие как специфическую функцию суда в судебных стадиях уголовного судопроизводства [11]. А.Н. Рыжих отрицает контроль как функцию суда, но считает, что контроль проявляется в его полномочиях [12].

Приведенные высказывания, как мы полагаем, наглядно демонстрируют сложившуюся в науке уголовного процесса ситуацию вокруг процессуальных функций суда: отсутствует не только единство подходов относительно содержательного наполнения его функций, но и вопрос относительно совокупности самих функций суда остается пока без объективного и обоснованного ответа.

Изучение теоретических источников позволило выявить несколько, как нам представляется, полезных в данном отношении идей, позволяющих скорректировать и создать теоретическую основу для разработки процессуального положения суда в уголовном судопроизводстве.

Так, по мнению О.В. Гладышевой, «цель уголовного судопроизводства заключается в справедливом разрешении уголовного конфликта путем постановки и решения основных задач» [13]. Интерес для данного исследования представляет и следующая мысль: «Однако закрепление в уголовно-процессуальном законе требования справедливости, обращенного исключительно к обвинительному приговору суда, явно недостаточно. Для утверждения и более полного воплощения справедливости в ее уголовно-процессуальном смысле требуется указание законодателя на необходимость *действовать по справедливости (здесь и далее курсив наш. – Е.О.)*. Эффективная защита прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве невозможна вне требований о законности и справедливости уголовно-процессуальной деятельности» [13].

Мы считаем возможным поддержать данную позицию. Действительно, выделение процессуальной функции так или иначе, но всегда основывается на определенной категории интереса. Для суда этот интерес носит процессуальный характер и заключается в законном и справедливом разрешении поставленного перед ним вопроса о виновности или невиновности подсудимого в совершении определенного преступления. Если принять этот интерес за отправную, исходную точку для формирования функции суда, то с большой степенью объективности мы можем утверждать, что единственной функцией суда должно являться постановление законного и справедливого решения по тем правовым вопросам, спорам, разрешению которых отнесено к его компетенции. При этом, на наш взгляд, не имеет значение стадия уголовного судопроизводства.

Приведем одно высказывание, не имеющее прямого отношения к исследуемой теме: «Функция уголовного преследования прокурором, вступающим в процессуальные отношения со следователем, по нашему мнению, не реализуется, так как у прокурора нет ни одного полномочия, направленного на доказывание события преступления в целях изобличения лица, виновного в его совершении, что определяет сущность уголовного преследования» [14]. По нашему мнению, автор правильно обращает внимание на то обстоятельство, что реализация функции происходит через посредство полномочий: нет полномочия – нет реализации функции, что говорит о значении полномочий для выполнения функциональной составляющей деятельности суда. В то же время, отметим и еще одно обстоятельство – доказывание события преступления рассматривается как фактор, раскрывающий сущность уголовного преследования. Мы полагаем, что используемый автором подход к раскрытию функции через доказывание определенного тезиса (как в данном случае для прокурора – тезис о виновности) является продуктивным и конструктивным. Его применение к суду позволит сформулировать сущность функции суда в уголовном судопроизводстве.

По мнению Ю.В. Францифорова и К.В. Пронина, «предпосылкой реализации судом предоставленных ему дискреционных полномочий является такая субъективная психологическая категория, как цель их осуществления, определяющая направление вектора всех интеллектуальных (мыслительных, ментальных) и физических усилий, которые обусловлены силой судебной власти, необходимой судье для осуществления от имени Российской Федерации функции справедливого правосудия» [15].

Как считает С.В. Бурмагин, проверка судом материалов уголовного дела, поступившего на судебное рассмотрение на предмет соблюдения органами предварительного расследования требований уголовно-процессуального закона в процессе возбуждения и расследования дела, «имеет характер контрольной и одновременно обеспечительной (обязательной) деятельности, может и должна осуществляться судом по соб-

ственной инициативе, поэтому представляет собой особую форму статутного судебного контроля за законностью досудебного производства» [16].

Говоря о том, что суд выполняет в досудебном производстве функцию судебного контроля ученые, в основном, принимают во внимание одно обстоятельство – характер процессуальных отношений, складывающихся между судом и органом предварительного расследования, иными участниками уголовного судопроизводства и решения, которое принимается судом по вопросам, указанным в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Действительно, суд принимает решение о законности или незаконности определенного действия, бездействия или решения органов предварительного расследования или прокурора. Вместе с тем, такого рода решение суд принимает, основываясь на исследовании некоторой совокупности фактических сведений, в пределах своей компетенции, фактически и формально отвечая на поставленный перед ним вопрос о законности или незаконности соответствующего процессуального поведения. На этом основании мы делаем вывод, что суд принимает решение о законности/незаконности процессуальных действий, бездействия или решений, находясь в границах своей единственной функции – разрешения правового вопроса (спора). Даже, если речь идет об обращении следователя (дознавателя) к суду с ходатайством о производстве следственного действия, то и в этой ситуации суд разрешает это обращение как правовой вопрос и принимает (должен принимать) законное и обоснованное, а также справедливое решение.

Таким образом, наша позиция по вопросу о выполняемой судом функции заключается в выделении как единственной функции *разрешение судом правового вопроса или спора с постановлением законного, обоснованного и справедливого решения по его существу*. И с этим обстоятельством тесно связан такой концептуальный вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к совокупности и характеру процессуальных полномочий суда – это *определение объема и активности участия суда в доказывании*. В настоящее время сформировались две основные позиции по данному вопросу:

1) *исключительно пассивный тип процессуального положения суда при исследовании доказательств, основываясь на классической формуле состязательности* [17]. Ю.А. Ляхов, отрицательно относится к возможному появлению обязанности суда принимать все предусмотренные УПК РФ меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по делу Он считает, что в ней содержится обязанность доказывания всех обстоятельств дела, тем самым возвращается инквизиционный процесс [18]. Аналогичной позиции придерживается Н.Н. Апостолова, которая полагает, что если суд обязать еще и восполнять неполноту проведенного расследования, то то-

гда потребуются наделить суд правом самому предъявлять новое обвинение, проводить обыски, выемки, задержание, непосредственно взаимодействовать с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Это уже будет не суд, рассматривающий дело по существу, а суд, занимающийся производством дополнительного расследования по делу [19];

2) *активное участие в исследовании доказательств и в установлении обстоятельств уголовного дела* [20]. Данная позиция основана на установлении объективной истины, которая является обязательной для суда, всякие ограничения активности суда в исследовании доказательств рассматриваются как препятствия в правосудии;

3) в настоящее время стали активно формироваться *промежуточные позиции*. Так, например, Д.П. Туленков считает, что при размежевании процессуальных функций между участниками судебного разбирательства, познавательная активность председательствующего по делу судьи должна быть четко определена законодателем, в связи с чем он предлагает наделить председательствующего судью достаточно широкими полномочиями, включая определение обстоятельств, подлежащих дополнительному доказыванию; проводить проверку представленных сторонами доказательства; исследовать доказательства в судебном заседании, но только лишь после исследования их сторонами; по собственной инициативе истребовать и исследовать доказательства, необходимые для установления данных о личности подсудимого, имеющих значение для дела [21].

Есть мнение о наделении суда вспомогательной активностью в доказывании, которая может «осуществляться судьей не только в пользу подсудимого, но и в пользу потерпевшего (частного обвинителя)» [22].

Д.А. Мезинов, выдвигая идею о субсидиарной активности суда в доказывании, пишет: «Преувеличены опасения некоторых авторов о том, что суд, собирая дополнительные доказательства по собственной инициативе, рискует утратить объективность и начать выполнять функцию одной из сторон» [23].

Отметим, что большинство авторов в своих работах решают вопросы, как относительно возможной активности суда в доказывании, так и ее пределов. И в этом направлении, как представляется, до настоящего времени не достигнуты какие-либо значимые результаты: выводы ученых остаются полярно противоположными либо сопровождаются многочисленными уточнениями и пояснениями.

В рамках своего исследования мы считаем возможным изменить подход и задаться вопросами: а может ли суд в современном уголовном процессе ограничиваться в установлении существенных для разрешения уголовного дела об-

стоятельствах? И, если – да, то в каких пределах? В этом отношении уместно сослаться на законодательные положения. Так, в соответствии со ст. 7 УПК РФ решения судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными, а на основании ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Статья 73 УПК РФ требует (императивно) установления определенной совокупности обстоятельств. Как установлено ч. 1 ст. 86 УПК РФ суд собирает доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий. В ст. 87 УПК РФ сказано, что суд проверяет доказательства, а в 88 УПК РФ – оценивает их.

Даже этот небольшой перечень законодательных положений, как мы полагаем, наглядно доказывает обязательность участия суда в доказывании, позволяя отрицательно отвечать на вопрос о наличии запретов на участие в доказывании и его пассивности в этом важном направлении уголовно-процессуальной деятельности, поскольку при ином повороте – суд лишен возможности решать поставленные перед ним законодателем задачи.

Пределы активности суда полагаем тоже не могут быть минимальными. Опять же, соотнося свою позицию с позицией законодателя, отметим, что закон предписывает суду проводить следственные и иные процессуальные действия для собирания доказательств, проверяя – сопоставляя имеющиеся доказательства, устанавливая их источники, получать новые доказательства для проверки имеющихся, строить собственные умозаключения руководствуясь законом и совестью по своему внутреннему убеждению.

Эти общие положения свидетельствуют о наличии концептуальных основ для разработки современного представления о доказательственной деятельности суда, в числе которых недопустимость ограничений в познавательных ресурсах, обязательность установления (т.е. познания и подтверждения) фактических сведений, необходимых для вынесения судебного решения, соответствующего требованиям УПК РФ. В этой связи хотелось бы отметить еще одно обстоятельство: выступая за безусловную активность суда в установлении обстоятельств уголовного дела (процессуальный аспект доказывания), мы считаем обязательным установить пределы содержательные, а именно – процессуальная активность суда допустима исключительно в рамках заявленной формулы обвинения (содержательный аспект доказывания).

Подводя итог, сформируем основные выводы.

1. Процессуальное положение суда, судьи в современном уголовном судопроизводстве обусловлено наделением его такой процессуальной функцией как разрешение правового спора с вынесением законного, обоснованного, а в случаях, специально указанных в законе и справедливого решения, реализация которой происходит на протяжении всего уголовного судопроизводства, во всех его стадиях.

2. Доказательственная деятельность суда, судьи имеет две составные части: процессуальную, представленную совокупностью его полномочий по участию в доказывании; содержательную, обусловленную совокупностью подлежащих установлению обстоятельств.

3. Процессуальная сторона доказательственной деятельности судьи охватывает весь спектр процессуальных полномочий, который должен обеспечивать полноту познания обстоятельств совершенного преступления, всесторонность

Литература:

1. Зеленина О.А. Реализация общих и частных процессуальных функций в уголовно-процессуальной деятельности участника уголовного судопроизводства // Вестник С-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4 (52). С. 55; С. 55–62.

2. Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 38. С. 46

3. Газетдинов Н.И. О значении принципов уголовного судопроизводства при привлечении лица в качестве обвиняемого // Российский следователь. 2007. № 6. С. 45.

4. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Изд. Дом «Уральская гос. юрид. академия», 2012. С. 80; 96 с.

5. Бурмагин С.В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 8–9.

6. Лопаткина Н.А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России. С. 14. Об этой же функции в преломлении к правообеспечительному значению пишут и другие ученые. См.: например: Белозеров Ю.Н. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : учеб. пособие / Ю.Н. Белозеров, Г.П. Марфицин. М., 1994. С. 154.

7. Воронковская Е.С. К вопросу об уголовно-процессуальных функциях и их реализации в уголовном судопроизводстве // Молодежь и XXI век – 2012 : материалы IV Междунар. молодежной науч. конф.: Отв. ред. Горохов А.А. Курск : Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2012. Т. 3. С. 241–244; 260 с.

8. Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 6.

9. Лазарева В.А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение : лекции-очерки. Самара, 2000. С. 20.

10. Гуськова А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголов-

изучения предмета доказывания, объективность формирования процессуальной позиции суда.

4. Содержательная часть доказывания обладает строгими пределами, устанавливаемыми стороной обвинения при формулировании обвинения.

Как нам представляется, эти позиции выступают основными обстоятельствами при определении процессуальной компетенции и потенциала суда в доказательственной деятельности.

Literature:

1. Zelenina O.A. Implementation of General and private procedural functions in the criminal proceedings of the participant of the criminal proceedings. Vestnik of the St. Petersburg Ministry of internal Affairs of Russia. 2011. № 4 (52). P. 55; P. 55–62.

2. Kolodko V. Criminal procedure, the function of investigation // Vestnik of SUSU. 2010. № 38. P. 46

3. Gazetdinov N.I. About value of the principles of criminal proceedings at attraction of the person as accused // The Russian investigator. 2007. № 6. P. 45.

4. Bozrov V.M. Fundamentals of the theory of criminal procedural functions. General part: monograph. Ekaterinburg: Ed. «House of the Ural state law. Academy», 2012. P. 80; 96 p.

5. Burmagin S.V. The role and legal position of the court in the modern Russian criminal process : autoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Vladimir, 2009. P. 8–9.

6. Lopatkina N.A. Institute of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process in Russia. P. 14. Other scientists write about the same function in relation to the legal value. See: for example: Belozеров Yu.P. Ensuring the rights and legitimate interests of the individual at the stage of initiation of criminal proceedings : studies. benefit. M., 1994. P. 154

7. Voronkivskomu E.S. To the question of criminal-procedural functions and their implementation in the criminal justice // Youth and XXI century – 2012 : materials of the IV mezhduнар. youth science. Conf.: OTV. red. Gorokhov A.A. Kursk: publishing House, JSC «University book», 2012. Vol. 3. P. 241–244\$ 260 p.

8. Yablokov V.A. Implementation of the judiciary in pre-trial stages of the criminal process of Russia : avtoref. dis. ... kand. faculty of law. sciences. Samara, 2001. P. 6.

9. Lazarev V.A. The Judicial power. Judicial protection. Judicial control: concept and ratio: lectures-essays. Samara, 2000. P. 20.

10. Guskova A.P. Judicial law: history and modernity of the judiciary in the field of criminal justice : mono-

- ного судопроизводства : монография / А.П. Гуськова, Н.Г. Муратова. М. : ИГ «Юрист», 2005. 176 с.
11. *Рябцева Е.В.* Правосудие в уголовном процессе России : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 400 с.; С. 12.
12. *Рыжих А.Н.* Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса. С. 7.
13. *Гладышева О.В.* Теоретическая модель обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 405.
14. *Коновалов А.Н.* Процессуальный контроль и его место в системе уголовно-процессуальных функций: актуальные проблемы российского права и законодательства: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых / Сост. Е.В. Василенко. Красноярск : Изд-во «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2017. С. 225–226; 278 с.
15. *Францифоров Ю.В.* Процессуальные аспекты формирования и реализации дискреционных полномочий суда / Ю.В. Францифоров, К.В. Пронин // Публичное и частное право. 2015. № 1. С. 129–142; С. 137.
16. *Бурмагин С.В.* Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 10–11; 25 с.
17. См., например: *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М. : Юрлитинформ, 2009. 296 с.; С. 167–179; *Лазарева В.А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98–102; С. 98–102; *Лупинская П.А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8; *Михайловская И.Б.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
18. *Ляхов Ю.А.* Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности // Российская юстиция. 2014. № 3.
19. *Апостолова Н.Н.* Предварительное расследование и судебное следствие // Российская юстиция. 2014. № 7.
20. *Зажицкий В.И.* Истина и средства ее установления в УПК РФ: Теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74; *Ищенко Е.П.* Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 23–30; *Орлов Ю.* Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52–53; *Поляков М.П.* Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 36–39.
- graph / A.P. Guskova, N.G. Muratova M. : IG «Lawyer», 2005. 176 p.
11. *Ryabtseva E.V.* Justice in the criminal process of Russia : monograph. M. : Yurlitinform, 2010. 400 p. P. 12.
12. *Ryigich A.N.* Powers of the court at the pre-trial stages of the criminal process. P. 7.
13. *Gladysheva O.V.* Theoretical model of ensuring the rights and legitimate interests of man and citizen : dis. ... d-ra jurid. sciences. M., 2013. P. 405.
14. *Konovalev A.N.* Procedural control and its place in the system of criminal-procedural functions: actual problems of Russian law and legislation: proceedings of X all-Russia. scientific.-prakt. Conf. students, postgraduates, young scientists / Comp. E.V. Vasilenko. Krasnoyarsk : publishing House «Siberian Institute of business, management and psychology», 2017. P. 225–226; 278 p.
15. *Frantsiforov Ju.V.* Procedural aspects of formation and realization of discretionary powers of the court / Ju.V. Frantsiforov, K.V. Pronin // Public and private law. 2015. № 1. P. 129–142. P. 137.
16. *Burmagin S.V.* The role and legal position of the court in the modern Russian criminal process : author. dis. ... kand.the faculty of law. sciences'. Vladimir, 2009. P. 10–11. 25 p.
17. See, for example: *Karyakin E.A.* Theoretical and practical problems of the formation of the truth in a criminal case in the court of first instance. M. : Yurlitinform, 2009. 296 p. 167–179 p.; *Lazarev V.A.* Competition and proving in criminal process // Criminal law. 2007. № 3. P. 98–102. P. 98–102; *Lupinskaya P.A.* Evidence in the new criminal process // Rossiyskaya Yustitsiya. 2002. № 7. P. 5–8; *Mikhaylovskaya I.B.* The rights of the person-a new priority of the Criminal procedure code of the Russian Federation // Russian justice. 2002. № 7. P. 2–4.
18. *Lyakhov Yu.A.* The constitutional principle of the adversarial nature of criminal proceedings and individual rights // The Russian justice. 2014. № 3.
19. *Apostolova N.N.* Preliminary investigation and judicial investigation // Russian justice. 2014. № 7.
20. *Zazhitsky V.I.* Truth and means of its establishment in the criminal procedure code: Theoretical and legal analysis // State and law. 2005. № 6. P. 67–74; *Ishchenko E.P.* What truth is needed in criminal proceedings? // Criminal proceedings. 2008. № 1. P. 23–30; *Orlov Yu.* The adversarial Principle in criminal procedure: the meaning and scope of // The Russian justice. 2004. № 2. P. 52–53; *Polyakov M.P.* The Principle of clean-statement as a source of problems in the judicial investigation // Criminal legal proceeding tion. 2007. № 1. P. 36–39.

21. *Тулєнков Д.П.* Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 9–11; 24 с.

22. *Смирнов А.В.* Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал рос. права. 2001. № 12. С. 152.

23. *Мезинов Д.А.* Разумна ли состязательность судебного следствия по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации? // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 3(13). С. 61–69.

21. *Tulenkov D.P.* Cognitive activity in criminal proceedings with the participation of jurors : author. dis. ... kand.the faculty of law. sciences'. Volgograd, 2017. P. 9–11; 24 p.

22. *Smirnov A.V.* The Reform of criminal justice the end of the twentieth century and discursive competitiveness // Journal of ROS. rights. 2001. № 12. P. 152.

23. *Mezinov D.A.* Is the adversarial nature of the judicial investigation of the Criminal procedure code of the Russian Federation? // Bulletin of Tomsk state University. Ser. : Right. 2014. № 3 (13). P. 61–69.

Пятница Елизавета Юрьевна
аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
elizaveta5friday@gmail.com

НЕДОПУСТИМОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ, ОКАЗЫВАЕМОЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ

Аннотация. Актуальность настоящего исследования заключается в каждодневных попытках повлиять на процесс формирования внутреннего убеждения судьи с целью вынесения выгодного решения, что создает угрозу независимому отправлению правосудия. В данной статье рассматривается проблема незаконного воздействия на суд, оказываемого заинтересованными субъектами. Особое внимание уделяется проблеме недопустимого воздействия на формирование внутреннего убеждения судьи. В статье выявлены и раскрыты виды недопустимого воздействия, оказываемого на суд.

Ключевые слова: независимость, незаконное воздействие, воспрепятствование осуществлению правосудия, личность судьи, формирование внутреннего убеждения, недопустимое воздействие на суд, влияние средств массовой информации, внепроцессуальное обращение.

Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (ст. 120 Конституции РФ). В статье 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» закреплено, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей.

Пункт 2 статьи 8 Кодекса судебной этики закрепляет: «Судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса. Судья должен осуществлять судебские полномочия, исходя исключительно из оценки фактических и правовых обстоятельств дела, в соответствии с внутренним убеждением, уважая процессуальные права всех участвующих в деле лиц, независимо от какого-либо постороннего воздействия, давления, угроз или иного прямого или косвенного вмешательства в процесс рассмотрения дела, с какой бы стороны оно не ока-

Elizaveta Yu. Pyatnitsa
Postgraduate Student,
Department of Criminalistics
and Legal Informatics,
Kuban State University
elizaveta5friday@gmail.com

UNACCEPTABLE IMPACT OF STAKEHOLDERS ON THE FORMATION OF THE JUDGE'S INNER CONVICTION

Annotation. The relevance of this study is in everyday attempts to influence the process of formation of the judge's inner conviction in order to make a favorable decision, which poses a threat to the independent administration of justice. This article deals with the problem of illegal influence on the court by the stakeholders. Special attention is paid to the problem of unacceptable influence on the formation of the judge's inner conviction. The article identifies and reveals the types of unacceptable impact on the court.

Keywords: independence, illegal influence, obstruction of justice, the identity of the judge, the formation of internal conviction, unacceptable impact on the court, the influence of the media, non-procedural treatment.

зывалось и какими бы мотивами и целями не было вызвано» [1].

Принцип независимости судей является ключевым конституционным принципом, именно для защиты этого принципа в первую очередь и введена уголовная ответственность за действия, предусмотренные частью 1 статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На законодательном уровне термин «постороннее воздействие» не закреплен. Толковый словарь определяет глагол «воздействовать» как «оказав влияние, добиться (-иваться) необходимого результата» [2].

В процессуальных кодексах (статьи 5 АПК РФ, 8.1 УПК РФ, 7 КАС РФ, 8 ГПК РФ) закреплено положение, согласно которому какое-либо постороннее воздействие на судей, вмешательство в их деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан

запрещаются и влекут за собой ответственность, установленную законом. Эффективность правосудия в незначительной степени зависит от того, насколько общественные отношения, возникающие при его отправлении, обеспечиваются средствами уголовно-правовой охраны.

Примерами заинтересованных субъектов постороннего воздействия могут быть государственные или иные органы, осуществляющие публичные функции, вышестоящие судебные инстанции, другие судьи, руководство судов, в целом, судейское сообщество, а также участвующие в деле лица.

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 294 УК РФ, является цель – воспрепятствование осуществлению правосудия. В толковом словаре значение глагола «воспрепятствовать» раскрывается как «помешать кому-либо в чем-либо, не допустить чего-либо, сделать в чем-то помеху» [3]. Следовательно, умысел заинтересованных лиц будет направлен на то, чтобы поставить судью в зависимое и подчиненное положение при осуществлении правосудия. Подобное постороннее воздействие будет являться незаконным.

Однако следует отметить опасность не только незаконного воздействия на судей, но и иные виды недопустимого воздействия. Это такое постороннее воздействие, которое не попадает под действие части 1 статьи 294 УК РФ, но фактически оказывает влияние на формирование внутреннего убеждения судьи.

Рассмотрим недопустимое воздействие на конкретных видах.

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2013 № 166-ФЗ процессуальные кодексы были дополнены нормой следующего содержания: «Информация о внепроцессуальных обращениях государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан, поступивших судьям по делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда, подлежит преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства путем размещения данной информации на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и не является основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений по делам».

Под внепроцессуальным обращением понимается поступившее судье по делу, находящемуся в его производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда, обращение в письменной или устной форме не являющихся участниками судебного разбирательства госу-

дарственного органа, органа местного самоуправления, иного органа, организации, должностного лица или гражданина в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо обращение в не предусмотренной процессуальным законодательством форме участников судебного разбирательства. Не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, либо к председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда (статья 10 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

Примерами внепроцессуальных обращений являются, например, ходатайство от 23.05.2018 Администрации N-ского муниципального района о прекращении судебного разбирательства в отношении постройки жилого дома, внепроцессуальное обращение А. от 07.06.2018 по делу с просьбой восстановить в судебном порядке право залога по заявлению Б., размещенные на сайте Арбитражного суда Пермского края [4].

Из анализа данных норм видно, что правовое регулирование режима внепроцессуальных обращений противоречиво. Законодатель напоминает о том, что всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону (статья 10 Закона РФ «О статусе судей в РФ»), а внепроцессуальные обращения не допустимы. Несмотря на это, никакая ответственность заявителя за внепроцессуальное обращение законом не предусмотрена. Если расценивать внепроцессуальное обращение как обращение к суду с целью склонить его к принятию определенного судебного акта, как попытку воздействовать на суд, то, несомненно, данный вид недопустимого воздействия на судью создает угрозу его независимости. Должна быть установлена ответственность, чтобы освободить процесс от факторов, могущих породить сомнения в рассмотрении дела независимым судом. Действительно, само обращение может быть составлено с использованием психологических приемов, может быть способным «надавить на жалость» и вызвать соответствующую эмоцию у судьи.

Также, говоря о недопустимом воздействии, нельзя не говорить о давлении, оказываемом со стороны средств массовой информации (далее - СМИ). В условиях информационного общества наблюдается активное влияние СМИ на сферы жизни. Свобода мысли и слова порождает возможность злоупотребления этой свободой. Следует отметить, что грань, за которой заканчивается допустимое воздействие и начинается недопустимое, определить сложно. Как отличить объективную критику отправления правосудия от информационного давления, взывающего к личности судьи с целью принятия выгодного решения? В большинстве случаев сделать это невозможно.

Так, существует судебный пиар, который представляет собой влияние на исход дела в пользу клиента. В отличие от прямого давления на

суд, запрещенного законом, формирование общественного мнения в пользу клиента возможно, чем и пользуются юристы как за рубежом, так и в России. Андрей Князев, председатель Московской коллегии адвокатов «Князев и партнеры», рассказывает о существовании ряда зарубежных компаний и специалистов, которые профессионально оказывают подобные услуги. Андрей Арих, (руководитель отдела по связям с общественностью Юридической группы «Яковлев и Партнеры»), признает возможными искусственные ситуации, в которых суд «будет вынужден семь раз отмерить, прежде чем отрезать». Санджи Лукьянов, юрист правового бюро «Олевинский, Буюкян и партнеры», убежден, что присутствие журналистов в процессе – лучшая защита от коррупции и ангажированности судьи. Другую сторону проблемы обозначает Ольга Бинда (советник Федеральной палаты адвокатов РФ), говоря о методах «черного PR», которые ведут к дискредитации судов или оппонентов вместо правомерного освещения судебного процесса [5].

Таким образом, несмотря на допустимость судебного пиара, такой его вид как «черный PR» будет являться недопустимым, создающим угрозу независимости судьи.

Литература:

1. Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016).
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.И. Шведова. М., 1994.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2010.
4. URL : <http://www.perm.arbitr.ru/node/15678>
5. URL : <https://pravo.ru/story/view/134687/>

Еще одним из видов недопустимого воздействия на судей являются большое количество жалоб, поступающих в суд. Речь идет о необоснованных жалобах, подаваемых недобросовестными сторонами специально. Во многих случаях в основе жалоб заинтересованными лицами лежат искаженные факты и доказательства. Важно понимать, что даже необоснованная жалоба может негативно сказаться на работе судьи, породить сомнения в сформированной позиции. Конечно, каждый судья должен преодолевать эти сомнения, но проблема остается проблемой. Более того, под влиянием необоснованных жалоб формируется негативное общественное мнение, распространяется точка зрения о низкой компетенции судей и работников аппарата, что в целом подрывает авторитет судебной власти.

Необходимо брать во внимание недопустимое воздействие во всем его многообразии, которое представляет угрозу независимому отправлению правосудия. Судья должен противостоять всевозможным попыткам влияния на формирование его внутреннего убеждения. Следует защищать судей от тех или иных видов недопустимого воздействия, совершенствовать законодательные механизмы в целях укрепления правосудия. Принятие законного и обоснованного решения по делу возможно только при отсутствии внешнего влияния на судью.

Literature:

1. The Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges December 19, 2012) (as amended on December 8, 2016).
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N.I. Shvedova. M., 1994.
3. Dal V.I. dictionary of Russian language. M., 2010.
4. URL : <http://www.perm.arbitr.ru/node/15678>
5. URL : <https://pravo.ru/story/view/134687/>

Радченко Татьяна Евстафьевна
кандидат философских наук, доцент,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
t.radchenko@mail.ru

Пестова Юлия Михайловна
магистрант,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
pestova20@bk.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДЕЖИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена проблеме обеспечения государством социальной защиты молодых людей в период получения образования. В статье рассматривается изменение права на назначение пенсии по случаю потери кормильца в связи с вступившим в силу Постановлением Конституционного Суда России от 5 декабря 2017 года № 36-П. Ранее, для получения данного социального пособия, обучающийся должен был предоставлять направление на учебу в соответствии с международными договорами. Признание неконституционным данной нормы законодательства позволяет подтверждать обучение ребенка в порядке, предусмотренном законодательством аналогично обучению на территории России при реализации права на пенсионное обеспечение. Отсутствие обязательного условия в виде направления на обучение в иностранную образовательную организацию делает доступным в равной мере конституционные права граждан на образование и расширяет круг получателей страховой пенсии по случаю потери кормильца. Расширение спектра выбора образования молодыми людьми является условием увеличения человеческого капитала страны.

Ключевые слова: социальная защита молодежи, право на образование, пенсионное обеспечение, страховая пенсия, пенсия по случаю потери кормильца (СПК).

■ ■ ■

Социальная защита молодежи является стратегической задачей государственного управления, так как только обеспечение достойного уровня жизни молодого поколения может

Tatyana E. Radchenko
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin
t.radchenko@mail.ru

Yulia M. Pestova
Graduate Student,
Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin
pestova20@bk.ru

ENHANCEMENT OF LEGAL ASPECTS OF SOCIAL PROTECTION FOR YOUNG PEOPLE DURING EDUCATION

■ ■ ■

Annotation. The paper is devoted to the problem of state social protection of young people during their education. The paper considers a change in the right to receive survivor's pension due to the entered into force Constitutional Court ruling of 5th December 2017 № 36-P. Previously, for a student to receive the survivor's pension it was necessary to provide a referral to study issued by a Russian authority in accordance with international treaties. The Constitutional Court ruling declared this piece of legislation unconstitutional, which now allows to confirm the fact of education under the procedure established by the law similarly to education on Russian territory in the exercise of the right to pension. The change makes constitutional rights for education equally accessible for all the citizens and increases the number of recipients of survivor's pension. Broadening the range of study options for young people is a prerequisite for the growth of human capital of a country.

Keywords: social protection of young people, right for education, pension, insurance pension, survivor's pension.

■ ■ ■

быть одним из условий поступательного развития страны. Основными принципами социальной защиты являются принципы справедливости и гуманизма. Реализуется принцип справедливо-

сти через получение равного доступа всех граждан к предоставляемым социальным услугам. Не уравнительный подход, а предоставление равных возможностей в реализации своих жизненных планов актуализирует мотивационную сферу молодых людей, дает дополнительные жизненные импульсы. Принцип гуманизм реализуется в предоставлении свободы, в том числе и свободы выбора молодого человека в определении своего жизненного пути.

Образование является одним из краеугольных пунктов такого выбора. Наличие разветвленной системы внутренних и международных грантов, программ обмена студентами российских университетов с зарубежными странами, делает для многих молодых людей доступным обучение за рубежом, в том числе и для молодых людей, пользующихся социальными льготами. Сложившаяся ситуация требует определенных изменений в правовом регулировании прав молодых граждан нашей страны на получение социальных льгот.

Государственная политика полноценно может быть реализована только при активном содействии общества, добиться чего можно при бережном отношении к правам человека и гарантиям их реализации обеими сторонами. Человек должен занимать ключевую позицию не только при охране собственных прав, но и при признании прав других лиц, установить подобное соотношение возможно при активном участии государства и его правильной политике в области прав и свобод человека [1].

Страховая пенсия по случаю потери кормильца (СПК) устанавливается нетрудоспособным членам семьи застрахованных лиц. Целевое назначение пенсии - компенсации заработной платы и иных выплат и вознаграждений кормильца, которые были утрачены в связи с его смертью. Право на пенсию по СПК регулируется условиями и нормами, установленными в Федеральном законе от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

Правоустанавливающим фактором выступает смерть кормильца или его безвестное отсутствие. В случае назначения пенсии по СПК гражданам, достигшим возраста 18 лет и до достижения ими предельного возраста 23 лет (в случаях, оговоренных законом 25 лет) необходимо установить факт нахождения на иждивении умершего кормильца.

Право как на страховую, так и на иные пенсии по случаю потери кормильца, возникает при наличии сложного юридического состава, включающего по общему правилу следующие юридические факты: потерю физического лица (кормильца); принадлежность к членам его семьи; нетрудоспособность члена семьи; его иждивенство. Все эти факты требуют законодательного определения [2].

Основное требование для назначения пенсии по СПК гражданам, достигшим совершеннолетия, содержится в пункте 1 части 2 статьи 10

№ 400-ФЗ. Закон [3] признает нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца детей, в том числе достигших возраста 18 лет, которые получают образование в очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, если направление на обучение произведено в соответствии с международными договорами Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

Воспользоваться правом назначения пенсии по СПК после достижения возраста 18 лет возможно в случае обучения в учебном заведении Российской Федерации либо в иностранном учебном учреждении с условием направления на обучение. Норма закона исключает возникновение права на назначение пенсии лицам, обучающимся в иностранных организациях, поступившим обучаться по собственному желанию, тем самым развивая социальную несправедливость.

Таким образом, получая образование «за одной партией» в иностранном образовательном учреждении, молодой человек, самостоятельно изъявивший желание получить высшее образование в зарубежном образовательном учреждении, утрачивает свои социальные права на получение пенсии по СПК. В то время как в случае с получением им образования за рубежом за счет государства, он подлежит пенсионному обеспечению в полном объеме, наравне с учащимися в российских образовательных учреждениях.

Конституционное право на образование, гарантированное каждому социальным государством, не должно ограничиваться введением в действие федеральных законов о пенсионном обеспечении.

Одним из источников права современного российского пенсионного обеспечения являются решения, принимаемые Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ). КС РФ как самостоятельный судебный орган судебной власти выполняет контрольную функцию, решения формируют правоприменительную практику, основанную на соблюдении принципов равенства и справедливости, расширяет права граждан в сфере пенсионного обеспечения.

В последние годы в России сформировалась специфическая тенденция осуществления конституционного правосудия. В русле данной тенденции Конституционный Суд все чаще выступает в качестве органа, главная задача которого заключается в расширении круга лиц, имеющих право на различные виды социального обеспечения [4].

Нормативные правовые акты или их положения, признанные неконституционными утрачивают силу с момента вступления в силу решения КС РФ. Применение норм признанных неконституционными актов или положений недопустимо.

Отсутствие возможности получения страховой пенсии по СПК при обучении в иностранном учебном заведении без направления на учебу ограничивает право граждан на свободное перемещение и право на образование. Реализация права на образование в учебном заведении, которое по желанию и потребностям ребенка необходимо для достижения достойного уровня жизни и становления его как личности, нуждается в поддержке государства, в случае, если такой ребенок является членом семьи умершего кормильца.

В связи с запросом Кузнецкого суда Пензенской области в 2017 году, КС РФ принято важнейшее решение в сфере пенсионного обеспечения, которое реализовано через Постановление КС РФ от 5 декабря 2017 г. № 36-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 федерального закона «О страховых пенсиях».

Пункт 1 части 2 статьи 10 Федерального закона № 400-ФЗ признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1), в той мере, в какой он служит основанием для отказа в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца его детям, самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации) поступившим в иностранные образовательные организации и обучающимся в них по очной форме обучения по образовательным программам, которые могут быть отнесены к категории основных, на период до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, для подтверждения дополнительных условий назначения пенсии и обстоятельств, учитываемых при определении ее размера, направление на обучение не требуется.

В основу этого решения положен принцип равенства в правах и социальной справедливости. Разный подход к определению права на пенсионное обеспечение в схожих ситуациях недопустим. Получение образования по основным образовательным программам в очной форме предполагает полную занятость обучающегося и ограничивает возможность приобретения иждивенцем источника средств к существованию. С учетом Постановления КС РФ [5], для назначения пенсии по СПК и подтверждения нетрудо-

Литература:

1. Громова Н.С. Конституционное право на образование и государственная образовательная политика в России на современном этапе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 5. С. 125–130.
2. Азарова А.Е. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал Российского права. 2017. № 8(248). С. 112–127.

способности направление на обучение не требуется. Обучение ребенка за пределами РФ подтверждается в порядке, предусмотренном законодательством для подтверждения обучения ребенка на территории России. Документ, подтверждающий факт обучения, выданный иностранным образовательным учреждением, принимается для рассмотрения в случае, если он отражает информацию, что обучение проходит по очной форме обучения по основным (аккредитованным) образовательным программам, как правило, это программы высшего образования – программы бакалавриата и магистратуры, и в нем содержатся все необходимые реквизиты, требование к которым предусмотрено законодательством РФ и применимо к документам, выданным образовательными организациями РФ.

Признание вышеуказанного пункта Закона несоответствующими Конституции позволяет большему количеству граждан, попадающих под его действие, воспользоваться правом социального обеспечения на назначение пенсии по СПК с 7 декабря 2017 года, то есть, с даты опубликования Постановления КС РФ [5].

Не секрет, что пенсионная реформа в России является, особенно в последнее время, предметом массовой критики. Прежде всего, это касается пенсионного обеспечения людей так называемого «третьего возраста», пожилых граждан. Нехватка средств на выплаты пенсий привела к увеличению возраста выхода на пенсию. Является ли социально справедливым в этих условиях увеличение расходования средств Пенсионного Фонда России на пенсионное обеспечение других категорий граждан?

Во-первых, категория граждан, получающих пенсии по случаю потери кормильца, обучающихся за рубежом за свой счет, весьма немногочисленна.

Во-вторых, можно предусмотреть в случае получение данной социальной услуги обязательную отработку в течение трех лет в Российской Федерации по окончании профессионального образования.

В-третьих, вклад в человеческий капитал через получение образования на международном уровне является стратегическим вложением в будущее страны.

Literature:

1. Gromova N.S. The Constitutional Right to Education and the State Educational Policy in Russia at the Present Stage // State and Municipal Administration in the XXI Century: Theory, Methodology, Practice. 2012. № 5. P. 125–130.
2. Azarov A.Ye. Pension benefits for children who have lost their breadwinner: features of legal regulation // Journal of Russian Law. 2017. № 8 (248). P. 112–127.

3. О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52. Ст. 6965.

4. *Миронова Т.К.* О роли Конституционного Суда в расширении сферы действия законов о социальном обеспечении // Вопросы российского и международного права. 2015. № 1–2. С. 72–102.

5. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области: Постановление Конституционного Суда от 05.12.2017 № 36-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 51. Ст. 7911.

3. On insurance pensions: Federal Law of December 28, 2013 № 400-ФЗ // Coll. legislation grew. Federation. 2013. № 52. Art. 6965.

4. *Mironova T.K.* On the role of the Constitutional Court in expanding the scope of laws on social security // Questions of Russian and international law. 2015. № 1–2. P. 72–102.

5. In the case of verifying the constitutionality of clause 1 of part 2 of article 10 of the Federal Law «On Insurance Pensions» in connection with the request of the Kuznetsky District Court of the Penza Region: Resolution of the Constitutional Court of 05.12.2017 № 36-P // Coll. legislation grew. Federation. 2017. № 51. Art. 7911.

Разин Михаил Владимирович
преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
igorvarchenko@yandex.ru

Кузьмин Сергей Вениаминович
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
kevksv@rambler.ru

НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОБУЧАЮЩИХСЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МВД РФ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ УЧЕБНЫХ СТРЕЛЬБ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие у курсантов, обучающихся в учебных заведениях системы МВД России, при изучении дисциплины «Огневая подготовка», факторы, влияющие на формирование данных проблем и возможные пути их решения.

Ключевые слова: огневая подготовка, огнестрельное оружие, физическая и психологическая подготовка стрелка, экстремальные условия, тактика применения оружия, безопасность при обращении с огнестрельным оружием.

■ ■ ■
Не подлежит сомнению, что подготовка сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебной деятельности подразумевает серьезный подход к организации и проведению обучения по огневой подготовке, которая является одной из важных составляющих мер силового пресечения правонарушений. Огневая подготовка курсантов и слушателей осуществляется во время первоначальной подготовки в центрах профессиональной подготовки, а так же в процессе обучения в образовательных учреждениях МВД России. Во время прохождения службы для сотрудников в обязательном порядке проводятся учебные стрельбы в рамках занятий по профессиональной служебной подготовке. Как справедливо отмечает Ю.В. Николаева, огневая подготовка в образовательных учреждениях МВД России имеет тренировочную направленность, которая обеспечивает «лишь профессионально-практическую готовность курсантов к овладению оружием при нали-

Mikhail V. Razin
Lector of the Department
of Special Disciplines,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the MIA of Russia
igorvarchenko@yandex.ru

Sergei V. Kuzmin
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the MIA of Russia
kevksv@rambler.ru

NEGATIVE FACTORS THAT AFFECT STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF THE RUSSIAN FEDERATION, AT CARRYING OUT EDUCATIONAL FIRING

■ ■ ■
Annotation. The article deals with the problems of cadets studying in the educational institutions of the ministry of internal affairs of Russia in the study of the discipline «fire training», the factors influencing the formation of these problems and possible solutions.

Keywords: fire training, firearms, physical and psychological training of the shooter, extreme conditions, tactics of use of weapons, safety when handling firearms.

■ ■ ■
чи слабых знаний и умений в области применения оружия в экстремальных ситуациях».

Преподавание дисциплины «Огневая подготовка» сопряжено с целым рядом проблем разной этиологии. Так, А.И. Давиденко выделяет шесть ключевых проблем в организации огневой подготовки, которые условно можно поделить на две группы: учебно-организационные (проблема единого подхода к обучению (отсутствие единой линии и стратегии в обучении), проблема выработки единой методики для первоначального базового этапа обучения; проблема планирования занятий; проблема оценки и контроля знаний) и организационные (проблема материально-технического обеспечения; проблема подбора кадров).

Цель прохождения дисциплины «Огневая подготовка» – формирование техники меткого выстрела, тактики и практических навыков применения оружия в ходе осуществления оператив-

но-служебной деятельности, выработка навыков безопасного обращения с оружием, освоение материальной части оружия, вопросов профилактики случаев гибели и ранений сотрудников, связанных с неумелым обращением с огнестрельным оружием. Основное внимание при этом уделяется правомерному пресечению противоправных действий с помощью оружия.

Однако при изучении курса данной дисциплины, у учащихся учебных заведений МВД РФ, возникает ряд трудностей, несвойственных освоению любой другой дисциплины, и сопряженных с прохождением учебных стрельб. Эти трудности, как показывает практика, выражаются в неверном соблюдении правил безопасности при обращении с огнестрельным оружием на учебных стрельбах, и являются весьма распространёнными, так как случаются эпизоды нанесения телесных повреждений или даже смерти, обучающимся и руководителям стрельб при несоблюдении техники безопасности обращения с огнестрельным оружием.

Для профилактики подобных случаев необходимо выяснить причины нарушения правил обращения с огнестрельным оружием, а так же провести их классификацию.

Первым в рассмотрении фактором нарушения установленных правил является слабая теоретическая подготовка учащегося при проведении стрельб. Рассматривая этот фактор, стоит понимать, что виноват в этом не только курсант или слушатель, но и руководитель стрельб. Перед началом занятия, связанным с применением огнестрельного оружия, руководитель стрельб и его заместитель обязаны проверить знание правил безопасности обращения с огнестрельным оружием у обучающихся, а так же правил личной безопасности. Обучающийся, который не смог ответить на поставленные вопросы преподавателя, не должен допускаться к стрельбам.

Следующим фактором, к тому же, наиболее значимым, является психофизический фактор. По мнению Н.Ю. Митюриной и Н.В. Бобкова, обучение стрельбе из пистолета связано в первую очередь с психическими, а не с физическими процессами – мышечной и двигательной памятью, вниманием, мышлением, волей, а их развитие в ходе тренировочных стрельб благоприятным образом сказывается на всех сторонах подготовленности сотрудников, способствуя выполнению ими служебных обязанностей. Ю.В. Николаева отмечает, что нервно-психическое напряжение, независимо от степени выраженности, отрицательно влияет на технику стрельбы, препятствуя продуктивному и оперативному овладению обучающимися навыками обращения с огнестрельным оружием. Поэтому представляется особенно актуальной разработка методики для снижения психологического напряжения на огневом рубеже курсантов образовательных учреждений МВД России, затрудняющего формирование навыков ведения скоростной стрельбы из боевого оружия. Таким образом, одним из важных компонентов огневой подготовки сотрудника ОВД является психологическая подготовка.

А.Н. Таран дает следующее определение психологической подготовке стрелка – «это процесс, направленный на конструирование оптимального психологического состояния, выработку внутренней готовности, способствующей реализации наиболее совершенной техники стрельбы для достижения высоких результатов при стрельбе в сложной и напряженной обстановке (стрессовых ситуациях)».

Формирование профессионализма сотрудника правоохранительных органов детерминировано, прежде всего, воспитательной направленностью процесса, и подразумевает подготовку специалиста, владеющего профессиональными и общими компетенциями, морально и психологически готового эффективно решать служебные задачи в рутинной и экстремальной обстановке. Следует считать достаточно подготовленным к действиям в экстремальных ситуациях сотрудника, способного применить на практике сформированные в период обучения комплекс психологических и правовых компетенций, в том числе, в экстремальных ситуациях, в ситуациях контакта с лицами, способными к сопротивлению действиям сотрудника ОВД, при осуществлении контртеррористических действий. Принципиально значимым представляется уровень готовности сотрудника к концентрации физических, психических и волевых способностей человека.

Одна из важнейших задач преподавателя – сформировать у обучающегося курсанта потребность в самовоспитании воли, необходимой для успешного преодоления трудностей в процессе обучения огневой подготовке. Будущий сотрудник должен уметь успешно оценивать ситуацию, осознавать содержание своих действий, понимать и чувствовать волевое состояние, направленное на решение возникшей проблемы. Академик И.М. Сеченов указывал: «Всякое волевое действие есть действие разученное. Ни один человек не может волевым образом выполнить действие, если он не знает, как его надо выполнять».

Ещё одним психологическим фактором можно назвать страх. При получении оружия курсант понимает всю ответственность, которая легла на его плечи в данный момент. Понимая всю серьёзность происходящего процесса от получения оружия до производства выстрела, учащийся испытывает сильное волнение, а так же нежелание получить неудовлетворительную оценку, переполняющую его эмоциональный диапазон, приглушает когнитивные процессы, вследствие чего у обучающегося теряется внимательность, забывается техника безопасности, а так же назначения руководителя стрельб до начала непосредственных занятий в тире. Углубляясь в этот вопрос, можно заметить, что наиболее часто подвержены данному фактору обучающиеся женского пола. Страх так же может подкрепляться и объективными факторами, такими как погодные условия, которые затрудняют производство выстрела на попадание у курсанта (сильный ветер, град, снегопад), только подкрепляя его страх. Контроль со стороны руководителя стрельб и преподавателя так же усиливает чув-

ство страха обучающегося, провоцирует суетливость и снижает внимание, что приводит к нежелательным последствиям.

Занятия по служебной подготовке сотрудника, в том числе – по огневой, тактической и физической, должны способствовать формированию у обучающихся таких волевых качеств личности, как смелость, решительность и уверенность.

Частой ошибкой при проведении учебных стрельб является повышенная требовательность руководителя стрельб, которая также может являться дополнительным стрессовым фактором. Вместо требовательности необходимо формировать атмосферу доверительности, объяснять последствия ошибочных действий со стороны обучающихся. Занятие, выстроенное в виде диалога, то есть постоянного взаимодействия преподавателя и обучающихся, способствует более продуктивному усвоению учебного материала, его анализу и обсуждению непонятых моментов. Такая обстановка при проведении стрельб способствует достижению психологического состояния стрелка, при котором он осознает планируемый результат, средства его достижения, потенциальные ошибки и способы их предотвращения, а руководитель стрельб осуществляет лишь опосредованный контроль его действий. Это позволяет выработать у обучающегося привычку самостоятельно контролировать свои действия, доведенную до автоматизма, а также формировать продуктивное морально-психологическое состояние для выполнения стрельб.

Анализ литературы, посвященной практической и психологической подготовке к выполнению стрельб, позволяет обобщить: высокий уровень сформированной в период обучения морально-психологической устойчивости курсанта или слушателя при выполнении стрельб гарантирует в дальнейшем результативное и оправданное с точки зрения закона применение огнестрельного оружия. Безусловно, кроме психологической устойчивости в стрессовых ситуациях и готовности к применению оружия, обучающийся должен овладеть знаниями материальной части оружия, техникой безопасности, приемами и правилами стрельбы из разных видов оружия. Все это, в совокупности с высокой степенью морально-психологической подготовленности сотрудника полиции, обеспечивает более продуктивные действия, в том числе, в ходе контртеррористических операций.

Литература:

1. *Давиденко А.И.* Ключевые проблемы огневой подготовки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3(33). С. 257–259.
2. *Митюрин Н.Ю.* Психология в организации огневой подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России: учебно-методическое пособие / Н.Ю. Митюрин, Н.В. Бобков. Саратов : Гос. образовательное учреждение высшего проф. образования «Саратовский юридический ин-т МВД России», 2009. 49 с.

Опрос, проведенный среди слушателей и курсантов Новороссийского филиала КрУ МВД России показал, что 25 % опрошенных (опрос проводился среди 100 человек переменного состава) считает причиной неудачных стрельб факторы, независящие от стрелка – неисправность пистолета, осечки при стрельбе, плохая погода. 15 % опрошенных отметили, что нарушение правил обращения с огнестрельным оружием в тире происходит из-за собственной невнимательности и рассеянности, что выражается в нарушении алгоритма действий при осмотре оружия и при окончании стрельбы, например забывание включения затворной задержки или неосуществления холостого выстрела после команды «Оружие осмотрено». 50 % опрошенных, которым был задан вопрос о факторах, помешавших точному выстрелу и попаданию, обозначили причиной неудачи страх. Он выражается как страх получения неудовлетворительной оценки или как само понимание того, что в их руках находится предмет, способный лишить жизни человека. 10 % опрошенных затруднились ответить на вопрос, что именно является причиной неудовлетворительных стрельб?

Таким образом, факторы, влияющие на исход учебных стрельб, можно разделить на два блока, а именно – объективные и субъективные. К объективным, как следует из названия, можно отнести те случаи, которые не зависят от курсанта или слушателя, например погодные условия, неисправность оружия и т.п. К субъективным же относятся такие факторы, которые всецело и полностью связаны с личностью курсанта: страх, невнимательность, неудовлетворительная подготовка к практическим стрельбам.

При проведении занятий по практическим стрельбам следует отметить настоятельную необходимость соблюдения мер безопасности. Общеизвестно, что стрельба на коротких дистанциях сопровождается большим числом отлета отдельных элементов пуль от пулеулавливателя, что также является негативным психологическим фактором при выполнении учебных стрельб, а также может привести к травматизму. В целях безопасности учебные стрельбы желательно проводить, используя защитные элементы, поглощающие и рассеивающие энергию средств поражения (очки, бронезащита).

Literature:

1. *Davidenko A.I.* Key problems of fire training // Vestnik of Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016. № 3(33). P. 257–259.
2. *Michurina N.Yu.* Psychology in the organization of fire training of cadets and listeners of educational institutions of the MIA of Russia : textbook / N.Yu. Michurina, N.V. Bobkov. Saratov : State. educational institution of higher professional education «Saratov law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia». 2009. 49 p.

3. *Николаева Ю.В.* Проблема психологической готовности курсантов образовательных учреждений МВД России к стрельбе из пистолета // Вестник Московского университета МВД России, 2012. № 4. С. 211.

4. *Таран А.Н.* Морально-психологическая устойчивость курсантов учебных заведений МВД России в процессе обучения огневой подготовке // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 254.

3. *Nikolaeva Yu.V.* The problem of psychological readiness of cadets of educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia to firing a gun // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2012. № 4. P. 211.

4. *Taran A.N.* Moral and psychological stability of cadets of educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia in the process of fire training // Society and law. 2013. № 3(45). P. 254.

Река Инесса Юрьевна

аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
www.inessa-22@mail.ru

Глебова Юлия Яновна

аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
07_Julia_1@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ
НАРУШЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ОБЛАСТИ
ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ**

■ ■ ■
Аннотация. Актуальность настоящего исследования заключается в непростой международной обстановке, сложившейся за последние годы. Наличие эффективной системы защитных сооружений гражданской обороны является важным фактором обороноспособности страны. В данной работе раскрываются некоторые аспекты использования криминалистических знаний при проведении прокурором проверочных мероприятий по обозначенному вопросу.

Ключевые слова: криминалистика, методика, прокурор, прокурорская проверка, защитные сооружения гражданской обороны, государственная собственность.

■ ■ ■
Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства – одно из ведущих направлений деятельности современной прокуратуры, осуществляемой вне криминальной сферы.

Практикой подтверждена взаимосвязь этого направления с надзором за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания, с участием прокуроров в рассмотрении судами административных, гражданских, арбитражных уголовных дел и др. В свою очередь, анализ их содержания показывает, что при осуществлении надзора прокуроры могут, а в определенных ситуациях должны использовать помощь специалистов различного профиля, а также определенный объем криминалистических знаний, применение которых на отдельных участках рассматриваемой деятельности безусловно необходимо. [5]

Как известно, прокурорская проверка носит поисково – познавательный характер, на ее резуль-

Reka Inessa Yurievna

Postgraduate Student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
www.inessa-22@mail.ru

Glebova Yulia Yanovna

Postgraduate Student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
07_Julia_1@mail.ru

**THE USE OF FORENSIC
KNOWLEDGE IN THE DETECTION
OF VIOLATIONS OF FEDERAL
LEGISLATION IN THE FIELD
OF CIVIL DEFENSE**

■ ■ ■
Annotation. The relevance of this study lies in the difficult international situation that has developed in recent years. The presence of an effective system of protective structures of civil defense is an important factor in the country's defense. This work deals with some aspects of the use of forensic knowledge in the conduct of the Prosecutor of the verification activities at the indicated question.

Keywords: criminalistics, methodology, prosecutor, prosecutor's check, protective structures of civil defense, state property.

■ ■ ■
тативность влияют знание и использование прокурором закономерностей механизма отражения, запечатления и воспроизведения фактических данных о совершенном правонарушении, а также процесса обнаружения, закрепления и дальнейшего использования искомой информации, то есть тех вопросов, которые являются предметом изучения криминалистики.

Криминалистическая методика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений [4].

Один из основных принципов криминалистической методики – ее обусловленность предметом доказывания. При проверке исполнения законов прокурор обязан доказать соответствие или несоответствие действий и решений субъектов надзора требованиям того федерального закона, нормами которого они обязаны неукоснительно

руководствоваться в своей деятельности и о нарушении которого поступила информация. Такая обусловленность, в сущности, представляет собой один из принципов методики надзора за исполнением федерального законодательства. Если факт его нарушения будет установлен, прокурору надлежит выяснить, не подпадают ли характер и последствия нарушения под действие Уголовного кодекса РФ, Кодекса об административных правонарушениях РФ, другого закона, и в зависимости от этого решить вопрос о форме реагирования на это нарушение [5].

Таким образом, можно сделать вывод о важной роли использования криминалистики в прокурорской деятельности, в частности применение криминалистических методов и приемов, использование которых допустимо в общенадзорной прокурорской деятельности в современных правовых условиях.

В соответствии с п. 8.2 приказа Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», при осуществлении надзорной деятельности прокурорам необходимо уделять особое внимание вопросам законности распоряжения государственным имуществом, выявления и пресечения фактов легализации преступных доходов, противодействию коррупции.

Попробуем, используя основы криминалистической методики, выстроить рекомендации по организации и проведению прокурором проверки требований законодательства, регулирующего использование государственного имущества, а именно владение, пользование и распоряжение защитными сооружениями гражданской обороны.

Подготовка к любой проверке включает в себя изучение законодательства по предмету проверки, положений, инструкций, правил по анализируемому вопросу, обобщений, обзоров, сведений, содержащихся в СМИ, и иной информации [6] Целесообразно проанализировать поступавшие ранее в прокуратуру обращения граждан, организаций и должностных лиц по данному вопросу.

С целью установления сведений о количестве защитных сооружений на поднадзорной территории и лиц, ответственных за их эксплуатацию, в территориальных управлениях Росимущества, МЧС России необходимо истребовать информацию об объектах гражданской обороны, включенных в реестр федеральной собственности, о заключенных договорах о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, об известных фактах уничтожения защитных сооружений, о результатах проведенной инвентаризации данных объектов, а также собрать иную информацию, необходимую для проведения объективной проверки. Сведения о собственниках объектов можно получить в органах Росреестра и органах технической инвентаризации.

К проверочным мероприятиям такого характера целесообразно привлекать специалистов – сотрудников МЧС России.

При проведении проверочных мероприятий не обходимо учитывать, что в соответствии с ведомственными приказами МЧС России предусматривается возможность использования защитных сооружений гражданской обороны в мирное время в интересах экономики и обслуживания населения, но с сохранением возможности приведения анализируемых объектов в нормативные сроки в состояние готовности к использованию по назначению.

Следовательно, необходимо дополнительно давать оценку действиям хозяйствующих субъектов, эксплуатирующих данные объекты.

Таким образом, при проведении проверочных мероприятий по содержанию защитных сооружений в мирное время следует обращать внимание на следующее: проводилась ли перепланировка помещений, застройка территории вблизи аварийных выходов, демонтаж оборудования и другие мероприятия, нарушающие защитные свойства защитных сооружений.

Вместе с тем, в помещениях допускается устройство легкосъёмных перегородок из негорючих материалов с учетом возможности их демонтажа не более чем за 6 часов.

В ведомственных приказах МЧС России предусмотрены виды помещений, под которые разрешается использовать основные помещения защитного сооружения в мирное время (гаражи легковых автомобилей, подземные стоянки автокаров, технологические, транспортные и пешеходные тоннели, санитарно-бытовые помещения и др.).

Вспомогательные помещения использовать в мирное время запрещается, за исключением санузлов.

При проведении проверочных мероприятий необходимо давать оценку деятельности должностных лиц территориальных управлений МЧС России по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений в области гражданской обороны.

В части управления федеральным имуществом, подлежат проверке законность действий Росимущества в рамках компетенции по управлению федеральным имуществом, в том числе рассматриваемыми объектами.

Согласно постановлению Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», защитные сооружения гражданской обороны относятся к федеральной собственности, их приватизация запрещена.

Таким образом, объекты и имущество гражданской обороны, приватизация которых запрещена, должны быть исключены из состава имущества приватизируемого предприятия и переданы правопреемнику на ответственное хранение и в безвозмездное пользование.

Земельные участки, на которых расположены объекты гражданской обороны, также являются федеральной собственностью и не могут быть предоставлены в собственность иным лицам в силу действия принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, сформулированного в пп.5 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ.

Практика прокурорского надзора показывает, что типичными нарушениями законодательства в сфере использования защитных сооружений гражданской обороны являются:

- ненадлежащее состояние указанных объектов и их неспособность принять укрываемых;
- незаконная реконструкция защитных сооружений, что не позволяет их привести в режим готовности в нормативные сроки;

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».
3. Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность».
4. *Аверьянова Т.В.* Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; Под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА; ИНФРА-М, 2001.
5. *Исаенко В.Н.* Возможности использования рекомендаций криминалистики и специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов // Законность. 2018. №6.
6. *Лозовский Д.Н.* К вопросу о роли и значении органов прокуратуры в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов / Д.Н. Лозовский, Д.Д. Стронский // Вестник Академии знаний. 2013. № 1(4).

– ведение учета объектов гражданской обороны ненадлежащим образом;

– отсутствие у ряда защитных сооружений собственника, отсутствие постановки на кадастровый учет объектов;

– в отношении большинства защитных сооружений не заключены договоры ответственного хранения;

– выполнение работы Росимущества по возврату незаконно отчужденного имущества должным образом не осуществляется;

– иные нарушения.

В целях выявления вышеуказанных нарушений необходимы не только специальные познания, но и активная реализация прокурором криминалистических знаний, что позволит последнему более глубоко и системно осуществлять проверочные мероприятия не только в указанной сфере, но и в целом.

Literature:

1. Land code of the Russian Federation.
2. Order of the Prosecutor General's office of Russia dated 07.12.2007 № 195 «On the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws, observance of human and civil rights and freedoms».
3. Resolution of armed forces of the Russian Federation of 27.12.1991 № 3020-1 «About differentiation of state property in the Russian Federation on Federal property, state property of the republics as a part of the Russian Federation, edges, areas, Autonomous region, Autonomous districts, the cities of Moscow and St. Petersburg and municipal property».
4. *Averyanova T.V.* Criminalistics : textbook for universities / Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov R.G., Rossinskaya E.R. M. : NORMAL; INFRA-M, 2001.
5. *Isaenko V.N.* The possibility of using the recommendations of criminology and expertise in the implementation of prosecutorial supervision over the implementation of laws // Legality. 2018.
6. *Lozovsky D.N.* On the issue of the role and importance of the prosecution authorities in the anti-corruption expertise of normative legal acts / D.N. Lozovsky, D.D. Stronsky // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2013. № 1(4).

Симакина Ирина Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
специальных дисциплин,
Дальневосточный юридический институт
МВД России
jzimina@mail.ru

Шиенкова Анна Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел,
Краснодарский университет МВД России
a21250827@mail.ru

Подгайный Андрей Михайлович

кандидат юридических наук,
заместитель начальника
кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Краснодарский университет МВД России
8124253@mail.ru

**К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ
КОНТРОЛЯ ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ
ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Аннотация. В статье раскрывается понятие «законность», определяется цель контроля, анализируются элементы контроля за соблюдением принципа законности при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях. Авторы рассматривают систему контроля, обстоятельно изучают средства контроля, предлагают перечень правил осуществления контроля за производством по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: контроль, законность, принцип, механизм, производство по делам об административных правонарушениях.

Любая деятельность, осуществляемая в сфере государственного управления, должна быть регламентирована правовыми нормами и базироваться на определенных принципах. При этом, если по поводу первых у ученых-административистов вопросов обычно не возникает, то по поводу вторых у авторов, занимаю-

Irina A. Simakina

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Chief of department of special disciplines,
Far East legal Institute
of the Ministry of Internal Affairs,
Russian Federation
jzimina@mail.ru

Anna S. Shiyenkova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Chief of Department of Administrative Activity
of Law-enforcement bodies,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs, Russian Federation
a21250827@mail.ru

Andrey . Podgayny

Candidate of Law Sciences,
Deputy Chief of Department of Administrative
Activity of Law-enforcement bodies,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs, Russian Federation
8124253@mail.ru

**TO A QUESTION
OF THE MECHANISM
OF CONTROL OF REALIZATION
OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY
AT IMPLEMENTATION
OF PRODUCTION ON CASES
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES**

Annotation. In article the concept of legality reveals, the control purpose is defined, elements of control of respect for the principle of legality at implementation of production on cases of administrative offenses are analyzed. Authors consider a control system, in details study control devices, offer the list of rules of control of production on cases of administrative offenses.

Keywords: control, legality, principle, mechanism, production on cases of administrative offenses.

щихся проблемами административного процесса, зачастую возникают разногласия вследствие чего перечень принципов может существенно различаться в различных работах. Тем не менее, одним из немногих основополагающих принципов, признаваемым всеми, является принцип законности.

В общей теории права принцип законности предполагает, что любая деятельность осуществляемая субъектами правоотношений должна быть основана на соблюдении и исполнении норм и предписаний нормативных правовых актов. Таким образом, как мы писали ранее, применительно к производству по делам об административных правонарушениях, данный принцип можно трактовать, как обязанность уполномоченных лиц соблюдать нормы Конституции РФ, КоАП РФ и иных нормативных правовых актов.

Для более подробного рассмотрения вопроса о механизме контроля за реализацией рассматриваемого принципа при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях нам необходимо остановиться на анализе некоторых теоретических аспектов и прежде всего, на понятии системы контроля и его механизма.

Систему контроля в общем виде можно определить как совокупность субъекта, объекта и определенных средств. Все указанные элементы системы должны взаимодействовать в процессе достижения желаемых результатов исполнения, а так же при фиксации состояния объекта контроля, анализе и оценке зафиксированных показателей и выработке корректирующих способов воздействия.

Исходя из этого положения, совокупность определенных средств и способов воздействия субъектов контроля на его объект представляет из себя механизм контроля. Целью указанного механизма должны являться помощь и содействие эффективному осуществлению той или иной деятельности, а в нашем случае – соблюдению законности при осуществлении административного производства. Кроме того, при осуществлении контроля должны выявляться трудности и рекомендоваться необходимые меры, способствующие успешному осуществлению данной деятельности.

Итак, исходя из вышеизложенного и анализа нормативных правовых актов можно заключить, что механизм контроля за реализацией принципа законности при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях включает следующие средства:

1. Надзор Генерального прокурора РФ и назначаемых им прокуроров, осуществляемый на основании законов и иных нормативных актов, и, в частности, закрепленный статьей 24.6 КоАП РФ [1]. Данный вид включает надзор за соблюдением и исполнением действующих нормативных правовых актов уполномоченными лицами, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях.

2. Возможность отмены постановления и возвращения дела на новое рассмотрение в случаях существенного нарушения процессуальных требований, закрепленная в п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ [1]. При этом, следует конечно учитывать, что данная возможность может применяться в

качестве механизма контроля за законностью деятельности судей, органов и их должностных лиц, только в том случае, когда такое нарушение процессуальных требований не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело.

3. Установление возможности заявить самоотвод или осуществить отвод лица, осуществляющего рассмотрение дела в соответствии со статьями 29.2 и 29.3 КоАП РФ [1], если в деле присутствуют их интересы (прямые или косвенные), а также в иных ситуациях, где их участие могло бы поставить под сомнение реализацию принципа законности.

4. Действие норм, закрепляющих правовой статус прокурора на стадиях возбуждения и рассмотрения административных дел, а так же пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях (статья 25.11, 30.10, 30.12, 30.14 КоАП РФ [1]).

5. Установление достаточно сжатых сроков, отведенных на осуществление всех действий и процедур.

6. Возможность подготовки и принятия специализированных подзаконных нормативных правовых актов уполномоченными органами, регулирующими порядок осуществления контроля за производством по делам об административных правонарушениях.

Учитывая, что одной из основных тенденций последнего времени является снижение отмененных в связи с обжалованием (опротестованием) решений по делам об административных правонарушениях, мы можем говорить, что приведенный нами механизм действует в достаточном объеме. И хотя эта тенденция отлично согласуется с основными задачами, стоящими перед органами, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях – улучшением качества исполнения административного законодательства и усилением ведомственного контроля за соблюдением принципа законности, нам представляется возможным дальнейшее улучшение существующего механизма.

Так, на наш взгляд, более эффективный контроль предполагает осуществление определенных правил.

1. Лица, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, должны чувствовать, что механизм, используемый для оценки их деятельности, действительно достаточно полно и объективно контролирует данную деятельность.

2. При разработке мер контроля важно принимать во внимание мотивацию. Строго закрепленные, ясные и четкие меры сами по себе могут служить побудительным мотивом к осуществлению деятельности в строгом соответствии с законом.

3. При закреплении используемых способов контроля целесообразно избегать их чрезмерности.

Учет приведенных мнений позволит в дальнейшем сократить факты нарушения законодатель-

ства при производстве по делам об административных правонарушениях, и, безусловно, обеспечит дальнейшее укрепление законности и недопущение нарушений прав граждан в целом, и,

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

как следствие, повышение доверия граждан к органам, осуществляющим производство по делам об административных правонарушениях, а значит и к государственным органам в целом.

Literature:

1. Russian Federation Code of Administrative Offences of December 30, 2001 № 195-FZ // Russian Federation Code. 2002. № 1 (Part 1). Article 1.

Соловяненко Нина Ивановна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора предпринимательского права,
Институт государства
и права Российской академии наук
igpran@igpran.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Цифровые инновации являются движущей силой современных преобразований в экономике и праве России. Предпринимательское право трансформируется в направлении регулирования инновационного предпринимательства, включая промышленный интернет, центры обработки данных, технологические платформы; партнерства научных, образовательных организаций и бизнес-сообщества. Интенсивно внедряются понятия и категории, свойственные правовому регулированию сферы информационных технологий, в том числе, требования к субъектам предпринимательства в отношении цифровой безопасности. Оно также распространяет действие на такие новые цифровые объекты как электронные активы. Наряду с законодательством усиливается регулятивная функция документов национальной системы стандартизации. Предпринимательское право становится существенным элементом экосистемы цифровой экономики

Ключевые слова: предпринимательское право, инновационное предпринимательство, цифровая трансформация, нормативная база цифровой экономики, промышленный интернет, технологические платформы, электронные активы, информационные системы, цифровая безопасность.

Цифровые инновации являются движущей силой экономических преобразований в современном мире. Страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечают, что данные в цифровой форме, новые бизнес-модели и цифровые приложения меняют работу науки, правительств, городов и таких секторов, как торговля, здравоохранение и сельское хозяйство [19].

Россия также воспринимает возможности и вызовы, которые привносит цифровая трансформация в социально-экономическое развитие государства. Указом Президента РФ от 07.05.2018

Nina I. Solovyanenko
Candidate of Legal Sciences,
Senior Research Fellow,
Business Law Department,
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
igpran@igpran.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN BUSINESS LAW IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. Digital innovations are the driving force of modern transformations in the Russian economy and law. Business law is being transformed in the direction of regulation of innovative entrepreneurship, including the industrial Internet, data processing centers, technology platforms; partnerships of scientific, educational organizations and the business community. Concepts and categories peculiar to legal regulation of the sphere of information technologies, including requirements to subjects of business concerning digital security are intensively introduced. Extends to new digital objects such as electronic assets. Along with the legislation, the regulatory function of the documents of the national standardization system is being strengthened. Business law becomes an essential element of the digital economy ecosystem.

Keywords: business law, innovative entrepreneurship, digital transformation, regulatory framework of the digital economy, industrial Internet, technology platforms, electronic assets, information systems, digital security.

№ 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначено преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений; создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств [3].

В утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. программе «Цифровая

экономика Российской Федерации» нормативное регулирование и благоприятный правовой режим указаны в числе базовых предпосылок создания и использования новейших технологий и предусмотрена разработка соответствующих правовых институтов и юридических средств [1].

Под воздействием формирующейся в России высокотехнологичной экономики и ее интеграции в общемировые экономические модели находится система юридических представлений о предпринимательстве и соответственно, институты предпринимательского права. Преобразования данной правовой отрасли обусловлены в значительной степени «четвертой промышленной революцией», которая предопределила развитие квантовых технологий, промышленного интернета, больших данных, искусственного интеллекта, систем распределенного реестра, робототехники, технологий беспроводной связи, а также выявила наиболее важные области цифровой трансформации:

- а) масштаб, охват и скорость;
- б) собственность и активы;
- в) рынки и экосистемы [19].

Продвижение высокотехнологичной экономики трансформирует юридическую концепцию и содержание понятия «предпринимательская деятельность» [14, с. 16–17] в направлении инновационного предпринимательства [2]. В сферу предпринимательского права включаются такие инновационные институты, как

- центры компетенций в области цифровой экономики;
- центры обработки данных, технологические (цифровые) платформы;
- партнерства научных, образовательных организаций и бизнес-сообщества; открытая общественная сетевая платформа для управления результатами интеллектуальной деятельности [1].

В формировании названных институтов используется правовой механизм государственно-частного партнерства. В утвержденной распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года технологическая платформа рассматривается как коммуникационный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства и гражданского общества) [2]. В рамках технологических платформ различные регулируемые виды производственной деятельности способны переходить от управления человеком к управлению машиной. В сферу регулирования предпринимательского права вовлекаются также интеллектуальные системы, или промышленный интернет, который исключает из ряда действий и операций участие человека.

Таким образом, предпринимательское право становится существенным элементом экосистемы цифровой экономики, представляющей собой партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан [5].

Для цифровой экономики свойственно размывание дисциплинарных и отраслевых границ в исследованиях и разработках [4].

Подобные процессы происходят и в области права. Так, в механизм правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий интенсивно внедряются понятия и категории информационного права: «информационная система», «информационно-телекоммуникационная сеть», «электронный документ», «электронная подпись» [17, с. 50–59], «единая система идентификации и аутентификации», «информационные ресурсы» и «реестры», «защита информации», изначально разработанные в законодательстве РФ об информации, информационных технологиях, защите информации [7]; об электронной подписи [8] и других информационных законах. Многие из названных конструкций получают дальнейшее развитие, в том числе, в качестве институтов предпринимательского права. Например, Федеральным законом от 8 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [9] предусмотрен единый государственный реестр юридических лиц – федеральный информационный ресурс, содержащий общие систематизированные сведения о юридических лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории России. Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» определена единая информационная система в сфере закупок, а также предусмотрен обмен между участниками контрактной системы электронными документами, подписанными усиленной электронной подписью [10]. Федеральным законом от 3 декабря 2011 г. «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» предусмотрено создание соответствующей информационной системы (ГИС ТЭК) в целях обеспечения заинтересованных лиц информацией о состоянии и прогнозе развития ТЭК. Данные для ГИС ТЭК предоставляют субъекты предпринимательской деятельности, которые добывают, производят, перерабатывают, обогащают, преобразуют, хранят, передают, распределяют, транспортируют, поставляют, переваливают, перегружают, отгружают, реализуют энергоресурсы, снабжают ими и (или) обеспечивают функционирование коммерческой и технологической инфраструктур оптового рынка электроэнергии и мощности [11].

Необходимо особо указать юридические требования к субъектам предпринимательства в отношении цифровой безопасности, или защиты

информации, которые также становятся нормами предпринимательского права. Так, ЦБ РФ по согласованию с федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными в области обеспечения безопасности, и федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, устанавливает обязательные для кредитных организаций требования к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента [12].

Кроме того, следует отметить, что в предпринимательских правоотношениях применяются принципы электронного взаимодействия, сформулированные Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ): технологической нейтральности, в том числе в отношении экономических и системных моделей, функциональной эквивалентности; не дискриминации при использовании электронных средств [18].

Развитие телекоммуникационных систем явилось стимулом к появлению цифровых объектов гражданских и предпринимательских правоотношений – электронных активов. К ним относятся:

- криптовалюты, токены, эмитированные юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем цифровые финансовые активы с целью привлечения финансирования);
- электронные страховые полисы;
- смарт-контракты.

Подобные объекты существуют в виде криптографического кода, раскрывающего их содержание; создаются, и обращаются посредством внесения записей в децентрализованных информационных системах (распределенных реестрах) на основе технологии блок-чейн [15, с. 199–204].

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
2. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.
3. СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
4. СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.
5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

В этой связи задачей предпринимательского права является создание правового механизма, обеспечивающего защиту интересов владельцев электронных активов, а также совершение юридических действий, формирование и исполнение договорных обязательств с такими объектами.

Целям создания и вывода на рынки, в том числе, на международные, высокотехнологичной продукции служит нормативно-техническая база и национальная система стандартизации. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. «О стандартизации в Российской Федерации» определяет стандартизацию как деятельность по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования, направленную на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение конкурентоспособности продукции, работ или услуг. Федеральным законом установлены документы по стандартизации: национальные стандарты, общероссийские классификаторы, стандарты организаций, в том числе технические условия, своды правил, а также предусмотрена гармонизация национальных стандартов с международными и региональными стандартами. Отечественные технические комитеты по стандартизации участвуют в разработке международных стандартов, региональных стандартов и межгосударственных стандартов в рамках деятельности международных и региональных организаций по стандартизации [13]. Так, эксперты Международной организации по стандартизации ISO/IEC одобрили разработку проекта международного стандарта «Информационные технологии. Требования совместимости и образцы устройств промышленного Интернета», который был представлен от имени России техническим комитетом «Кибер-физические системы». Стандарт станет основой для реализации на практике концепции «умного» производства и позволит решить проблему несовместимости решений от разных производителей [16].

Literature:

1. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-p «On approval of the program» Digital economy of the Russian Federation» SZ. Russian Federation. 2017. № 32. Art. 5138.
2. Order of the government of the Russian Federation of December 8, 2011 № 2227-p «On approval of the strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020» SZ Russian Federation. 2012. № 1. Art. 216.
3. SZ Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817.
4. SZ Russian Federation. 2012. № 1. Art. 216.
5. The decree of the President of the Russian Federation of may 9, 2017 № 203 «On the strategy of information society in the Russian Federation for 2017–2030» SZ Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2901.

6. СЗ РФ. 200.1 № 33 (Часть I). Ст. 3431.
7. СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
8. СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
9. СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3431.
10. СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
11. СЗ РФ. 2011. № 49 (часть V). Ст. 7060.
12. Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 3950.
13. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу: Том 1, части 1 и 2 ГК РФ 5-е издание / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина М. : ЮРАЙТ. 2010. С. 16–17
15. *Лаптев В.А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 199–204.
16. Новости цифровой экономики. 16.11-22.11.2018. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL : <http://ac.gov.ru/projects/otherprojects/014091.html>
17. *Соловяненко Н.И.* Заключение договоров с использованием электронных документов в системах электронной торговли // Хозяйство и право. 2005. № 3(338). С. 50–59.
18. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию 2001 г. URL : <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf>
19. OECD (2017), OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. URL : <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>
6. SZ Russian Federation. № 33 (Part I). Art. 3431.
7. SZ Russian Federation. 2006. № 31 (Part I). Art. 3448.
8. SZ Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2036.
9. SZ Russian Federation . 2001. № 33 (Part I). Art. 3431.
10. SZ Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652.
11. SZ Russian Federation. 2011. № 49 (Part V). Art. 7060.
12. The Federal law of June 27, 2018 № 167-FZ «About modification of separate legal acts of the Russian Federation regarding counteraction to theft of money» SZ Russian Federation. 2018. № 27. Art. 3950.
13. Federal law of June 29, 2015 № 162-FZ «On Artandardization in the Russian Federation» SZ Russian Federation. 2015. № 27. Art. 3953.
14. The comment to the Civil code : Volume 1, parts 1 and 2 of the civil code 5th edition/edited by T.E. Abouei, A.Y. Kabalkin M. : YURAYT. 2010. P. 16–17
15. *LapteV V.A.* Digital assets as objects of civil rights // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry. 2018. № 2(42). P. 199–204.
16. News of the digital economy. 16.11-22.11.2018. Analytical center under the Government of the Russian Federation. URL : <http://ac.gov.ru/projects/otherprojects/014091.html>
17. *Solovyanyenko N.I.* Conclusion of contracts using electronic documents in e-Commerce systems // Economy and law. 2005. № 3(338). P. 50–59
18. UNCITRAL model law on electronic signatures with Guide to enactment 2001. URL : <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf>
19. OECD (2017), OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. URL : <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>

Трофимов Артем Андреевич
аспирант,
Красноярский государственный
аграрный университет
2966646@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ И УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется современное положение в российском уголовном праве двух институтов – административной преюдиции и уголовного проступка. На основе анализа нормативной базы выявляются недостатки в предлагаемом Верховным судом РФ определении уголовного проступка и предлагается путь их преодоления. Также автором предложено понимание интеграции уголовного проступка в российский уголовный закон и установлено его значение для дифференциации уголовной ответственности. На основании анализа и сопоставления рассматриваемых институтов сделан вывод о перспективности закрепления связи административной преюдиции с уголовным проступком, а не с преступлением.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное законодательство, уголовный проступок, преступление, уголовная ответственность, преступления небольшой тяжести, категории преступлений, дифференциация уголовной ответственности, либерализация и гуманизация уголовного законодательства.

Актуальным вектором в развитии российского законодательства являются его либерализация и гуманизация, в том числе, в наказании лиц, совершивших определенные преступления, без применения к ним последствия в виде судимости, так как последняя создает существенные негативные последствия социального и правового характера, значительное количество из которых являются пожизненными. Подтверждением этому является, например, статья 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, установившая в 2011 году перечень преступлений в сфере экономической деятельности, по которым лица, впервые совершившие такие преступления, освобождаются от уголовной ответственности, если соответствующие ущерб или убытки возмещены в полном или кратном размере. Более ярким примером является введенная в Уголовный

Artem A. Trofimov
Post-graduate Student,
Krasnoyarsk State
Agrarian University
2966646@gmail.com,tel

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE AND CRIMINAL OFFENCE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the current situation about two institutions of the Russian criminal law – administrative prejudice and criminal offence. Based on the analysis of the regulatory framework, deficiencies in the definition of criminal offence proposed by the Supreme Court of the Russian Federation are identified and a way to overcome them is proposed. The author also proposed an understanding of the integration of criminal offence into the Russian criminal law and established its importance for the differentiation of criminal responsibility. Based on the analysis and comparison of the institutions under consideration, the conclusion is made about the prospects of consolidating the connection of administrative prejudice with criminal offence, not with crime.

Keywords: administrative prejudice, criminal legislature, crime, criminal offence, criminal liability, minor offence, a category of crimes, the differentiation of criminal responsibility, liberalization and humanization of criminal legislation.

кодекс Российской Федерации в 2016 году статья 76.2, согласно которой лица, впервые совершившие преступление небольшой или средней тяжести, могут быть освобождены судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Некоторые авторы, как Д.Ю. Корсун, вдохновленные Постановлением Пленума Верховного Суда от 31 июля 2015 года № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и по вопросам совершенствования оснований и

порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», предлагали введение в российскую правовую систему категории «уголовный проступок» [1].

В то же время, Е.В. Рогова обосновала необходимость законодательного закрепления категории уголовного проступка в уголовном законодательстве Российской Федерации на основании анализа социальной обусловленности, указав на прогнозируемые положительные последствия такого решения, в том числе для судебной статистики [2]. В.В. Фирсов, исследуя социальную обусловленность и перспективы включения категории «уголовный проступок» в уголовное законодательство Российской Федерации, делает вывод о том, что «на данном этапе развития нашего государства включение в уголовное законодательство категории «уголовный проступок», является нецелесообразным и практически не осуществимым», отмечая, что «реформирование российского уголовного права в данной области, целесообразно только после системного изучения понятия и содержания категории «уголовный проступок», определения организационных средств и методов использования данного правового института в уголовном законодательстве Российской Федерации» [3].

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия «уголовный проступок» предложено дополнить часть 2 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, определив, что уголовным проступком признается «преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы» [4].

Можно сделать вывод о том, что предлагаемый Верховным Судом Российской Федерации законопроект, является дальнейшим развитием новелл, введенных статьями 76.1 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как по новому (императивно) закрепляет освобождение от уголовной ответственности (и, соответственно, от судимости) с наказанием в виде штрафа, обязательных или исправительных работ.

Средства массовой информации со ссылкой на заявление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева в мае 2018 г. сообщили о внесении Верховным Судом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации понятия «уголовного

проступка» [5]. Каких-либо подробностей о вышеуказанном законопроекте (далее – Законопроект, вводящий понятие уголовного проступка) приведено не было, на момент написания настоящей статьи (ноябрь 2018) в базе данных законопроектов на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации указанный законопроект отсутствует, что позволяет констатировать факт отсутствия в настоящее время в российской правовой системе законодательного определения уголовного проступка.

Данный факт можно объяснить тем, что Правительство Российской Федерации раскритиковало Законопроект, вводящий понятие «уголовный проступок», в связи с тем, что «новации могут нарушить права потерпевших и повлечь дополнительные бюджетные расходы» [6]. Также, противниками Законопроекта, вводящего это понятие, могут быть использованы доводы о том, введение в уголовный закон понятия «уголовный проступок» может негативно сказаться на профилактике более тяжких преступлений или о том, что такое нововведение неактуально в связи с тем, что подавляющее большинство дел о впервые совершенных преступлениях небольшой тяжести прекращается в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием.

Вместе с тем, официальный отзыв на Законопроект, вводящий понятие «уголовный проступок», на официальном сайте Правительства Российской Федерации указанный законопроект отсутствует, что, возможно, даст время заинтересованным сторонам привести новые и дополнительные аргументы. Так, например, давно назревшие нововведения, связанные с применением института уголовного проступка, не могут быть отвергнуты лишь на основании предположений, что они увеличат нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительной системы и могут потребовать дополнительного бюджетного финансирования, тем более, что применение наказания преимущественно в виде крупных штрафов способствует пополнению бюджета. Также, обращает на себя внимание отсутствие дискуссии о том, что в отсутствие наказания в виде судимости представляется перспективным и значительным:

– о конкретном перечне деяний, которые возможно отнести к уголовным проступкам;

– о формулировании предполагаемых санкций статей – например, очевидно, что в отсутствие наказания в виде судимости судебные штрафы должны вырасти.

Необходимо отметить, что предложенное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации отнесение уголовного проступка к категории преступлений небольшой тяжести вступает в противоречие с позицией ряда ученых, которые уязвляют сущность уголовного проступка не столько с отсутствием наказания в виде лишения свободы, сколько с признанием уголовного проступка малозначительной формой общественно опасного деяния. Примером может являться перспективное, на наш взгляд, определение,

предложенное Д.Ю. Корсуном, призванное заменить в части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации понятие малозначительного деяния: уголовным проступком следует считать «виновно совершенное деяние, способное причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой любого из предусмотренных наказаний, кроме лишения свободы. Уголовным проступком также признается действие (бездействие), формально содержащее признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, однако в силу меньшей степени общественной опасности таковым не являющимся» [7].

Вышеуказанное определение также позволит избежать предполагаемого нивелирования эффекта от введения института уголовного проступка применением судами статей 75 и 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающими освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим. Вышеуказанные статьи применимы только к преступлениям небольшой и средней тяжести, но не охватывают уголовный проступок, в случае определения его не через преступление небольшой тяжести.

Весьма спорной представляется позиция авторов, считающих необходимым выделение в уголовном законе в отдельную категорию преступлений малой тяжести [8]. Так, О.А. Михаль, еще в 2009 году предложивший деление преступлений на отдельные группы, содержащие и не содержащие наказание в виде лишения свободы, совместно с Ю.А. Власовым, раскрывают понятие категории преступлений малой тяжести в качестве «менее вредных для общественных отношений, чем преступления небольшой тяжести, от которых она отличается своим характером (видом), поскольку содержит лишь наказания, не связанные с лишением свободы», но при этом настаивая на более высокой, чем у уголовного проступка, общественной опасности [9]. Поддерживающая введение в уголовный закон категории «преступления малой тяжести», Л.О. Павлова остановилась на смешанном определении «преступления малой тяжести (уголовные проступки» [10].

Несмотря на то, что использование категории уголовного проступка является, пожалуй, единственной реальной альтернативой механизму административной преюдиции, авторами, поддерживающими идею введения категории «уголовный проступок», она рассматривается для гуманизации уголовного законодательства РФ в отношении преступлений небольшой тяжести.

Предложение авторов Законопроекта, вводящего понятие уголовного проступка, направлено на выделение в преступлениях одной категории – небольшой тяжести – группы преступлений, обладающих привилегированным статусом (не предусматривающих наказание в виде лишения свободы).

На наш взгляд, как позитивные следует рассматривать следующие новеллы указанного законопроекта:

– новые редакции статей 76.2, 78, 79, 83, 90 Уголовного кодекса Российской Федерации, интегрирующие уголовный проступок в правила освобождения от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера, исчислением течения сроков давности, применением условно-досрочного освобождения, применением принудительных мер воспитательного воздействия;

– статьи 104.3.1, 104.6, 104.7, 104.8 Уголовного кодекса Российской Федерации, дополняющие уголовный закон иными мерами уголовно-правового характера, применяемыми при освобождении от уголовной ответственности, в том числе в случае совершения уголовного проступка.

Вышеуказанные предложения законопроекта, вводящего понятие уголовного проступка, направлены на установление границ с преступлениями, обладающими более высокими общественной опасностью и репрессивным потенциалом санкций.

По нашему мнению, в Законопроекте, вводящем понятие уголовного проступка, должны содержаться изменения не только статей Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, но также и изменения, исключающие наказание в виде лишения свободы за правонарушения, отнесенные к категории уголовных проступков, в том числе те, в отношении которых в настоящее время применяется механизм административной преюдиции.

Несмотря на перспективность и позитивность большинства изменений, предлагаемых Законопроектом, вводящим понятие уголовного проступка, он имеет существенный изъян – это ранее упомянутое в настоящей статье определение уголовного проступка через преступление небольшой тяжести, которое размывает условную грань в основаниях криминализации и пенализации деяний, особенно в части соотношения уголовного проступка и не являющегося преступлением малозначительного деяния. Именно нарушение существующей в настоящее время системы деления преступлений на четыре устойчивые категории вызывает несогласие с предложенным в Законопроекте, вводящем понятие уголовного проступка, определением, поскольку деяния, представляющие наименьшую общественную опасность, уже выделены законодателем в статью 15 Уголовного кодекса Российской Федерации в категорию преступлений небольшой тяжести. административной ответственности. Введение в уголовный закон понятия «уголовный проступок» через преступление небольшой тяжести создает неопределенность в его правовой природе. Возможно, именно жесткое доктринальное разграничение преступлений и административных правонарушений по признаку наличия общественной опасности, сложившееся в российской правовой системе, и явилось причиной неспособности авторов Законопроекта, во-

дящего понятие «уголовный проступок», интегрировать в него как упомянутые в настоящей статье предложения ученых, так и надлежаще реализовать идею уголовного проступка, которую Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, являющийся идеологом такого нововведения, еще в 2016 г. определял как «не преступление, это ниже, но и строже административного наказания» [11].

В ситуации жесткого разграничения преступлений и административных правонарушений находится и институт административной преюдиции, главную проблему которого в российском уголовном праве достаточно легко определить – она отражена в научных работах значительного количества ученых и состоит в том, что «количество проступков неспособно перерасти в качество преступления» [12]. Институты административной преюдиции и уголовного проступка призваны урегулировать фактически имеющие место деяния, отнесение которых к административному правонарушению или преступлению в рамках существующей парадигмы затруднено. Вместе с тем, в последние годы законодатель последовательно игнорировал вышеуказанное мнение, значительно расширив применение механизма административной преюдиции в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Отсутствие в российском праве института уголовного проступка при взятом курсе законодателя на либерализацию и гуманизацию уголовного закона, вынуждает его расширять перечень преступлений, при совершении которых впервые лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба – так, например, законопроектом № 593998-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу Российской Федерации Президентом Российской Федерации 24 ноября 2018 г., предлагается дополнить ч. 2 ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации девятью преступлениями небольшой тяжести (ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации) и одним средней тяжести (ч. 5-7 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации) [13]. Вышеуказанным законопроектом также предлагается дополнить примечание к ст. 145.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации императивным освобождением лица, впервые совершившего частями первой или второй вышеуказанной статьи, если оно «в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, а также уплатило проценты (выплатило денежную компенсацию) в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Изложенное позволяет высоко оценить перспективы интеграции в уголовный закон своеобразного связующего звена между административ-

ным правонарушением и уголовным преступлением – уголовный проступок, как непреступное правонарушение, не представляющее значительной общественной опасности – создав, таким образом, трехзвенную систему «административные правонарушения – уголовные проступки – преступления», призванную более детально дифференцировать деяния в зависимости от их общественной опасности.

Закрепление связи административной преюдиции с уголовным проступком, а не с преступлением, позволит нивелировать указанные в настоящей статье доводы о неспособности количества административных правонарушений перерасти в качественно новое явление – преступление, тем самым обеспечив устойчивое наличие в уголовном законодательстве Российской Федерации гибкого и современного механизма административной преюдиции, направленного на гуманизацию уголовного законодательства. Именно такая интеграция позволит реализовать еще далекую от совершенства идею введения в российскую правовую систему понятия «уголовный проступок», преодолев тот стоп-фактор, из-за которого дважды анонсированный законопроект до сих пор не рассмотрен Государственной Думой Российской Федерации.

Вместе с тем, в случае реализации в российском законодательстве взаимосвязанной системы «административные правонарушения – уголовные проступки – преступления», законодателю предстоит решить и логически вытекающий из такого решения вопрос (рассмотрение которого не входит в предмет настоящей статьи) об утверждении перечня деяний, которые будут признаваться уголовными проступками при их совершении, и правонарушений, которые признаваться уголовными проступками при помощи института административной преюдиции. Нам представляется, что применение административной преюдиции при наличии в уголовном законодательстве уголовного проступка должно быть весьма ограничено с целью сохранения эффекта предупреждения новых преступлений.

В научном сообществе имеется также иная точка зрения – необходимость при введении уголовного проступка исключить из Уголовного кодекса нормы, касающиеся административной преюдиции. Так, по оценке Н.А. Лопашенко, если в законодательстве останется и административная преюдиция, и проступки, сотрется грань между уголовными и административными нормами [14].

Важно подчеркнуть, что проблематика правовой регламентации взаимодействия институтов административной преюдиции и уголовного проступка требует слаженного межотраслевого взаимодействия норм административного и уголовного права, представляет значительный интерес для специалистов. Необходимость исследования такого взаимодействия имеет прямое практическое значение, поскольку неправильно выстроенное взаимодействие может повлечь, например, отсутствие реальной защиты прав и законных интересов, в том числе несовершеннолетних.

Литература:

1. *Корсун Д.Ю.* «О законопроекте Верховного суда РФ, связанного с декриминализацией преступлений небольшой тяжести, а также предложение по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок» // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 88–94.
2. *Рогова Е.В.* Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве. // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3. С. 70–76.
3. *Фирсов В.В.* Уголовный проступок: социальная обусловленность и перспективы включения в уголовное законодательство Российской Федерации // Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. 2017. С. 505–513.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект Федерального закона. URL : <http://www.vsrif.ru/files/24307/>
5. В Госдуму внесен законопроект об «уголовном проступке». Международная информационная группа «Интерфакс». URL : <http://www.interfax.ru/russia/613745> (дата доступа 20.11.2018 г.
6. *Берсенева Т.* Уголовный проступок не вошел в бюджет и Конституцию. Мультимедийный информационный центр «Известия». URL : <https://iz.ru/765757/tatiana-berseneva/ugolovnyi-prostupok-ne-vpisalsia-v-biudzheth-i-konstitutciiu> (дата доступа: 20.11.2018).
7. *Корсун Д.Ю.* «О законопроекте Верховного суда РФ, связанного с декриминализацией преступлений небольшой тяжести, а также предложение по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок» // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 88–94.
8. *Михаль О.А.* Уголовно-правовая классификация преступлений. Омск, 2009.
9. *Михаль О.А.* Об уголовном проступке в российском уголовном праве / О.А. Михаль, Ю.А. Власов // Современное право. 2014. № 3. С. 110–115.
10. *Павлова Л.О.* Уголовный проступок как перспектива углубления дифференциации уголовной ответственности // Научный альманах. 2017. № 2-1(28). С. 360–363.
11. *Лебедев В.С.* РФ вновь выступит с инициативой декриминализации УК. Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL : <http://tass.ru/obschestvo/3468098> (дата доступа: 20.11.2018).

Literature:

1. *Korsun D.Yu.* «About the bill of the Supreme Court of the Russian Federation connected with decriminalization of crimes of small weight and also the offer on introduction to the legal system of the Russian Federation of category «criminal offence» // Jurisprudence. 2016. № 2. P. 88–94.
2. *Rogova E.V.* Social conditionality of category of criminal offense in modern criminal law.//Siberian legal messenger. 2015. № 3. P. 70–76.
3. *Firsov V.V.* Criminal offense: social conditionality and prospects of inclusion in the criminal legislation of the Russian Federation // Collection of materials of the All-Russian scientific-theoretical conference of cadets and students of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, students of liberal arts colleges, graduates in a military academy, graduate students and applicants. 2017. P. 505–513.
4. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with introduction of a concept of criminal offense: draft federal law. URL : <http://www.vsrif.ru/files/24307/>
5. The bill of «criminal offense» is introduced to the State Duma. International information Interfax group. URL : <http://www.interfax.ru/russia/613745> (date of access: 20.11.2018).
6. *Berseneva T.* Criminal offense was not entered in the budget and the Constitution. Multimedia information center Izvestia. URL : <https://iz.ru/765757/tatiana-berseneva/ugolovnyi-prostupok-ne-vpisalsia-v-biudzheth-i-konstitutciiu> (date of access: 20.11.2018).
7. *Korsun D.Yu.* «About the bill of the Supreme Court of the Russian Federation connected with decriminalization of crimes of small weight and also the offer on introduction to the legal system of the Russian Federation of category «criminal offence» // Jurisprudence. 2016. № 2. P. 88–94.
8. *Mikhal O.A.* Criminal classification of crimes. Omsk, 2009.
9. *Mikhal O.A.* About criminal offense in the Russian criminal law / O.A. Mikhal, Yu.A. Vlasov // The Modern right. 2014. № 3. P. 110–115.
10. *Pavlova L.O.* Criminal offense as prospect of deepening of differentiation of criminal liability // Scientific almanac. 2017. № 2-1(28). P. 360–363.
11. *Lebedev V.S.* Russian Armed Forces will take the initiative of decriminalization of UK again. ITAR-TASS News Agency (ITAR-TASS). URL : <http://tass.ru/obschestvo/3468098> (date of access 20.11.2018).

12. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. № 1. 2003. С. 6.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона. URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7>

14. Мнения экспертов о необходимости введения уголовного проступка разделились. Юридический портал LigaZakon.ru. URL : <http://www.ligazakon.ru/main/20176-mneniya-ekspertov-o-neobhodimosti-vvedeniya-ugolovnogo-prostupka-razdelilis.html> (дата доступа: 20.11.2018).

12. Kuznetsova N.F. Seven years to the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow university. Series 11. № 1. 2003. P. 6.

13. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: draft federal law. URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7>

14. Opinions of experts on need of introduction of criminal offense were shared. Legal LigaZakon.ru portal. URL : <http://www.ligazakon.ru/main/20176-mneniya-ekspertov-o-neobhodimosti-vvedeniya-ugolovnogo-prostupka-razdelilis.html> (date of access 20.11.2018).

Тузов Александр Иванович

кандидат биологических наук,
доцент кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД
oleg_wkelia@mail.ru

Бунова Оксана Валерьевна

старший преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД
oleg_wkelia@mail.ru

Куреев Виктор Викторович

преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД
oleg_wkelia@mail.ru

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЙ ТРАВМАТИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние дорожно-транспортного травматизма на демографическую концепцию, а также – на экономическое развитие страны. Проводится анализ проведённых мероприятий, направленных на снижение погибших и травмированных при дорожно-транспортных происшествиях. Проведено сравнение принимаемых мер в Европе и в нашей стране, которые направлены на снижение смертности при дорожно-транспортных происшествиях. Проведённый разносторонний анализ позволил предложить рекомендательные меры, позволяющие снизить уровень травматизма при дорожно-транспортных происшествиях и повысить общий уровень национальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, дорожно-транспортный травматизм, национальная безопасность, пострадавшие, погибшие.

■ ■ ■

В современной России не теряет актуальность вопрос дорожно-транспортного травматизма. Он имеет важное значение по многим причинам и, в первую очередь потому, что представляет угрозу национальной безопасности страны. Дорожно-транспортный травматизм не-

Aleksandr I. Tuzov

Candidate of Biology
Associate Professor
of Department of Administrative Activity
of Law-enforcement bodies,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
oleg_wkelia@mail.ru

Oksana V. Bunova

Senior Teacher of Department
of Administrative Activity
of Law-enforcement bodies,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
oleg_wkelia@mail.ru

Viktor V. Kureev

Teacher of Department
of Administrative Activity
of Law-enforcement bodies,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
oleg_wkelia@mail.ru

ROAD TRAFFIC INJURY AS A THREAT TO NATIONAL SAFETY

■ ■ ■

Annotation. This article discusses the impact of road traffic injuries on the demographic concept, as well as the economic development of the country. The analysis of the measures taken to reduce the dead and injured in road accidents. A comparison was made of measures taken in Europe and in our country that are aimed at reducing mortality in road traffic accidents. Conducted a comprehensive analysis allowed to propose recommendatory measures to reduce injuries in road traffic accidents and improve the overall level of national security).

Keywords: safety, road traffic injuries, national security, victims, dead.

■ ■ ■

сет в себе как моральный вред гражданам, так и материальный, семьям, обществу и государству, в целом.

Один из ключевых моментов значимости данного вопроса является смертность в результате до-

рожно-транспортных происшествий. За последние десять лет в нашей стране на дорогах погибло около 300 тысяч человек, при этом социально-экономический ущерб составил более 8000 млрд рублей [3]. Теряя трудоспособное население, страна несет убытки от недополученной прибыли, также размер убытков увеличивается в результате затрат на лечение и различные социальные выплаты по инвалидности. Экономический ущерб от дорожно-транспортных происшествий в нашей стране составляет почти 2,5 % от валового внутреннего продукта страны [3]. Повышение безопасности дорожного движения также необходимо для реализации Концепции демографической политики нашей страны путем сохранения жизни граждан в трудоспособном возрасте, снижения темпов естественной убыли населения и создание условий для роста его численности.

Анализируя данные цифры, можно заметить, какой колоссальный ущерб в целом наносится государству, создавая угрозу национальной безопасности страны. Данный вопрос не может быть незамеченным и требует принятия самых решительных и действенных мер.

Правительство страны постоянно ведет работу, направленную на изменение данной ситуации в лучшую сторону. Начиная с 2006 года, принимаются меры по снижению количества погибших и травмированных при дорожно-транспортных происшествиях.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.02.2006 № 100 была принята федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» [1]. Основными целями данной программы являлось: «сокращение количества лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, в 1,5 раза в 2012 году по сравнению с 2004 годом.

За 6 лет удалось достигнуть значительных результатов в снижении дорожно-транспортного травматизма, но данный показатель на момент завершения программы продолжал оставаться высоким. В связи с этим возникла необходимость дополнительных мер по дальнейшему снижению дорожно-транспортного травматизма, в связи с этим по завершению федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» было принято решение о необходимости принятия новой федеральной программы, рассчитанной на последующую реализацию. Так, в 2013 году была утверждена федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [2]. Целью программы явилось сокращение смертности от дорожно-транспортных происшествий к 2020 году на 8 тыс. человек (28,82 %) по сравнению с 2012 годом. Показатели травматизма сокращаются при реализации каждой программы в установленных параметрах, но по количеству пострада-

давших и погибших на наших дорогах наша страна все равно не может подняться в мировой статистике выше среднего уровня.

Проведенный анализ статистики смертельных ДТП показывает, что они в основном происходят на значительных удалениях, как от населенных пунктов, так и от медицинских учреждений, обладающих возможностью оказания высококвалифицированной медицинской помощи, а также не достаточным уровнем первой помощи.

Резюмируя изложенное, для решения проблемы дорожно-транспортного травматизма необходим системный подход, который затрагивает сферы следующих концепций Российской Федерации: экономической безопасности, национальной безопасности, демографической политики, внешней политики, общественной безопасности, государственной миграционной политики и транспортной стратегии. На наш взгляд, основным подходом к решению проблемы смертности и потере здоровья в виде инвалидности полученной в результате дорожно-транспортных происшествий, можно считать своевременность и квалифицированность оказываемой помощи пострадавшим. С целью повышения выживаемости пострадавших при ДТП можно предложить следующие меры:

- развитие и расширение применения санитарной авиации;
- при значительных удалениях населенных пунктов друг от друга создание на трассах, их соединяющих, спасательных центров с автомобилями быстрого реагирования;
- распределить зоны ответственности пунктов «скорой помощи» не по административно-территориальному принципу, а по принципу доступности по временному показателю;
- пересмотреть оснащение автомобилей «скорой помощи» с целью обеспечения современным медицинским оборудованием, средствами и медикаментами в достаточном количестве;
- при лечебных учреждениях, находящихся вблизи трасс, организовать специализированные отделения с возможностью оказания квалифицированной помощи при сочетанных травмах;
- расширить курс первой помощи при подготовке водителей транспортных средств;
- с сотрудниками ДПС проводить дополнительные занятия по вопросам оказания первой помощи.

Реализация предложенных мероприятий, по нашему мнению, позволит значительно повысить эффективность программы по повышению безопасности дорожного движения и достичь указанных в программе показателей по снижению дорожно-транспортного травматизма.

Литература:

1. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах»: Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 100 // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 февраля 2006 г. № 9. Ст. 1020.
2. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»: Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 октября 2013 г. № 41. Ст. 5183
3. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы: Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 2018 г. № 5. Ст. 774.

Literature:

1. About the federal target program «Increase in Traffic Safety in 2006–2012»: Resolution of the Government of the Russian Federation of February 20, 2006. № 100 // Russian Federation Code of February 27. 2006. № 9. St. 1020.
2. About the federal target program «Increase in Traffic Safety in 2013–2020». Resolution of the Government of the Russian Federation of October 3, 2013 № 864 // Russian Federation Code of October 14. 2013. № 41. St. 5183.
3. The strategy of traffic safety in the Russian Federation for 2018-2024: Order of the Government of the Russian Federation of January 8, 2018 № 1-r // Russian Federation Code of January 29. 2018 № 5. St. 774.

Узгорская Ирина Александровна
преподаватель
кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
Irina-uzgorskaja@rambler.ru

Вопросы применения денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения при производстве предварительного расследования: проблемы теории и практики

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы применения денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения. С учетом правоприменительной практики предложены пути решения проблемных вопросов, связанных с применением денежного взыскания.

Ключевые слова: предварительное расследование, процессуальные обязанности, обеспечение порядка уголовного судопроизводства, иные меры процессуального принуждения, денежное взыскание, порядок наложения денежного взыскания

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает ряд иных мер процессуального принуждения для участников уголовного судопроизводства. Причем, в нынешних условиях одним из немаловажных и, быть может, определяющим является экономическое состояние страны, которое обуславливает потребность перехода на организацию противодействия производства по уголовным делам с менее затратными в имущественном плане юридическими средствами [1].

Так, к подозреваемому или обвиняемому могут применяться следующие меры процессуального принуждения: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. К потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому могут применяться: обязательство о явке, привод, денежное взыскание.

Далеко не всегда участники уголовного судопроизводства в добровольном порядке исполняют свои процессуальные обязанности, которые чет-

Irina A. Uzgorskaya
Lecturer of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Irina-uzgorskaja@rambler.ru

ISSUES OF THE USE OF A MONETARY PENALTY AS A DIFFERENT MEASURE OF PROCEDURAL COERCION DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. The article discusses the problematic issues of the use of monetary collection as a different measure of procedural coercion. Taking into account the law-enforcement practice, the ways of solving the problematic issues associated with the use of monetary recovery were proposed.

Keywords: preliminary investigation, procedural duties, ensuring the order of criminal proceedings, other measures of procedural coercion, monetary recovery, the procedure for imposing a monetary recovery.

ко прописаны в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Так, например, органы, осуществляющие предварительное расследование в форме дознания и предварительного следствия очень часто сталкиваются с ситуацией, когда на стадии предварительного расследования участники уголовного судопроизводства (потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик и (или) понятой), вызываемые на допросы или иные следственные действия, не являются к следователю, дознавателю без уважительной на то причины, хотя согласно уголовно-процессуального законодательства это является их обязанностью. Именно в таких случаях возникает необходимость применения иной меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания в целях обеспечения порядка уголовного судопроизводства.

Указанная проблема является актуальной, так как в связи с ненадлежащим исполнением перечисленными участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей,

предварительное расследование не может быть окончено в разумный срок.

В практической деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, такие ситуации складываются довольно часто. Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность денежного взыскания с участников уголовного судопроизводства, не исполняющих требования закона.

Нормой, предусматривающей применение иных мер процессуального принуждения, а именно денежного взыскания, на стадии предварительного расследования является п. 3 ч. 2 ст. 111 Уголовно-процессуального кодекса РФ, где четко сказано, что в целях обеспечения установленного Уголовно-процессуальным кодексом РФ порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора дознаватель, следователь или суд вправе применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому такую меру как обязательство о явке, привод и денежное взыскание [2].

В ст. 117 и ст. 118 Уголовно-процессуального кодекса РФ идет разъяснение о самом денежном взыскании и порядке его наложения.

Так, в ст. 118 Уголовно-процессуального кодекса указано, что денежное взыскание налагается судом, и если оно допущено в ходе досудебного производства, то дознаватель, следователь составляет протокол о нарушении, который направляется в районный суд и подлежит рассмотрению судьей в течение 5 суток с момента его поступления в суд. Так же в данной статье указано, что к протоколу о нарушении, который направляется в районный суд, прилагается информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов, на перечисление суммы денежного взыскания, предусмотренными законодательством РФ о национальной платежной системе. В судебное заседание вызываются лицо, на которое может быть наложено денежное взыскание, и лицо, составившее протокол.

Так, следователем СУ УВД по г. Сочи был составлен протокол о том, что потерпевшей К. были нарушены процессуальные обязанности, выразившиеся в не предоставлении ей образцов своего биологического материала, а именно слюны для производства биологической судебной экспертизы. Центральным районным судом г. Сочи при рассмотрении представленного следователем протокола и копии материалов уголовного дела вынесено постановление о наложении на потерпевшую К. денежного взыскания и обращении его в доход государства [3].

Также, денежное взыскание как мера процессуального принуждения может быть применена к лицу, являющимся поручителем в соответствии со ст. 103 УПК РФ. К их числу относятся: родители, опекуны, попечители и иные лица в соответ-

ствии с уголовно-процессуальной нормой, содержащейся в ст. 105 УПК РФ; присяжного заседателя, не явившегося в суд без уважительной причины, в соответствии с уголовно-процессуальной нормой, содержащейся в ч. 3 ст. 333 УПК РФ. Рассматриваемый вид нарушений является специфичным в силу одновременной многосубъектности совершенного неправомерного деяния, выраженный в совершении неправомерных действий как самим нарушителем в лице поручителя, так и подозреваемым или обвиняемым, а также установленной взаимосвязи между деянием и наступившими последствиями. Так, суд установил: действия родственников обвиняемого, активно способствовавших его неявке по вызовам к следователю, привели к нарушению меры пресечения в виде подписки о невыезде, объявлению его в розыск, затягиванию процесса [4]. Иными словами, правовых способов повлиять на поведение родственников обвиняемого правоприменители не имели. На основании изложенного, можно выдвинуть предположение о том, что денежное взыскание в качестве иной меры уголовно-процессуального принуждения должно дисциплинировать к надлежащему поведению родственников подозреваемого или обвиняемого.

В качестве примера, следователем СО по г. Сочи СУ СК РФ по Краснодарскому краю при производстве предварительного расследования по уголовному делу неоднократно были вызваны для производства очной ставки подозреваемый П. и его поручитель С. Неоднократные вызовы следователя для производства указанного следственного действия данными лицами были проигнорированы без предоставления какой-либо информации, имеющей уважительный характер неявки. Тем самым поручителем С. была нарушена уголовно-процессуальная норма, регламентированная ч. 4 ст. 103 УПК РФ, что дает возможность реализовать применение уголовно-процессуальной нормы, закрепленной в ст. 118 УПК РФ. По данному факту следователем был подготовлен протокол и копии материалов уголовного дела для направления в суд в целях наложения на поручителя С. денежного взыскания и обращении его в доход государства. Судом требования следователя, изложенные в протоколе были удовлетворены [3].

Таким образом, при нарушении потерпевшим, свидетелем, гражданским истцом, гражданским ответчиком, экспертом, специалистом, переводчиком и (или) понятым своих процессуальных обязанностей, предусмотренных нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, дознаватели, следователи должны составлять протокол о нарушении и направлять его в районный суд, где в дальнейшем будет принято решение. Однако, на практике возникают явные противоречия с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Так, в большинстве случаев, органы предварительного расследования, не применяя нормы уголовно-процессуального законодательства, направляют ходатайство начальнику отдела

участковых уполномоченных о том, чтобы последний возбудил административное производство в отношении лица, которое не исполняет свои процессуальные обязанности, в то время как в данном случае необходимо применение п. 3 ч. 2 ст. 111 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В вышеуказанном ходатайстве основанием для возбуждения административного производства является ст. 17.7 КоАП РФ, которая предусматривает административную ответственность за «умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении» [5]. В диспозиции ст. 17.7 КоАП РФ нет ни слова о возможности применения данной нормы органами предварительного расследова-

ния, осуществляющими дознание или предварительное следствие по уголовному делу.

В данном случае не только возникает вопрос, почему уполномоченные лица обращаются в другие подразделения органов внутренних дел для возбуждения административного производства, если есть четкая норма, прописанная в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, но и выявляется явное нарушение этих норм. Об основаниях для применения ст. 17.7 КоАП РФ в случае невыполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей не может идти и речи.

Учитывая выше изложенное, четко прописанная норма Уголовно-процессуального кодекса РФ должна применяться во всех случаях, когда она необходима, исключая при этом применение других схожих норм.

Литература:

1. Григорьев В.Н. О правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество. Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 162–167. Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России. Lexrussica. Т. LXIX. № 3. С. 551–567.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.10.2018) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.11.2018).
3. Архив Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края.
4. Курченко В.Н. Типичные ошибки при решении судами вопроса о заключении лица под стражу// Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 16–27.
5. Об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2001 года № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 16.11.2018).

Literature:

1. Grigoriev V.N. About legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation at seizure of property. Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 405. P. 162–167. Maslennikova L.N. The code of criminal procedure and prospects of development of criminal proceedings in Russia. Lex Rustica. Т. LXIX. № 3. P. 551–567.
2. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on October 21, 2017) // Consultant Plus: a comp. right legal system. URL : <http://www.consultant.ru> (date of appeal 06/11/2018).
3. Archive of the Central District Court of Sochi, Krasnodar Territory.
4. Kurchenko V.N. Typical mistakes in the decision of the courts on the detention of a person. Criminal proceeding. 2014. № 8. P. 16–27.
5. About administrative offenses: feder. The law grew. Federation of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on November 12, 2017) // Consultant Plus: comp. right legal system. URL : <http://www.consultant.ru> (date of appeal 11/16/2018).

Украинчик Алевтина Владимировна
старший преподаватель
кафедры уголовного и международного
права юридического факультета,
Пятигорский
государственный университет,
судья в отставке,
ukralevtina@gmail.com

Alevtina V. Ukrainchik
Senior Lecturer at the Law Department
of Criminal and International Law,
Institute of Pyatigorsk State University,
A retired judge
ukralevtina@gmail.com

ИСПОЛНИТЕЛЬ И ПОСОБНИК: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ

PERFORMER AND HELPER: CRITERIA OF DIFFERENTIATION OF ACTIONS OF ACCOMPLICES

Аннотация. Проблема отграничения пособнических действий от действий, составляющих исполнение преступления, всегда была в центре внимания ученых и всегда вызывала значительные сложности при ее правоприменительном разрешении. В статье предлагаются уточненные критерии разграничения пособника и исполнителя на основе содержательной характеристики пособнических действий. Доказывается, что устранение препятствий в исполнении преступления во время того, как исполнитель совершает действия, образующие объективную сторону преступления, следует также признавать исполнением преступления.

Annotation. The normative and doctrinal construction of complicity in Russian criminal law is based on the advantages of the accessory theory, limited by certain provisions of the doctrine of the independent responsibility of accomplices. Thus the starting point of a legal assessment of joint behavior of several persons as complicity in a crime is the fact of Commission by the performer of actions which contain structure of a crime. Without this fact the design of complicity cannot be created. The very same presence of the perpetrator as a procedural figure, the fact of bringing him to criminal responsibility and the form of its implementation to assess the actions of other persons as complicity in the crime does not affect.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; дифференциация видов соучастников; пособник преступления; исполнитель преступления; квалификация преступления.

Keywords: accessory; accessory theory; theory of self-responsibility of partners; the perpetrator; liability of the perpetrator

Проблема отграничения исполнительских действий от пособнических является одной из наиболее сложных. Закон дает определение пособника как лица, содействовавшего совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также как лица, заранее обещавшего скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно заранее обещавшего приобрести или сбыть такие предметы (ч. 5 ст. 33 УК РФ). При всей сложности этой формулы, по мнению Конституционного Суда РФ, ч. 5 ст. 33 УК РФ не содержит неопределенности, которая препятствовала бы лицу предвидеть правовые последствия своего поведения, и не может расцениваться как нарушающая конституционные права граждан [9].

образом, и, во-вторых, пособник, в отличие от исполнителя не выполняет и не участвует в исполнении объективной стороны преступления, а лишь содействует совершению преступления. При этом очевидно, что пособник может содействовать различным соучастникам, а потому вопрос об отграничении его поведения от исполнительства возникает лишь в том случае, когда он содействует именно исполнителю.

Решая задачи отграничения пособничества от исполнительства, важно обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, перечень пособнических действий дан в законе исчерпывающим

Пособническая деятельность традиционно трактовалась в науке как деятельность обеспечивательного характера, которая осуществляется либо до, либо после совершения преступления исполнителем. В таких ситуациях вопрос об ее отграничении от исполнительства, как правило не возникает. Вместе с тем, Н.С. Таганцев обратил внимание на важное обстоятельство. Если, согласно общего плана действий соучастников, исполнитель еще не приступил к выполнению объективной стороны преступления, но пособник уже выполнил полностью или частично свои действия (например, предоставил орудие преступления, ключи от квартиры для совершения кражи и т.д.), то «центром соучастия» становится

не исполнитель, а именно пособник, и сообразно с его деятельностью определяется ответственность прочих соучастников. Согласно предписаниям действующего законодательства (ч. 1 ст. 30 УК РФ), такие, по факту, пособнические действия, будут квалифицированы как приготовление к преступлению. Предполагаемый исполнитель, вошедший в сговор на совершение преступления, даже в отсутствие иных действий, непосредственно направленных на выполнение объективной стороны преступления, также будет нести ответственность за приготовление к преступлению. Ввиду отсутствия действий исполнителя соучастия в данном случае не создается и каждый из участников будет признан единолично действующим субъектом (специалисты, признающие наличие исполнителя вне связи с конструкцией соучастия, могут всех таких лиц называть исполнителями приготовления к преступлению). Однако как только исполнитель приступит к выполнению приготовительных действий (вне зависимости от того, будут ли пособником выполнены его действия), правовая оценка ситуации меняется кардинально. В силу акцессорных начал, центром соучастия становится исполнитель, и поведение пособника, вступившего в сговор на совершение преступления, будет квалифицировано как приготовление к пособничеству.

Гораздо сложнее ситуации, когда пособническая деятельность осуществляется в момент выполнения исполнителем объективной стороны состава преступления. Именно эти ситуации привели к формированию упомянутой ранее теории, согласно которой исполнители подразделяются на виновников первой и второй степени. Они же вызывают и наибольшую сложности на практике, связанные с необходимостью отграничить исполнителя второй степени от пособника. По оценкам экспертов, эти вопросы являются наиболее сложными в оценке соучастных действий, что подтверждают и многочисленные примеры изменения и обжалования судебных решений из практики высшей судебной инстанции.

На основе их анализа можно установить в частности,

– что, порой, суды ошибочно признают соисполнительством, а не пособничеством изготовление орудия убийства одним соучастником непосредственно во время его исполнения убийства вторым лицом [3];

– что преодоление сопротивления потерпевшего не в процессе исполнения объективной стороны преступления, а при доставлении его к месту совершения преступления (убийства) является именно пособничеством, а не соисполнительством [4; 5];

– что советы по сокрытию следов преступления, высказанные во время исполнения преступления (кражи) не могут признаваться соисполнительством, но образуют пособничество [2] и т.д.

Обширный эмпирический материал требует в данном случае обобщения и формулирования

неких общих правил и рекомендаций. Анализ же показывает, что проблема эта, как правило, ограничивается изучением частных вопросов, связанных с квалификацией по преимуществу трех преступлений: краж (или иных хищений), убийств и изнасилований. Обобщенные рекомендации имеются в небольшом количестве. Однако они, на наш взгляд, не являются в надежной степени результативными.

Так, например, ряд авторов предлагает исключить саму возможность признания исполнителями лиц, не выполнявших лично объективной стороны преступления. Основываясь (хотя и не ссылаясь) на идее Фейербаха о том, что исполнитель – лишь тот, чьи действия причинно связаны с последствиями, А.В. Ушаков пишет, что поведение любого иного соучастника по своему характеру и сущности может непосредственно вызвать лишь деяние исполнителя (соисполнителя), а не непосредственно ущерб объекту охраны [13, с. 17–18]. Его поддерживает А.П. Козлов, признавая, что при любой попытке расширить перечень исполнительских действий фигура пособника вовсе исчезает как категория уголовного права («о тех же, кто распоряжается на месте совершения преступления, вообще не стоит говорить, как об исполнителях») [8, с. 86–91]. Еще раньше против попыток расширить понятие исполнения за счет включения в него «всех действий, связанных с причинением преступного результата», «действий по оказанию помощи в момент совершения преступления» писал В.С. Прохоров [11, с. 11].

Как известно, ни практика, ни большинство ученых не поддержали такой идеи. Исполнительство второй степени, хотя и не называется так в науке прямо, тем не менее, реально присутствует в практике и на страницах отечественной юридической печати. В попытке обособить исполнительство от пособничества, Л.С. Белогриц-Котляревский предложил использовать в качестве дополнительного критерия субъективный фактор. Он писал: «В составе каждого преступления надо различать две категории действий:

а) такие, в которых преступление осуществляется с необходимостью, так сказать, главные непосредственные акты его воспроизведения, и

б) такие, которые принадлежат к срединной, нейтральной области, смотря по обстоятельствам, и главным образом, по характеру воли виновного, могут быть рассматриваемы или как действия исполнителя, или как помогающие способствующие». При этом действия последнего вида могут быть отнесены к исполнительским или пособническим, «преимущественно по соображению субъективной стороны деятеля.

А. и В., присутствующие при совершении взлома третьим – С. или держащие жертву за ноги, когда С. ее убивает, будут пособниками или виновниками, смотря на потому, были ли они только простым орудием планов С. или же они и сами того желали или, по крайней мере, относились к последствию безразлично» [1, с. 211–212]. При всей оригинальности подхода, думается все

же, что он не может претендовать на самостоятельность, поскольку, во-первых, пособники так же действуют с умыслом на причинение вреда, как и исполнители, а вопрос о том были ли они «просто орудием» является слишком умозрительным.

Свое понимание исполнителей предложил А.Н. Попов, аргументировав концепцию на основе изучения групповых убийств. Автор отмечает, что исполнитель не только сам по себе может быть причиной наступления общественно опасного последствия (смерти), но и может «совершить действия, которые непосредственно не вызывают смерть потерпевшего и не подавляют его сопротивление, но в совокупности с действиями других лиц выступают причиной смерти потерпевшего. Общим для всех данных случаев является то, что виновный объективно и субъективно объединяет свои усилия с усилиями иных лиц для достижения преступного результата» [10, с. 592]. Не оспаривая саму идею по существу, нельзя не отметить, что объединение усилий, о котором говорит автор (и на которое, кстати, ссылался еще Н.С. Таганцев) – есть признак соучастия как такового и он не позволяет в должной мере решить, относится ли объединяющее усилия лицо к категории исполнителей или пособников.

Обзор существующих в науке предложений можно продолжать. Но и представленного достаточно, чтобы понять главное: критерии разграничения пособников и исполнителей по преимуществу разрабатываются как частная проблема квалификации отдельных видов преступлений и не представлены с необходимой убедительностью как общее правило. Об этом, по сути, писал и М.И. Ковалев более полувека назад: «Наиболее точным признаком соисполнительства при любой форме преступной деятельности является признак выполнения действий совершения преступления. Признак участия в действиях совершения преступления, каким бы незначительным это участие ни было, присущ только исполнителю. Что же касается признаков, по которым следует отличать исполнителей от пособников в конкретных преступлениях, то их характер зависит от конкретной обрисовки состава преступления в законе. Поэтому действия, образующие исполнение преступления в одном составе, могут считаться пособничеством при совершении другого преступления» [7, с. 35].

Поддерживая этот вывод, нельзя вместе с тем, и признать его удовлетворительным для решения текущих задач правоприменения. В попытке предложить собственное решение проблемы обратимся, прежде всего, к представленному выше нормативному определению пособника. Внимательный анализ показывает, что далеко не все пособнические действия могут претендовать на статус близких к действиям исполнителя.

Должно быть очевидным, что предоставление орудий совершения преступления, высказанные заранее обещания скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступ-

ным путем, а также обещание приобрести или сбыть такие предметы, ни при каких обстоятельствах объективно не могут претендовать на статус действий исполнителя. В некоторых (нечастых) случаях такие действия могут сами по себе составлять исполнение какого-либо преступления (например, превышения полномочий или оборота оружия), но в данном случае они требуют самостоятельной квалификации по правилам совокупности. Применительно же к преступлению, в отношении которого такие действия оказывают содействие, признать их исполнением или участием в исполнении не представляется возможным, так как они носят подчеркнуто обеспечительный характер и независимо от времени их реального совершения (обещание их совершения всегда дано заранее) не образуют элемента объективной стороны действий, непосредственно направленных на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны.

Другое дело, содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий. Следуя устоявшейся научной традиции, такие действия можно классифицировать на интеллектуальные и физические.

В этом случае интеллектуальное пособничество – советы, указания, предоставление информации, во-первых, надо отличать от подстрекательства (по моменту совершения действий), во-вторых, от организаторства (они соотносятся как часть и целое), и, в-третьих, от исполнительства. Отличие от исполнительства надо проводить в зависимости от того, насколько эти советы и указания имели определяющий, решающий характер; оставались ли они просто предоставлением информации или же поднялись на уровень интеллектуального руководства исполнением преступления, что можно приравнять к интеллектуальному участию в совершении общественно опасного деяния.

Физическое пособничество, которое надо отличать от исполнительства, – устранение препятствий в совершении преступления. Такие действия могут иметь место либо до выполнения действий исполнителем, либо непосредственно во время. Вопрос отграничения встает именно во втором случае, ибо любые действия, совершенные до момента начала выполнения объективной стороны преступления исполнителем, если они, конечно, не составляют части этой объективной стороны, обособленной хронологически или содержательно, не составляют участия в исполнении преступления. К примеру, отпирание двери хранилища, обособленное во времени от момента непосредственного изъятия имущества, есть часть исполнения хищения, а не устранение препятствий к его совершению, в тоже время, совершенное пусть и с применением насилия доставление жертвы изнасилования к месту совершения преступления, будет образовывать пособничество изнасилованию и не составляет часть объективной стороны.

Когда устранение препятствий для совершения преступления происходит во время исполнения объективной стороны исполнителем (исполнителем первой степени), необходимо четко отличать устранение препятствий к исполнению и устранение препятствий к совершению преступления. Так, например, «успокаивание» очевидцев и прохожих – есть содействие совершению, но оно никак не влияет на исполнение действий самим исполнителем, а потому признается пособничеством в совершении преступления, в то же время удержание жертвы (убийства) во время, когда исполнитель наносит ей ранения, также является устранением препятствий, но непосредственно самому исполнению преступления, а потому справедливо признается в судебной практике проявлением исполнения преступления. Таким образом, устранение препятствий в исполнении преступления во время того, как исполнитель совершает действия, образующие объективную сторону преступления, следует признавать также исполнением преступления.

В целом, в решении вопросов об отграничении пособничества от исполнения следует исходить из буквального толкования ч. 5 ст. 33 УК РФ и использовать подход, аналогичный тому, что предложил в свое время Н.С. Таганцев. Он писал, что если «рассматривать отдельные типы только с точки зрения характеристики их деятельности, то понятие пособничества обрисовывается сравнительно легко: все те соучастники, которые не являются ни исполнителями..., ни подстрекателями, должны быть признаны пособниками» [12, с. 344]. Нами предлагается использовать этот совет при обратной логике: все, что не является пособничеством (и при этом, разумеется, не является подстрекательством и организаторством) должно быть признано исполнением преступления, постольку поскольку соответствующие действия облегчают исполнителю непосредственное совершение деяний, образующих объективную сторону состава, и являются таким образом, неотъемлемой частью процесса исполнения преступления.

Литература:

1. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Птб.-Харьков : Южно-Русское книгоиздат., 1903.
2. Верховный Суд РФ. Дело № 08-АПУ18-1. Апелляционное определение от 13.02.2018 г. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1624500
3. Верховный Суд РФ. Дело № 127-АПУ15-10. Апелляционное определение от 23.12.2015 г. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1403194
4. Верховный Суд РФ. Дело № 14-АПУ18-2. Апелляционное определение от 27.02.2018 г. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1634644

В рассуждениях об отграничении пособничества от исполнительства, разумеется, нельзя пройти мимо вопроса о том, что в последнее время получила заметное распространение тенденция самостоятельной криминализации на уровне отдельных составов преступлений некоторых действий, объективно представляющих собой пособничество. Сама по себе она получает неоднозначную оценку среди исследователей. В.Ю. Шубина, к примеру, пишет, что в силу вносимых в закон корректив базовая структура института пособничества приобрела внутреннее противоречие (коллизию) между предписаниями *Общей* и *Особенной* частей УК РФ, «ибо в рамках последней (ст. 205, 291) вопреки первой из них (ч. 5 ст. 33) пособничество признается исполнением преступления». Для устранения отмеченной коллизии автор предлагает, с одной стороны, исключить ст. 205 и 291 из *Особенной* части УК, а с другой – расширить перечень способов пособничества в ч. 5 ст. 33 УК РФ [14, с. 8–9]. О том, что регулирование пособнических действий в *Особенной* части УК РФ при наличии в *Общей* части нормы, специально регламентирующей способы пособничества, является недопустимым пишет также С.А. Ершов [6, с. 10]. Не станем на страницах данной работы вступать в полемику по поводу этой большой и сложной проблемы, признаем лишь, что самостоятельная криминализация пособнических действий находится в полном усмотрении законодателя и в ряде случаев (разумеется, при соблюдении социально-криминологических, юридико-технических и прочих правил установления уголовного запрета) позволяет компенсировать пробелы в установлении оснований ответственности, вызываемые строгой акцессорностью соучастия (в частности, позволяет привлекать к ответственности «пособников» даже в отсутствие действий непосредственного исполнителя, что обеспечивает раннее предупреждений преступлений средствами двойной превенции). В силу описания пособнических действий в тексте диспозиции статьи *Особенной* части УК РФ как исполнительских, вопросы их отграничения собственно от пособничества не возникают.

Literature:

1. *Belyogritsy-Kotlyarevsky L.S.* Textbook of Russian criminal law general and special parts. Kiev-PTb.-Kharkov : South-Russian publishing hous, 1903.
2. Supreme Court of the Russian Federation № 08-APU 18-1 Appeal Determination of 13.02.2018. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1624500
3. Supreme Court of the Russian Federation № 127-1-APU15-10. Appeal determination of 23.12.2015. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1403194
4. Supreme Court of the Russian Federation No. 14--APU 18-2 Appeal Determination of 27.02.2018. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1634644

5. Верховный Суд РФ. Дело № 29-АПУ 18-1. Апелляционное определение от 12.07.2018 г. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1670128.
6. *Ershov S.A.* Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.
7. *Kovalev M.I.* Соучастие в преступлении. Часть 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности / М.И. Ковалев; Под ред. М.А. Ефимова. Свердловск : Б. и., 1962.
8. *Kozlov A.P.* Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.
9. Определение Конституционного Суда РФ № 1630-О от 19.07.2016 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Немова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации. URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision244965.pdf>
10. *Popov A.N.* Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
11. *Prohorov V.S.* Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962.
12. *Tagantsev N.S.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994.
13. *Ushakov A.V.* Групповое преступление и смежные с ним формы преступной деятельности : учеб. пособ. Калинин : КГУ, 1978.
14. *Shubina V.Ju.* Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
5. Supreme Court of the Russian Federation Appeal Determination № 29-APU 18-1 of 12.07.2018. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1670128.
6. *Ershov S.* Aiding in the general and particular parts of the criminal code : author. dis. ... PhD in Law. Saratov, 2014.
7. *Kovalev M.I.* Complicity in the crime. Part 2: types of accomplices and forms of participation in criminal activity / M.I. Kovalev; Under M.A. Yefimov's edition. Sverdlovsk : B.i , 1962.
8. *Kozlov A.P.* Partnership of the tradition and really. SPb. : Legal Press center, 2001.
9. Determination of the constitutional Court of the Russian Federation № 1630 -O of 19.07.2016. «On refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Nemov Aleksandr Sergeevichon violation of his constitutional rights by part five of article 33 of the Criminal code of the Russian Federation». URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision244965.pdf>
10. *Popov A.N.* Murder under aggravating circumstances. SPb. : Legal center Press, 2003.
11. *Prohorov V.S.* Complicity in a crime under sovetsky criminal law : author. dis. ... PhD in Law. L., 1962.
12. *Tagantsev N.* With the Russian criminal law lectures of the total in 2 v. V. 1 M., Nayka, 1994.
13. *Ushakov A.V.* Group crime and related forms of criminal activity : tutorial. Kalinin : KSU, 1978.
14. *Shubina V.Ju.* Institute of aiding in the commission of a crime criminal law and criminological aspects : author.dis... PhD in Law. Krasnodar, 2012.

Шингарева Наталья Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД РФ
имени В.Я. Кикотя
shingareva@list.ru

Журов Андрей Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД РФ
имени В.Я. Кикотя
zhurov67@mail.ru

Natalia V. Shingareva

Candidate of Law
Docent of State
and Law History Department,
Moscow University of
Ministry of Internal Affairs
named V.Ya. Kikotya
shingareva@list.ru

Andrey N. Zhurov

Candidate of Historical
Docent of State
and Law History Department,
Moscow University of
Ministry of Internal Affairs
named V.Ya. Kikotya
zhurov67@mail.ru

**ПОДГОТОВКА СЛЕДСТВЕННОЙ
РЕФОРМЫ 1860 г.
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**PREPARATION
OF THE INVESTIGATIVE
REFORM OF 1860
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается процесс подготовки реформы предварительного следствия 1860 г. В центре внимания автора находятся вопросы, связанные с предпосылками и причинами реформы, процессом подготовки нормативных актов, ставших правовой основой реформы, изучаются проекты отделения от полиции следствия. Автор делает вывод о том, что реформа предварительного следствия была обусловлена не столько беспокойством правительства об улучшении эффективности предварительного следствия и создания гарантий его независимости от административной власти, а необходимостью усиления местного управления накануне отмены крепостного права.

■ ■ ■

Annotation. The article discusses the process of preparing the reform of the preliminary investigation. In the centre of author's attention are questions related to the origins and reasons for the reform, the process of preparation of regulations became the legal basis of the reform, and studied the projects of the Department from the police investigation. The author concludes that the reform of the preliminary investigation was caused not so much by the government's concern about improving the effectiveness of the preliminary investigation and the creation of guarantees of its independence from the administrative authorities, but by the need to strengthen local government on the eve of the abolition of serfdom.

■ ■ ■

Ключевые слова: реформа, государственное управление, земская полиция, городская полиция, губернатор, следствие, судебный следователь.

■ ■ ■

Keywords: reform, public administration, provincial police, city police, the Governor, the investigation, coroner.

■ ■ ■

В 1855 г. министр внутренних дел С.С. Ланской обратил внимание императора Александра II на неудовлетворительное состояние земской и городской полиции, предложив реформировать данную сферу государственного управления.[1, с. 3–4] По сути своей, реформа полиции была идентична реформе уездного управления, так как вся полнота власти на уездном уровне была сосредоточена в руках земской полиции, обладавшей административно-исполнительными, судебно-следственными и хозяйственно-распорядительными функциями. В «Отче-

те о внутреннем управлении государством в 1855 г. по ведомству министра внутренних дел» было отмечено, что городская и земская полиция не всегда и не везде в должной мере выполняла свои служебные обязанности [2]. «От этого произошло крайнее недоверие народа к полиции, – заключал министр, – которое достигло до того, что каждый почти обыватель в случае какого-либо происшествия в его доме не спешит за помощью в полицию, а заботится о том, нельзя ли как-нибудь скрыться от нее дома. По понятиям народа наезд полицейских чиновников в дерев-

ню считается бедствием наравне с пожаром» [3, л. 27–27 об.]. Причины неудовлетворительно-го состояния земской полиции С.С. Ланской видел в структурном построении полиции, ее многочисленном и неквалифицированном составе.

В июле 1856 г. отчет был передан на рассмотрение Александру II. «Читал с большим любопытством, – отмечал император. – ...Обратить особенное внимание на все сии недостатки и сообщить, как сему помочь». [3, Л. 1, 30] 15 февраля 1858 г. Александр II на заседании Главного комитета по крестьянскому делу поручил министру внутренних дел С.С. Ланскому, министру юстиции В.Н. Панину и министру государственных имуществ М.Н. Муравьеву, а также члену Государственного совета Я.И. Ростовцеву разработать проект «Главных начал для устройства Уездного управления и Полиции». Члены этой Особой комиссии при Главном комитете по крестьянскому делу распределили обязанности по подготовке проектов между министерствами следующим образом: министерство юстиции взяло на себя разработку проектов учреждений по разбору споров между помещиками и крестьянами; министерство государственных имуществ – разработку проектов сельского управления; и, наконец, министерство внутренних дел - учреждение общего уездного полицейского управления [4, с. 568]. Было предписано «как можно скорее внести на рассмотрение Главного комитета по крестьянскому делу» проект главных начал, «на основании коих должно быть устроено местное управление».

Итогом работы стал проект, состоящий из 17 пунктов, в основе которых лежала идея укрепления централизации как средства достижения управляемости уездом. Во главе уезда ставился начальник, одновременно возглавляющий уездное управление, в котором на правах отделов функционировали земской суд и городническое правление, и уездную расправу, которой предполагалось поручить рассмотрение «недоразумений или спорных дел между помещиками и крестьянами» [3, л. 65–65 об.]. В каждом стане предусматривался становой исправник с помощниками [3, л. 66]. Уездный начальник провозглашался «главным в уезде блюстителем законов», все другие местные власти были обязаны исполнять его распоряжения. В проекте не говорилось ни слова об отделении от полиции следственных функций, в том числе и о передаче следствия в судебное ведомство.

В мае 1858 г. Главный комитет по крестьянскому делу с участием Александра II одобрил проект «Главных начал». Внесенные изменения не изменили лейтмотива проекта. Также, в сентябре 1858 г. была создана межминистерская комиссия под руководством Н. А. Милютин по обобщению «отзывов и соображений» губернаторов. Губернаторам и губернским комитетам предписывалось изложить свое мнение о возможности реализации положений «Главных начал» на практике, одновременно поручив министру внутренних дел проследить, чтобы вся переписка по этому проекту и сами проекты «не были публикуемы в газетах и журналах» [3, л. 98]. К октябрю 1858 г.

комиссией из представителей трех министерств были подготовлены и представлены министром внутренних дел в Главный комитет по крестьянскому делу «Свод отзывов начальников губерний о главных началах уездного управления и полиции» и «Соображения о главных началах уездного управления и полиции». Проект главных начал вызвал противоречивые отзывы из губерний: от полного одобрения до резкой критики. Содержание замечаний, в основном, сводилось к критике чрезмерных полномочий уездного начальника. Также, 11 из 40 губернаторов, представивших отзывы, высказались за отделение предварительного следствия от полиции, объясняя это тем, что следственная деятельность требует специальной юридической подготовки лица и соответствующих навыков. Предлагалось создать либо при уездном управлении, либо при земском суде, особых чиновников для производства следствий – следственных приставов. Вдобавок ряд губернаторов высказывались за разделение предварительного и формального следствия между становыми и следственными приставами. Киевский генерал-губернатор А.И. Васильчиков предлагал, чтобы предварительное следствие (дознание) осуществлялось становыми исправниками, а уездное управление, получив материалы дознания и, решив на их основании произвести формальное следствие, поручало бы его следственному приставу. Но даже эти робкие попытки придания предварительному следствию элементов самостоятельности встречали возражения со стороны правительства. Министр юстиции В.Н. Панин полагал, что «следственную часть неудобно совершенно отделить от полиции...», для производства следствия должны быть учреждены особые чиновники, но в прямом подчинении полиции.

Важность обсуждаемых вопросах отразилась в председательствовании императора на заседаниях Главного комитета с начала 1859 г. [4, с. 332, 333, 372–382]. Предполагалось укрепить земскую полицию путем создания особого должностного лица, назначаемого правительством, для руководства полицией: «сему лицу предоставить и большее значение, и большие права, и большую степень власти противу нынешнего исправника, поставив его чрез то в возможность действовать самостоятельно и немедленно для прекращения всяких неурядиц и беспорядков» [4, с. 332]. Неизбежно вставал вопрос о хозяйственно-распорядительных функциях полиции, однако, по высказыванию Н.А. Милютин, было «гораздо труднее положить разницу между хозяйством и полицией, нежели между полицией и судом» и «при устройстве уездного управления вообще стараться по возможности, власть судебную отделить от власти исполнительной» [4, с. 332].

Наряду с мерами, направленными на «усиление полицейской власти», такими, как объединение управления земской и городской полиций под началом уездного исправника, назначаемого правительством, увеличением содержания полицейским чиновникам и т.п., впервые официально признается отделение следственной части от полиции [5, с. 22]. Однако учреждение в уездах особых должностей следственных приставов

не являлось мерой, направленной на придание следственному аппарату независимости от административной власти. С одной стороны, следственные приставы причислялись к министерству юстиции. С другой стороны, содержание следственных приставов шло по полицейской части. И, наконец, в статье 16-й Главных начал использовался термин «следственная полиция» [5, с. 30]. Таким образом, правительственная концепция отделения следственной части от полиции заключалась в создании вне полицейского штата дополнительного следственного аппарата, осуществляющего следственные действия под контролем полиции и губернаторов.

Летом 1859 г. эта концепция воплотилась в проекте «Положения о следственных приставах» [5, с. 23]. Проект предусматривал учреждение при уездном суде и уголовной палате по два следственных пристава, которые назначались и увольнялись губернским начальством по представлению губернского прокурора. Следственные приставы не имели права объявлять о начале формального следствия. Оно могло быть назначено распоряжением уездного полицейского управления, постановлением судебных мест, предложением прокуроров и по распоряжениям гражданских губернаторов. Как видно из проекта отделение предварительного следствия от полиции рассматривалось лишь как средство ее освобождения от решения многочисленных проблем местной жизни с целью ее усиления накануне крестьянской реформы.

После того, как в 1859 г. в Комиссию был назначен Н.И. Стояновский, ему удалось принципиально изменить подход к этой проблеме. В отличие от предшествовавших проектов, предусматривавших механическое освобождение полиции от следственной функции, Н.И. Стояновский, на основе обобщения западноевропейского опыта и рассматривая этот вопрос с научной точки зрения, сделал вывод о том, что следствие должно принадлежать судебному ведомству. Процессуальный контроль за направлением предварительного следствия так же должен был принадлежать суду: «... никакая другая власть кроме суда, рассмотрению которого подлежит дело, не вправе останавливать производство при прекращении его или направлять его ход» [5, с. 25]. Назначение следственного пристава на должность предполагалось доверить министру юстиции по представлению губернского прокурора. Все эти идеи были изложены в записке, составленной Н.И. Стояновским, однако, 12 ноября 1859 г. императором были одобрены Главные основания нового устройства судебных мест, разработанные во 2 отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии под руководством Д.Н. Блудова.

Литература:

1. Извлечение из всеподданнейшего отчета г. Министра внутренних дел за 1858 г. // Журнал министерства внутренних дел. 1860. № 3.

В апреле 1860 г. проекты нового устройства земского управления, в том числе, и учреждение следственных судей, были направлены министром внутренних дел в Государственный совет. Их рассмотрению и реализации в полном объеме требовало значительных финансовых затрат и полного переустройства полиции, что также потребовало бы значительного времени, поэтому было решено, что в мае 1860 г. предметом рассмотрения в Особом присутствии Соединенных департаментов законов и гражданских и духовных дел Государственного совета и членов Главного комитета по крестьянскому делу должны быть только те статьи проектов, которые связаны с вопросам отделения следствия от полиции и которые «могут быть без особого неудобства применены к существующему порядку полицейского управления по уездам в видах облегчения его занятий и обязанностей» [5]. Одно из изменений коснулось названия следственных чиновников: «Слова: следственный судья, могут дать неправильное понятие об учреждении, потому что этот судья не судит, а собирает только данные, представляемые им на разрешение суда; он производит следствие и потому должен именоваться «следователем», но так как ныне следствия, из ведомства полиции, переходят в ведомство судов, то ... было бы назвать его: Судебным следователем» [5, л. 4]. Также происходит территориальное расширение полномочий судебных следователей на городскую территорию, в связи с тем, что предполагалось соединение земской и городской полиции, и, новые должности учреждались при уездных судах, юрисдикция которых не имела деления на городскую и уездную.

8 июня 1860 г. были утверждены «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» [6]. Фактически с этого времени возникли и существуют до сих пор в российском уголовном процессе две формы предварительного расследования – дознание и предварительное следствие. Таким образом, реформа предварительного следствия 1860 г. была продиктована не столько заботой правительства об улучшении эффективности предварительного следствия и обеспечении независимости следствия от административной власти, а в большей степени заботой об усилении местного управления накануне крестьянской реформы. В данной реформе правительство нашло компромисс между своими утилитарными устремлениями и западноевропейскими теоретическими идеями, лежащими в основе уголовного судопроизводства.

Literature:

1. Extract from the all-submitted report of The Minister of internal Affairs for 1858 // Journal of the Ministry of internal Affairs. 1860. № 3.

2. Отчет о внутреннем управлении государством в 1855 г. по ведомству министра внутренних дел. РГИА. Ф. 1284. Оп. 66. Д. 21.

3. РГИА. Ф. 1284. Оп. 66. Д. 21.

4. См.: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. ПГ., 1915.

5. Работы комиссии об уездных учреждениях. СПб., 1859. Ч. 1.

6. ПСЗ. Собр. 2. Т. Т. XXXV. Отд. 1. №№ 35890, 35891, 35892.

2. Report on the internal management of the state in 1855 by the Ministry of internal Affairs. RGIA. 1284. Op. 66. D. 21.

3. RGIA. 1284. Op. 66. D. 21.

4. See: Magazines and the Chief of the Secret committees on the peasant. PG., 1915.

5. The work of the Commission on County offices. SPb., 1859. Part 1.

6. PSZ. Coll. 2. Vol. XXXV. Otd. 1. №№ 35890, 35891, 35892.

Шкеля Олег Викторович

заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД, Краснодарский университет МВД России
oleg_wkelia@mail.ru

Oleg V. Shkelya

Deputy Head of the Department of the Administrative Activities, Department of Internal Affairs, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
oleg_wkelia@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE RESPONSIBILITY OF DRIVERS OF VEHICLES WHO ARE INTOXICATED

Аннотация. Статья посвящена анализу ответственности водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения в различные исторические периоды существования Российского государства. Изучены критерии определения состояния опьянения водителей транспортных средств.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the responsibility of drivers driving vehicles under the influence of alcohol during various historical periods of the existence of the Russian state. Studied the criteria for determining the state of intoxication of drivers of vehicles.

Ключевые слова: водитель, транспортное средство, штраф, лишение права управления, административный арест, состояние опьянение.

Keywords: driver, vehicle, fine, deprivation of the right to drive, administrative arrest, intoxication.

На дороге ежедневно выезжают миллионы водителей, которые, садясь за руль своего автомобиля, берут на себя огромную ответственность как за свою жизнь, так и за жизнь окружающих людей. Каждый год в мире в дорожно-транспортных происшествиях погибают 1,2 млн человек и около 50 млн получают травмы различной степени тяжести [1]. Особо тяжкие последствия наступают из-за «горе-водителей», которые позволяют себе управлять автомобилем в состоянии опьянения; именно из-за таких страдают невинные люди. Проводя исследование, связанное с ответственностью водителей автотранспортных средств, находящихся в состоянии опьянения, нельзя пройти мимо исторических основ зарождения такой ответственности.

алкогольного опьянения, наказывали на общих основаниях с трезвыми водителями.

Так, самый первый водитель транспортного средства, которого признали пьяным, был Джордж Смит. Он десятого сентября 1897 года, работая таксистом в Лондоне, управлял автомобилем и, не справившись с управлением, врезался в дом. При выяснении обстоятельств, Джордж Смит признался, что перед тем, как сесть за руль автомобиля выпил две или три кружки пива. За допущенное нарушение Джордж Смит был оштрафован на 20 шиллингов.

24 мая 1956 года постановлением Совета министров РСФСР «О мерах борьбы с авариями на автомобильном транспорте и городском электротранспорте» впервые была введена административная ответственность за управление в нетрезвом состоянии автомобильным, мотоциклетным и городским электротранспортом в виде лишения водительского удостоверения на один год.

Если проводить анализ советского периода нашей страны, то до середины 50-х годов XIX столетия водителей, совершивших ДТП в состоянии

19 июня 1968 года Президиум Верховного Совета РСФСР двумя указами ужесточил наказание за вождение пьяном виде. В случае повторного нарушения, совершенного в течение года, водитель наказывался лишением свободы на срок до одного года, исправительными работами или штрафом (статья 211.1 УК РСФСР). В случае повторного нарушения после возвращения водительского удостоверения, в течение трех лет, водитель снова лишался водительского удостоверения – на срок до трех лет.

20 июня 1984 года Верховный Совет РСФСР ввел в действие Кодекс РСФСР об административных нарушениях (КоАП РСФСР), в котором (статья 117) разрешалось наказывать за вождение в состоянии опьянения либо передачу другому водителю, находящемуся в состоянии опь-

янения, не только лишением права управления, но и уплатой штрафа в размере от 30 до 100 рублей. За повторное совершение правонарушения после возврата водительского удостоверения применялось такое же наказание.

В 1992 году статья 211.1 УК РСФСР была отменена. Тогда же конкретные денежные штрафы были заменены в КоАП РСФСР на эквиваленты в виде минимальных размеров оплаты труда (МРОТ). За управление в состоянии алкогольного опьянения было предусмотрено наказание в виде лишения прав на год или штраф в размере от одного до двух МРОТ. За повторное нарушение в течение года следовало лишение прав сроком от 1 года до 3 лет или штраф от двух до четырех МРОТ. Федеральным законом от 3 апреля 1997 г. штрафы были увеличены до 8–12 МРО) – за первое нарушение и 10–15 МРОТ – за повторное нарушение в течение года.

1 января 2002 года вступил в силу КоАП Российской Федерации, в котором наказание за управление транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения было прописано в статье 12.8. Однако за повторное совершение административного правонарушения ответственность не предусматривалась. За управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения была предусмотрена ответственность, в виде штрафа в размере от 10 до 20 МРОТ или лишение прав на срок в 1 год. 28 июля 2004 года президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал закон, отменяющий штрафы как альтернативу лишению права управления, при этом срок лишения был установлен в 1,5–2 лет.

24 июля 2007 года Владимир Владимирович Путин подписал изменения в закон, которые вернули наказания за повторные нарушения. Данным законом было введено наказание: лишение права управления на срок до 3 лет, административный арест на срок до 15 суток или штраф в размере до 5 тыс. рублей для лиц, которые не могут быть подвергнуты административному аресту.

13 февраля 2009 года Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев подписал закон, который ввел уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения в случае, если оно повлекло за собой смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека. Данное деяние предусматривало наказание на срок до 9 лет лишения свободы, в зависимости от тяжести совершенного преступления, и лишение права управления на срок до 3 лет. В 2011 году в качестве альтернативы лишения свободы суд получил право назначать нарушителю меру пресечения в виде принудительных работ. Хочется отметить, что до 2009 года данное деяние рассматривалось в соответствии со статьей 109 УК РФ «причинение смерти по неосторожности»

23 июля 2013 года Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон, который ужесточил ответственность водителей управляющих транспортными средствами в состоянии

опьянения и ввел в КоАП РФ: кроме лишения права управления был добавлен штраф в размере 30 тыс. рублей.

31 декабря 2014 года президент РФ Владимир Путин подписал закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения». Согласно поправкам, с 1 июля 2015 года водители транспортных средств, которые были повторно пойманы за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, уже подлежат уголовной ответственности и могут быть наказаны штрафом в размере от 200 тыс. до 300 тыс. рублей или лишением свободы на срок до 2 лет с лишением права управления до 3 лет. Ужесточена и ответственность для водителей, которые в состоянии опьянения совершили ДТП, в следствие которого погиб один человек: данные изменения предусматривают минимальный срок лишения свободы, и теперь судья вынося свое решение не может назначить срок менее 2-х лет лишения свободы. Также этим законом внесено ограничение запрещающее, занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [2].

Кроме постоянно изменяющихся наказаний за управление транспортными средствами, водителями, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, так же менялись критерии, на основании которых водителей признавали находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Так, в соответствии с Венской конвенцией 1968 года, в которой было отмечено, что страны могут самостоятельно устанавливать максимальное содержание алкоголя в крови у водителей, но не более 0,8 промилле.

Данные нормы не раз менялись в нашем государстве: так, в 1988 году допустимая норма содержания алкоголя в крови составила 0,2 промилле. В 2003 году данную норму повысили до 0,5 промилле, в 2008 году эту норму снизили до 0,3 промилле. 23 июля 2010 году впервые ввели «нулевой порог», так как норма алкоголя в крови не должны была превышать 0,0 промилле и, 23 июля 2013 года Президент Российской Федерации подписал закон об изменениях в КоАП, вновь вводящий предельно допустимую концентрацию алкоголя в выдыхаемом воздухе в размере 0,16 промилле.

Как видно из проведенного исторического анализа, ситуация с водителями, находящимися в состоянии опьянения, всегда была острой и проблемной. Постоянно органы государственной власти искали пути решения этой проблемы, вводили ответственность за повторное нарушение, вводили уголовную ответственность, после все принятые меры были отменены. Но по исторически сложившейся традиции «все хорошее новое, давно забытое старое» так и вернулись обратно такие наказания, как и привлечение к ответственности за повторное управление в состоянии опьянения и, так же, была введена уголовная ответственность.

Нельзя не согласиться с председателем Движения автомобилистов России. Виктор Похмелкин, давая интервью «Газете.Ru», сказал: «У нас уже и штрафы увеличивали, и продлевали срок лишения прав, однако ездить пьяными меньше не стали», так же, по его мнению, искоренить вождение в нетрезвом виде в России практически невозможно. «Понимаете, у нас будут пить за рулем до тех пор, пока в принципе будут пить. Здесь нужна не борьба с пьяными водителями, а серьезная антиалкогольная политика» [3].

Литература:

1. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). URL : <http://pro-spo.ru/obshhestvo-i-it/4566-statistika-po-dtp-v-mire>
2. В тексте содержатся материалы взятые с сайта URL : <https://tass.ru> (дата обращения 26.11.2018 г.).
3. URL : https://www.gazeta.ru/auto/2017/09/13_a_10887668.shtml

Все вводимые изменения направлены на ужесточение ответственности в отношении водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, однако, от действий таких водителей все еще ежедневно гибнут люди! Необходимо задуматься обществу о формировании культуры поведения всех участников дорожного движения, каждый из которых должен начать с себя, повысив уровень индивидуального правосознания. Покажите пример своим детям, а они научат своих детей соблюдать Правила дорожного движения!

Literature:

1. According to the World Health Organization (WHO). URL : <http://pro-spo.ru/obshhestvo-i-it/4566-statistika-po-dtp-v-mire>
2. The text contains materials taken from the site URL : <https://tass.ru> (date of appeal is 11/26/2018).
3. URL : https://www.gazeta.ru/auto/2017/09/13_a_10887668.shtml

Штыкова Екатерина Руслановна
ассистент кафедры
гражданского права и процесса,
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Юридическая школа Дальневосточного
федерального университета
baburina.kr@gmail.com

Ekaterina R. Shtykova
Assistant Professor,
Department of Civil Law and Process,
Postgraduate Student Department
of Criminal Law and Criminology,
Law School of Far Eastern
Federal University
baburina.kr@gmail.com

О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 282 УК РФ.

ABOUT MOMENT OF END OF CRIMES PROVIDED BY P. 1 ART. 2821 OF THE CRIMINAL CODE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В работе проводится анализ конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного частью 1 статьи 2821 Уголовного кодекса РФ с целью установления вида состава данного преступления и момента его окончания. Автор приходит к выводу, что преступление, предусмотренное частью 1 статьи 2821 Уголовного кодекса РФ относится к преступлениям с усеченным составом и оканчивается на стадии приготовления к совершению преступления.

Ключевые слова: экстремистское сообщество, момент окончания преступления, состав преступления, усеченный состав.

Annotation. The paper analyzes the design of the objective side of the crime, provided for by part 1 of article 2821 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to establish the type of corpus delicti of the crime and the moment of its termination. The author comes to the conclusion that the crime provided for by part 1 of article 2821 of the Criminal Code of the Russian Federation refers to crimes with a truncated composition and ends at the stage of preparation for the commission of a crime.

Keywords: extremist community, the end of the crime, the composition of the crime, the truncated composition.

При квалификации общественно опасного деяния особое значение имеет момент окончания преступления, в частности, для разграничения оконченного преступления от деяния, которое завершается на стадии приготовления или покушения на преступление. Следует отметить, что момент окончания преступления непосредственно связан с конструкцией объективной стороны состава преступления, в связи с чем в научной литературе выделяются материальный, формальный и усеченный составы. К материальным относят составы преступлений, для которых обязательно наступление общественно опасных последствий (например, кража). В свою очередь, для формальных составов достаточно самого деяния, наступление общественно опасных последствий не является необходимым условием (например, угроза убийством). Для усеченного состава, так же как и для формального, необходимым условием является только деяние. При этом, отличительным признаком усеченного состава является то, что такое деяние должно подпадать под признаки приготовления либо покушения на преступление. Формальный состав возможен только в оконченном преступлении. Для усеченного состава характерно то, что покушение на преступление (например,

разбой) или приготовление к преступлению (например, планирование агрессивной войны) приравниваются законодателем к оконченному преступлению.

Вместе с тем, редакция ч. 1 ст. 2821 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [5] не дает четкого ответа о моменте окончании преступления. Вопрос о том к какой классификации относится состав преступления по критерию конструкции объективной стороны и в какой момент оканчивается преступление, предусмотренное ч.1 ст. 2821 УК РФ, до сих пор остается спорным в научной литературе, не смотря на сформировавшуюся позицию высшего судебного органа Российской Федерации по данному вопросу.

Согласно ч. 1 ст. 2821 УК РФ «уголовно наказуемым деянием является создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в

целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности».

Большинство ученых придерживаются точки зрения о том, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 2821 УК РФ, считается оконченным с момента совершения деяния. Например, С.А. Юдичева относит организацию экстремистского сообщества к числу формальных составов по той причине, что преступление считается оконченным вне зависимости от наличия или отсутствия общественно-опасных последствий, то есть было ли совершено преступление экстремистской направленности созданным экстремистским сообществом значение для квалификации не имеет [6, с. 110]. Аналогичной точки зрения придерживается и Ю.Е. Пудовочкин [4].

Интересное мнение высказал В.П. Кашепов: «организация экстремистского сообщества является формальным составом преступления. Это деяние считается оконченным независимо от наступления вредных последствий. Введение уголовной ответственности за создание названных объединений означает признание подготовительной преступной деятельности оконченным преступлением» [1, с. 32]. Признавая состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 2821 УК РФ формальным, В.П. Кашепов тут же приводит доводы, характеризующие данный состав как усеченный. Признак подготовки свидетельствует о том, что имело место приготовление к совершению преступления, а это, в свою очередь, указывает на то, что преступление считается оконченным на стадии подготовки к совершению преступления.

Противоположной точки зрения придерживается Ю.А. Клименко, который относит состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 2821 УК РФ к числу преступлений с усеченным составом, в связи с тем, что в диспозицию указанной части статьи состоит из преступного сговора с целью последующего совершения преступлений. В объективную сторону данного преступления не входит совершение каких-либо конкретных преступлений, с целью совершения которых и создается экстремистское сообщество [2, с. 125]. Тем самым Ю.А. Клименко полагает, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 2821 УК РФ оканчивается в момент преступного сговора.

По нашему мнению, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 2821 УК РФ, является преступлением с усеченным составом и оканчивается на стадии приготовления к преступлению в силу следующего.

Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ, «приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено

до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Исходя из легального определения, закрепленного в УК РФ, можно установить несколько признаков, характеризующих создание экстремистского сообщества в качестве стадии приготовления к совершению преступления:

- Экстремистское сообщество создается для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

- Специальная цель объединения – разработка планов совершения преступления. Разработка планов совершения преступления, по нашему мнению, относится к стадии приготовления к совершению преступления. Данный вывод так же подтверждается и судебной практикой [15, 16].

- В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – Пленум ВС РФ № 11), «уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 2821 УК РФ) наступает с момента фактического образования указанного сообщества» [6]. То есть, Верховный Суд РФ указывает на то, что преступление окончено с момента сговора участников экстремистского сообщества, а это признак приготовления к преступлению. Согласно абз. 2 п. 14 данного постановления Пленума Верховного Суда РФ следует, что «по ч. 1 ст. 2821 УК РФ как создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества квалифицируются действия, которые привели к образованию устойчивых связей между указанными лицами в целях совместной разработки планов и (или) создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности». Образование устойчивых связей также характеризует деяние как приготовление к совершению преступления.

- В соответствии с ч. 6 ст. 35 УК РФ, «создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана». Из данной нормы видно, что законодатель приравнивает создание организованной группы к стадии приготовления к совершению преступления.

Таким образом, создание экстремистского сообщества для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности представляет собой сговор с целью подготовки (в том числе, и для совместной разработки планов) или совершения преступления. На основании выше изложенного, можно утверждать, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 2821 УК РФ, является усеченным составом преступления и считается оконченным на стадии приготовления к преступлению.

Литература:

1. *Кашепов В.П.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. М. : АНО Юридические программы. 2007. № 3. С. 30–34.
2. *Клименко Ю.А.* Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации // Lex russica. 2017. № 3. С. 123–132.
3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Блинников В.А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; Под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 1184 с. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. *Юдичева С.А.* Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества // Новый юридический журнал. 2014. № 1. С. 107–114.
7. Постановление президиума Нижегородского областного суда от 28.05.2009 по делу № 44у-262/2009. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
8. Приговор Московского городского суда от 21.04.2017 № 2-23/2017. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Literature:

1. *Kashepov V.P.* Qualification of crimes of extremist orientation // Criminal law. M. : ANO Yuridicheskiye programs. 2007. № 3. P. 30–34.
2. *Klimenko Yu.A.* Organization of extremist community: qualification problems // Lex russica. 2017. № 3. P. 123–132.
3. About judicial practice on criminal cases about crimes of extremist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 № 11 (edition of 03.11.2016). Access from Union of Right Forces ConsultantPlus.
4. Blinnikov V.A.. Criminal law of Russia. Parts the General and Special : textbook / V.A. Blinnikov, A.V. Brilliantov, O.A. Vagin, etc.; under the editorship of A.V. Brilliantov. The 2nd prod., reslave. and additional M.: Avenue, 2015. T. 2. 1184 p. Access from Union of Right Forces ConsultantPlus.
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (edition of 12.11.2018). Access from Union of Right Forces ConsultantPlus.
6. *Yudicheva S.A.* Criminal liability for creation of extremist community//New legal magazine. 2014. № 1. P. 107–114.
7. The resolution of presidium of the Nizhny Novgorod regional court of 28.05.2009 on case № 44u-262/2009. Access from Union of Right Forces ConsultantPlus.
8. Sentence of the Moscow City Court of 21.04.2017 № 2-23/2017. Access from Union of Right Forces ConsultantPlus.

Шуренкова Светлана Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент, руководитель,
Юридическая компания «ЮрМедиа»
milena.555@mail.ru

Бергман Ника Александровна

студентка
факультета международного права,
Московский государственный институт
международных отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
milena.555@mail.ru

**МЕДИАЦИЯ В МЕДИЙНОЙ
СФЕРЕ И ШОУ-БИЗНЕСЕ:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ
РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ
КОНФЛИКТОВ**

■ ■ ■

Аннотация. Современное общество идет по пути структурного усложнения. Это налагает серьезную ответственность на правовую сферу, в задачу которой входит регулирование общественных отношений, сохранение эффективности внутренних процессов в основных общественных институтах. В условиях усложнения общественной структуры и роста динамики социальных процессов правовое регулирование становится все более проблематичным. Особенно четко это прослеживается на уровне областей общественной жизни, имеющих сравнительно недолгую историю развития. К числу таких областей относятся информационная сфера и шоу-бизнес, правовые аспекты которых рассматриваются в настоящей статье. В рамках исследования доказывается, что существующие механизмы правового регулирования, основанные на жестком, механистическом применении сложившегося набора нормативных установок, не являются эффективными в тех областях общественной жизни, правовая определенность которых еще не сформирована. Также анализируются издержки традиционных методов разрешения правовых конфликтов в медиасфере. На примере шоу-бизнеса доказывается, что в современных условиях все большую актуальность приобретает медиация, как альтернативный способ разрешения правовых конфликтов.

Ключевые слова: медиация, шоу-бизнес, право, правовой конфликт, судебное разбирательство, общество.

■ ■ ■

Svetlana S. Shurenkova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
The head of the Legal company «Ourmedia»
milena.555@mail.ru

Nika A. Bergman

Student
of the faculty of International Law,
of Moscow State Institute
of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

**MEDIATION IN THE FIELD
OF MEDIA AND SHOW BUSINESS:
ALTERNATIVE WAY TO RESOLVE
LEGAL CONFLICTS**

■ ■ ■

Annotation. Modern society goes on the way of structural complication. It imposes serious responsibility on the legal sphere which problem includes regulation of the public relations, maintaining efficiency of internal processes at the main public institutes. In the conditions of complication of public structure and growth of dynamics of social processes legal regulation becomes more and more problematic. Especially accurately it is traced at the level of the areas of public life having rather short history of development. The information sphere and show business which legal aspects are considered in the present article are among such areas.

Within the research it is proved that the existing mechanisms of legal regulation based on tough, mechanistic use of the developed set of standard installations aren't effective in those areas of public life which legal definiteness isn't created yet. Also costs of traditional methods of permission of the legal conflicts in the media sphere are analyzed. On the example of show business it is proved that in modern conditions the increasing relevance is acquired by mediation as an alternative way of permission of the legal conflicts.

Keywords: mediation, show business, law, legal conflict, judicial proceedings, society.

■ ■ ■

Социальная функция права пролегалает в области закрепления и регулирования общественных отношений [1]. Это определяет широкий спектр институциональных структур, направленных на подтверждение юридического статуса конкретных форм отношений, а также определение принципов и механизмов взаимодействия, корректных для конкретного типа социальных отношений.

В этом смысле право представляет своеобразный «жесткий каркас» общественной структуры: на правовом уровне определяется политический строй, способ осуществления власти, характер организации семейных, экономических и иных отношений. Будучи неотъемлемой составляющей общественной жизни, ответственной за поддержание упорядоченного характера социальных процессов, право с необходимостью адаптируется под новые реалии общественной жизни.

Естественное изменение основных социальных сфер, происходящее в ходе их развития, определяет необходимость развития и сферы права. При этом, с учетом усложнения структуры общества, закономерным становится и усложнение системы правовых норм, а высокая динамика социальных изменений, применительно к правовой сфере, определяет два важнейших следствия:

– возникают ситуации, когда область правового регулирования еще не сформировалась в должной мере для того, чтобы определять правила взаимодействия в сформировавшейся социальной сфере;

– повышение сложности системы правовых норм влечет за собой возникновение ситуаций, когда одни нормативные установления вступают в противоречия с другими.

В этих условиях право неспособно действовать как отлаженный, обезличенный механизм: наличие необходимости принятия сложных решений для разрешения противоречий в конкретных ситуациях. Иерархичность же судебной системы определяет возможность обжалования принятых судебных решений и повторного рассмотрения дела уже на уровне более высокой судебной инстанции. Судебный процесс может растянуться на несколько лет, при этом стороны судебной тяжбы в течение этого времени несут существенные издержки – как материальные, так и временные. В результате можно судить о том, что в некоторых условиях, независимо от принятого судебного решения, ни одну из сторон нельзя считать выигравшей в силу превышения уровнем издержек ценности самого предмета спора. Не меньшую важность приобретает и то, что проведение судебного процесса представляет собой публичное явление, в котором отдельные аспекты рассматриваемого дела могут способствовать существенным репутационным потерям одной или обеих сторон.

Следует учитывать, что область права направлена на регулирование общественных отношений с целью повышения их эффективности и

конструктивности. С этой точки зрения протекание правовых процессов, в результате которого происходит ухудшение эффективности регулируемой сферы, представляет собой свидетельство некорректности устройства существующих правовых механизмов.

Имеет место проблематичность использования классических форм разрешения правового конфликта в некоторых из областей деятельности, обнаруживающих прямую зависимость от характеристик репутации субъекта деятельности. В настоящее время, ввиду активного развития правовой сферы и все большей актуализации проблем, связанных с ее динамикой и высокой структурной сложностью, все более актуальными становятся процедуры альтернативного разрешения правовых конфликтов. В частности, все большую актуальность приобретает внедрение механизмов медиации. Позиция, лежащая в основе настоящей статьи, заключается в том, что медиация выступает в качестве одного из наиболее перспективных путей разрешения правового конфликта в публичной сфере. В качестве примера нами будет рассмотрена такая область экономических отношений, как шоу-бизнес.

Прежде всего, мы рассмотрим правовую определенность экономической сферы, частной отраслью которой является шоу-бизнес. Экономические отношения предполагают как естественную свою составляющую момент конкуренции, что определяет неискоренимость конфликтов интересов в экономической сфере. Будучи естественным процессом отбора наиболее приспособленных носителей экономической деятельности, конкуренция является одним из определяющих механизмов развития экономической сферы [2]. Это справедливо для всех областей экономики, включая такую область экономической деятельности, как шоу-бизнес. Что мы подразумеваем, говоря о том, что конкуренция способствует эффективному развитию экономической сферы?

В первую очередь, это означает, что сохраняются наиболее эффективные формы и способы осуществления экономической деятельности и, в частности, получают распространение те виды продукции и услуг, которые в наибольшей мере востребованы. Это является серьезным основанием для естественного стремления участников экономических отношений к соответствию текущим запросам общества. Однако реализация столь важной функции конкурентной борьбы и сохранение ее конструктивного значения возможна лишь в том случае, если конкурентная борьба не выходит за рамки допустимого набора средств. Это налагает практически на любую область экономической деятельности существенный набор ограничений, в совокупности закрепляющих права участников экономического процесса и определяющих доступный для них диапазон способов достижения результата.

Таким образом, конфликты, возникающие в рамках экономической деятельности, разрешаются либо внутри института экономики естественным образом, либо выходят на уровень правовых

противоречий в условиях, когда одна из сторон считает свои права нарушенными.

Рассматривая сферу шоу-бизнеса, следует отметить, что в ней имеет место широкий набор отношений, которые сводятся к сотрудничеству и конкуренции. С учетом того, что объектом экономических вложений является образ медийной личности или коллектива, чрезвычайно большое значение имеют как обязательства между «звездами» шоу-бизнеса и их продюсерами, так и сохранение положительного отношения предполагаемой аудитории к медийной личности.

Это определяет широкий набор возможностей для возникновения конфликтов, поскольку интересы медийных личностей могут в отдельных случаях не совпадать с интересами продюсирующих их центров, а публичная коммуникация между представителями шоу-бизнеса может способствовать снижению их рейтингов и, соответственно, косвенному материальному ущербу в условиях, когда одни представители публичных профессий склоняют аудиторию к неприятию других. Еще одним аспектом возможного конфликта является такой аспект шоу-бизнеса, как сценический образ, копирование которого существенно ударяет по интересам его исходного обладателя.

Здесь следует несколько более полно осветить такую область конфликтов правового характера в шоу-бизнесе, как авторское право. Существуют правовые ограничения, связанные с правами на текстовые произведения, стихи, музыкальные произведения. В этих вопросах современная правовая система достаточно эффективно развита для того, чтобы пресекать нарушения, связанные с неправомерным использованием чужой интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, одним из важных аспектов шоу-бизнеса является совокупный образ медийной личности или коллектива, который, будучи узнаваемым и четко выделяющимся на фоне других представителей шоу-бизнеса, позволяет занять в нем собственную нишу. Копирование отдельных элементов сценического образа – чрезвычайно проблематичный в плане юридического определения момент. Здесь вступают в силу те же проблемы и противоречия, с которыми система права сталкивается в рамках разрешения конфликтов в области товарных марок и знаков. Будучи конструируемым, сценический образ включает в себя набор элементов, каждым из которых может обладать другой представитель медийной сферы. Соответственно, критерий определения заимствования является весьма зыбким. Это является одним из оснований того, что правовые конфликты, связанные с нарушением авторских прав, могут иметь затяжной характер.

Следует отметить, что в шоу-бизнесе имеет место высокая конкуренция, одним из аспектов которой является фактическое требование высокой плотности присутствия медийных личностей в информационном пространстве общества. Как таковое, участие в судебных разбирательствах может иметь для представителей медийной

сферы как положительное, так и отрицательное значение. Положительный результат можно связать с возникновением общественного резонанса и временной актуализацией в информационном пространстве конкретной медийной личности. Иными словами, попадание в «новостную ленту» является для представителей сферы шоу-бизнеса одним из способов повышения личного рейтинга. Вместе с тем, если содержание информационных публикаций имеет неблагоприятный характер, либо не соответствует исходному медийному образу, налицо репутационные потери.

Отдельного внимания заслуживает и то, что судебные разбирательства обладают высоким уровнем приоритетности, а их график осуществления формируется вне учета графика участников процесса. И здесь речь идет либо о заочном участии в судебном слушании, либо о серьезных временных потерях, связанных с необходимостью участия в многочисленных судебных заседаниях. Для представителей сферы шоу-бизнеса, активно осуществляющих гастрольи, изменение графика означает необходимость отмены выступлений, что, в свою очередь, означает всплеск недовольства аудитории, ожидания которой оказываются обмануты.

В России шоу-бизнес представляет собой сравнительно молодое направление, поскольку, как таковой, он сформировался только в постперестроечный период, когда эстрада перешла с государственной поддержки на уровень самостоятельной экономической сферы. Неудивительно, что правовой статус ряда отношений и способов взаимодействия еще не был уточнен в полной мере.

Область права стремится к достижению ясности принципов регулирования и их механистического исполнения, однако это возможно только в том случае, если законы выражены четко, ясно и охватывают весь спектр возможных отношений. Если рассмотреть область шоу-бизнеса, становится видно, что в нем существует ряд способов воздействия, трудно классифицируемых с точки зрения текущей законодательной базы. Это определяет как обширные возможности по избеганию правовых претензий, так и, напротив, широкие возможности по их предъявлению. Как результат, рассмотрение исковых заявлений с выяснением всех обстоятельств дела может занимать длительное время, а весомость предоставляемых аргументов во многом зависит от квалификации участвующих в деле юристов. С учетом длительности судебного разбирательства и возможности обжалования решения судебных инстанций, отстаивание своих правовых интересов может превратиться в очень затратное как по времени, так и по материальным издержкам мероприятие, при этом конечный исход разбирательства в ряде случаев не может быть заранее определен. Все это свидетельствует о том, что в современных условиях в шоу-бизнесе существуют ситуации, когда конфликт интересов имеет место, однако его судебное разрешение не выгодно ни одной из сторон.

Именно в таких ситуациях приобретает актуальность поиск альтернативных способов разрешения правового конфликта, не обладающих столь серьезным набором издержек, однако способствующих разрешению сложившихся противоречий.

В данном случае, фактически, речь идет об объективном, беспристрастном рассмотрении существа спора, с дальнейшим поиском наиболее конструктивного решения. Именно так реализуется практика медиации, в ходе которой стороны конфликта приходят к согласию при помощи обращения к нейтральному посреднику, способствующему нейтрализации конфликта и достижению мирового соглашения [3]. С точки зрения применяемых социальных механизмов, медиация является существенно более гибкой юридической практикой, нежели классические судебные разбирательства. При этом, если классическая схема судопроизводства предполагает момент жесткой детерминации существующими правовыми нормами, то для медиативной практики характерен приоритет равновесия интересов сторон.

Еще одной особенностью медиации является то, что она позволяет нейтрализовать само противоречие, возникшее между сторонами, что ис-

ключает возможность последующих витков конфликта [4], при этом переговоры между сторонами могут иметь не публичный характер, что имеет существенное значение для сферы шоу-бизнеса. Практика медиации позволяет избежать излишних издержек и позволяет найти приемлемый выход для каждой из сторон, что является значимым результатом, особенно с учетом зыбкого правового статуса отдельных аспектов отношений в медийной сфере.

Несмотря на то, что медиация позволяет снимать правовые противоречия и конфликты, ее применение не противоречит идее конкуренции, однако способствует ее осуществлению в рамках сложившегося набора правил и ограничений. Это позволяет рассматривать медиацию как один из оптимальных механизмов регулирования и, соответственно, развития сферы шоу-бизнеса и экономической сферы в целом. В текущих условиях, когда система общественных отношений становится чрезвычайно сложной, а различные области общественной жизни предъявляют к сфере права различные функциональные требования, все большую актуальность приобретает гибкость правовой системы, что в текущей практике во многом достигается в рамках медиации.

Литература:

1. *Мертон, Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ: АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
2. *Ермолов М.Г.* Теоретические аспекты понятия «Конкуренция» / М.Г. Ермолов, Р.А. Набиев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 4.
3. *Бесемер Х.* Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер; Пер. с нем. Н.В. Маловой. Калуга, 2004. 176 с.
4. *Аллахвердова О.В.* Медиация: переговоры с участием посредника / О.В. Аллахвердова, А.Д Карпенко. СПб., 2007.

Literature:

1. *Merton, River.* Social theory and social structure. M. : ACT: ACT MOSCOW : KEEPER, 2006. 873 p.
2. *Yermolov M.G.* Theoretical aspects of the concept «Competition» / M.G. Yermolov, R.A. Nabyev // Bulletin of the Udmurt university. Economy and Right series. 2014. №. 4.
3. *Bessemer X.* Mediation. Mediation in the conflicts / X. Bessemer; Translation from German N.V. Malo-va. Kaluga, 2004. 176 p.
4. *Allakhverdova O.V.* Mediation: negotiations with participation of the intermediary / Allakhverdova O.V., Karpenko A.D. SPb., 2007.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Асрян Ваагн Меружанович
аспирант,
Южный федеральный университет
asryan@inbox.ru

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА РОССИИ И АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается система муниципальной службы Российской Федерации и Республике Армения с точки зрения теории рефлексивного управления. Несмотря на существующие серьезные различия, автор определяет и общие моменты, которые позволяют рассмотреть методологический подход и перспективы использования рефлексивного управления в отношении этих двух стран. Такие основания дают общие управленческие функции муниципальной службы, объекты и субъект управления. Автор рассматривает как общие теоретико-методологические основы рефлексивного управления, так и подходы к его использованию в бюрократической модели управления.

Ключевые слова: управления, общество, муниципальная власть, руководитель, управленческое решение, кризис, Россия, Армения.

Как специфический социально-правовой институт муниципальная служба складывается в рамках противоборства двух начал административно-корпоративного и демократического. В Армении пока пройден лишь первый этап ее становления и научного осмысления. Проблемность ситуации состоит в том, что налицо явный разрыв между достаточно прогрессивным законодательством о муниципальной службе и крайне противоречивым осуществлением провозглашенных принципов и норм на практике, между стремлением повысить социальную значимость и эффективность службы и реальным невысоким ее профессиональным уровнем, недостаточность социального престижа и авторитета.

Данное противоречие проявилось давно, и связано оно было с недостаточностью социально-политических условий для реализации основных принципов публичной службы, построенной на требованиях профессионализма.

Управление как процесс непрерывного и целенаправленного воздействия на объект с целью

Vahagn M. Asryan
Postgraduate Student,
Southern Federal University
asryan@inbox.ru

MUNICIPAL SERVICE OF RUSSIA AND ARMENIA IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF REFLEXIVE MANAGEMENT: A METHODOLOGICAL APPROACH AND PROSPECTS FOR USE

Annotation. The article considers the system of the municipal service of the Russian Federation and the Republic of Armenia from the point of view of the theory of reflexive control. Despite the existing serious differences, the author also defines common points that allow us to consider the methodological approach and the prospects for using reflexive control in relation to these two countries. Such grounds give the general administrative functions of the municipal service, facilities and the subject of management. The author considers both the general theoretical and methodological foundations of reflexive control, and approaches to its use in the bureaucratic management model.

Keywords: management, society, municipal authority, manager, management decision, crisis, Russia, Armenia.

получения поставленной цели включает в себя три аспекта: институциональный (субъект-объектные отношения), функциональный (как именно осуществляется управленческое воздействие), инструментальный (при помощи чего осуществляется управленческое воздействие).

Управление выступая предметом анализа в контексте различных общественных процессов с древнейших времен, когда человечество начало себя осознавать, рассматривалось также в контексте управления государством (Платон, Аристотель). В процессе развития социума управление, являясь социальным институтом, претерпело большие изменения, но общее его направление и значение не изменилось: объединение для того, чтобы выполнить совместную деятельность для достижения единых ценностей и целей, а вот функции и ресурсы, за счет которых происходит управление, оставаясь практически без изменений, наполнились новым содержательным контекстом. Объяснить данный факт можно тем, что изменился состав рабочей силы и его процентное соотношение: в течение последних

ста лет управление, войдя во все сферы промышленного производства, стало главным фактором трансформации [1, с. 164–178.]. Именно управление как социальный феномен может объяснить появление большого количества специалистов высокой квалификации в сравнении со всеми другими временами.

Социальное обоснование значимости соответствия концепции управления социумом его культуре и цивилизации [2, с. 32] и выявление специфики управления кризисными процессами в обществе указывают на новые стороны управления как социального феномена.

Управление можно рассматривать только в контексте сферы производства, а современная научная мысль предполагает, что управление – это неотъемлемый атрибут любой человеческой деятельности в обществе. В определенный исторический период люди были «факторами производства». Управление людьми практически не отличалось от управления машинами и капиталом. Сейчас этого нет. Если раньше данный метод управления людьми позволял повышать производительность труда, то в настоящее время он обладает обратным эффектом. Современные люди теперь являются личностями, и теперь есть острая необходимость ими управлять по-другому.

Изменения, произошедшие в социально-экономических условиях высокоразвитых стран, повлекли за собой кардинальные изменения в системе ценностей, а также образе и направлениях мыслей личности: труд из «заработка» превратился в способ самореализации [3, с. 25], что привело к формированию нового «человеческого измерения» - появление рабочей силы качественно нового типа. В результате всего этого произошло переосмысление всей системы управления и понятий таких, как рефлексивное, социальное управление на муниципальном уровне как социальное явление.

Обращая внимание на тот факт, что управление как социальный феномен предстает многомерное и многоаспектное явление, для его исследования был выбран метапарадигмальный подход. В самой же работе применялись такие методы, как системный, сравнительно-исторический, культурно-антропологический и иные методы социологического исследования.

В основу рефлексивного управления положена способность личности к рефлексивному мышлению, также под влиянием рефлексии происходят изменения в мотивационной структуре, которая формирует и направляет ее деятельность. Рефлексивное управление основывается на подходе к исследованию поведения. Суть данного подхода заключалась в том, что структурная организация поведения интерпретируется при помощи влияния на систему и дальнейшее сопоставление данных воздействий с полученным опытом. Если подобные влияния уже имели место, то личность руководствуется полученным опытом, а если нет - начинается поиск ориентировочных реакций. Операция сопоставления была названа

компарацией, которая происходит по определенному плану [4, с. 33–37]. План поиска может включать в себя как анализ всех объектов, так и анализ части объектов. Основным недостатком этой теории стало то, что мышление в ней рассматривается отдельно от мотивационно-эмоциональной сферы, что не может дать полной картины всех возможных стимулов инициирования как мыслительного процесса, так и дальнейшего поведения.

Каждая из рассмотренных теорий показала свой «код доступа» к сознанию личности и составили основание концепции рефлексивного управления личностью. Но основной социально-философский вопрос в контексте рефлексивного управления – это вопрос о том, каким образом сознание личности разделяет единое содержание на объективное и субъективное.

В управленческих процессах личность самостоятельно не может найти решения проблем, касающихся познания и, исходя из этого, нужно опираться на историческое развитие всей совокупности знаний. Все это позволило Фихте перевести данную проблему в иную плоскость. Данный подход исключал указанные Кантом парадоксы, но не устраивал многих ученых. Кроме всего прочего понятие о «филиации идей», введенное Фихте, позволяет судить о трансформации знания, имеющегося у личности, рассматривая вновь приобретенные в процессе соотношения знаний с объектами. Все это дало возможность для того, чтобы объяснить механизмы филиации и развить знания, а также ввести понятие «рефлексии», так как проблемы познания, при данном подходе ушли с уровня функционирования и перешли на уровень развития. Таким образом, Фихте ставит рефлексию в контекст исторического развития и эволюции знания. Современная научная мысль, рассматривая рефлексию, не берет в расчёт вопросы, связанные с историческим развитием знаний, мышления, деятельности, а также проблем сознания.

Концепция рефлексивного управления, которая изначально определяется по своей сущности, как процесс, «в котором один из противников передает другому основания для принятия решений» и применение рефлексивного управления – это воздействие на процесс по принятию решений на муниципальном уровне, так как одной из основных целей для командующего в войне является вторжение в процесс принятия решений противником. Данная цель может быть достигнута при применении дезинформации, а также маскировки или какой-либо другой стратегии [5, р. 111–117.]. Для Республики Армения одним из таких методов является применение теории рефлексивного управления, который можно использовать против человеческих или машинных «процессоров принятия решения». Рефлексивное управление можно определить как один из способов по передаче партнеру или противнику подготовленной информации для того, чтобы склонить его «добровольно» принять predetermined решение, которое необходимо для инициатора действия. Третий аспект, касающийся рефлексивного управления – это

управление в организации или социальных институтах. Все три аспекта рефлексивного управления состоят из: информации, начиная от ее получения, передачи, сбора, накопления, обработки, хранения и заканчивая ее использованием; инфраструктуры; программирования и математических средств по управлению информацией; административных и организационных органов, которые управляют информационными процессами. Таким образом, рефлексивное управление находится между программированием и развитием.

Социальное управление очень долго развивалось в русле общеполитической мысли, а в конце XIX века уже стало самостоятельным направлением, научным синтезом, который имеет необходимое отношение ко всем областям знания и связан с вопросами, входящими в осуществление официальной политики и программ.

Социальное управление как целостная теория обладает тремя основными направлениями решаемых проблем, включающих: проблемы организации муниципального управления; проблемы, связанные с подготовкой и рекрутированием управленческих кадров; проблемы создания и подбора оптимальных по эффективности техник социального управления: «Дело теоретика-философа – указать истинные цели управления на муниципальном уровне; дело же политика-практика – найти соответствующие средства для достижения этих целей и успешно пользоваться этими средствами» [6, с. 43]. Существует общая теория социального управления, главная цель которой состоит в объяснении муниципального управления как целостной системы.

При этом социальное управление включает в себя динамику и статику: динамизм бытия делает управление «обреченно» незавершенным, а сама незавершенность бытия заставляет социальное управление стремиться к бесконечному динамизму, но все же динамику управленческого процесса невозможно понять без учета статики социального управления, которая существует в каждый исторический период [7, С. 305–309].

Литература:

1. Васьков М.А. Современные тенденции трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России в контексте региональной социокультурной специфики // Вестник Института социологии. 2012. № 2(5). С. 164–178.
2. Григоренко Д.Г. Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации: социально-философский анализ : дис. канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2006.
3. Масуда И. Информационное общества как постиндустриальное общество. М., 2001. С. 25
4. Васьков М.А. Социальный контекст формирования управленческой культуры региональной бизнес-элиты России в переходный период в

Центральным понятием в теории социального управления в контексте муниципального управления является понятие «бюрократия», коренным признаком которой является отрыв центров исполнительной власти от воли большинства и подчинение правил и задач функционирования организаций целям ее сохранения и дальнейшего укрепления.

В ходе социально-экономического развития были созданы общие модели работы организаций, описывающие принципиальную структуру управления, иерархию должностей и постов, а также разделение функций руководства на разных ступенях иерархической лестницы. М. Вебер, основываясь на бюрократической модели Германии, выдвинул универсальные принципы бюрократии [8]. К ним можно отнести иерархическую организацию административных учреждений; специфическую область компетенции у каждого учреждения; здесь служащие назначаются, а не выбираются по профессиональной квалификации, указанной в дипломах, а также получают заработную плату гражданские служащие в соответствии с рангом; гражданский служащий не может владеть тем учреждением, в котором работает; служащий подчиняется дисциплине и находится под контролем, может быть смещен с должности при решении вышестоящих на иерархической лестнице.

Из научного анализа, из практики жизни видно, что современные управленцы не являются безразличными, предсказуемыми, беспристрастными, как они описаны в идеальной модели Вебера. Кроме всего прочего, бюрократия играет, в социальных условиях России, ведущую роль на уровне регионального и государственного управления; в Армении бюрократия изначально была ограничена демократическими процедурами и институтами, особенно, если рассматривать сферу регулирования, сохраняя при этом и свои исполнительные функции. Однако в сфере реализации политики управления муниципалитетом бюрократия становится не институционально образующим политическим фактором, а определенным препятствием к развитию и ограничителем реализации социального потенциала.

Literature:

1. Vaskov M.A. Modern trends in the transformation of management culture of large commercial organizations in the South of Russia in the context of regional socio-cultural specifics // Bulletin of the Institute of Sociology. 2012. № 2(5). P. 164–178.
2. Grigorenko D.G. Adequacy of the concept of managing society to its culture and civilization: socio-philosophical analysis : dis. cand. of philosophical sciences: 09.00.11. Krasnoyarsk, 2006.
3. Masuda I. Information society as a post-industrial society. M., 2001. P. 25
4. Vas'kov M.A. Social context of the formation of the administrative culture of Russia's regional business elite during the transition period in Russian

российском обществе Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 33–37.

5. *Lepsky Vladimir E.* Reflexive Control in Multi-Subjective and Multi-Agent Systems // Proceedigs of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior. ARL-SR-64, May 1999. P. 111–117.

6. *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М. : Рудомино, 1993. С. 43.

7. *Васьков М.А.* Институционально-теоретические основания региональной системы управления // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 305–309.

8. *Weber M.* The theory of social and economic organization. N.Y. Oxford Univ Press. 1946. P. 333–334.

society. Society: Politics, Economics, Law. 2010. № 1. P. 33–37.

5. *Lepsky Vladimir E.* Reflexive Control in Multi-Subjective and Multi-Agent Systems // Proceedigs of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior. ARL-SR-64, May 1999. P. 111–117.

6. *Burke E.* Reflections on the revolution in France and the meetings of some societies in London relating to this event. M. : Rudomino, 1993. P. 43.

7. *Vas'kov M.A.* Institutional and theoretical foundations of the regional management system. Social and humanitarian knowledge. 2012. № 11. P. 305–309.

8. *Weber M.* The theory of social and economic organization. N.Y. Oxford Univ Press. 1946. P. 333–334.

Батьковский Александр Михайлович
доктор экономических наук,
советник генерального директора,
Центральный научно-исследовательский
институт экономики,
систем управления
и информации «Электроника»
batkovskiy_a@instel.ru

Кравчук Павел Васильевич
доктор экономических наук,
профессор,
коммерческий директор,
Научно-испытательный центр
«Интелэлектрон»
p.kravchuk@mail.ru

Мингалиев Камиль Нарзаватович
доктор экономических наук,
профессор,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация
mingaliev@mail.ru

ОЦЕНКА ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННО-АКТИВНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В данной работе рассмотрено решение актуальной научно-практической задачи определения порядка оценки деловой активности инновационно-активного предприятия. В ней представлен алгоритм данной оценки, описывающий процесс ее проведения и порядок расчета основных используемых при этом показателей. Они позволяют оценить производственную и коммерческую деятельность инновационно-активного предприятия по следующим направлениям: уровня исполнения плана, который установлен вышестоящей организацией или самостоятельно, по показателям; темпов наращивания объемов финансово-хозяйственной деятельности; уровня результативности использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Ключевые слова: оценка, инновационно-активное предприятие, деловая активность, показатели, порядок.

■ ■ ■

Инновационную деятельность осуществляют инновационно-активные предприятия (ИАП). Они разрабатывают и внедряют новые или усовершенствованные продукты (услуги), техноло-

Aleksandr M. Batkovskiy
Doctor of Economic Sciences,
Advisor to General Director,
Joint Stock Company
Central Research Institute of Economy,
Management and Information Systems
«Electronics»
batkovskiy_a@instel.ru

Pavel V. Kravchuk
Doctor of Economics,
Professor,
Financial Director,
JSC «Intellectron» Research Center,
p.kravchuk@mail.ru

Camille N. Mingaliyev
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Financial University at the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
mingaliev@mail.ru

EVALUATION OF BUSINESS ACTIVITY OF INNOVATION-ACTIVE ENTERPRISE

■ ■ ■

Annotation. In this paper, we consider the solution of the actual scientific and practical problem of determining the procedure for assessing the business activity of an innovatively active enterprise. An algorithm for this assessment is presented, which describes the process of its implementation and the procedure for calculating the main indicators used in this process. They allow to evaluate the production and commercial activity of an innovation-active enterprise in addition to the following areas of the company: they allow to evaluate the production and commercial activity of an innovation-active enterprise in the following areas: level of execution of the plan; the pace of increasing the volume of financial and economic activity; the level of effectiveness of the use of material, labor and financial resources.

Keywords: assessment, innovation-active enterprise, business activity, indicators, order.

■ ■ ■

гические процессы; имеют в своем активе интеллектуальную собственность; отвечают характеристикам инновационной активности; осуществляют трансфер технологий [1; 2]. Специфиче-

скими особенностями данных предприятий, позволяющими объединить их в одну общую группу, являются:

- сравнительно высокие затраты на НИОКР;
- значительный удельный вес высококвалифицированных работников;
- более высокие, чем в среднем по стране, нормы амортизации активной части основного капитала и др.

В наибольшей степени указанным критериям в России в настоящее время отвечают предприятия радиоэлектронной, атомной, ракетно-космической, авиационной, фармацевтической, микробиологической и некоторых других отраслей (производств) промышленности [3].

Деятельность ИАП не только стимулирует развитие исследований и разработок, но и определяет основные направления развития экономики страны [4]. Одной из важных задач, решаемых в ходе данного развития, является оценка деловой активности ИАП. Несмотря на важность данной задачи, она до настоящего времени еще не получила своего однозначного решения [5].

Отмеченные обстоятельства определяют важнейшую роль инновационно-активных предприятий в социально-экономическом развитии России. Основная отличительная особенность данных предприятий – необходимость регулярного обновления элементов наукоемкого производства (объектов исследований, разработок и производства, конструктивных решений, основных фондов, информационных потоков и т.д.), а также совершенствования его научно-производственной структуры. Эта особенность определяет:

- особо значимую роль ИАП в развитии экономики, которая постоянно возрастает [6];
- высокую энтропию развития ИАП в долгосрочном периоде, что связано со значительным научно-техническим риском [7];
- повышенную затратность данного развития, которое требует больших инвестиций [8].

Порядок оценки деловой активности ИАП можно рассмотреть на условном примере. Предположим, что существует предприятие с условным названием «1». Информационной базой анализа деловой активности данного предприятия являются его годовые отчеты (табл. 1).

Таблица 1

Показатели деловой активности предприятия «1»

Показатель	2016	2017	Изменение
Выручка от реализации продукции, тыс. руб.	637893	149726	488167
Затраты, тыс. руб.	27323	75415	-551908
Затраты на рубль реализации, руб./руб.	0,983	0,504	-0,480
Прибыль от продаж, тыс. руб.	10570	74311	63741
Среднегодовая величина основных средств, тыс. руб.	740904	559163	-181741
Фондоотдача, руб./руб.	0,861	0,268	0,593
Фондоёмкость, руб./руб.	1,161	3,735	2,573
Фондовооруженность труда, тыс. руб./чел.	2070	1694	-375
Среднегодовая величина оборотных активов, тыс. руб.	672234,5	1115317	443082,5
Оборачиваемость оборотных средств	0,949	0,134	0,815
Длительность одного оборота, дни	385	2719,3	2334,3
Среднесписочная численность персонала, тыс. чел.	358	330	-28
Производительность труда, тыс. руб./чел.	1782	454	-1328

Выручка от оказания услуг снизилась на 488167 тыс. руб., что обусловлено снижением спроса на продукцию. Снижение затрат, измеряемых в рублях, на объем реализации (в рублях) – на 0,48 руб./руб. означает повышение эффективности управления затратами. В результате этого прибыль от продаж увеличилась на 63741 тыс. руб. Фондоотдача снизилась на 0,59 руб./руб., что показывает уменьшение эффективности использования основных средств. Снижение оборачиваемости оборотных средств на 0,81 оборота показывает уменьшение эффективности использования средств, авансированных в оборотные активы. Снижение среднесписочной численности персонала на 28 чел. обусловлено сокращением объемов деятельности предприятия. Производительность труда снизилась на 1328 тыс. руб./чел., что показывает снижение эффективности использования персонала. Для более полной оценки деловой активности предприятия рассмотрим ряд коэффициентов обра-

чиваемости. Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Данные коэффициентного анализа деловой активности показывают значительное снижение в 2017 г. большинства показателей оценки. По показателю оборачиваемости активов наблюдается стабильная тенденция снижения, которая является негативной, поскольку, чем медленнее оборачивается капитал, тем меньше прибыли приносит каждый рубль, вложенный в активы. Снижение оборачиваемости привело к росту продолжительности одного оборота активов. Значения показателя оборачиваемости собственного капитала имеют в 2015–2017 гг. более значительные отклонения. Однако данный факт нельзя однозначно отнести к негативному, поскольку указанное снижение во многом связано с ростом собственного капитала, а это оказывает положительное влияние на повышение финансовой устойчивости инновационно-активного предприятия.

Динамика показателей деловой активности за 2015–2017 гг.

Показатели	Годы			Абсолютное отклонение	
	2015	2016	2017	2016–2015	2017–2016
Коэффициент оборачиваемости активов	2,74	2,33	1,39	–0,41	–0,94
Коэффициент оборачиваемости собственного капитала	1423,36	28,93	11,18	–1394,4	–17,75
Коэффициент оборачиваемости оборотных активов	3,11	4,31	2,75	1,20	–1,56
Коэффициент оборачиваемости запасов	4,04	5,27	3,91	1,23	–1,36
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности	7,84	10,91	7,5	3,07	–3,41
Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности	2,9	2,62	1,66	–0,28	–0,96
Коэффициент оборачиваемости денежных средств	1620,81	642,76	76,07	–978,05	–566,69

Следующая группа показателей деловой активности, связанная с оборотными средствами, имеет тенденцию роста в 2016 г. с последующим снижением в 2017 г., что является негативным явлением. В целом за рассматриваемый период коэффициент оборачиваемости оборотных активов предприятия снижался. Из этого следует, что продолжительность оборота увеличилась, а на один рубль оборотных активов приходится меньше выручки, что показывает ухудшение использования оборотных активов. Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности снизился с 7,84 оборотов в 2015 г. до 7,5 оборотов в 2017 г. Данное снижение повлияло на продолжительность оборота, которая увеличилась на 2,1 дня, что является негативной тенденцией и показывает недостаточную работу предприятия с потребителями продукции. Следует отметить, что данный показатель в 2016 г. имел зна-

чение 10,19 оборотов, т.е. продолжительность оборота была снижена на 13 дней, по сравнению с 2015 г. и на 15 дней – по сравнению с 2017 г. Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности и коэффициент оборачиваемости денежных средств имеют стабильную негативную тенденцию снижения.

Анализ показателей деловой активности дает возможность сделать вывод о том, что несмотря на улучшение ряда показателей её оценки в 2016 г., в целом за рассматриваемый период она снизилась. Таким образом, в течение 2015–2017 гг. произошло снижение эффективности работы и деловой активности инновационно-активного предприятия «1».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-00-00008 (№ 18-00-00012 КОМФИ).

Литература:

1. *Авдонин Б.Н.* Развитие инструментария оценки финансовой устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса / Б.Н. Авдонин, А.М. Батьковский, К.Н. Мингалиев, М.А. Батьковский // *Международный бухгалтерский учет*. 2014. № 11(305). С. 55–66
2. *Батьковский А.М.* Анализ инновационных проектов при формировании программы инновационного развития экономической системы / А.М. Батьковский, И.В. Булава, М.П. Ярошук // *Креативная экономика*. 2009. № 11. С. 71–74
3. *Батьковский А.М.* Модели формирования и оценки программы инновационного развития экономической системы // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2011. № 9(51). С. 14–23
4. *Батьковский А.М.* Макроэкономический анализ уровня и возможностей финансового обеспечения военной безопасности России / А.М. Батьковский, И.В. Булава, К.Н. Мингалиев // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009. № 21. С. 58–65
5. *Батьковский А.М.* Общая характеристика инновационной деятельности экономических систем // *Экономические отношения*. 2012. № 1. С. 3–8.

Literature:

1. *Avdonin B.N.* Development of tools for assessing the financial sustainability of enterprises of the military-industrial complex / B.N. Avdonin, A.M. Batkovskiy, K.N. Mingaliyev, M.A. Batkovskiy // *International Accounting*. 2014. № 11(305). P. 55–66
2. *Batkovskiy A.M.* Analysis of innovative projects in the formation of the program of innovative development of the economic system / A.M. Batkovskiy, I.V. Bulava, M.P. Yaroshuk // *Creative Economy*. 2009. № 11. P. 71–74
3. *Batkovskiy A.M.* Models of formation and evaluation of the program of innovative development of the economic system // *Financial analytics: problems and solutions*. 2011. № 9(51). P. 14–23
4. *Batkovskiy A.M.* Macroeconomic analysis of the level and possibilities of financial support for Russia's military security / A.M. Batkovskiy, I.V. Bulava, K.N. Mingaliyev // *National interests: priorities and security*. 2009. № 21. P. 58–65
5. *Batkovskiy A.M.* General characteristics of innovation activity of economic systems // *Economic relations*. 2012. № 1. P. 3–8.

6. *Божко В.П.* Управление финансовой устойчивостью предприятий / В.П. Божко, С.Ю. Балычев, А.М. Батьковский, М.А. Батьковский // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 4. С. 33–37

7. *Мингалиев К.Н.* Финансовое оздоровление предприятий в условиях рецессии и посткризисного развития российской экономики (теория и инструментарий) / К.Н. Мингалиев, А.М. Батьковский, М.А. Батьковский, И.В. Булава, В.П. Божко и др.; Под ред. К.Н. Мингалиева. М. : МАОК. 2010. 339 с.

8. *Батьковский А.М.* Оценка экономической устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса / А.М. Батьковский, М.А. Батьковский, С.В. Гордейко, А.П. Мерзлякова // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 6. С. 120–126.

6. *Bozhko V.P.* Management of financial stability of enterprises / V.P. Bozhko, S.Yu. Balychev, A.M. Batkovskiy, M.A. Batkovskiy // Economics, statistics and computer science. Herald UMO. 2013. № 4. P. 33–37

7. *Mingaliyev K.N.* Financial recovery of enterprises in the conditions of recession and post-crisis development of the Russian economy (theory and tools) / K.N. Mingaliyev, A.M. Batkovskiy, M.A. Batkovskiy, I.V. Bulava, V.P. Bozhko and others. Ed. K.N. Mingaliyeva. M. : MAOK, 2010. 339 p.

8. *Batkovskiy A.M.* Assessment of economic stability of enterprises of the military-industrial complex / A.M. Batkovskiy, M.A. Batkovskiy, S.V. Gordeyko, A.P. Merzlyakova // Audit and financial analysis. 2011. № 6. P. 120–126.

Богомолова Юлия Игоревна

кандидат экономических наук,
проректор по учебной работе,
доцент,
Институт международных
экономических связей
j.bogomolova@imes.su

Yulia I. Bogomolova

Candidate of Economic Sciences,
Vice Rector for Study,
Associate Professor,
Institute of the International
Economic Relations
j.bogomolova@imes.su

**ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ
КАК КЛЮЧЕВАЯ КАТЕГОРИЯ
ЭКОНОМИКИ ТРУДА:
СОДЕРЖАНИЕ,
ФАКТОРЫ, ФУНКЦИИ**

**LABOR POTENTIAL
AS KEY CATEGORY
OF ECONOMY OF WORK:
MAINTENANCE,
FACTORS, FUNCTIONS**

Аннотация. Актуальность публикации определена значимостью категории «трудовой потенциал» (ТП) в науке и практике: различные его аспекты привлекают пристальное внимание ученых и практиков экономико-трудового профиля, а результаты исследований остаются востребованными как в теоретическом, так и в практическом плане. В свете критического осмысления позиций ученых и практиков в отношении ТП в статье сформулированы принципиальные основы авторской концепции трудового потенциала в единстве его составляющих, фаз воспроизводства ТП, факторов его воспроизводства, его функций и уровней.

Ключевые слова: трудовой потенциал, экономика труда, трудовые ресурсы, экономически активное население, человеческие ресурсы, человеческий капитал, человеческий потенциал, демографический потенциал.

Экономика труда, занимая важное место в структуре современного научного знания, имеет своим содержанием исследования тенденций и закономерностей трудовой деятельности людей, их социально-трудовых отношений, воспроизводства трудовых ресурсов и рабочей силы, правовых, организационных и социально-экономических механизмов управления трудом [14].

В вышеприведенной выдержке из раздела Паспорта ВАК, посвященного экономике труда, содержатся научные понятия, которые могут быть отнесены к категории ключевых в рамках отдельно взятой области знания, в данном случае – экономико-трудовой направленности. Действительно, такие термины, как «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «социально-экономические механизмы управления трудом» носят основополагающий характер, образуя фундамент соответствующих научных школ, концепций, теорий и т.д. Представляется несомненным, что к числу последних следует также отнести понятие «тру-

Annotation. The relevance of the publication is determined by the significance of the «labor potential» category in different spheres of science and practice: its various aspects attract the attention of scientists and practitioners of the economic and labor profile, and the results of research remain relevant both in theoretical and in practical terms. According to the results of critical comprehension different positions of scientists and practitioners in labor potential, the author formulates the basic principles of labor potential concept of in the unity of its components, phases of reproduction of labor potential, its factors, functions and levels.

Keywords: labor potential, labor economics, labor resources, economically active population, human resources, human capital, human potential, demographic potential.

довой потенциал» (ТП), занимающее ключевое место в рассматриваемой научной области.

Аргументируя данный тезис, следует прежде всего указать на наличие авторитетных научных школ, в рамках которых разрабатываются различные аспекты рассматриваемой категории. В этой связи Л.В. Трункина по критерию содержания исследуемых проблем выделяет четыре главных подхода к изучению категории «трудовой потенциал»:

- 1) ресурсный (т.е.ТП как ресурс – Л.С. Дегтярь, В.А. Шахова, А.С. Панкратов, Г.С. Вечканов, Г.П. Сергеева, Л.С. Чижова и др.);
- 2) трудовой – с позиций процесса труда (т.е. ТП как совокупная способность к труду – И.С. Маслова, А.Э. Котляр, А.Г. Новицкий, О.Ю. Голодец, А.Г. Косаев и др.);
- 3) трудовой – с позиций результата труда (т.е. ТП как возможный результат труда – В.К. Врублевский, М.И. Скаржинский, Ю.И. Баландин, А.И. Тяжов, Д. Маркович и др.);

4) факторный (т.е. ТП как совокупность материальных и трудовых факторов достижения целей производства – Р.П. Колосова, А.С. Панкратов, М.П. Тодаро, Н.И. Шаталова и др.). Отдавая должное проделанной Л.В. Трунковой работе по систематизации многих источников, вместе с тем необходимо отметить, что ее позиция небезупречна: так, что касается первого подхода, то нельзя отождествлять ТП как совокупность возможностей к труду с реально задействованной совокупностью ресурсов (в т.ч. трудовых) в конкретном процессе труда. Второй подход представляется наиболее верным с той лишь конкретизацией, что под совокупной способностью к труду следует понимать комплекс физических и интеллектуальных возможностей человека для целей труда. Критика третьего подхода сводится к тому, что ТП, как уже отмечалось, есть совокупность возможностей, потенциалов человека к труду, но не его результат. Наконец, четвертый подход представляется излишне расширительным, поскольку в ТП включаются и материальные факторы. Кроме этого, факторы в данном контексте по сути ближе к реальным ресурсам, а трудовой потенциал – это прежде всего возможности, потенциалы человека в сфере общественно-полезной деятельности.

В свете вышеизложенного представляется доказанным то обстоятельство, что различные аспекты ТП привлекают пристальное внимание ученых и практиков экономико-трудового профиля. Вместе с тем нельзя не отметить и то, что в уже упоминавшемся разделе паспорта ВАК по экономике труда рассматриваемая категория отсутствует. В этой связи возникает необходимость в дополнительных аргументах относительно принадлежности термина «трудовой потенциал» к исследуемой области знания. В данном контексте принципиально важно то, что за последние 25 лет реализовано большое количество диссертационных исследований, посвященных изучению ТП и защищенных по экономико-трудовому профилю. По данным сайта Российской государственной библиотеки ([https:// www.rsl.ru/](https://www.rsl.ru/)) за период с 1993 года по 2018 год по рассматриваемым проблемам были защищены 27 кандидатских и докторских диссертаций, 17 из которых (или 63 %) приходились на экономику труда. Из оставшихся десяти работ три были защищены по экономической теории, две – по демографии, одна – по сфере услуг, одна – по экономике, планированию и организации управления народным хозяйством. Следует подчеркнуть, что лишь три диссертационных исследования носили неэкономический характер и были реализованы в рамках социологии управления.

Что касается упомянутых диссертаций по экономике труда, то здесь нюансы таковы: восемь работ были посвящены рассмотрению ТП на уровне предприятия, четыре – на уровне региона, одна – на уровне отрасли. В пяти работах исследовался трудовой потенциал как таковой с его привязкой либо к условиям переходной экономики, либо к фазам воспроизводства ТП.

Итак, резюмируя все вышесказанное, представляется возможным позиционировать трудовой

потенциал в качестве одной из ключевых экономико-трудовых категорий, исследования различных аспектов которой остаются востребованными как в теоретическом, так и в практическом плане.

В силу важности категории «трудовой потенциал» необходимо рассмотреть ее соотношение с другими ключевыми понятиями экономики труда, характеризующими людей как носителей труда, субъектов социально-трудовых отношений, а именно: трудовыми ресурсами, экономически активным населением, человеческими ресурсами, человеческим капиталом, человеческим потенциалом, демографическим потенциалом и т.д.

Как известно, термин «трудовые ресурсы» является атрибутом плановой экономики и трактуется как доля населения в трудоспособном возрасте, которая может быть использована при производстве благ и услуг. Понятие «экономически активное население» шире первой категории, поскольку охватывает также группы занятого населения за пределами трудоспособного возраста.

Что касается категории «человеческие ресурсы», введенной в научный оборот американскими учеными Д. Макгрегором и М. Фоллетт, то она, во-первых, имеет своей основой экономическую оценку способности работника создавать определенный доход благодаря имеющимся у него способностям; во-вторых, производительность и длительность труда работника ставится в зависимость от материального вознаграждения и нематериального стимулирования [2].

Вышеприведенный подход представляется сугубо прагматическим и применимым исключительно к стандартным условиям воспроизводства человека как субъекта общественно полезной деятельности. Недостатки данной концепции могут быть сведены к следующим моментам: во-первых, эта методология вряд ли применима в случаях уникальных, нестандартных способностей, сопряженных, к тому же, с особыми условиями их развития; во-вторых, в рыночных условиях не всегда существует жесткая корреляция между уровнем способностей и уровнем доходов; в-третьих, к оценке трудовой деятельности не всегда применимы исключительно экономические критерии. Зачастую более важными оказываются социальные, интеллектуальные, экологические и другие аспекты.

Во второй половине 20 века широкое распространение получила теория человеческого капитала, у истоков которой стояли Г. Беккер и Т. Шульц. В их понимании человеческий капитал представлял собой имеющуюся у каждого рационально действующего работника совокупность знаний, навыков, мотиваций [5]. Уязвимость данной концепции связана прежде всего с тем, что сутью капитала как одной из базисных категорий экономической науки является процесс самовозрастания его стоимости в процессе производства. Не вызывает сомнений, что это самовозрастание имеет место лишь для капиталиста, инвестирующего в материальные и субъ-

ективные факторы производства, которые может протекать и без его непосредственного участия, но с получением соответствующей прибыли (прироста над первоначальной стоимостью). Что касается наемного работника, то его обязательное непосредственное участие в процессе труда отражается категорией «создание стоимости», а не термином ее самовозрастания.

Еще одна достаточно распространенная категория - человеческий потенциал – характеризуется как запас физического и нравственного здоровья, накопленный населением, а также совокупность общекультурных и профессиональных компетенций, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей [3]. Несомненно, категория «человеческий потенциал» более предпочтительна, чем все предшествующие понятия. В то же время она достаточно широка и охватывает, помимо физических и интеллектуальных трудовых способностей, профессиональных компетенций, еще и запас физического и нравственного здоровья. При этом все вышеперечисленное может быть использовано не только в рамках общественно полезной трудовой деятельности, но и в целях прочей человеческой активности, в т.ч. в сугубо индивидуальном формате.

Практическое применение категории «человеческий потенциал» связано прежде всего со сферой межстрановых сравнений и сопоставлений, что обусловлено интегральным характером исследуемого термина.

Наконец, демографический потенциал определяется как совокупная способность населения к постоянному возобновлению поколений [22]. При этом на первый план выступают цели и условия развития государства и общества [18], что дает основания полагать: при таком подходе важны не только (и не столько) экономические результаты, но главным образом – механизмы обеспечения национальной безопасности.

Обобщая все вышесказанное, представляется возможным использовать в качестве понятия, наиболее полно характеризующего человека как носителя труда/субъекта общественно полезной деятельности, категорию «трудовой потенциал». В этой связи возникает необходимость ее определения и научно обоснованного структурирования, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть некоторые из зафиксированных в литературе дефиниций.

В соответствии с одной из позиций, «трудовой потенциал понимается как запасы труда, количество и качество которых зависят от общей численности трудовых ресурсов, которыми располагает общество, их половозрастной и профессионально-квалификационной структуры, от уровня занятости, накопленных знаний, степени соответствия демографической структуры работающих условиям повышения эффективности труда, а также территориальной и профессиональной мобильности населения» [4]. Принимая данное определение в целом, представляется необходимым акцентировать следующее несо-

ответствие: трудовой потенциал, согласно приведенному выше определению, является аккумулярованным «запасом труда». В то же время в отношении возможности «хранения» труда существуют определенные сомнения: затруднения в организации этого процесса менее проявлены, если проводится анализ «прошлого» труда, уже воплощенного в материальных ценностях. В то же время для живого труда как целесообразного процесса человеческой деятельности очевидна невозможность организации процесса такого «хранения».

Подчеркивая более широкие возможности использования категории «трудовой потенциал» в сравнении с прочими, следует отметить, что трудовым потенциалом обладают люди и за пределами трудоспособного возраста, пусть и в специфической форме. Таким образом, учитывается все население в трудоспособном возрасте и за его пределами, занятое или вовлеченное в профессиональную подготовку [16]. Как и для трудовых ресурсов, в отношении категории «трудовой потенциал» принимаются во внимание количественные и качественные характеристики; однако вряд ли это можно рассматривать как специфическую ее черту [23].

Представляется, что результатом реализации трудового потенциала является созидательная активность общества [6]. При этом переход трудового потенциала в реальные производительные силы общества происходит в результате непосредственного воздействия социально-экономических, духовных и социально-психологических факторов, способствующих переходу потенциала в реальные производительные силы общества [16]. В связи с выявленными взаимосвязями акцентируется важность обеспечения перехода трудового потенциала в реальные производительные силы общества (лучше это сформулировать так: необходимость обеспечения трансформации ТП в реально функционирующие производительные силы общества). Представляется, что для его решения требуется в первую очередь задействовать не духовные и социально-психологические факторы (при всей их важности), а управленческие механизмы, обеспечивающие воспроизводство ТП в единстве всех стадий в соответствии с качественными и количественными приоритетами общества.

В качестве основного источника трудового потенциала различные исследователи выделяют конкретного работника как его носителя, предлагая рассматривать всю совокупность его психофизиологического, квалификационного и личного потенциала. Например, Стаканова О.В. и Шкартан О.И. включают в структуру ТП следующие составляющие:

- а) психофизиологическую (особенности психики и физиологии человека);
- б) квалификационную (совокупность профессиональных компетенций, знаний, умений, навыков – ЗУНов);
- в) личностную (нравственные принципы, духовные начала, внутреннюю культуру и т.д.) [19]. Авторская позиция в этом отношении такова: выделяемые в литературе подходы к определению

нию уровней ТП и масштабов его носителей требуют существенного расширения.

В результате критического осмысления позиций вышеприведенных и других исследователей в отношении ТП представляется возможным сформулировать следующие принципиальные основы авторской концепции трудового потенциала в единстве его составляющих, фаз воспроизводства ТП, факторов его воспроизводства, его функций и уровней.

Во-первых, ТП является важнейшей составной частью человеческого потенциала, образуя его основу и определяя его фундаментальные характеристики. Иными словами, человеческий потенциал представляет собой более широкую категорию, вбирающую в себя весь спектр возможностей, способностей и сфер жизнедеятельности человека. Трудовой потенциал охватывает совокупность возможностей человека лишь в сфере общественно-полезной деятельности, обусловленную его физиологией, образованием и опытом профессиональной деятельности.

Во-вторых, в свете вышесказанного в структуре ТП по критерию факторов формирования его компонентов выделяются следующие основные составляющие:

- а) физиологическая;
- б) образовательная;
- в) профессиональная.

В рамках физиологической составляющей особо важная роль принадлежит таким элементам, как:

- а) состояние здоровья;
- б) особенности психофизиологических процессов;
- в) выносливость/работоспособность и т.д.

Содержание образовательной составляющей образуют накопленные знания, навыки, умения, профессиональные компетенции. Профессиональная составляющая включает в себя опыт работы, профессиональные способности и т.д. Следует указать на наличие комплексных элементов ТП, в которых синтезируется влияние его составляющих. В их числе: трудовая мобильность; мотивация; организованность – несомненно, что они сочетают в себе элементы здоровья, образования и профессиональной деятельности.

В-третьих, в содержание ТП не следует включать чрезмерно большое количество составляющих. Во-первых, как уже отмечалось, ТП является лишь одной из разновидностей человеческого потенциала; во-вторых, нецелесообразно излишне дробить составляющие ТП, доводя их до уровня отдельных характеристик человека. Думается, что последние представляют собой очень конкретные формы проявления личностных и профессиональных черт индивида.

В-четвертых, трудовой потенциал должен рассматриваться как динамический процесс в единстве нескольких последовательных фаз:

- а) дотрудовой (включающей общее и профессиональное обучение, а также профориентацию);
- б) выхода на рынок труда с возможным трудоустройством;
- в) реализации трудовых функций в конкретной организации;
- г) высвобождения.

Процесс воспроизводства ТП с выделением характерных для различных социальных групп особенностей в рамках каждой из них, как представляется, должен носить системный, т.е. управляемый характер.

В-пятых, представляется правильным постановка вопроса о факторах, влияющих на воспроизводство ТП, и их классификация. В этой связи исследуемые факторы следует называть «факторами воспроизводства ТП», а их классификацию можно произвести по различным критериям / основаниям. При таком подходе получают следующие варианты систематизации:

а) по фазам воспроизводства ТП – факторы формирования, аллокации, использования, высвобождения;

б) по уровню влияния на воспроизводство ТП – факторы, действующие на уровне: отдельной личности, предприятия, отрасли, региона (природно-климатические, экологические, демографические, социальные, экономические, национально-культурные, религиозные), народного хозяйства (правовые, общественно-политические, макроэкономические, технико-технологические, социально-воспроизводственные);

в) по воздействию на характер воспроизводства ТП – деструктивные и позитивные;

г) по источнику возникновения факторов – субъективные и объективные.

В-шестых, представляется правильным постановка вопроса о факторах, влияющих на воспроизводство ТП, и их классификация. В этой связи исследуемые факторы следует называть «факторами воспроизводства ТП», а их классификацию можно произвести по различным критериям / основаниям. При таком подходе получают следующие варианты систематизации:

а) по фазам воспроизводства ТП – факторы формирования, аллокации, использования, высвобождения;

б) по уровню влияния на воспроизводство ТП – факторы, действующие на уровне: отдельной личности, предприятия, отрасли, региона (природно-климатические, экологические, демографические, социальные, экономические, национально-культурные, религиозные), народного

хозяйства (правовые, общественно-политические, макроэкономические, технико-технологические, социально-воспроизводственные);

в) по воздействию на характер воспроизводства ТП – деструктивные и позитивные;

г) по источнику возникновения факторов – субъективные и объективные.

Наконец, помимо ТП на уровне отдельного работника и поколения, целесообразно рассматри-

вать трудовой потенциал коллектива предприятия, населения региона, работников отдельной отрасли/комплекса, населения страны и пр. Не вызывает сомнения правомерность термина «трудовой потенциал социальной группы» (к примеру, мигрантов, бывших военных, инвалидов) [1]. Исследование специфики трудового потенциала различных социальных групп как субъектов рынка труда, в свою очередь, может быть проведено в том числе в контексте региональных, отраслевых, демографических и других обстоятельств.

Литература:

1. *Богомолова Ю.И.* Инвалиды как специфические субъекты рынка труда: особенности трудоустройства, реализации трудовых функций и высвобождения // Креативная экономика. 2018. № 10.

2. *Веснин В.Р.* Менеджмент : учебник. 3-е изд., переработанное и дополненное. М. : Проспект, 2007. С. 51–53; *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. 145 с.

3. *Вишневский А.Г.* Демографический и трудовой потенциал населения России / А.Г. Вишневский, С.А. Васин, Ж.А. Зайончковская; Под ред. Д.С. Львова. // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики). М. : Экономика, 1999. 277 с.

4. *Генкин Б.М.* Экономика и социология труда: учебник для вузов. М. : Норма. 2006. 98 с.

5. *Гловели Г.Д.* История экономических учений : учеб, пособие для бакалавров. М. : 2013. 178 с.

6. *Гольдин М.И.* Актуальные проблемы развития трудового потенциала общества зрелого социализма // Вопросы философии. 1982. № 5.

7. *Катайтцева Е.А.* Сущность понятия «человеческий капитал» // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2009. № 6.

8. *Колосова Р.П.* Трудовой потенциал промышленности. М., 1987. С.8.

9. *Костин Л.Л.* Проблемы экономики труда. Избранное : в 2-х т. Т. 1. 4.1. Трудовые ресурсы и трудовой потенциал. М. : АТИСО, 2005. 159 с.

10. *Котляр А.Э.* Формирование и использование трудового потенциала // Вопросы экономики. 1987. № 9.

11. *Леденева Е.* Трудовой потенциал как экономическая категория // Человек и труд. 2008. № 1.

12. *Магомедов М.М.* Трудовой потенциал в стратегии социально-экономического развития (региональный аспект) : автореф. дис. ... докт. экон. наук. М. : ИНЖЭКОН РАН, 2001. 288 с.

13. *Маслова И.С.* Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования. М. : Ин-т экономики РАН, 1987. 306 с.

Literature:

1. *Bogomolova Y.I.* Persons with disabilities as specific subjects of the labor market: features of employment, the implementation of labor functions and release // Creative economy. 2018. № 10.

2. *Vesnin V.R.* Management : textbook. 3rd ed., revised and supplemented. M. : Prospect, 2007. P. 51–53; *Grishina N.V.* Psychology of conflict. 2-e Izd. SPb. : Peter, 2008. 145 p.

3. *Vishnevskiy A.G.* Demographic and labour potential of the population of Russia / A.G. Vishnevskiy, S.A. Vasin, Zh.A. Zayonchkovskaya edited by D.S. Lvov. // The Path to the XXI century (strategic problems and prospects of the Russian economy). M. : Economy, 1999. 277 p.

4. *Genkin B.M.* Economics and sociology of labor: textbook for universities. M. : Norma. 2006. 98 p.

5. *Gloveli G.D.* History of economic studies / Studies, manual for bachelors. M. : 2013. 178 p.

6. *Goldin M.I.* Actual problems of development of labor potential of society of Mature socialism // questions of philosophy. 1982. № 5.

7. *Kataytseva E.A.* The Essence of the concept of «human capital» / Bulletin of the Russian Academy of public administration under the President of the Russian Federation. 2009. № 6.

8. *Kolosova R.P.* Labor potential of the industry. M., 1987. P. 8.

9. *Kostin L.L.* Problems of labor Economics. Favorites : in 2 vol. Vol. 1. 4.1. Labor resources and labor potential. M. : ATISO, 2005. 159 p.

10. *Kotlyar E.A.* Formation and use of labor potential // Problems of Economics. 1987. № 9.

11. *Ledeneva E.* Labor potential as an economic category // Man and labor. 2008. № 1.

12. *Magomedov M.M.* Labor potential in the strategy of socio-economic development (regional aspect): author : dis. ... doc. econ. sciences'. M. : chain of RAS, 2001. 288 p.

13. *Maslova I.S.* Labor potential of the Soviet society: questions of the theory and methodology of research. M. : Institute of Economics of RAS, 1987. 306 p.

14. Паспорт научных специальностей ВАК 08.00.05. URL : <http://teacode.com/online/vak/p08-00-05.html> (дата обращения 08.11.2018).
15. *Первушин А.С.* Главные тенденции воспроизводства экономически активного населения современного мира. Проблемы народонаселения и мировое развитие. М., 1986. 455 с.
16. *Пирожков С.И.* Избранные научные труды : в 2 т. Т. 1. Демографический и трудовой потенциал. Киев : Нац. торг.-экон. ун-т, 2008. 356 с.
17. *Ракитский В.В., Ракитская Г.Я.* Труд: современная теория и методология / Под общ. ред. Н.А. Волгина. М. : РАГС, 2007. 177 с.
18. *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М. : Наука, 2007. 355 с.
19. *Стаканова О.В.* Принципы изучения социальных факторов / О.В. Стаканова, О.И. Шкаратан; Под ред. О.И. Шкаратана // Рабочий и инженер: Социальные факторы эффективности труда. М. : Мысль, 1985.
20. *Сукнева С.А.* Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск : Наука, 2010.
21. Трудовые ресурсы. Социально-экономический анализ / Под ред. В.Г. Костакова. М. : Экономика. 1976.
22. *Федотовская Т.А.* Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации // Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФСИРФ. М., 2001.
23. *Чижова Л.С.* Трудовой потенциал страны / Л.С. Чижова, Т.П. Сергеева. М., 1982.
24. *Якшибаева Г.В.* Трудовой потенциал: эффективность функционирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2001.
14. The passport of scientific specialties WAC 08.00.05. URL : <http://teacode.com/online/vak/p08-00-05.html> (accessed 08.11.2018).
15. Pervushin the main trends in the reproduction of the economically active population of the modern world. Population issues and world development. M., 1986. 455 p.
16. *Pirozhkov S.I.* Selected scientific works: in 2 vol. Vol. 1. Demographic and labour potential. Kyiv : NAT. auction.- econ. UN-t, 2008. 356 p.
17. *Rakitskiy V.V.* Labor: the modern theory and methodology / V.V. Rakitskiy, G.J. Rakitskaya; ed. by H.A. Volgina. M. : RAGS, 2007. 177 p.
18. *Soboleva I.V.* Human potential of the Russian economy: problems of preservation and development. M. : Science, 2007. 355 p.
19. *Stakanova O.V.* Principles study of social factors / O.V. Stakanova, O.I. Shkaratan; ed. by O.I. Shkaratan // the worker and the engineer: Social factors of labour productivity. M. : Thought, 1985.
20. *Sukneva S.A.* The Demographic potential of the population of the Northern region. Novosibirsk : Science, 2010.
21. Labor. Socio-economic analysis / edited by V.G. Kostakov. M. : Economy, 1976.
22. *Fedotovskaya T.A.* human potential development Problems in the activities of the Council of Federation. Information and analytical Department of the Federation Council. M., 2001.
23. *Chizhova L.S.* Labor potential of the country / L.S. Chizhova, T.P. Sergeeva. M., 1982.
24. *Yakshibaeva G.V.* Labour potential: efficiency : author. dis. ... kand. eCON. sciences'. Ufa, 2001.

Власов Михаил Михайлович

аспирант кафедры
экономики и управления предприятиями
и производственными комплексами,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
mikhail.m.vlasov@gmail.com

СОСТОЯНИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РФ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматривается состояние малых и средних промышленных предприятий в посткризисный период, проанализированы проблемы функционирования малого и среднего предпринимательства, а также проведен анализ динамика малого предпринимательства по регионам России.

Также данная статья содержит статистические данные по малым и средним промышленным предприятиям за 2012 и 2014 годы, а также сравнительный анализ с 2016 и 2017 годами. В статье наглядно отражен период начала кризиса 2012 года и его посткризисного периода, а также, влияние нового мирового кризиса, начавшегося в 2014 году. В завершении статьи сделаны выводы по результатам исследования.

Ключевые слова: кризис, посткризисный период, предприятие, малые и средние промышленные предприятия, динамика.

После распада СССР в 1991 году Россия пережила 3 крупных кризиса 1998, 2008, и 2014 года. Каждый из них сильно ударил по экономике страны и привел к негативным последствиям для малого и среднего предпринимательства.

За последние 6 лет экономика страны находится в состоянии рецессии. Все началось в 2012 году, когда на фоне относительно благополучной экономической ситуации произошел резкий спад ВВП и замедлился его рост. В 2014 году ситуация усугубилась введением экономических санкций в отношении нашей страны и резким снижением цен на нефть, что обусловило еще большее падение ВВП в России. Итогом этих событий стал очередной удар по экономике РФ, снижение ВВП на 3,7 %, сокращение располагаемых доходов населения на 6,3 %, и повышение безработицы на 7,4 процента. Ситуация, которая сложилась в экономике на сегодняшний день, говорит о том, что необходимо производить структурные преобразования для поиска новых

Mikhail M. Vlasov

Graduate Student
of Department of Economy
and Management of the Enterprises
and Industrial Complexes,
St. Petersburg State Economic University
mikhail.m.vlasov@gmail.com

THE STATE OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES OF THE INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE POST-CRISIS PERIOD

Annotation. The article discusses the state of small and medium-sized industrial enterprises in the post-crisis period, analyzes the problems of functioning of small and medium-sized businesses, and also analyzes the dynamics of small businesses in the Russian regions.

Also, this article contains statistical data on small and medium-sized industrial enterprises for 2012 and 2014, as well as a comparative analysis with 2016 and 2017. The article clearly reflects the period of the beginning of the crisis in 2012 and its post-crisis period, as well as the impact of the new global crisis that began in 2014. In the end, the conclusions on the study.

Keywords: crisis, post-crisis period, enterprise, small and medium industrial enterprises, dynamics.

источников финансового и экономического роста [1, с. 17].

Малое и среднее предпринимательство в России является важной экономической составляющей, так как таких предприятий в стране абсолютное большинство, и они приносят основную часть дохода в казну. Однако в кризисный период именно предприятия малого и среднего бизнес-сегмента страдают в первую очередь. Первый удар приходится не по огромным корпорациям и концернам, а по небольшим фирмам с меньшим оборотом и числом клиентов и партнеров. После 2014 года произошло резкое повышение количества предприятий – банкротов и большая часть из них относится к малому и среднему бизнесу. Несмотря на это, в 2015 отмечался высокий прирост таких предприятий, что вызвано, вероятнее всего, потерей рабочих мест, и вынужденностью поиска населением альтернативных источников заработка [3, с. 100].

Особое место в данном вопросе стоит уделить малым и средним предприятиям промышленного

сектора. Промышленный сектор является показателем устойчивой и конкурентоспособной экономики в стране. Как и все отрасли, промышленность переживает нелегкие времена в связи с кризисом в стране. Основными показателями кризисной ситуации в промышленной сфере является высокий индекс цен производителей, недостаток финансовых ресурсов, снижение инвестирования, а также спад объемов производства.

Как отмечалось ранее, для выхода из кризиса необходимо искать новые источники финансирования, «делать ставки» на наиболее перспективные отрасли экономики, и на их основе проводить необходимые преобразования. Промышленность является той отраслью, на которую необходимо делать упор в первую очередь, так как она является фундаментом экономики нашей страны и ведущей отраслью народного хозяйства. Основным упор необходимо делать на поддержку малого и среднего бизнеса именно в этой отрасли, так эти предприятия способствуют росту экономики страны [5, с. 81].

Посткризисный период – самое благополучное время для выравнивая финансовой ситуации в стране и стабилизации её экономики. В связи с

этим, очень полезным является изучение опыта прошлых лет, когда Россия находилась в послекризисном периоде, и проанализировать состояние промышленности на тот период времени. После кризиса 2008 года страна начала оправляться в 2011 году, и именно этот период можно назвать посткризисным. Он продолжался примерно до конца 2012 года. Если акцентировать свое внимание на промышленности, то в этот период она восстанавливала свои докризисные показатели. Малые и средние промышленные предприятия, которые смогли удержаться «на плаву» во время кризиса, быстро стабилизировали и укрепили свое положение на рынке. Это связано с тем, что с одной стороны, наиболее сильно подвержены негативным процессам и явлениям в экономике и, в то же время, обладают внутренними ресурсами, способностью максимальной адаптации к подобным изменениям, сохранению положительной инерции в экономическом развитии. Для более полной картины стоит сравнить показатели 2011 года, когда страна уже немного оправилась от кризиса и 2014 года, когда начался новый кризисный период в экономике.

Таблица 1

Статистика по малым и средним промышленным предприятиям на 2011, 2014, 2016 и 2017 годах [5, с. 93]

вид деятельности	число предприятий на конец года (тыс.)	среднесписочная численность работников	оборот за год млрд руб
добыча полезных ископаемых			
2011	6,2	46,4	85,8
2014	7,7	49,7	113,5
2016	1,2	47,1	138,6
2017	1,3	44,8	150,2
Обрабатывающие производства			
2011	171,3	1542,8	2007,9
2014	199,9	1547,0	2459,2
2016	44,8	1134,6	2678,4
2017	33,2	1058,1	2822,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды			
2011	11,4	144,5	123,7
2014	13,1	142,1	172,8
2016	8,6	112,5	145,6
2017	2,9	87,1	166,6

По результатам, представленным в таблице 1, можно сделать вывод о том, что с 2011 по 2014 годы произошел резкий скачок в развитии всех отраслей промышленности. Самые высокие показатели по данным статистики у обрабатывающего производства. Так, на 2011 год число малых и средних предприятий в данной области было около 172 тысяч и за год выросло до почти 200 тысяч. Самые низкие показатели отмечаются у предприятий по добыче полезных ископаемых. Так, в 2011 году их насчитывалось 6,2 тысячи, а в 2014 – 7,7 тысяч [6, с. 93]. В 2016 и 2017 г. отмечается резкое падение численности предприятий промышленной отрасли. Некоторые виды производства резко сокращают число производственных объектов, а соответственно, и численность персонала. Это происходит на фоне негативных последствий санкций, которые были введены против нашей страны в 2014 году. От них пострадали все сферы экономики страны, и промышленной сфере также был нанесен огромный ущерб [6, с. 190].

В послекризисный период необходима поддержка малого предпринимательства, и большую роль играют инновации и технологическое развитие производства.

Технологические инновации – конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового либо усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности.

В 2011 году на технологические инновации было потрачено 9479,3 млн рублей по всем видам промышленности малых и средних предприятий, а в 2014 году эта цифра достигла 12151 млн рублей [6, с. 96].

Глобальный экономический кризис внес свою лепту в экономическое состояние страны и развитие различных видов предпринимательства.

Стало понятно, что в стране требуются модернизации производства и управления на всех уровнях. Российская экономика показала себя как очень неустойчивая и подверженная колебаниям мирового рынка. Это отразилось на таких показателях, как ВВП, уровень безработицы. При этом спад ВВП и промышленного производства стал одним из самых глубоких в мире [2, с. 46].

Малое и среднее предпринимательство в области промышленного производства оказалось под серьезным ударом, и потребовалось несколько лет, чтобы, после выхода страны из кризиса укрепиться на рынке. В период с 2011 по 2014 год был виток развития малых и средних промышленных предприятий, увеличение годового оборота, и налаживание производства. Также были внесены большие средства в технические инновации в промышленной сфере малых предприятий, что позволило им стать более конкурентоспособными [4, с. 40].

Литература:

1. Дягель О. Анализ тенденций развития малого предпринимательства / О. Дягель, Е. Поклонова. Германия, Саарбрюккен : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 176 с.
2. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития; 2017. № 21(59)
3. Мусиенко С.О. Сравнительный анализ основных форм финансирования малых промышленных предприятий // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8
4. Остапкович Г.В. Посткризисные тенденции развития малых промышленных организаций России / Г.В. Остапкович, И.С. Лола, Л.А. Китрар // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 1.
5. Промышленное производство. Статистический сборник. М., 2016.
6. Малое и среднее предпринимательство в России. Статистический сборник // Росстат. М., 2017.
7. Россия в Цифрах. Официальное издание. Росстат. М., 2017.

Следует заметить, что в посткризисный период необходимо изменить акценты в государственной политике финансовой поддержки промышленных предприятий. Основными приоритетами этой политики должны стать сохранение и усиление промышленного и технологического потенциалов будущего экономического роста. Для ее реализации важно изменить критерий выбора объектов для государственной финансовой поддержки – перейти к адресной поддержке субъектов хозяйствования, которые имеют национальное стратегическое значение, владеют высоко технологичным потенциалом и производят продукцию, которая в перспективе может быть конкурентоспособной на мировых рынках и приносить доход. Для этого целесообразно создавать государственные реестры высокотехнологичных товаров промышленного комплекса и высокотехнологичных промышленных предприятий.

Literature:

1. Dyagel O. Analysis of trends of development of small business / O. Dyagel, E. Poklonova. Germany, Saarbruecken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 176 p.
2. Monitoring of an economic situation in Russia. Trends and calls of social and economic development; 2017. № 21(59)
3. Musiyenko S.O. Comparative analysis of the main forms of financing of the small industrial enterprises; Humanitarian scientific research. 2014. № 8
4. Ostapkovich G.V. Post-crisis trends of development of the small industrial organizations of Russia / G.V. Ostapkovich, I.S. Lola, L.A. Kitrar // Economic magazine HSE. 2014. № 1.
5. Industrial production. Statistical collection. M., 2016.
6. Small and average business in Russia. Stitistichesky collection // Rosstat. M., 2017
7. Russia in Figures. Official publication // Rosstat; M, 2017.

Данилова Елена Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. Аммосова,
кафедра экономической теории,
Финансово-экономический институт
elena_danilova@inbox.ru

Семенова Ариадна Гаврильевна

кандидат политических наук,
доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. Аммосова,
кафедра социологии
и управления персоналом,
Финансово-экономический институт
ariadnasemen@mail.ru

БЕДНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «бедность», социально-экономические факторы и пути решения данной проблемы, в том числе, через пилотные проекты по снижению уровня бедности. Особое внимание уделено главным показателям уровня жизни населения – денежным доходам и объему потребления. Авторы рассмотрели результаты пилотного социологического исследования уровня жизни населения двух районов Республики Саха (Якутия) – Ленского и Олекминского. Целью данного исследования является рассмотрение уровня жизни населения, денежных доходов и объема потребления, анализ социально-экономических факторов бедности и пути снижения бедности в этих двух районах.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, экономическая политика, человеческий капитал, качество жизни населения, уровень жизни, денежные доходы, материальное положение, бедность.

Задача снижения уровня бедности и имущественного неравенства населения является одной из основных на современном этапе развития Российского государства. По показателям качества и уровня жизни регионы Дальнего Востока находятся ниже среднероссийских [3]. В рейтинге регионов РФ по качеству жизни населения Республика Саха (Якутия) находится на 71 месте [6]. Масштабы бедности в Республике Саха (Якутия) превышают и средний показатель по регионам Дальневосточного федерального округа. За три последних года численность официально признанных бедными в Республике Саха (Якутия) увеличилась с 156 тыс. человек до

Elena V. Danilova

Candidate of Economic Sciences,
Docent,
Ammosov North-Eastern Federal University,
Institute of Finances and Economics,
Department of Economic Theory
elena_danilova@inbox.ru

Ariadna G. Semenova

Candidate of Political Sciences,
Docent,
Ammosov North-Eastern Federal University,
Institute of Finances and Economics,
Department of Sociology
and Human Resources Management
ariadnasemen@mail.ru

POVERTY AS A SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEM

Annotation. In the article, the authors analyze poverty, social and economic factors of poverty, solutions of the problem including pilot projects to reduce poverty. The authors lay special emphasis on the main indicators of living standards such as money income and consumption. The authors summarize the results of the pilot sociological survey, taken place in two regions, Lenskiy and Olekminskiy of Republic Sakha (Yakutiya). The goal of the survey was to consider the quality of life of the population, money income and consumption, to analyze social and economic factors of poverty and to find solutions of reducing the poverty in these regions.

Keywords: social and economic development, economic policy, human capital, quality of life of the population, standard of living, money income, financial situation, poverty.

186 тыс. человек, каждый пятый житель республики имел доходы ниже величины прожиточного минимума [3, с. 280, 281].

Критерии бедности различны [2, с. 220]. В России бедность рассчитывается на основе сравнения среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума, который официально определяется как черта бедности.

В целях изучения уровня жизни населения, масштабов бедности и выявления причин и факторов ее формирования было осуществлено пилотное социологическое исследование уровня

жизни населения Ленского и Олекминского районов Республики Саха (Якутия). В Ленском районе были опрошены жители г. Ленска и наслега Натора. В Олекминском районе – районного центра – г. Олекминск и наслегов: I Нерюктяй, Дельгей, Мача, Урицкое, Хоринцы, Саньяхта. Всего было опрошено около 500 респондентов, 130 жителей Ленского района и 350 – Олекминского.

Распределение численности населения Ленского и Олекминского районов по величине среднедушевых денежных доходов показано в таблице 1. Доля населения, получающего доходы выше 50 тыс. руб. минимальна: 5,5 % населения г. Ленска, 4,1 % – г. Олекминск. В наслегах сельской местности, за исключением I Нерюктяя

(3,3 %), людей, имеющих высокие доходы, среди населения нет. Доходы от 31–50 тыс. руб. в Ленском районе получают 12 % населения, в Олекминском – 8 %; от 21–30 тыс. руб. – в Ленском районе – 27 %, в Олекминском – 15 %. Бедными людьми, получающими доходы на уровне прожиточного минимума, являются 38 % населения Ленского района и 60 % Олекминского.

Бедность населения колоссальна! Она значительна не только в сельских населенных пунктах, но и в районных центрах – городах. Промышленное освоение территорий слабо отражается на росте уровня жизни населения, так как на создаваемых предприятиях в основном используется привлекаемая извне, вахтовым способом, рабочая сила.

Таблица 1

Распределение численности населения Ленского и Олекминского районов по величине среднедушевых денежных доходов, (в % от общей численности респондентов)

	Величина среднедушевых денежных доходов, тыс. руб. в месяц			
	От ... до 20	21 т – 30	31–50	50 и выше
Ленский р-н:				
г. Ленск	35,5	29,1	17,3	5,5
Натора	40,0	25,0	5,0	–
Олекминский р-н:				
г. Олекминск	55,3	26,0	7,3	4,1
Нерюктяй	60,0	18,3	13,3	3,3
Урицкое	75,0	5,0	5,0	–
Хоринцы	51,4	8,6	5,7	–

Среднедушевые денежные доходы жителей исследуемых населенных пунктов таковы: г. Ленск – 25 тыс. руб., наслег Натора – 19 тыс. руб., г. Олекминск, наслега Дельгей, Мача – 21 тыс. руб., I Нерюктяй – 20 тыс. руб., Урицкое – 18 тыс. руб., Хоринцы – 19 тыс. руб. Эти показатели значительно ниже среднереспубликанского: в июле 2018 г. он составлял 38933 руб. [5]. По данному показателю Республика Саха (Якутия) занимает 11 место в РФ [3, с. 274].

Следует отметить, что достаточно большое количество опрошиваемых не ответили на вопросы о средних доходах семьи и их источниках (табл. 2). Больше число не ответивших респондентов проживает в сельской местности. Очевидно,

значительная доля такого население относится к скрыто безработным, «отчаявшимся» людям, не заявляющим о своем положении, утратившим надежду на получение работы. В то же время, можно предположить, что другая часть данного числа респондентов предпочла скрыть размеры своих реальных доходов в случае, если их работа находится в непрозрачном, теневом секторе экономики. Мы предполагаем, что работающие в теневом секторе люди являются жителями главным образом районных центров, где больше развит рыночный сектор. О низком уровне жизни людей свидетельствуют и их ответы на вопрос, на что хватает семье получаемых денег (табл. 3).

Таблица 2

Количество респондентов, не указавших размер доходов семьи и их источники (в % от общей численности респондентов)

№	Населенные пункты	Среднемесячный доход на человека в семье	Основные источники доходов семьи
Ленский район			
1	г. Ленск	12,7	6,4
2	Натора	30,0	15,0
Олекминский район			
1	г. Олекминск	7,3	7,3
2	Дельгей	23,0	18,2
3	Мача	10,0	10,0
4	I Нерюктяй	5,0	5,0
5	Урицкое	20,0	–
6	Хоринцы	34,3	20

Ответы жителей Ленского и Олекминского районов на вопрос, на что хватает семье получаемых денег

	Ленский район, в %	Олекминский район в %
не хватает, экономим на еде	7,7	15,4
на повседневные затраты хватает, но покупка одежды и обуви затруднительна	18,5	23,9
в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов (компьютер, телевизор и т.д.) нужно брать в долг или кредит	41,5	35,7
почти на все хватает, но затруднительно приобретение квартиры, дачи, машины	20,8	17,9
практически ни в чем себе не отказываем	3,1	2,5
не указали /нет ответа	8,5	4,6
Всего:	100,0	100,0

Практически ни в чем себе не отказывают около 3 % опрошенных жителей Ленского и Олекминского районов. Высокий достаток также у 18 % жителей. Большинство населения, безусловно, при невысоких доходах, испытывает сложности. Хватает на текущие расходы, но покупка дорогостоящих предметов (одежды, бытовой техники) вызывает затруднение у 60 % жителей. И совсем бедно, отказывая себе даже в еде, живут 7,7 % населения Ленского и 15,4 % – Олекминского районов.

Основным источником доходов населения в районных центрах – городах Ленске и Олекминске – является зарплата. Но при этом, занятость и доходы населения обеспечиваются, главным образом, трудоустройством в госсекторе. Занятость в промышленном секторе незначительна. Для сельского населения главным источником доходов являются пенсии и социальные пособия. Это ситуация, характерная для многих регионов России [1; 4]. Доходы от собственности и предпринимательской деятельности в совокупных доходах незначительны и не оказывают значительного влияния на уровень жизни людей.

Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет определить факторы и причины низкого уровня жизни населения Ленского и Олекминского районов РС (Я), существования значительного количества бедных людей. Это:

- неразвитость структуры экономики, ограниченность ввода новых рабочих мест;
- невозможность трудоустройства на вновь создаваемых промышленных объектах;

Литература:

1. *Маркова В.Н.* Факторы бедности сельского населения Республики Саха (Якутия) / В.Н. Маркова, А.В. Трубина, А.Б. Неустроева; Под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкова // Сборник статей. Новосибирск, 2017. Изд-во : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск).

2. *Сергиенко А.М.* Сельская бедность в России: методологические особенности исследования //

– неразвитость рыночного сектора;

– низкий уровень зарплат, прежде всего, в отрасли сельского хозяйства;

– маленький размер пенсий и социальных выплат;

– недостаточный образовательный уровень населения;

– невысокая экономическая активность населения.

Борьба с бедностью является одной из ключевых задач на современном этапе развития Российского государства. В 2019 г. Правительством РФ запланирована реализация пилотных проектов по персонализированному выявлению семей, живущих за чертой бедности, в 8 регионах России [7]. Этим семьям разработают особую траекторию для выхода из тяжелого материального положения. Главной целью проекта является проведение анализа для выявления причин появления бедности. На основе анализа будут разработаны механизмы для увеличения доходов граждан. С 2021 г. разработанную технологию будут применять во всей стране.

Полученные в результате проведенного исследования данные об уровне жизни населения Ленского и Олекминского районов будут использованы при формировании экономической политики в Республике Саха (Якутия), для совершенствования методологии и методики финансового обеспечения муниципальных образований республики, для разработки рекомендаций по повышению качества жизни населения.

Literature:

1. *Markova V.N.* Poverty factors of the rural population of Republic Sakha (Yakutia) / V.N. Markova, A.V. Trubina, A.B. Neustroeva; Edited by O.V. Tarasova, A.A. Goryushkova // Collection of articles. Novosibirsk, 2017. Publishing House : Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

2. *Sergienko A.M.* Rural poverty in Russia: methodological features of the research // News of

Известия Алтайского государственного университета. Серия: философия, социология и культурология. 2012.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: P32 Стат. сб. // Росстат. М., 2017. 1402 с.

4. URL : <https://cyberleninka.ru/>. Бородин И.К. Низкий уровень жизни сельского населения: причины и последствия.

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха(Якутия) <http://sakha.gks.ru/>. Дата обращения март 2018.

6. URL : <http://www.riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html>. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни 2017.

7. URL : <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/1328> Приказ Минтруда России № 748 от 29 ноября 2018 г. «О реализации в субъектах Российской Федерации пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза».

Altai State University. Series: Philosophy, Sociology and Cultural Studies, 2012.

3. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: P32 Collection of articles // Rosstat. M., 2017. 1402 p.

4. URL : <https://cyberleninka.ru/>. Borodin I.K. The low standard of living of the rural population: causes and consequences.

5. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia) <http://sakha.gks.ru/>. The appeal date is March 2018.

6. URL : <http://www.riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> Rating of regions of the Russian Federation by quality of life 2017.

7. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation № 748 dated November 29, 2018 «About the implementation in the constituent entities of the Russian Federation of pilot projects aimed at achieving the national socio-economic development goals by 2024 to increase real incomes of citizens, and reduce poverty twice».

Денисенкова Наталья Николаевна

кандидат политических наук,
доцент кафедры
политологии и социологии,
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова
natalya652008@yandex.ru

Давыдова Юлия Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
политологии и социологии,
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова
ylkadav@mail.ru

Кишкурно Татьяна Вячеславовна

лаборант кафедры
политологии и социологии,
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова
kishkurnotanya@mail.ru

**АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ США
В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Аннотация. Актуальность и новизна работы. В исследовании рассматриваются цели, методы и результаты экономической политики США в отношении Китая в президентство Д. Трампа. В статье уделено внимание сложности и противоречивости характера американо-китайских отношений в сфере финансов и торговли. Авторы рассматривают динамику американской экономической политики последних лет, отмечают неправомерность действий Вашингтона с точки зрения международного права. В работе подробно рассмотрены причины развязывания торговой войны США с Китаем. Новизна работы заключается в том, что в исследовании предпринята попытка рассмотреть, как США с помощью политических рычагов, пытаются оказать экономической давление на Китай.

Ключевые слова: политика «нового протекционизма», политика «сдерживания», американо-китайские отношения, экономическая политика США, экономическая политика Китая, экономические санкции, торговля, сотрудничество.

Темпы роста китайской экономики позволяют прогнозировать тот факт, что экономическая экспансия Китая в ближайшее десятилетие будет расширяться, что неизменно вызывает

Natalia N. Denisenkova

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department of Political Science
and Sociology,
Plekhanov Russian University of Economics
natalya652008@yandex.ru

Julia A. Davydova

PhD in Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Political Science
and Sociology,
Plekhanov Russian Economic University
ylkadav@mail.ru

Tatiana V. Kishkurno

Assistant,
Department of Political Science,
Plekhanov Russian University of Economics
kishkurnotanya@mail.ru

**THE ANALYSIS
OF ECONOMIC POLICY
OF THE USA CONCERNING
CHINA AT THE PRESENT STAGE**

Annotation. The relevance and novelty of the work. The study examines the goals, methods and results of U.S. economic policy towards China in D. Trump's presidency. The article focuses on the complexity and inconsistency of the nature of us-Chinese relations in the field of Finance and trade. The authors consider the dynamics of American economic policy in recent years, note the illegality of Washington's actions from the point of view of international law. The paper discusses in detail the reasons for the outbreak of the US trade war with China. The novelty of the work lies in the fact that the study attempts to consider how the United States with the help of political levers, trying to exert economic pressure on China.

Keywords: new protectionism» policy, «containment» policy, us-China relations, US economic policy, China economic policy, economic sanctions, trade, cooperation.

обеспокоенность США, которые хотят сохранить свои рынки сбыта. Конкуренция США и Китая в экономической сфере выливается и в политическое противостояние, т.к. США пытаются исполь-

зывать политические рычаги для сдерживания Китая. По прогнозам аналитиков, через 20 лет Китай станет первой экономикой мира, поэтому США считают своей стратегической целью ослабить потенциального конкурента и не допустить его доминирования в мировой экономике.

Американо-китайские экономические отношения на современном этапе вызывают большой интерес как у американских и китайских исследователей, так и у российских экономистов и политологов.

Американские авторы Н. Фергюсон [7], Э. Голдстейн [8], Э. Крепиневич [9], Д. Шамбо [11] отмечают, что Китай стал главным конкурентом США в мировой экономике, они обращают внимание на тот факт, что Вашингтон должен принять немедленные меры, чтобы не утратить позицию мирового лидера.

Китайский исследователь Минсин Пэй в своей работе «Как Китай и Америка видят друг друга» [10] отмечает, что напряженность в отношении двух стран вполне закономерна, как соперничество двух экономических гигантов, каждый из которых претендует на мировое лидерство.

Значительный интерес данная проблематика вызывает и у российских ученых. Н.А. Шибанова и Р.В. Пеньковцев отмечают противоречивость характера американо-китайских отношений в сфере финансов и экономики. Они подчеркивают, что до изменения политики Д.Трампа в отношении Китая, этим государствам удавалось «Поддерживать сложный баланс между конкуренцией и сотрудничеством в экономической сфере» [6, с. 133].

Портанский А.П. в своей статье «Сложившиеся правила и принципы мировой торговли» анализирует последствия протекционизма Трампа в торговле с Китаем. Автор подвергает сомнению правомерность действий Вашингтона, отмечая, что «внутренние законы США не должны противоречить обязательствам в рамках ВТО». [4, с. 8] А.П. Портанский подчеркивает, что в ближайшее время двусторонние отношения между странами вряд ли стабилизируются, поскольку существуют разногласия по целому ряду вопросов.

Прогнозирование и моделирование основных торговых показателей между США и Китаем представлено в работе Я.П. Минока. Он отмечает, что «торговый дисбаланс между странами будет сохраняться в ближайшие годы, т.к. существует макроэкономический дисбаланс» [3, с. 270]. Несмотря на то, что Китай обладает целым рядом преимуществ (дешевая рабочая сила и высокие темпы роста производительности труда), экспорт США в эту страну будет увеличиваться. Рассматривает автор и Новую стратегию США в отношении Китая: переход к политике «сдерживания».

Ш.Ш. Ильясова в своей работе «Торговая политика правительства Д. Трампа» делает акцент на том, что «изоляция США в сочетании с

дерзкими и противоречивыми действиями правительства Трампа» может нанести ущерб мировой экономике в целом [1, с. 97].

Отношения Китая и США в рамках международного экономического сотрудничества анализируются и в статьях А.В. Сысоевой [5] и А.П. Косова [2].

До недавнего времени американцы были уверены в том, что интеграция Китая в мировую экономическую систему вынудит его принимать те «правила игры», которые были установлены в эпоху безусловной гегемонии США на мировом рынке. Но кризис 2008 г. показал, что китайское руководство намерено изменить устаревшие механизмы глобального управления. Устойчивый рост экономики Китая на фоне кризиса финансовой системы стран Запада, дал стране значительные экономические преимущества и позволил вторгнуться в уже «поделенные» зоны влияния.

Президентство Дональда Трампа, безусловно, открыло новый этап в отношениях с Пекином. Лозунг Трампа «Америка прежде всего» (политика нового протекционизма) вызывает раздражение у китайского руководства, но вряд ли отстаивание Трампом интересов Америки приведет к военно-силовому кризису. С одной стороны, Трамп как крупный бизнесмен, отстаивающий интересы США на мировом рынке, продемонстрировал решительность в «торговой войне» с Китаем, обвиняя его и в манипуляциях с обменным курсом юаня, и в нарушении прав интеллектуальной собственности и в нечестной конкуренции. Но, с другой стороны, республиканец Трамп отказался от муссирования правозащитной темы, характерной для демократов, что убрало дополнительные раздражители из американо-китайских отношений.

Кадровые решения Трампа также свидетельствуют о его намерении соблюдать баланс в отношениях с Китаем. Главой Национального совета по торговле был назначен П. Наварро, критик внешнеполитической экспансии Китая, но послом США в Китае – Т. Брендстед, приверженец активного развития двусторонних отношений.

Вместе с тем, американская политика в отношении Китая стала более жесткой. Неоднократно Трамп заявлял и о намерении вернуть в США многие производства, ранее вынесенные американскими бизнесменами на территорию Китая. В марте 2018 г. Трамп ввел санкции против Китая, установив торговые ограничения на импорт китайских товаров. Представителю США на торговых переговорах Роберту Лайтхайзеру было поручено в 15-дневный срок подготовить предложения по введению таможенных пошлин на определенные виды продукции из Китая, а также инициировать в рамках ВТО разбирательство в отношении Китая за нарушение международных правил торговли. При этом Д.Трамп отметил, что эти меры назревали давно, т.к. из-за «нечестности Китая» США потеряли «около 60000 заводов». Кроме того, президент вновь повторил свои обвинения в краже интеллектуальной соб-

ственности американских компаний. Министру финансов Стивену Мнучину было поручено в течение 60 дней подготовить предложения по ограничению объема китайских инвестиций в американский бизнес.

Последние события показали, что санкционная политика США набирает обороты. В июле Белый дом объявил о повышении пошлин на китайский импорт стоимостью 34 млрд долларов. 23 августа 2018 руководство США ввело пошлины в размере 25 % на ввозимые из Китая товары; в список попали 279 наименований китайской продукции общей стоимостью 16 млрд долларов. в конце сентября вступили в силу новые таможенные пошлины США: для товаров из Китая была введена тарифная ставка в десять процентов на сумму 200 миллиардов долларов [12].

Китайское правительство неоднократно предупреждало США об ответных санкциях. Представитель Пекина в ВТО Чжен Сянчен отметил, что «Китай готовит симметричные меры и готов обложить пошлинами поставки из США». Министерство коммерции Китая выполнило обещание и в апреле 2018 г. объявило о введении повышенных пошлин на 128 наименований товаров, импортируемых из США [12].

На саммите G20, проходившем с 30 ноября по 1 декабря 2018 г., в Аргентине, Д. Трамп объявил о прекращении «торговой войны» на 90 дней. Между лидерами двух стран было достигнуто взаимовыгодное соглашение. США обещали не повышать пошлины на китайские товары на 25 %, а Китай, в свою очередь, снизить пошлины на американскую сельхозпродукцию. Однако, как отмечает американский аналитик Дерек Сизорс, «перемирие» было просто разыграно и через три месяца, к моменту начала переговоров о новом соглашении в марте 2019 года, все вернется в прежнее русло, так как ни одна из стран не планирует менять отношение к партнеру» [12].

Причины развязывания торговой войны против Китая очевидны для большинства экспертов. Во-первых, это так называемый «новый протекционизм» США, о чем мы уже упоминали ранее. 60 % суммарного внешнеторгового дефицита США приходится на КНР. По словам Трампа, эта ситуация является неприемлемой для США, т.к. представляет серьезную экономическую угрозу для США. Ситуация усугубляется еще и тем, что Китай стал крупнейшим кредитором американского правительства, потеснив с этого места Японию.

Во-вторых, это вторичные экономические санкции, которые применяет США к тем компаниям и банкам, которые нарушают санкционную политику США в отношении других стран, в первую очередь против России, КНДР и Ирана. Американская финансовая разведка работает достаточно активно в этом направлении, и список китайских компаний и физических лиц, попавших,

например, в антииранский список, достаточно обширен. Так, например, в начале 2017 г. была оштрафована китайская компания ZTE, крупнейший производитель телекоммуникационного оборудования. Причиной стало то, что компания продавала американское программное обеспечение и оборудование в Северную Корею и Иран. Наложённый на ZTE штраф стал самым крупным в истории США штрафом за нарушение санкций. Он составил 1,2 млрд долларов. [12]

Вашингтон пытается использовать против Пекина политические рычаги давления с целью добиться экономических уступок. США стремятся к доступу на китайский рынок некоторых видов своей продукции (говядины, сжиженного газа), разыгрывая карту Северной Кореи. США ввели санкции в отношении ряда китайских банков, компаний и физических лиц на основании их сотрудничества с Пхеньяном. Китай крайне болезненно реагирует на подобные меры, рассматривая подобные заявления Вашингтона как претензии на свои сферы влияния.

Усилия Китая по экономической интеграции стран АТР также вызывают опасения США, т.к. угрожают их господству в этом регионе Тихого океана, которое длится уже 70 лет. Большинство американских экспертов считают, что активная деятельность Китая и его участие в БРИКС и ШОС не только противоречат экономическим интересам США, но и ведут к ослаблению влияния Америки в международных структурах глобального управления.

По мнению большинства американской политической элиты, Трамп открыл дорогу китайскому экономическому доминированию в АТР, приняв решение о выходе из соглашения по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) и инициировав расследование в отношении некоторых стран ЮВА по подозрению в нечестной торговой конкуренции, в то время, как Пекин активно продвигает свой проект «Регионального всеобъемлющего экономического партнерства».

Беспокоит США и расширение экономического присутствия Китая в Латинской Америке, Азии и Африке, т.к. это ослабляет влияние США в этих регионах. Китай выступает альтернативным источником валютных кредитов и получает свободный доступ к ресурсам этих стран. Список этих стран достаточно обширен: Венесуэла, Ангола, Чад, Судан, Иран, Пакистан, Узбекистан и др. В Африке уже в 2009 г. Китай опередил США по объему торговых связей.

Таким образом, США рассматривают Китай как своего основного экономического конкурента, претендующего на влияние в регионах, которые являются рынками сбыта для американской экономики. При этом, взаимозависимость экономик двух стран заставляет обе стороны сдерживаться и не доводить ситуацию до стадии острого конфликта.

Литература:

1. *Ильясова Ш.Ш.* Торговая политика Правительства Д. Трампа. Анализ и прогнозы // Вопросы студенческой науки. 2018. № 7(23). С. 97–101.
2. *Косов А.П.* Политика США в отношении Китая в период второго президентства Б. Обамы. // Міжнародні відносини. Серія «Політичні науки». 2015. № 5. URL : http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/122925/1/kosov_Journal2015_3.pdf (дата обращения: 18.11.2018).
3. *Минок Я.П.* Проблемы и перспективы развития торгового оборота между США и Китаем // Молодой ученый. 2018. № 21(207). С. 269–274.
4. *Портанский А.П.* Трамп разрушает сложившиеся правила и принципы мировой торговли // Международная экономика. 2018. № 6. С. 7–18.
5. *Сысоева А.В.* Место и роль Китая в системе современных международных отношений // Евразийская экономическая конференция. 2018. С. 177–179.
6. *Шибанова Н.А.* Конкуренция или сотрудничество: двойной характер экономических отношений США и КНР в условиях глобализации / Н.А. Шибанова, Р.В. Пеньковцев // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 132–140.
7. *Ferguson N.* The War of the World. Twentieth Century Conflict and the Descent of the West. N.Y. : Penguin Press, 2006. XXVI. 880 p.
8. *Goldstein A.* China's Real and Present Danger. Now Is the Time for Washington to Worry // Foreign Affairs. 2013. Vol. 92. № 5.
9. *Krepinevich Jr.* How to Deter China. The Case for Archipelagic Defense / A.F. Krepinevich Jr. // Foreign Affairs. 2015. Vol. 94. № 2.
10. *Pei Minxin.* How China and America See Each Other. And Why They Are on a Collision Course // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. № 2.
11. *Shambaugh D.* China Goes Global: The Partial Power. N.Y. : Oxford University Press, 2013. 432 p.
12. Новости ББС. URL : <https://www.bbc.com/russian/features-45547282> (дата обращения 01.12.2018).

Literature:

1. *Ilyasova Sh.Sh.* Trade Policy of the Government of D. Trump. Analysis and forecasts // Questions of student science. 2018. № 7(23). P. 97–101.
2. *Kosov A.P.* US policy towards China during the second presidency of B. Obama // International vindosini. Seriya «Political Science». 2015. № 5. URL : http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/122925/1/kosov_Journal2015_3.pdf (date of appeal: 11/18/2018).
3. *Minok Ya.P.* Problems and prospects for the development of trade between the United States and China // Young Scientist. 2018. № 21(207). P. 269–274.
4. *Portansky A.P.* Trump destroys the established rules and principles of world trade // International Economics. 2018. № 6. P. 7–18.
5. *Sysoeva AV,* The place and role of China in the system of modern international relations // Eurasian Economic Conference. 2018. P. 177–179.
6. *Shibanova N.A.* Competition or cooperation: the dual nature of economic relations between the United States and China in the context of globalization / N.A. Shibanova, R.V. Penkovtsev // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2018. № 1. P. 132–140.
7. *Ferguson N.* The War of the World. Twentieth Century Conflict and the Descent of the West. N.Y. : Penguin Press, 2006. XXVI. 880 p
8. *Goldstein A.* China's Real and Present Danger. Now Is the Time for Washington to Worry // Foreign Affairs. 2013. Vol. 92. № 5.
9. *Krepinevich Jr.* How to Deter China. The Case for Archipelagic Defense / A.F. Krepinevich Jr. // Foreign Affairs. 2015. Vol. 94. № 2.
10. *Pei Minxin.* How China and America See Each Other. And Why They Are on a Collision Course // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. № 2.
11. *Shambaugh D.* China Goes Global: The Partial Power. N.Y. : Oxford University Press, 2013. 432 p.
12. Новости ББС. URL : <https://www.bbc.com/russian/features-45547282> (дата обращения 01.12.2018).

Завьялов Константин Витальевич
соискатель,
факультет Высшая школа аудита,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
KZavialov08@gmail.com

Краткий обзор исследований в сфере экологической безопасности гидротехнических сооружений

Аннотация. В статье анализируются научные исследования посвященные проблемам экологической безопасности гидротехнических сооружений, на предмет актуальности исследований, проработанности изучения общего понятия экологической безопасности, особенностей связанных с осуществлением экологической безопасности на гидротехнических сооружениях, а также управления рисками на ГТС.

Ключевые слова: экологическое право, экологическая безопасность, гидротехнические сооружения, национальная безопасность, охрана окружающей среды, экология, экологическая опасность, управление рисками.

Закон о Гидротехнических сооружения (далее Закон о ГТС) предусматривает определение понятия Гидротехнические сооружения (далее ГТС). В соответствии с ним, ГТС – это плотины, здания гидроэлектростанций, водоспускные, водовыпускные сооружения, водосбросные сооружения, тоннели, каналы насосные станции, судходные шлюзы, судоподъемники, сооружения, предназначенные для защиты от наводнений, разрушений берегов и дна водохранилищ, реки, дамбы, иные сооружения ограждающие хранилища жидких отходов промышленных и сельскохозяйственных организаций.

Определение понятия экологическая безопасность ГТС имеет прямую корреляцию с понятием ГТС и их видами. Гидротехнические сооружения, являясь объектом концентрации различных экологических рисков, влияют на количественные и качественные показатели экологической безопасности ГТС: определение и содержание одного понятия неизменно опирается на другое. При этом, «безопасность» является ключевым в обоих указанных терминах на базовом понимании значения и содержания.

Значение обеспечение безопасности в каждую эпоху было одной из главных задач государства,

Konstantin V. Zav'yalov
Applicant,
faculty the Higher School of Audit,
Lomonosov Moscow State University
KZavialov08@gmail.com

OVERVIEW OF SCIENTIFIC RESEARCHES OF ECOLOGICAL SECURITY ON HYDRO STRUCTURES

Annotation. This review contains an analysis of scientific articles that study actual problems of hydro structures ecological security in a certain areas which are actual and modern terminology of ecological security, specifications of ecological security on hydro structures, and risks management on hydro structures.

Keywords: ecological law, ecological security, hydro structures, national security, nature security, ecology, potential ecological risks, emergency risk management.

с учетом развития промышленного и технологического комплекса рост необходимости к XXI веку сильно увеличился. Определение безопасности стало развиваться со времен Цицерона, который определил безопасность, как «стремление защищаться, защищать свою жизнь».

Никколо Макиавелли утверждал, что безопасность подразумевает под собой совокупность внешних и внутренних угроз. Основы зарождения современного определения безопасности можно увидеть в ближе к работам XVII–XVIII веков, а именно в работах Дж. Локка и других мыслителей того времени, которые определяли безопасность, как состояния спокойствия, которая могла появиться в результате отсутствия всяких угроз. К концу XX века происходит переосмысления, которые способствовали усовершенствования понятия безопасность. Именно определив безопасность – это процесс создания безопасных условий жизни личности [1].

А.А. Тер-Акопов устанавливает, что безопасность человека, является сложной определенной системой, в которой функционируют несколько объектов, связанных с обеспечением благоприятных для личности условий жизни и деятельности [2]. На протяжении последних лет в Россий-

ской Федерации были осуществлены серьезные шаги в регулировании отношений, связанных как с безопасностью в общем понимании, так и с различными видами безопасности

Современное законодательное определение понятия безопасности сформировано в 1992 году Федеральным законом РФ «О безопасности». Согласно пунктам 1,2 статьи 1 под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Под жизненными важными интересами понимается – совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существования и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся, личность, ее права и свободы, общество, его материальные и духовные ценности, государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность [3].

Таким образом, все вышеуказанные концепции понимания безопасности, послужили основой для формирования понятия экологической безопасности на гидротехнических сооружениях.

На уровне современного законодательства данное понятие определено в Статье 3 Федерального закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений». Согласно представленного там определения, безопасность гидротехнических сооружений – свойство гидротехнических сооружений, позволяющее обеспечивать защиту жизни, здоровья и законных интересов людей, окружающей среды и хозяйственных объектов.

В этой же статье закона закреплено еще два понятия, представляющие интерес в рамках данного исследования. Оценка безопасности гидротехнического сооружения – это определение соответствия состояния гидротехнического сооружения и квалификации работников эксплуатирующей организации требованиям к обеспечению безопасности гидротехнических сооружений, установленным законодательством Российской Федерации. А также, обеспечение безопасности гидротехнического сооружения – это разработка и осуществление мер по предупреждению аварий гидротехнического сооружения.

Анализируя исследования в сфере экологической безопасности ГТС необходимо отметить, что с момента создания искусственных водных объектов одновременно возникла и проблема безопасности гидротехнических сооружений, создающих напорный фронт. С ростом количества таких сооружений возрастала и данная проблема, а в условиях структурных изменений в жизни страны, которые вот уже около 20 лет происходят в России, крайне неблагоприятно сказываются на всех аспектах безопасности населения и территорий, в том числе и на безопасном состоянии гидротехнических сооружений, массовое строительство которых велось в 60-е – 80-е годы прошлого столетия.

В 90-х годах XX века крайне обострилась проблема безопасности гидротехнических сооружений в Российской Федерации в связи с известными изменениями в жизни страны. За последние 15–20 лет на водохозяйственных объектах России отмечалось значительное снижение уровня надежности и увеличение опасности возникновения аварийных ситуаций в связи с общим снижением уровня надзора за их безопасностью, сокращением объемов и снижением качества ремонтных работ. Результаты проведенного в июле 1994 г. МЧС России совместно с Роскомводом обследования ГТС в Пермской, Свердловской и Челябинской областях показали, что в аварийном и предаварийном состоянии находились плотины 12 % водохранилищ и 20 % накопителей стоков вследствие повреждения ответственных элементов водосбросов, затворов, усиленной фильтрации, переполнения и других причин.

В настоящее время наиболее приблизился к решению вопроса оценки риска аварий гидротехнических сооружений коллектив сотрудников ГНЦ РФ НИИ ВОДГЕО: Розанов Н.Н., Куранов Н.П., Верменко В.В., Витенберг М.В., Волохова М.Н., Тейтельбаум А.М., Верле С.В., разработав Методические рекомендации по оценке риска аварий гидротехнических сооружений водохранилищ и накопителей промышленных отходов.

Для решения конкретной, узкой задачи оценки безопасности ГТС для населения и территории данная методика вполне возможна, однако она не позволяет согласовать полученные результаты оценки риска ГТС с общей картой риска территории, так как степень риска определяется не в общепринятых показателях (1/год), а в условных значениях, соответствующих определенным коэффициентам.

Вместе с этим в научных кругах и в области безопасности ГТС существует общепринятое направление исследования риска - использование методических подходов, принятых в промышленной безопасности. Это наиболее перспективное направление было обозначено на международном конгрессе «Поддержание работоспособности и реконструкция плотин».

В 13 организованном испанским общественным объединением «Плотины и водохранилища» и прошедшем в 2015 году в Мадриде. Наиболее примечательным был доклад по вопросу безопасности гидротехнических сооружений, подготовленный известным европейским гидротехником, бывшим Президентом Международной комиссии по большим плотинам, профессором Ломбарди [4].

В докладе особый интерес представляет попытка структурирования классического метода оценки риска индустриальных объектов применительно к гидротехническим объектам. Им были выделены следующие этапы процесса оценки риска: оценка возможного ущерба при прорыве плотины; идентификация учитываемых опасностей (рисков); анализ этих рисков в форме отдельных событий или дерева; определение вероятности таких событий; вычисление совместной вероятности факторов риска для определе-

ния обобщенной вероятности прорыва; оценка риска как произведения общего (суммарного) ущерба и вероятности прорыва; определение приемлемого риска.

По мнению профессора Ломбарди, развитие в последние десятилетия рискованного подхода оказало положительное влияние на проектирование, строительство, эксплуатацию и мониторинг гидротехнических сооружений. В числе достигнутых отмечаются: повышение осведомленности инженеров в вопросах риска; повышение осведомленности исследователей о существующих неопределенностях; развитие сценарных подходов при оценке неблагоприятных воздействий на сооружения; улучшение понимания связей между воздействиями на сооружения и их функционированием; стимулирование поиска менее чувствительных конструкций и более надежных водобросных устройств; стремление устанавливать очередность действий.

По мнению некоторых ученых, экологическая безопасность – такой процесс, при котором, кроме государственного контроля, должен быть и общественный [5]. Совершенно очевиден факт того, что экологическая безопасность наряду с экономической, информационной, и другими видами безопасности признается одной из важнейших. В каждой производственной сфере существуют свои особенности экологической безопасности, поэтому было бы логично установить универсальное определение, которое учитывало бы особенности той сферы которой регулирует определенный нормативно-правовой акт.

Однако единого общего понятия экологической безопасности в юридической науке отсутствует, причиной по мнению Б.Б. Тангиева тому является не определенность понимания предмета правового регулирования экологической безопасности, не определено место экологической безопасности как в самой науке экологического права, так и в законодательстве [6].

Анализируя различные труды представителей школы экологического права можно установить, что вопрос определения экологической безопасности является весьма спорным, ввиду этого необходимо рассмотреть несколько основных мнений относительно понятия экологической безопасности. Многие представители школы экологического права, полагают что сама экологическая безопасность представляет собой самостоятельный объект правового регулирования наряду с охраной окружающей среды и рациональным природопользованием.

1) Михаил Михайлович Бринчук полагает, что экологическая безопасность это основной принцип охраны окружающей среды, который устанавливает что всякая деятельность наносящая вред окружающей среде должны подлежать экологической оценке прежде, чем заниматься такой деятельностью. Также Михаил Михайлович Бринчук отмечает, что обеспечение экологической безопасности – деятельность по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, отвечающую инте-

ресам сохранения благоприятного состояния окружающей среды, а также оп защите экологических прав и интересов как человека, так и юридических лица. Михаил Михайлович Бринчук указывает самостоятельный институт экологического права – правовой режим неблагоприятных территорий, в данном институте рассматриваются регулирующие данную сферу нормативно-правовые акты, а именно серы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также обеспечения промышленной безопасности высоко рискованных объектов [7].

2) По мнению Олега Степановича Колбасова экологической безопасностью признается система мер, устраняющих угрозу массовой гибели людей в результате такого неблагоприятного антропогенного изменения состояния природной среды на планете, при котором человек как биологический вид лишается возможности существовать, так как не сможет удовлетворять свои естественно-физиологические и социальные потребности жизнедеятельности за счет окружающей материального мира [8]. Русаков М.И подвергает критике это определение, так как в определении Олега Степановича Колбасова установлено, что единственной целью экологической безопасности автор называет устранение угрозы массовой гибели людей в результате неблагоприятного антропогенного изменения состояния природы. Такой подход не позволяет обществу надлежащим образом реагировать на экологические угрозы еще до достижения ими уровня, вызывающего массовую гибель людей [9].

3) Владислав Васильевич Петров указывает, что экологическая безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных экологических интересов человека. Из приведенных мнений можно сделать вывод о том, что экологическая безопасность рассматривается как часть охраны окружающей среды [10].

4) Николай Федорович Реймерс в своей работе представляет экологическую безопасность в двух ипостасях:

а) как совокупность действий, состояний и процессов, прямо или косвенно не приводящих к жизненно важным ущербам (или угрозам таких ущербов), наносимым природной среде, отдельным людям и человечеству;

б) как комплекс состояний, явлений и действий, обеспечивающих экологический баланс на Земле и в любых ее регионах на уровне, к которому физически, социально-экономически, технически и политически готово (может без серьезных ущербов адаптироваться) человечество [11].

5) Александр Сергеевич Шишко утверждает, что экологическая безопасность является комплексом материальных, правовых, а также организационных гарантий защит окружающей среду от вредоносного воздействия, чьи источники расположены на территории другого государства [12]. Данное утверждение является весьма спорным, так как в качестве объектов указана лишь

окружающая среда, а также в данном определении указано лишь про то негативное воздействие, источник которого находится за пределами государства.

6) Алексей Григорьевич Шмаль, анализируя легальное определение экологической безопасности утверждает, что в определении устанавливается акцент не на предупреждение проявление факторов экологической опасности, а сконцентрировано на выход системы “человек-окружающая среда”, когда должны быть ликвидированы последствия проявления начального воздействия человека на окружающую среду.

7) Татьяна Владиславовна Петрова разделяет понятия экологической безопасности и окружающей среды. Считая вышеуказанные определения неотожествленными, Петрова уточняет, что задачи экологической безопасности является уже, нежели задачи охраны окружающей среды и более того они не направлены на восстановление и воспроизводство природных ресурсов. Они лишь сводятся к тому, чтобы сохранить состояние при котором не нарушаются жизненно важные интересы человека, проживающего в этой среде [13].

8) Напротив, считает Николай Никифорович Веденин, указывая, что экологическая безопасность – является системой норм права, призванных регулировать однородный круг общественных отношений, которые обладают не только определенным единством, но и спецификой. Единство таких норм выражается в следующем: в единстве общих целей и задач, и наличия принципов правового регулирования. Таким нормам должно соответствовать определенная иерархия и структура, а также основополагающее законодательство [14].

Совершенно логично предположить, что правовое обеспечение экологической безопасности не может рассматриваться, не учитывая общие требования экологического законодательства. Однако экологическая безопасность, по мнению Олега Игоревич Крассова, обладает более специфичным основным направлением – направлением по защите населения и территорий от аварий катастроф природного и техногенного характера [15].

Определяя понятие экологической безопасности, можно почувствовать необходимость в разработке более точных и ясных представлений о конституционном термине «обеспечение экологической безопасности» и о его сущности. Для дальнейшего развития данной сферы и понятия, развития государственной политики в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности возникает существенная необходимость уточнения вышеуказанного конституционного термина.

Причинами вызывающие интерес к этой проблеме являются: неопределенность в вопросе места экологической безопасности в системе национальной безопасности – потребность уточнении легального определения экологической безопас-

ности; отсутствие легального определения «обеспечение экологической безопасности», и возможности рассматривать данное понятие в более узких значениях (цель деятельности) в рамках законодательстве об охране окружающей среды).

Определение экологической безопасности содержится в статье 1 ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее ФЗ об охране окружающей среды). Согласно ФЗ об охране окружающей среды экологическая безопасность – состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [16].

В свою очередь в пункте 83 Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [17] установлены следующие цели экологической безопасности:

1) сохранение природных систем, а также их восстановление (если нанесен вред окружающей среде), поддержание уровня окружающей среды, пригодного для существования человека и устойчивого развития;

2) ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата [18].

Борис Владимирович Ерофеев в своих работах указывает, что индивидуализация природных объектов позволяет, рассматривать их не только как природные объекты (объекты материального мира), но как и юридические объекты которые подлежат регулированию их правилами и нормами эксплуатации, охраны, обороны, которые представляют собой законность в экологических правоотношениях [19]. Законодательно именно объекты экологической безопасности не установлены, однако поскольку экологическая безопасность направлена на обеспечение экологического баланса на земле, а также на защиту окружающей среды, объектами экологической безопасности можно признать объекты, установленные ст.4 ФЗ об охране окружающей среды. Такими объектами от загрязнения, деградации, порчи, негативного воздействия хозяйственной или иной деятельности являются :

- компоненты природной среды
- природные объекты
- природные комплексы

Также другую точку зрения в отношении перечня объектов экологической безопасности, можно обнаружить в ст. 42 Конституции РФ. В вышеуказанной статье установлены одни из основополагающих прав граждан и по совместительству объектов экологической безопасности – права каждого на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию об ее состоянии, а также на возмещения ущерба, причиненного

здоровью или имуществу граждан экологическим правонарушением, рассматриваемые в контексте ст. 17 Конституции РФ, предусматривающей, что в Российской Федерации признаются и гарантируются неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина, принадлежащие каждому от рождения. По мнению Сергея Николаевича Русина, для отнесения понятия экологической безопасности к национальной безопасности, необходимо устранить некую неопределенность, допущенную законодателем.

Существуют различные мнения в отношении взаимосвязи понятий «охрана природы» и «обеспечение экологической безопасности», которые вызваны ФЗ об охране окружающей среде, в котором установлено, что под экологической безопасностью понимается состояние защищенности природной среды, а также жизненно важных интересов человека от негативного воздействия хозяйственной и другими видами деятельности. Суть неопределенности заключается в следующем, во-первых, если экологическая безопасность рассматривается, как определенный элемент национальной безопасности, то объект установлен неверно. Во-вторых, в качестве объектов законодатель указал лишь человека, однако не установлены государство и общество, хотя в соответствии со ст. 42 и ст. 71 Конституции РФ должны быть отнесены к объектам.

Сергей Николаевич Русин определяет экологическую безопасность как – состояние защищенности человека, общества и государства от экологических угроз. Обеспечение экологической

безопасности – деятельность по предотвращению экологических угроз. Главной целью вышеуказанного вида деятельности является предотвращение негативного воздействия окружающей среды на жизненно важные интересы человека, общества и государства. Речь идет о негативном воздействии природной среды, претерпевшей неблагоприятные для человека изменения в результате хозяйственной и других видов деятельности, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Объектами обеспечения экологической безопасности выступают – человек, со своими правами и необходимостями в благоприятной среде, а через человека – государство и общество.

Из вышеуказанного анализа различных определений обеспечения экологической безопасности, а также экологической безопасности, главным является отсутствие строгих критериев экологической безопасности. По мнению Наталии Григорьевны Жаворонковой и Юрия Григорьевича Шпаковского в рамках требований Всемирной Торговой Организации, определенное значение термина «экологическая опасность» является ключевым, поскольку помогает установить основы как национального законодательства, так и необходимые требования, которые должны быть установлены в отношении агентов экономических отношений [20].

Использование термина «экологическая опасность» необходимо так как: - существует необходимость выделения различных видов рисков при осуществлении хозяйственной и иной деятельности.

Литература:

1. *Велиева Д.С.* Понятие экологической безопасности и проблемы его формализации в Российском законодательстве // Правовое регулирование в современной России. Вестник ПАГС. 2009.
2. *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека: социальные и правовые основы. М., 2005.
3. URL : <http://base.garant.ru/10136200/>
4. *Жаворонкова Н.Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации : монография / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский. М., 2017. 155 с.
5. *Жаворонкова Н.Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации : монография / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский. М., 2017. 155 с.
6. *Тангиев Б.Б.* Экологическая безопасность водных ресурсов // Гражданин и право. 2006. № 7.
7. *Бринчук М.М.* Экологическая безопасность : учебник. М., Юрист, 2005. С. 556–591.

Literature:

1. *Veliyeva D.S.* A concept of environmental safety and a problea of its formalization of the Russian legislation // Legal regulation in modern Russia. The PAGS Bulletin. 2009.
2. *Ter-Akopov A.A.* Safety of the person: social and legal bases. M, 2005.
3. URL : <http://base.garant.ru/10136200/>
4. *Zhavoronkova N.G.* Legal support of environmental safety in the conditions of economic integration of the Russian Federation : monograph / N.G. Zhavoronkova, Yu.G. Shpakovsky. M., 2017. 155 p.
5. *Zhavoronkova N.G.* Legal support of environmental safety in the conditions of economic integration of the Russian Federation : monograph / N.G. Zhavoronkova, Yu.G. Shpakovsky. M., 2017. 155 p.
6. *Tangiyev B.B.* Environmental safety of water resources // Citizen and right. 2006. № 7.
7. *Brinchuk M.M.* Environmental safety : textbook. M, Lawyer, 2005. P. 556–591.

8. *Колбасов О.С.* Концепция экологической безопасности // Сов. гос-во и право. 1988. № 12.

9. URL : https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1722

10. URL : <https://studfiles.net/preview/3842024/>

11. *Реймерс Н.Ф.* Концептуальная экология. Надежды на выживание человечества. М., 1992

12. *Шишко А.С.* Предупреждение трансграничного загрязнения: международно-правовые проблемы. К., 1990

13. *Петрова Т.В.* Техническое регулирование как часть системы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды // Экологическое право. Специальный выпуск. 2005. № 1. С. 79.

14. *Веденин Н.Н.* Экологическая безопасность как институт экологического права // Журнал российского права. 2001. № 12.

15. *Крассов О.И.* Экологическое право. М., 2004. С. 524–525.

16. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об охране окружающей среды».

17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

18. URL : <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

19. *Ерофеев Б.В.* Экологическое право России : учебник для академического бакалаврата / Б.В. Ерофеев; Под науч. ред. Л.Б. Братковской. 24-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 455 с.

20. *Жаворонкова Н.Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации : монография / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский. М., 2017.

8. *Kolbasov O.S.* Concept of environmental safety // *Owls. state and right.* 1988. № 12.

9. URL : https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1722

10. URL : <https://studfiles.net/preview/3842024/>

11. *Reimers N.F.* Conceptual ecology. Hopes for survival of mankind. M, 1992

12. *Shishko A.S.* Prevention of cross-border pollution: international legal problems. 1990

13. *Petrova T.V.* Technical regulation as a part of a system of legal regulation of the relations in the sphere of environmental protection // *The Ecological right.* Special release. 2005. №. 1. P. 79.

14. *Vedenin N.N.* Environmental safety as Environmental Law Institute // *Magazine of Russian law.* 2001. № 12.

15. *Kraossov O.I.* Ecological right. M, 2004. P. 524–525.

16. The federal law of 10.01.2002 № 7-FZ (an edition of 31.12.2017) «About environmental protection».

17. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 «About the Strategy of national security of the Russian Federation».

18. URL : <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

19. *Erofeyev B.V.* Ecological right of Russia: the textbook for the academic bakalavrat / B.V. Erofeyev; under науч. edition of L.B. Bratkovskaya. 24 prod., reslave. and additional. M. : Yurayt publishing house, 2017. 455 pages.

20. *Zhavoronkova N.G.* Legal support of environmental safety in the conditions of economic integration of the Russian Federation : monograph / N.G. Zhavoronkova, Yu.G. Shpakovsky, M., 2017.

Кокорулина Ольга Павловна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры физического воспитания,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
kokoulinaop@mail.ru

Анохина Ирина Сергеевна

студентка 4 курса
факультета экономики и права,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
iren3008.anohina@yandex.ru

Савченко Александр Леонидович

студент 4 курса
факультета экономики и права,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
DPSaS.Alexander@yandex.ru

**ЭДЬЮТЕЙНМЕНТ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
И ГЕЙМИФИКАЦИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЫ**

■ ■ ■

Аннотация. Современный общественный уклад требует подготовки специалистов специфического спектра профессиональных навыков. Многие подходы к системе образования, в этой связи, устарели, а разработка новых, по большей части, находится на стадии широкого публичного обсуждения. Авторский коллектив подготовил в рамках общественной дискуссии материал, в котором обозначается один из возможных подходов в вопросе обучения в высшей школе. Эдьютейнмент, таким образом, является, возможно, одной из наиболее перспективных образовательных технологий, готовых к внедрению в университетскую среду.

Ключевые слова: Эдьютейнмент, университет, высшее образование, образовательные технологии, геймификация.

■ ■ ■

Современный рынок труда, а также прогнозируемый рынок труда будущего требует от образовательной среды новых технологий по улучшению качества подготовки профессиональных кадров. В новом поле научно-технического обеспечения человечества возникла демографическая группа, для которой «фундаментализм» высшего образования, в плане методологического подхода к обучению, не приемлем. Для обучения этой новой группы – центениалов, необходимы технологии, с помощью

Olga S. Kokoulina

PhD in Pedagogical Studies,
Associate Professor,
Department of Physical Education,
Plekhanov Russian University of Economics
kokoulinaop@mail.ru

Irina S. Anokhina

Senior Specialist,
Department of Political Science,
Plekhanov Russian University of Economics
iren3008.anohina@yandex.ru

Alexander L. Savchenko

Assistant Department
of Political Science,
Plekhanov Russian University of Economics
DPSaS.Alexander@yandex.ru

**EDYUTEYNMENT
AT THE HIGHER SCHOOL
AND GAMIFICATION
OF THE UNIVERSITY
ENVIRONMENT**

■ ■ ■

Annotation. Modern Social issues require training of specialists of a specific range of professional skills. Many approaches to the educational system are outdated in this regard, and the development of new ones, for the most part, is at the stage of wide public discussion. The collective of authors has prepared in the framework of public discussion material, that identifies one of the possible approaches to the issue of higher education. Therefore, edutainment is perhaps one of the most promising educational technologies ready for implementation in the academic environment.

Keywords: Edutainment, University, higher education, educational technologies, gamification.

■ ■ ■

которых можно было бы повысить концентрацию на учебном материале и вовлеченность в образовательный процесс.

Принципы, на которых должны формироваться эффективные образовательные технологии, должны соответствовать существующему запросу потребителя образовательных услуг. В проведенном Сбербанком исследовании молодежи, например, отмечается, что современный молодой человек, в нашем случае, будущий бака-

лавр, требует от информации краткой и содержательной формы, наглядности [1]. Современный обучающийся требует порционного получения знаний в процессе, который не будет слишком затратен по времени.

Эдьютейнмент с многообразием его современных и традиционных форм представляется наиболее эффективным, с точки зрения эмпирической разработанности, методом поддержания интереса к образовательному процессу. В данной статье будут рассмотрены наиболее актуальные для высшей школы технологии игрового обучения и предложены авторские методические рекомендации к их применению в среде высшего образования.

Термин «эдьютейнмент» по-разному трактуется в отечественной и зарубежной науке (О.А. Богданова [2], О.О. Дьяконова [3], М. Addis [4], Sh. De Vary [5], J. McKenzie [6], S. Walldén [7]). Ученые не пришли к единому мнению касательно того, чем же является развлекательный элемент в эдьютейнменте и какое место он должен занимать в образовании.

Р. Донован интерпретирует эдьютейнмент как соединение социального заказа с развлекательным механизмом и находит его эффективным средством для распространения информации большому количеству людей за короткое время. Автор обращает внимание на способность эдьютейнмента снять ненужное напряжение в процессе обучения и на его эффективность при обучении большого количества людей за короткое время [8].

А.В. Попов, преподаватель Московской школы бизнеса, говорит об «обучении как развлечении». Он считает, что познание мира в игровой форме помогает установить эмоциональную связь между учеником и предметом изучения. А.В. Поповым введен термин «игразование» – создание ситуаций, способное научить автоматическому принятию решений [9].

Ян Ванг утверждает, что эдьютейнмент – это место, где дети могут наслаждаться тем, что они наглядно изучают. Употребляя слово «место», автор представляет эдьютейнмент как часть образовательного процесса, имеющего особую роль. Эдьютейнмент призван разнообразить обучение, но он не должен влиять на традиционную образовательную модель [10].

«Эдьютейнмент отличается от традиционной парадигмы обучения тем, что в данном случае субъект принимает активное участие в процессе обучения. Он – активный потребитель: высказывает личностные предпочтения, проявляет субъективную реакцию на опыт. Таким образом, при взаимодействии информативно-развлекающего объекта и активного в обучении субъекта как результат мы получаем знания, умения, навыки, индивидуальный опыт, субъективные эмоции, т.е. «эдьютейнмент» [11, с. 68].

О.М. Железнякова и О.О. Дьяконова считают: «Эдьютейнмент – это особый тип обучения, ко-

торый основывается на развлечении и формировании первичного интереса к предмету, дальнейшем привлечении с получением удовольствия от процесса обучения и конечном увлечении со стойким интересом к процессу обучения» [11, с. 67].

«Вышеизложенные понятия описывают обучение, которое отличается от традиционной образовательной парадигмы, характеризующейся «фундаментальностью», «приверженностью к классике» и «установкой на консервативность» [11, с. 68]. Для дальнейшей работы будем использовать определение Н.А. Кобзевой [12].

Говоря о терминологии, имеет смысл обозначить некоторое несогласие авторского коллектива со сложившимся подходом к адаптации термина «edutainment» для русского языка. Значение указанного слова в статье базируется не на союзе «образования» и «развлечения». Английское «entertainment», в контексте текущей научной работы, уместнее, с нашей точки зрения, будет интерпретировать как «увлечение». В дальнейшем тексте работы термин Edutainment будет интерпретироваться как технология обучения, основанная на поддержании увлеченности обучающегося в образовательном процессе, совмещающая в себе современные дидактические и технологические средства обучения.

Согласно одной из классификаций форм эдьютейнмента, в рамках данной технологии существуют традиционные (образовательная игра, радио, музыка и т.п.) и современные (видеоигры, блоги, мессенджеры) образовательные средства. Т.к. одним из самых эффективных методов поддержания концентрации на усвоении материала является игра, мы рассмотрим традиционные и современные геймифицированные формы эдьютейнмента.

В классическом варианте, образовательная игра – это форма ознакомления с новыми знаниями и закрепления профессиональных компетенций. Это наиболее широкое понятие, которое объединяет все игровые формы интерактивного обучения [13]. Одной из таких форм может быть ролевая образовательная игра. Ее сущность заключается в следующем – субъект игрового процесса «разыгрывает» определенную ему сценарием или предложенную участниками социальную роль, осуществляя демонстрацию тех моделей поведения, которые, как ему кажется, ей адекватны.

В классическом случае, игра требует участия нескольких человек, у каждого из которых должна быть предписанная ему собственная роль. Участники демонстрируют поведенческие модели, не привычные либо характерные для другой обстановки, что и позволяет успешно получить новый опыт в социальном позиционировании. В данной ситуации наиболее продуктивно усваиваются профессионально необходимые поведенческие навыки. Этот тип игры не требует наличия системы оценки и базируется на творческом характере действий игроков.

Применение ролевой игры в университетском образовании должно подчиняться некоторым педагогическим и дидактическим принципам. Во-первых, учебное занятие – это пространство равенства. Каждый из участников должен иметь право на озвучивание, продвижение и отстаивание своей позиции по различным вопросам, возникающим в процессе обучения. Во-вторых, модус критики должен быть сконцентрирован на идее или позиции, но ни в коем случае не должен затрагивать способности обучающегося к ролевому самопозиционированию. Коллективные размышления должны быть предметными, этого можно достигнуть за счет медиации или четкого структурирования ролевого поля [14]. В свою очередь, прозрачная и конкретная ролевая партитура проводимого занятия – это залог формирования атмосферы свободного творчества в рамках осмысления предлагаемых ситуаций и подготовки участников игры к отстаиванию своей позиции в теоретическом споре. Азарт поиска оптимального решения поставленной задачи становится мощным мотивационным началом в выработке коллективных алгоритмов, подтверждающих или опровергающих первоначальные индивидуальные идеи

Современный обучающийся требует более продвинутой формы геймификации образовательной среды. Становится все более необходимым включение образования в виртуальную среду. Современный педагог, если желает быть успешным, должен руководствоваться следующими правилами в игровом обучении. Во-первых,

Литература:

1. URL : http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf
2. *Богданова О.А.* Эдьютейнмент как особый тип учения // Вестник МГПУ. 2014. № 4(30). С. 61–65.
3. *Дьяконова О.О.* Понятие «эдьютейнмент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 182–185.
4. *Addis M.* New technologies and cultural consumption. Edutainment is born. Bocconi University : Marketing Department. 2002. 13 p.
5. *De Vary Sh.* Educational Gaming. Interactive Edutainment. Distance learning // Boston, Information Age Publishing. 2008. № 5. P. 35–44.
6. *McKenzie J.* Beyond Edutainment And Technotainment / From Now On, April, 1999. URL : <http://fno.org/apr99/covapr.html> (дата обращения 07.11.15).
7. *Walldén S.* Edutainment from Television and Computers to Digital Television / S. Walldén, A. Soronen. University of Tampere Hypermedia Laboratory, 2004. URL : http://www.uta.fi/hyper/julkaisut/b/fi_tv03b.pdf (дата обращения 07.11.15).

онлайн – это ведущее измерение реальности. Без включения обучающегося в виртуальную среду весьма трудно добиться признания, если не необходимости проводимого курса, а по меньшей мере преподавательского авторитета. Во-вторых, стационарные компьютерные системы – это прошлый век. Обучающийся должен быть мобилен, также как мобилен его смартфон. Методы обучения, основанные на стационарности субъекта образовательного процесса неэффективны, поскольку на когнитивном уровне они не соответствуют запросу потребителя образовательных услуг. В-третьих, игра не должна быть перегружена информацией. Существует некоторое заблуждение о том, что в современном обучении имеет смысл использовать видеоигру, при этом, как критики, так и апологеты этой идеи предполагают, что это будет высокобюджетный, крупный проект. Это не совсем адекватный повестке подход. Основными характеристиками объема видеоигры должны быть сжатость, конкретность и наглядность. Яркие, сложные образы избыточны для центениаолов.

Соблюдая основные педагогические правила проведения образовательных игр, а также актуализируя их в соответствии с запросом потребителя, применители технологий эдьютейнмента могут добиться существенного повышения степени усвоения профессиональных компетенций. Образовательный процесс во многих сферах является перспективной площадкой для развития геймифицированного подхода к обучению.

Literature:

1. URL : http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf
2. *Bogdanova O.A.* Edutainment as a special way of studying // Vestnik MGPU. 2014. № 4(30). P. 61–65.
3. *Dyakonova O.O.* Term «edutainment» in foreign and domestic pedagogical studies // Siberian pedagogical journal. 2012. № 6. P. 182–185.
4. *Addis M.* New technologies and cultural consumption. Edutainment is born. Bocconi University : Marketing Department. 2002. 13 p.
5. *De Vary Sh.* Educational Gaming. Interactive Edutainment. Distance learning // Boston, Information Age Publishing. 2008. № 5. P. 35–44.
6. *McKenzie J.* Beyond Edutainment And Technotainment / From Now On, April, 1999. URL : <http://fno.org/apr99/covapr.html> (date of the address 07.11.15).
7. *Walldén S.* Edutainment from Television and Computers to Digital Television / S. Walldén, A. Soronen. University of Tampere Hypermedia Laboratory, 2004. URL : http://www.uta.fi/hyper/julkaisut/b/fi_tv03b.pdf (date of the address 07.11.15).

8. *Donovan R.* Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. 504 p. 33

9. *Попов А.В.* Маркетинговые игры. Развлекай и властвуй. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2006. 320 с.

10. *Wang Ya.* Edutainment technology – a new starting point for education development of China // *Frontiers in Education Conference*, 2007. WI, Milwaukee. С. 10–13.

11. *Железнякова О.М.* Сущность и содержание понятия «эдьютейнмент» в отечественной и зарубежной педагогической науке / О.М. Железнякова, О.О. Дьяконова // *Alma Mater*. 2013. № 2. С. 67–70.

12. *Кобзева Н.А.* Edutainment как современная технология обучения // *Ярославский пед. вестник*. 2012. № 4. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 192–195.

13. *Околелов О.П.* Современные технологии обучения в вузе: сущность, принципы проектирования, тенденции развития // *Высшее образование в России*. 1994. № 2. С. 45–50.

14. *Kiili K.* Flow framework for analyzing the quality of educational games / K. Kiili, T. Lainema, de Freitas S, S. Arnab // *Entertainment Computing*, Vol. 5, Is. 4, December, 2014. P. 367–377.

8. *Donovan R.* Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. 504 p. 33

9. *Popov A.V.* Marketing games. Entertain and conquer. M. : Mann, Ivanov, Ferber, 2006. 320 p.

10. *Wang Ya.* Edutainment technology – a new starting point for education development of China // *Frontiers in Education Conference*, 2007. WI, Milwaukee. С. 10–13.

11. *Zheleznyakova O.M.* The essence and content of the concept of «edutainment» in domestic and foreign pedagogical studies / O.M. Zheleznyakova, O.O. Dyakonova // *Alma Mater*. 2013. № 2. p. 67–70.

12. *Kobzeva N.A.* Edutainment as modern concept of studying // *Yaroslavskyped. vestnik*. 2012. № 4. Т. II (Psychologically-pedagogical studies). P. 192–195.

13. *Okolelov O.P.* Modern technologies of training in higher education institution: essence, principles of design, development trend // *Higher education in Russia*. 1994. № 2. P. 45–50.

14. *Kiili K.* Flow framework for analyzing the quality of educational games / K. Kiili, T. Lainema, de Freitas S, S. Arnab // *Entertainment Computing*, Vol. 5, Is. 4, December, 2014. P. 367–377.

Кравченко Людмила Александровна
директор департамента
мониторинга и прогнозирования,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
lyudmila.kravchenko@vvsu.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

Аннотация. В статье выдвигается тезис, согласно которому проектирование реформ институциональной структуры высшего образования России должно учитывать неоднородность системы, как в разрезе миссий и ролей, так и в региональном разрезе. Автором предложен дифференцированный подход к оценке эффективности вузов, основанный на учете различия миссий и ценностей вузов разных типов. В особую группу выделены региональные вузы, предложен авторский взгляд на их роль в будущем ландшафте высшего образования в национальном измерении.

Ключевые слова: институциональная структура высшего образования; региональный вуз; эффективность регионального вуза; дифференцированный подход к оценке эффективности; показатели эффективности регионального вуза.

Институциональная реформа высшего образования России идет сегодня под знаменем эффективности, которая оценивается национальным регулятором хорошо известным вузовскому сообществу инвариантным набором показателей [1], характеризующих, по большому счету, три аспекта: способность вузов привлекать доходы из разных источников; качество человеческого капитала и востребованность выпускников.

Лисюткин М.А., Фрумин И.Д. [2] предлагают использовать для диагностики процессов деградации вузов, которые можно принять противоположными процессам развития, не абсолютные значения показателей деятельности, и даже не их сравнение с установленными значениями или со значениями других вузов, как это предполагает методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования, утвержденная Минобрнауки РФ, но динамику значений ключевых, с их точки зрения, показателей, характеризующих научную, международную деятельность и способность вуза привлекать ресурсы для текущей деятельности и развития: объем НИОКР в рас-

Lydmila A. Kravchenko
Director of the Department
of Monitoring and Forecasting,
Vladivostok State
University of Economy and Service
lyudmila.kravchenko@vvsu.ru

TO THE QUESTION OF THE EFFICIENCY ASSESSMENT REGIONAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Annotation. The article puts forward the thesis according to which the design reforms of the institutional structure of higher education in Russia must take into account the heterogeneity of the system, both in terms of missions and roles, and in the regional context. The author proposed a differentiated approach to the assessment of the effectiveness of universities, based on the differences in missions and values higher education institutions of different types. A special group highlighted regional universities, the author's proposed perspective on their role in the future landscape of higher education in the national dimension.

Keywords: institutional structure of higher education; Regional University; the effectiveness of regional universities; differentiated approach to effectiveness evaluation; indicators of the effectiveness of regional University.

чете на 1 НПП; доля иностранных студентов в контингенте и их удельный вес в выпуске; доходы вуза их всех источников на 1 НПП.

По мнению Д. Пург, рассуждать об эффективности университета можно лишь договорившись о понимании, что такое эффективность [3]. Сложность определения данного понятия для вузов во многом связана с непрозрачностью и высокой бюрократизированностью университетских процессов, а также объективно высочайшей степенью их сложности, двойственной социально-рыночной природой вузов и большим разнообразием их типов и миссий. Не напрасно международные рейтинги университетов, которые также можно рассматривать как подход к оценке результатов сферы высшего образования, в соответствии с подписанным в 2006 году в Берлине соглашением признают разнообразие вузов и обязательно предполагают учет различия их миссий [4]. Следовательно, понимание эффективности деятельности и показатели ее оценки целесообразно формировать на основе признания необходимости разнообразия [5], неизбежности диверсификации вузов по их роли в глобальном и национальном пространстве высшего

образования. Такой подход предполагает различие показателей оценки эффективности вузов разных типов и категорий.

Определим понятие «эффективность организации» как степень ее способности достигать заданных результатов, т.е. обеспечивать результативность с минимальными издержками. И. Адизес замечает, что по большому счету любую организацию можно считать результативной, если она: удовлетворяет запросы стейкхолдеров и имеет положительный баланс доходов и расходов на любом заданном промежутке времени, прибыльна и не допускает кассовых разрывов [6]. В случае вузов, в качестве «клиентов» принято рассматривать как студентов, так и государство в том смысле, что именно студенты (заказчики услуг) и государство являются источниками поступления финансовых средств для вузов. В рассматриваемом институциональном контексте в число стейкхолдеров включается обобщенная категория «регион», отражающая интересы региональных сообществ, власти, населения. Запросы стейкхолдеров «студенты» и «персонал», подробно описанные в работе К.С. Солодухина [7], не предполагают серьезных различий для вузов разных категорий, и связаны с получением качественного образования, гарантий трудоустройства (студенты), достойных доходов, возможностей развития и социальных гарантий (персонал). Что касается стейкхолдеров «государство» и «регион», то именно их запросы к вузам разных категорий, вероятно, будут наиболее дифференцированы.

В качестве одной из целей формирования группы флагманских вузов [8] провозглашается возможность концентрации ресурсов государства на них как «точках роста» системы, а их миссия состоит в достижении качества образования мирового уровня и конкурентоспособности в глобальном измерении. Соответственно, именно флагманские университеты в силу своей миссии решая задачи создания передовых технологий, новых знаний, интеграции в глобальное образовательное пространство, они становятся основными потребителями государственных ресурсов, в силу чего оценку эффективности их деятельности целесообразно было бы связывать с возвратом на вложенные государственные инвестиции, а также долей доходов от исследований, разработок и их коммерциализации.

Что касается региональных вузов, то их миссия в институциональном ландшафте просматривается как удовлетворение потребностей личности в получении высшего образования, которое в современном мире вполне очевидно становится «культурной нормой» и массовой потребностью населения. Д. Пург подчеркивает, что ориентация на потребности рынка способствует росту качества образовательных услуг, формирует в вузах определенную предпринимательскую культуру [3]. И это, безусловно справедливо для высокоразвитых стран. Чрезмерная ориентация на потребности рынка в странах с развивающимися экономиками, где платежеспособный спрос населения в целом невысок, может приводить к распространению «псевдообразования», и в чис-

том виде рыночный подход к управлению образованием имеет серьезные ограничения [4]. Необходимость государственного участия не только в финансировании, но и в регулировании деятельности вузов, отмечает также И. Аржанова [9]. Примеры сбалансированного государственно-рыночного подхода можно наблюдать в Западной Европе, которая, приняв вызов массивификации и перейдя от элитарного высшего образования к массовому, создала свою социально-ориентированную диверсифицированную квазирыночную модель, которая, в противоположность американской модели, предполагает достаточно существенную роль государства [4].

Таким образом, роль региональных вузов в национальной системе высшего образования может состоять в том, чтобы, ориентируясь на потребности региона как на «входе» (база абитуриентов), так и на «выходе» (трудоустройство выпускников преимущественно внутри региона), будучи включенной в региональные процессы и кластеры, наиболее эффективно удовлетворять образовательные потребности населения и кадровые потребности своего региона. Соответственно, основные векторы развития региональных вузов должны быть сонаправлены с основными векторами развития своих регионов, определяемыми стратегиями социально-экономического развития последних.

Механизмы и формы интеграции региональных вузов в процессы развития регионов должны обеспечивать качество образования, опережающее предъявляемые работодателями требования – настолько, чтобы через 4–5 лет обучения по конкретному направлению выпускник попадал в пик профессиональной востребованности. Очевидно, что это идеализированный случай. Тем не менее, такая цель в области качества подготовки с большой долей вероятности приведет региональные вузы к необходимости внедрения различных форматов дуального образования, что обеспечит гибкую настройку содержания программ на постоянно изменяющиеся требования практики.

Соответственно, обозначается ключевое различие миссий флагманских и региональных вузов: если первые должны стать генераторами новых знаний и технологий, то вторые – их ретрансляторами в секторе массовой подготовки. При этом «региональный вуз» будет сосредоточен в основном на подготовке бакалавров, содержание подготовки в нем будет носить в большей степени прикладной характер, который неизбежно окажет влияние на исследовательскую составляющую в деятельности регионального вуза: преимущественно консалтинг, прикладные исследования и разработки.

Возвращаясь к дефиниции эффективности как способности обеспечить максимальный результат при минимальных затратах, можно прийти к пониманию максимально эффективного регионального вуза как вуза, который обеспечивает высокое качество массового высшего образования при нулевой субсидии от государства, то есть исключительно за счет привлеченных са-

мим вузом внебюджетных средств. Очевидно, это крайний случай, который помогает достичь сути понятия «эффективности регионального вуза».

В качестве показателя качества образования в свете предлагаемой миссии «региональных вузов» можно рассматривать стабильное обеспечение успешного трудоустройства выпускников, что сегодня, при наличии мощного федерального информационного ресурса портала «Мониторинг трудоустройства выпускников», является абсолютно объективной и измеримой величиной. Если строго следовать определению И. Адизеса,

и учитывать интерес академического персонала как основного стейкхолдера, показатель среднего дохода работников вуза также может характеризовать эффективность деятельности. Данные признаки эффективности, являются базовыми. Если они проявлены, соответственно бизнес-процессы вуза организованы эффективно и соответствующие им показатели, предположительно, должны находиться в позитивной динамике. Следовательно, набор ключевых показателей оценки эффективности регионального вуза и подход к установлению их целевых значений могут выглядеть (табл. 1).

Таблица 1

Показатели, предлагаемые для оценки эффективности регионального вуза

Наименование показателя	Ед. изм.	Целевое значение
1. Трудоустройство выпускников	%	90
2. Средняя заработная плата ППС к средней заработной плате по экономике региона	%	200
3. Доля государственной субсидии в консолидированных доходах вуза	%	не выше 50 %
4. Дополнительный показатель: доля иностранных граждан в общем контингенте студентов	%	не ниже 3 %

Источник: составлено автором.

Т.В. Штатская обращает внимание на региональный аспект глобализации образования: с одной стороны, экономика, промышленность стремятся к объединению с образованием с целью превращения интеллектуальных ресурсов региона, страны или города в факторы, способствующие достижению экономического роста и других социальных задач [10]. С другой стороны, интернационализация экономической, социально-политической, культурной жизни современного мира требует обмена не только товарами и капиталами, но и знаниями, а теперь и студентами и преподавателями между высшими учебными заведениями и странами. Таким образом, глобализация образования оказывает влияние на интеграцию регионов в глобальное пространство, тем самым ускоряя всеобщую глобализацию.

В качестве одного из наиболее важных факторов, способствующих достижению эффективности любым вузом, Д. Пург выделяет уровень амбиций университета и диверсификацию рынков. Большинство университетов продолжают действовать в образовательном пространстве своего региона или страны, тем самым ограничивая возможности развития, как для себя, так и для своих стейкхолдеров. Все без исключения вузы, включая региональные, уже сегодня находятся в принципиально новых условиях трансграничного образовательного пространства, предоставляющего практически неограниченные возможности мобильности и доступности образования, тем самым задавая новые форматы деятельности вузов и требований к ее эффективности.

Российские университеты по-разному воспринимают данную возможность, позиционируя себя по отношению к новым реалиям от «активного

участника процесса глобальной интеграции» до «пилотного проекта». Вместе с тем, вузы привлекающие студентов из-за рубежа и активно развивающие программы академической мобильности, получают выгоды как в экономической (рост доходов, числа рабочих мест академического персонала, что немаловажно в контексте предлагаемых показателей), так и в социальной (формирование поликультурной образовательной среды, воспитание толерантности, развитие преподавания на иностранных языках) и имиджевой (международный статус вуза и значительная доля иностранного контингента являются фактором его привлекательности в мировом, национальном и региональном масштабах) сферах, соответственно интернационализация в любом случае работает на эффективность вуза, а показатель «доля иностранных граждан в общем контингенте студентов вуза» может быть использован как дополнительный для оценки эффективности регионального вуза.

Исходя из вышеизложенного, проектирование реформ системы высшего образования России должно учитывать неоднородность системы, как в разрезе миссий и ролей, так и в региональном разрезе. Оценка эффективности деятельности вузов требует дифференцированного подхода, основанного на различии ролей и целей деятельности вузов разных типов и категорий, задаваемых государством в процессе реформирования системы. Предложенный подход к оценке эффективности региональных вузов учитывает специфику их роли в формируемом в процессе реформ новом институциональном ландшафте. Вместе с тем, отдельного исследования и проработки требует вопрос об оценке эффективности деятельности вузов в контексте задач регионального развития.

Литература:

1. *Пфаненштиль И.А.* Образование и будущее развитие России в контексте современных процессов глобализации // *Философия образования*, 2012. № 6. 20–27 с.
2. *Лисюткин М.А.*, Как деградируют университеты? // *Университетское управление: практика и анализ*. 2014. № 4–5. 12–20 с.
3. *Пург Д.* Как будет меняться управление университетами: интервью главного редактора с экспертом // *Университетское управление : практика и анализ*. 2015. № 1. 4–6 с.
4. *Шереги Ф.Э.* Измерение рейтингов университетов: международный и российский опыт / Ф.Э. Шереги, А.Л. Арефьева. М. : Центр социологических исследований. 2014. 504 с.
5. *Ткач Г.Ф.* Организационно-правовые и практические механизмы обеспечения академической мобильности и расширения экспорта образовательных услуг. М. : Инфра-М, 2014. 376 с.
6. *Адизес И.* Управление жизненным циклом корпорации. СПб. : Питер, 2007. 275 с.
7. *Солодухин К.С.* Инновационный подход к выбору стратегий взаимодействия вуза с его заинтересованными сторонами // *Экономические науки*. 2009. № 1. 140–145 с.
8. *Фруммин И.Д.* «Флагманские» вузы в России: от советского проекта к современной модели опорного университета / И.Д. Фруммин, О.В. Лешуков; Институт образования НИУ ВШЭ. URL : http://conf.regionvuz.ru/sites/default/files/4_frumin_opornye_vuzy_k_seminaru_22_10.pdf
9. *Аржанова И.В.* География и арифметика Болонского Процесса // *Аккредитация в образовании*. 2007. № 18. 40–45 с.
10. *Штатская Т.В.* Глобализация образования – Успехи современного естествознания. 2009. № 11. 65 с.

Literature:

1. *Pfanenshtil I.A.* education and future development of Russia in the context of contemporary globalization processes // *Philosophy of education*. 2012. № 6. 20–27 p.
2. *Lisjutkin M.A.* As degraded universities?-University: practice and management analysis. 2014. № 4–5, 12–20 p.
3. *Purg D.* As will change the management of universities: an interview with editor in Chief expert d. Snowstorms-University governance : practice and analysis. 2015. № 1. 4–6 p.
4. *Sheregi F.E.* measuring universities rankings: international and Russian experience / F.E. Sheregi, A.I. Arefieva. M. : Sociological Research Center, 2014. 504 p.
5. *Weaver G.F.* Organizational, legal and practical mechanisms to ensure academic mobility and the expansion of exports of education services. M. : infra. M., 2014. 376 p.
6. *Adizes I.* Lifecycle Management Corporation-Spb. : Piter, 2007. 275 p.
7. *Solodukhin K.S.* An innovative approach to the choice of strategies for engaging the University with its stakeholders and economic sciences. 2009. № 1. 140–145 p.
8. *Frumin I.D.* Flagship universities in Russia: from the Soviet project to a modern model of supporting University I.D. Frumin, O.V. Leshukov. HSE, Institute of education. URL : http://conf.regionvuz.ru/sites/default/files/4_frumin_opornye_vuzy_k_seminaru_22_10.pdf .
9. *Arzhanova I.V.* Geography and arithmetic of the Bologna process-Accreditation in education. 2007. № 18. 40–45 p.
10. *Shtatskaja T.V.* globalization of education – Successes of modern natural science. 2009. № 11. 65 p.

Махова Анна Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры истории, обществознания
и педагогических технологий,
Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянск-на-Кубани,
г. Славянск-на-Кубани,
Российская Федерация

Тельтевская Маргарита Александровна

студентка 3 курса,
Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянск-на-Кубани
m-teltevskaya@mail.ru

**АНАЛИЗ ЭКСПОРТА
РОССИИ И КВИНТЕТА СТРАН
СКАНДИНАВИИ В ОБЩЕМ
ОБЪЕМЕ ЗА 2013–2017 гг.**

Аннотация. В основу статьи были положены торгово-экономические отношения России и пяти стран Скандинавии, а именно: Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии и Дании. Материал статьи состоит из исследования поставок товаров между Россией и каждой из пяти скандинавских стран в обороте за каждый отдельно анализируемый год.

Ключевые слова: мировая экономика, внешняя торговля, товарооборот, Скандинавия, экспорт.

Торговые отношения России, которую мы сейчас знаем, со странами Скандинавии установились еще во времена древних славян. В конце VIII – начале IX века скандинавские купцы и дружинники появились на территориях, занятых славянскими племенами, разведывая торговые пути на Восток. Эти отношения развивались. В современной истории России торгово-экономические сделки с квинтетом стран Скандинавии наблюдаются по нынешний год. Следовательно, можно подвести промежуточные итоги.

Товарооборот между РФ и пяти рассматриваемыми странами, на протяжении анализируемого периода времени, изменялся следующим образом: экспорт из России в пятерку стран Скандинавии за прослеживаемые года насчитывал следующие показатели: исходные данные по обороту поставок товаров из РФ в каждую из квинтета стран Скандинавии за 2013 год следующие (рис. 1): пятое место по объему занимает Исландия с 16 млн долл., что не составляет даже одного процента от общего объема экспорта данного

Anna V. Makhova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of History,
Social Science and
Pedagogical technologies,
Kuban State University
branch in Slavyansk-on-Kuban,
m-teltevskaya@mail.ru

Margarita A. Teltevskaya

3rd year Student,
Kuban State University
branch in Slavyansk-on-Kuban
m-teltevskaya@mail.ru

**ANALYSIS OF EXPORTS
OF RUSSIA AND THE QUINTET
OF THE SCANDINAVIAN
COUNTRIES IN THE TOTAL
VOLUME OVER 2013–2017**

Annotation. The article is based on trade and economic relations between Russia and five Scandinavian countries: Norway, Sweden, Finland, Iceland and Denmark. The article consists of a study of the supply of goods between Russia and each of the five Scandinavian countries in circulation for each separately analyzed year.

Keywords: world economy, foreign trade, trade turnover, Scandinavia, export.

года; четвертое место закрепила за собой Норвегия с показателем 808 млн долл. (4 %); третье место по обороту поставок товаров из России принадлежит Дании с суммой закупок 1480 млн долл. (8 %); второе место с долей чуть более 1/5 от общего объема экспорта заняла Швеция с показателем 4476 млн долл. (22 %); доминирующую позицию с большим отрывом от других стран Скандинавии занял экспорт России в Финляндию с оборотом 13308 млн долл. (66 %). На исходный изучаемый год весь объем экспорта данного квинтета стран составил 20088 млн долл.

Показатели поставок товаров из России в каждую из квинтета стран Скандинавии, за исследуемый период времени, следующие (рис. 2): с 2013 года по 2014 год экспорт из России в Исландию возрос на 3 млн долл. и остановился на отметке 19 млн долл., но этот рост параметров показателя не позволил приблизиться даже к одному проценту от общего объема экспорта; за тот же период поставки из России в Норвегию увеличили позиции на 128 млн долл. и зафиксиро-

рованы на индексе 936 млн долл. (5 %); с 2013 года по 2014 год наблюдалось стремительное наращивание параметров экспорта товаров из России в Данию на 1422 млн долл., окончательной отметкой этого года была цифра 2902 млн. долл. (14 %); с 2013 года по 2014 год экспорт Швеции возрос на 318 млн долл. и остановился

на показателе 4794 млн долл. (24 %); как и в 2013 году, так и в 2014 году поставки товаров из России в Финляндию составляли львиную долю всего экспорта данного года, хотя и прослеживалось сокращение на 1927 млн долл., но Суоми сохранила обороты на отметке 11381 млн долл. (57 %).

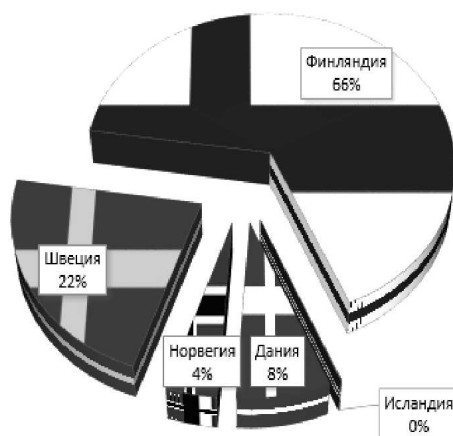

Рисунок 1 – Экспорт России в пятерку стран Скандинавии за 2013 год

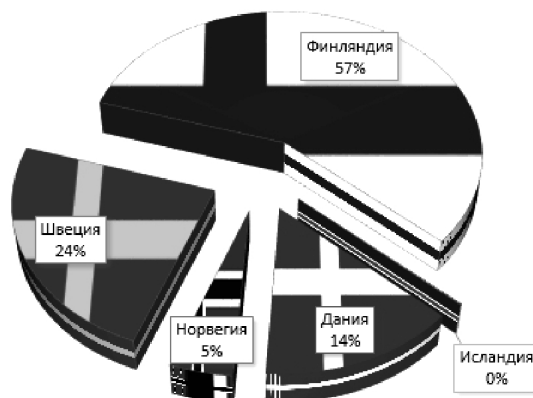

Рисунок 2 – Экспорт России в пятерку стран Скандинавии за 2014 год

Поставки товаров из России в каждую из пятерки стран Скандинавии изменялись следующим образом (рис. 3): с 2014 года по 2015 год экспорт из России в Исландию возрос на 24 млн долл. и зафиксирован на отметке 43 млн долл., но, по-прежнему, находился вне зоны одного процента общего объема.

За анализируемый период времени обороты поставок товаров в Норвегию из России уменьшились на 184 млн долл., остановившись на показателе 752 млн долл. (6 %); экспорт товаров в Данию из России также снизился на 958 млн долл., окончательным значением года была цифра 1944 млн долл. (16 %); торговые сделки России в отношении Швеции с 2014 года по 2015 год уменьшились на 2359 млн долл., закрепившись на отметке 2435 млн долл. (20 %); за тот же отрезок времени экспорт России в Финляндию сократился на 4289 млн долл., последние котировки данного года зафиксированы на цифре 7092 млн долл. (58 %).

Параметры поставок товаров из России в каждую из пятерки стран Скандинавии насчитывали следующие показатели (рис. 4): с 2015 года по

2016 год торговые сделки с Исландией сократились на 12 млн долл., остановившись на показателе 31 млн долл., (менее 1 %); с 2015 года по 2016 год объем экспорта России с Норвегией уменьшился на 15 млн долл., в 2016 году значение данного параметра зафиксировано на отметке в 737 млн. долл. (7 %); торговые отношения в сфере экспорта из России в Данию с 2015 года по 2016 год потеряли в объеме 544 млн долл., окончательная позиция показателя остановилась на цифре 1400 млн. долл. (13 %); за тот же период времени поставки товаров в Швецию из России снизились на 211 млн. долл., опустившись до отметки 2224 млн долл. (20 %); ведущая страна, закупающая товары России, из пяти скандинавских – Финляндия сократила оборот закупок на 557 млн. долл., остановившись на позиции 6535 млн долл. (60 %).

Показатели каждой из стран экспорта товаров из России в каждую из квартала стран Скандинавии изменялись следующим образом (рис. 5): с 2016 года по 2017 год торговые сделки в сфере экспорта из России в Исландию сократились на 17 млн долл., остановившись на индексе 14 млн

долл., (менее 1 %); за этот же отрезок времени поставки товаров в Норвегию из России нарастили объемы закупок на 39 млн долл., закрепившись на цифре 776 млн. долл. (5 %); с 2016 года по 2017 год экспорт товаров из России в Данию резко набрал обороты на 1548 млн, поднявшись на отметку 2948 млн долл. (21 %); с 2016 года по 2017 год поставки товаров в Швецию из России снизились на 290 млн долл., сократившись до индекса 1934 млн долл. (14 %); доминирующая доля от всего экспорта данного года, по-прежнему, занимала Финляндия, увеличив сумму закупок товаров с прошлого года на 2107 млн

долл., что позволило ей закрепиться на отметке 8642 млн долл. (60 %). На конечный исследуемый год весь объем экспорта данного квинтета стран составил 14314 млн долл.

Таким образом, можно констатировать сокращение доли поставок товаров из России в пятерку стран Скандинавии, за прослеживаемые пять лет, на 5774 млн долл. (28,7 %). За этот же временной отрезок между странами Швеции и Дании произошел обмен ранговыми позициями – Швеция стала третьей, а Дания второй по экспорту в эти страны из России.

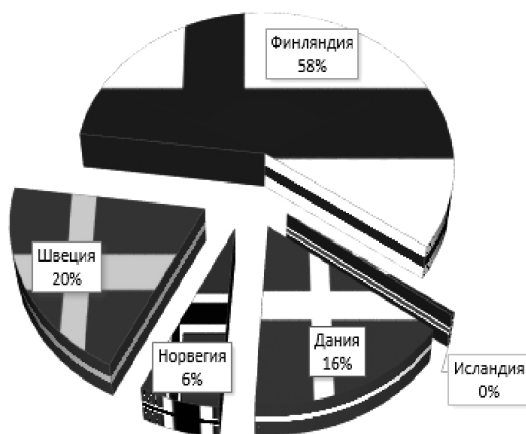

Рисунок 3 – Экспорт России в пятерку стран Скандинавии за 2015 год

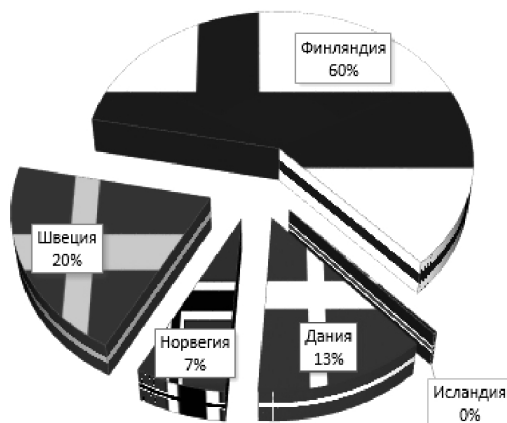

Рисунок 4 – Экспорт России в пятерку стран Скандинавии за 2016 год

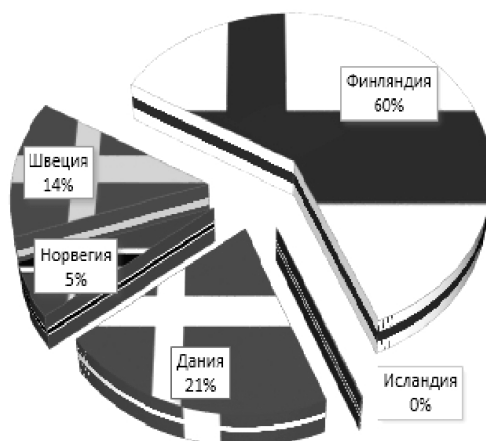

Рисунок 5 – Экспорт России в пятерку стран Скандинавии за 2017 год

Литература:

1. История торговых отношений России и Скандинавии. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-so-stranami-skandinavii-ekonomicheskie-interesy-i-vozmozhnosti-vzaimovыgodnogo>
2. Торговые отношения России и Исландии. URL : <http://russian-trade.com/countries/iceland/>
3. Торговые отношения России и Норвегии. URL : <http://russian-trade.com/countries/norway/>
4. Торговые отношения России и Дании. URL : <http://russian-trade.com/countries/denmark/>
5. Торговые отношения России и Швеции. URL: <http://russian-trade.com/countries/sweden/>
6. Торговые отношения России и Финляндии. URL : <http://russian-trade.com/countries/finland/>

Literature:

1. History of trade relations between Russia and Scandinavia. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-so-stranami-skandinavii-ekonomicheskie-interesy-i-vozmozhnosti-vzaimovыgodnogo>
2. Trade relations between Russia and Iceland. URL : <http://russian-trade.com/countries/iceland/>
3. Trade relations between Russia and Norway. URL : <http://russian-trade.com/countries/norway/>
4. Trade relations between Russia and Denmark. URL : <http://russian-trade.com/countries/denmark/>
5. Trade relations between Russia and Sweden. URL : <http://russian-trade.com/countries/sweden/>
6. Trade relations between Russia and Finland. URL : <http://russian-trade.com/countries/finland/>

Михайловна Раиса Ивановна
кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра туризма и гостиничного дела,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
elrmiv@mail.ru

Скроботова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра туризма и гостиничного дела,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
skrolga48@mail.ru

Волков Вадим Геннадьевич
начальник,
Управление культуры и туризма,
Липецкая область
culture@admlr.lipetsk.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ НА ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННУЮ СИСТЕМУ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

■ ■ ■

Аннотация. В соответствии с ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» в Липецкой области при государственной поддержке сформированы два кластера: туристско-рекреационный кластер «Елец» и автотуристский кластер «Задонщина». Исследование влияния кластерного подхода на состояние и развитие туристско-рекреационной системы региона носит актуальный характер в связи с необходимостью формирования дальнейших подходов к планированию и прогнозированию развития туризма. В данной статье изучение влияния туристских кластеров на развитие туристско-рекреационной системы региона основывается на выявлении изменений как в отдельных подсистемах, так и свойств системы в целом.

Ключевые слова: туризм, Липецкая область, туристский кластер, туристские ресурсы, туристский продукт, туристско-рекреационная система, туристско-рекреационный комплекс, экономика региона.

■ ■ ■

Raisa I. Mikhaelovna
Candidate of Philology,
Associate Professor,
Department of Tourism and Hotel Business,
Yelets State University of I.A. Bunin
elrmiv@mail.ru

Olga V. Skrobotova
Candidate of Philology,
Associate Professor,
Department of Tourism and Hotel Business,
Yelets state university of I.A. Bunin
skrolga48@mail.ru

Vadim G. Volkov
Chief,
Management of Culture and Tourism
of the Lipetsk region
culture@admlr.lipetsk.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO RESEARCH FOR THE TOURIST CLUSTERS' AFFECT THE TOURIST AND RECREATIONAL SYSTEM OF THE REGION (THROUGH THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)

■ ■ ■

Annotation. According to the Federal Target Program «Development of the domestic and international tourism in the Russian Federation (2011–2018)» two clusters were developed with the government assistance in the Lipetsk region: the tourist and recreational cluster «Yelets» and the automobile tourist cluster «Zadonshchina». The research for the cluster approach affect the state and development of the tourist and recreational system of the region is important today due to the necessity of determining further approach to planning and forecasting the tourism development. In the article the study of the tourist clusters' affect the development of the tourist and recreational system of the region is based on determining the changes both in the separate subsystems and the properties of the system as a whole.

Keywords: tourism, the Lipetsk region, a tourist cluster, tourist resources, a tourist product, a tourist and recreational system, a tourist and recreational complex, a region economy.

■ ■ ■

Исследование влияния кластерного подхода на состояние и развитие туристско-рекреационной системы региона носит актуальный характер в связи с необходимостью формирования дальнейших подходов к планированию и прогнозированию развития туризма. Кластерный подход к развитию туризма в Российской Федерации приобрел особую актуальность в связи с разработкой и реализацией Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)». Актуальность данного исследования по указанной выше проблеме состоит в том, что будут выявлены динамические свойства и закономерности формирования туристско-рекреационной системы Липецкой области. А также исследование туристско-рекреационной системы региона в условиях кластерного подхода к развитию туризма позволит прогнозировать векторы её развития и преодолеть возможные противоречия.

Анализ научных источников по результатам зарубежных и отечественных исследований регионального развития туризма выявил большое количество определений и понятий, характеризующих территориальную организацию туризма, таких как: «система», «район», «регион», «комплекс», «кластер» и другие. Подходы к исследованию регионального развития туризма и пространственных форм организации сферы туризма изложены в трудах отечественных и зарубежных ученых. Для определения туристских систем в регионе ученые используют следующие термины: территориально-рекреационный комплекс (Джанджугазова Е.А. [10], Павленко И.Г. [16], Галачиева Л.А. [7], Тагирова Т.И. [23]); территориальная рекреационная система / туристско-рекреационная система (Преображенский В.С. [19], Веденин Ю.А. [5], Николаенко Т.В. [14], Овчаров А.О. [15], Мажар Л.Ю. [13], Саранча М.А. [21], Поросенков Ю.В., Худякова Т.М. [18], Шайдаров А.Ю. [24], Gunn С.А. [26], Leiper N. [27], Hall С.М. [28], Holden A. [29], Butler R., Hinch T. [30]); туристский комплекс/туристско-рекреационный комплекс (Полякова И.Л. [17] и др.). За различиями в терминологии не всегда стоят различия в методологии исследований. Достаточно полную характеристику развития представлений о территориальных туристско-рекреационных системах и комплексах представили Саранча М.А., Кусков А.С. в статье «Эволюция подходов к исследованию территориальных туристско-рекреационных систем» [22]. Наиболее разработанные положения о сущности туристско-рекреационных систем региона изложены в научных трудах Л.Ю. Мажар [13] и М.А. Саранчи [21].

Ж.А. Ермаковой и И.Л. Поляковой предложена методика оценки влияния туристско-рекреационных комплексов на социально-экономическое положение территории, учитывающая глубину влияния комплекса на экономику региона, с выделением регионального и муниципального уровней, а также уровня отдельного предприятия [11].

Результаты современных исследований в сфере туризма (как в России, так и за рубежом) показы-

вают, что в настоящее время происходит формирование и развитие туристско-рекреационных систем (туристско-рекреационных комплексов) в регионах РФ под влиянием кластерного подхода. Однако факторы и механизмы этого влияния изучены недостаточно.

Территориальные туристско-рекреационные системы рассматриваются как межотраслевые разновидности социально-экономических систем. Центральным и главным элементом туристской системы в большинстве рассмотренных исследований выступает турист. Выявление и удовлетворение потребностей туриста, понимание его поведения являются основой для всестороннего развития туристских услуг. Туристы формируют потребительскую подсистему туристско-рекреационной системы региона. При множестве подходов к определению структуры и функциональных особенностей туристско-рекреационной системы региона очевидным является, что подсистемы и образуемые ими связи существуют с целью привлечения туристов и обеспечения эффективного функционирования системы.

Впервые понятие «кластер» использовал М.Э. Портер. Концепцию кластерного развития в туризме одним из первых сформулировал М. Монфорд [31]. М. Бени определил туристский кластер [32]. Вопросы кластерной организации туризма представлены и в работах отечественных исследователей: Александровой А.Ю. [1], Афанасьева О.Е. [2], Джанджугазовой Е.А. [10], Бакуменко О.А. [3], Большакова А.И. [4], Шепелева И.Г. [25], Гришина С.Ю. [9], Ульяновченко Л.А. и соавторов [6] и др.

Основная проблематика отечественных исследований связана с изучением: стратегических вопросов кластерного развития туризма (Александрова А.Ю. [1], Шепелев И.Г. [25]); подходов к определению и классификации кластеров (Афанасьев О.Е. [2]; Бакуменко О.А. [3]; Большаков А.И. [4]; Гришин С.Ю. [9]); актуальных вопросов становления туристских кластеров в регионах (Галимов Ш.Ш., Шабанова Л.Б. [8]; Полякова И.Л. [17]; Ульяновченко Л.А., Виноградова М.В. [6], Ковалева Т.Ю. [12]); методам оценки и прогнозирования кластерного развития в туризме и исследованию механизмов кластерного развития туризма (Ковалева Т.Ю. [12], Зайцева Н.А. и соавторы [33] и др.).

В настоящее время сложилась ситуация, когда показатели развития кластеров зачастую выступают как показатели развития туризма в регионах. Однако характеристика туристско-рекреационной системы региона не может быть сведена к характеристике кластеров. Туристский кластер необходимо рассматривать как один из способов развития туристско-рекреационной системы территории. Модель туристско-рекреационной системы региона формируется, исходя из рационального использования туристских ресурсов и создания устойчивых внешних связей, и является условием формирования в регионе эффективной и конкурентоспособной туристской индустрии. Туристско-рекреационную систему мы рассматриваем как многокомпонентную и

многоуровневую систему. В качестве главного элемента данной системы выступают туристы. Эффективность функционирования такой системы обеспечивается нелинейными связями ее компонентов, а также их свойствами. Влияние кластерного подхода на развитие туристско-рекреационной системы необходимо изучать в контексте пространственных организационных процессов. Для туристско-рекреационной системы характерна значительная роль процессов самоорганизации, при этом важную роль в их формировании, функционировании и развитии играют институты управления. На наш взгляд, до сих пор остается недостаточно изученным влияние кластерного подхода на процессы институциональной организации туристско-рекреационной системы региона, как системы в целом, так и её компонентов. Основными аспектами изучения при этом являются:

- 1) особенности туристско-рекреационной системы региона;
- 2) влияние кластерного подхода на функционирование как туристско-рекреационной системы региона в целом, так и ее подсистем.

На территории Липецкой области выделяется три рекреационных района. Липецкий рекреационный район (Восточный) расположен в восточной и юго-восточной части области, включает Добровский, Липецкий, Грязинский, Усманский, Добринский районы. Лебедянский рекреационный район (Северный) расположен на севере области и включает в себя Лебедянский, Данковский, Чаплыгинский и Лев-Толстовский районы. Елецкий рекреационный район (Западный) расположен на западе и юго-западе области, в него вошли Становлянский, Воловский, Задонский, Хлевенский, Долгоруковский, Измалковский, Краснинский, Елецкий, Тербунский районы. В Липецкой области в условиях реализации ФЦП

Литература:

1. *Александрова А.Ю.* Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования // Экономические проблемы развития сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 51–61.
2. *Афанасьев О.Е.* Типология туристских кластеров, включенных в ФЦП «Развития въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации» // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 1. С. 37–46.
3. *Бакуменко О.А.* Развитие подходов к оценке эффективности функционирования региональных туристских кластеров // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 46. С. 41–50.
4. *Большаков А.И.* Современные подходы к определению туристских кластеров // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 6(33). С. 50–58.
5. *Веденин Ю.А.* Динамика территориальных рекреационных систем. М. : Наука, 1982. 190 с.

«Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011–2018 гг.)» активно применяется кластерный подход к развитию туризма. В настоящее время 5 туристских кластеров различного типа (туристско-рекреационные и автотуристские) находятся на стадии реализации, и мы можем говорить об определенных результатах их развития. Туристские кластеры созданы в каждом из рекреационных районов. В соответствии с целью и задачами ФЦП в туристских кластерах на основе государственно-частного партнерства активно развиваются туристская инфраструктура и предприятия туристского бизнеса. Основной целью региональной политики в сфере туризма является формирование в Липецкой области современного эффективного туристского пространства, обеспечивающего производство конкурентоспособного туристского продукта для удовлетворения потребностей гостей региона в туристских услугах, создание новых рабочих мест и повышение уровня доходов населения. Таким образом, кластеры выступают как драйверы развития туризма. В настоящее время недостаточно изучены вопросы влияния кластерного подхода на туристско-рекреационную систему Липецкой области в целом и на её отдельные компоненты. Актуальной представляется проблема влияния кластеров на формирование туристских потоков в регионе. Исследование влияния кластерного подхода к развитию туризма на формирование внешних связей туристско-рекреационной системы Липецкой области позволит прогнозировать как изменение потоков туристов, въезжающих в регион, так и распределение данных потоков внутри региона. Изучение нелинейных связей между элементами туристско-рекреационной системы Липецкой области необходимо для активизации процессов самоорганизации и координации в рамках туристско-рекреационной системы Липецкой области, необходимых для производства конкурентоспособного турпродукта.

Literature:

1. *Alexandrova A.Yu.* Tourist clusters: content, borders, functioning mechanism. *Sovremennye problemy servisa i turizma // Modern problems of the service and tourism.* 2007. № 1. P. 51–61.
2. *Afanasyev O.Ye.* The typology of the tourist clusters included into the Federal Target Program «Development of the domestic and international tourism in the Russian Federation». *Sovremennye problemy servisa i turizma // Modern problems of the service and tourism.* 2016. № 1. P. 37–46.
3. *Bakumenko O.A.* Development of the approach to evaluation of the regional tourist clusters functioning effectiveness. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika // Regional economy: theory and practice.* 2013. № 46. P.41–50.
4. *Bolshakov I.A.* Modern approaches to the definition of tourist clusters // *Service in Russia and abroad.* 2012. № 6(33). P. 50–58.
5. *Vedenin Yu.A.* Dynamics of territorial recreation systems. M. : Science, 1982. 190 p.

6. *Виноградова М.В.* Региональные туристские комплексы и кластеры: общие черты и основные отличия / М.В. Виноградова, Л.А. Ульянченко // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 8(55). С. 127–140.
7. *Галачиева Л.А.* Формирование и развитие территориально-рекреационного комплекса Кабардино-Балкарии : дис... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2006. 158 с.
8. *Галимов Ш.Ш.* Методика анализа туристского кластера региона / Ш.Ш. Галимов, Л.Б. Шабанова // Вестник ТИСБИ. 2014. № 2(58). С.141–149.
9. *Гришин С.Ю.* Методические аспекты эффективного проектирования современной системы кластеров в сфере детско-юношеского туризма Северо-Западного Федерального Округа / С.Ю. Гришин, В.А. Ткачев // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 1. С. 92–98.
10. *Джанджугазова Е.А.* Формирование стратегии развития регионального туристско-рекреационного комплекса : дис... д-ра экон. наук. М., 2005. 254 с.
11. *Ермакова Ж.А.* Оценка влияния развития туристско-рекреационных комплексов на социально-экономическое положение территории / Ж.А. Ермакова, И.Л. Полякова // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 6 (117). С. 105–112.
12. *Ковалева Т.Ю.* Алгоритм идентификации и оценки кластеров в экономике региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2011. Вып. 4(11). С. 30–39.
13. *Мажар Л.Ю.* Территориальные туристско-рекреационные системы: геосистемный подход к формированию и развитию : дис... д-ра геогр. наук. Смоленск, 2009. 338 с.
14. *Николаенко Т.В.* Процесс рекреационного освоения региона (на примере Крыма). Симферополь : ТНУ, 1998. 31 с.
15. *Овчаров А.О.* Туристический комплекс в России: тенденции и риски // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 108–119.
16. *Павленко И.Г.* Организационная модель регулирования внутриотраслевых пропорций рекреационного комплекса // Вестник Орел ГИЭТ. 2017. № 1. С. 94–98.
17. *Полякова И.Л.* Туристско-рекреационный комплекс: сущность, функции и структура // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 13(132). С. 376–382.
18. *Поросенков Ю.В.* Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических исследований рекреационной деятельности / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Вестн. ВГУ. Сер. География, геоэкология. 2009. № 2. С. 5–11.
6. *Vinogradova M.V.* Regional tourist complexes and clusters: common features and main differences / M.V. Vinogradova, L.A. Ulyanchenko // Service in Russia and abroad. 2014. № 8(55). P. 127–140.
7. *Galachieva L.A.* Development of territorial-recreational complex of Kabardino-Balkaria : dis. ... cand. geogr. Sciences. Stavropol, 2006. 158 p.
8. *Galimov S.S.* Methods of analysis of the tourism cluster of the region / S.S. Galimov, L.B. Shabanova // Herald TISBI, 2014. № 2(58). P. 141–149.
9. *Grishin S.Yu.* Methodological aspects of the efficient design of a modern system of clusters in the sphere of youth tourism in the North-Western Federal District / S.Yu. Grishin, V.A. Tkachev // Journal of legal and economic studies. 2016. № 1. P. 92–98.
10. *Dzhandzhugazova E.* Formation of the strategy of development of the regional tourist and recreational complex : dis ... Dr. Ekon. Sciences. M., 2005. 254 p.
11. *Ermakova Zh.A.* Assessment of the impact of tourist and recreational complexes on the socio-economic situation of the territory / Zh.A. Ermakova, I.L. Polyakova // Bulletin of Samara state University. 2014. № 6(117). P.105–112.
12. *Kovaleva T.Yu.* Identification and cluster evaluation algorithm in the regional economy // Vestnik Permskogo Universiteta Perm University Herald. Seriya: Ekonomika. Series: Economy. 2011, № 4. P. 30–39.
13. *Majar L.* Territorial tourist-recreational systems: geo-systemic approach to the formation and development : dis... d-ra geogr. sciences. Smolensk, 2009. 338 p.
14. *Nikolaenko T.V.* The process of recreational development of the region (on the example of the Crimea). Simferopol : TNU, 1998. 31 p.
15. *Ovcharov A.* Tourist complex in Russia: trends and risks // Voprosy Ekonomiki. 2008. № 1. P. 108–119.
16. *Pavlenko I.G.* Organizational regulation model of inter-branch proportions of recreational complex // Bulletin of Oryol GIET. 2017. № 1. P. 94–98.
17. *Polyakova I.L.* Tourist and recreational complex: essence, functions and structure // Vestnik of the Orenburg state University. 2011. № 13(132). P. 376–382.
18. *Porosyonkov Y.* Formation of national recreational geography and problems of socio-economic and geographical studies of recreational activities / Y. Porosyonkov, T. Khudyakova // Bulletin VSU, 2009. № 2. P. 5–11.

19. *Преображенский В.С.* Теоретические основы рекреационной географии. М. : Наука, 1975. 223 с.
20. *Рубцова Н.В.* Межфирменная координация как механизм повышения эффективности функционирования туристско-рекреационных кластеров // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 1(81). С. 81–86.
21. *Саранча М.А.* Территориальная туристско-рекреационная система как комплексное общественно-природное образование // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о земле». 2010. Вып. 3. С. 58–67.
22. *Саранча М.А.* Эволюция подходов к исследованию территориальных туристско-рекреационных систем / М.А. Саранча, А.С. Кусков // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 101–113.
23. *Тагирова Т.И.* Формирование механизма инвестирования территориально-рекреационного комплекса : дис... канд. экон. наук. Махачкала, 2002. 178 с.
24. *Шайдаров А.Ю.* Экономический механизм формирования, функционирования и развития региональной туристско-рекреационной системы: На примере Северо-западного региона : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2006. 157 с.
25. *Шепелев И.Г.* Туристско-рекреационные кластеры – механизм инновационного совершенствования системы стратегического управления развитием регионов // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 3(11). URL : <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/3/markova.pdf> (дата обращения: 21.07.2014).
26. *Gunn C.A.* Tourism Planning. New York : Crane, Russack and Co., 1979.
27. *Leiper N.* Tourism systems: an interdisciplinary perspective. Palmerston North, New Zealand: Department of Management Systems, Business Studies Faculty, Massey University, 1990.
28. *Hall C.M.* Tourism, rethinking the social science of mobility. Harlow: Prentice-Hall, 2005; Mason P. Tourism Impacts, Planning and Management. Luton, UK: Head of Tourism and Leisure Department, University of Luton, Butterworth-Heinemann, 2003.
29. *Holden A.* Tourism Studies and the Social Sciences. London : Routledge, 2006.
30. *Butler R.* Tourism and Indigenous Peoples: Issues and Implications / R. Butler, T. Hinch. London : Butterworth-Heinemann, 2007.
31. *Monfort M.V.M.* (2000). Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola (Doctoral Dissertation, Universidad de València, España, 2000.
19. *Preobrazhensky V.S.* Theoretical foundations of recreational geography. M. : Science, 1975. 223 p.
20. *Rubtsova N.* Inter-firm coordination as a mechanism for improving the efficiency of tourist and recreational clusters // Proceedings of the Baikal state University, 2012. № 1(81). P. 81–86.
21. *Sarancha M.A.* Territorial tourist-recreational system as complex socially-natural formation // Bulletin of the University of Udmurt, 2010. Is. 3. P. 58–67.
22. *Sarancha A.S.* Evolution of approaches to research of territorial tourist-recreational systems / A.S. Sarancha, A.S. Kuskov // Bulletin of the University of Udmurt. 2011. Is. 3. P. 101–113.
23. *Tagirova T.I.* Formation of the mechanism of investment of territorial and recreational complex : dis ... kand. Econ. Sciences. Makhachkala, 2002. 178 p.
24. *Shaydarov A.Yu.* The economic mechanism of the formation, functioning and development of the regional tourist and recreational system: on the example of the North-Western region : dis ... kand. Econ. sciences'. SPb., 2006. 157 p.
25. *Shepelev I.G.* Tourist and recreational clusters-the mechanism of innovative improvement of the system of strategic management of regional development // Modern research of social problems. 2012. № 3(11). URL : <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/3/markova.pdf>.
26. *Gunn C.A.* Tourism Planning. New York : Crane, Russack and Co., 1979.
27. *Leiper N.* Tourism systems: an interdisciplinary perspective. Palmerston North, New Zealand: Department of Management Systems, Business Studies Faculty, Massey University, 1990.
28. *Hall C.M.* Tourism, rethinking the social science of mobility. Harlow: Prentice-Hall, 2005; Mason P. Tourism Impacts, Planning and Management. Luton, UK: Head of Tourism and Leisure Department, University of Luton, Butterworth-Heinemann, 2003.
29. *Holden A.* Tourism Studies and the Social Sciences. London : Routledge, 2006.
30. *Butler R.* Tourism and Indigenous Peoples: Issues and Implications / R. Butler, T. Hinch. London : Butterworth-Heinemann, 2007.
31. *Monfort M.V.M.* (2000). Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola (Doctoral Dissertation, Universidad de València, España, 2000.

32. *Beni M.* (2003). Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira, Editora Aleph, São Paulo.

33. *Veretekhina S.V.* Evaluation methodology of the multiplier effect for the region as the result of the cluster formation. Eurasian Journal of Analytical Chemistry / S.V. Veretekhina, O.V. Shinkareva, J.P. Kozhaev, N.V. Telepchenkova, E.A. Kuznetsova, N.A. Zaitseva. 2017. 12 (5b), P. 533-547.

32. *Beni M.* (2003). Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira, Editora Aleph, São Paulo.

33. *Veretekhina S.V.* Evaluation methodology of the multiplier effect for the region as the result of the cluster formation. Eurasian Journal of Analytical Chemistry / S.V. Veretekhina, O.V. Shinkareva, J.P. Kozhaev, N.V. Telepchenkova, E.A. Kuznetsova, N.A. Zaitseva. 2017. 12 (5b), P. 533–547.

Попов Дмитрий Александрович
аспирант,
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
ppov.dima@yandex.ru

АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены существующие методические подходы к оценке социально-экономического развития региона. Произведен критический анализ методик, представленных в отечественной научной литературе и нормативной документации. Определены их достоинства, недостатки и возможность практического применения. Предложена авторская методика проведения оценки уровня социально-экономического развития региона с позиции эффективности.

Ключевые слова: показатели уровня социально-экономического развития, оценка уровня социально-экономического развития, региональная экономика.

В современных условиях проблема оценки уровня социально-экономического развития регионов является одной из актуальных задач региональной экономики. Категория социально-экономического развития подразумевает прогрессивное изменение экономической и социальной сферы субъекта, которое возможно оценить различными качественными и количественными, абсолютными и относительными показателями. На уровень социально-экономического развития регионов оказывает влияние множество факторов экономического, социального, политического, институционального характера. В связи с этим, для повышения эффективности управленческих решений, определение точек роста, скрытых резервов и потенциала развития необходимо проводить комплексную оценку уровня социально-экономического развития регионов России.

На сегодняшний день в научной литературе, а также нормативных документах на региональном и федеральном уровнях разработано множество подходов к оценке социально-экономического развития регионов, которые следует объединить в три основные группы:

1) методики оценки, предусматривающие оценку уровня социально-экономического развития регионов по одному показателю, выделенному в

Dmitry A. Popov
Graduate Student,
Belgorod State National
Research University
ppov.dima@yandex.ru

ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Annotation. The article considers the existing methodological approaches to the assessment of socio-economic development of the region. The critical analysis of the methods presented in the national scientific literature and normative documentation is made. Their advantages, disadvantages and the possibility of practical application are determined. The author's method of assessing the level of socio-economic development of the region from the standpoint of efficiency is proposed.

Keywords: indicators of the level of socio-economic development, assessment of the level of socio-economic development, regional economy.

качестве ключевого (С.В. Баранов, Т.П. Скуфына);

2) методики оценки, предусматривающие применение нескольких приоритетных показателей для оценки уровня социально-экономического развития (А.Н. Гирина, В.П. Самарина, В.В. Смирнов);

3) методики оценки, предусматривающие построения системы сводных показателей уровня социально-экономического развития (Н.В. Кузнецова, О.А. Хохловой).

В методиках используются различные показатели, которые можно объединить по трем уровням:

– первичные показатели – показатели из статистических источников;

– индикаторы – удельные и структурные показатели, рассчитанные на основании первичных показателей;

– сводные индексы – показатели, характеризующие комплексные параметры.

При этом, авторы методик оценки уровня социально-экономического развития региона, применяя зачастую схожие показатели и методы, преследуют различные цели в своих исследованиях:

оценивают социально-экономический потенциал регионов, степень дифференциации регионов, уровень и динамику достижения общегосударственных целей, инвестиционную привлекательность регионов, определяют отсталые и депрессивные территории и т.д.

Так, методика С.В. Баранова и Т.П. Скуфьиной [3] позволяет выполнять оценку степени межрегиональной дифференциации регионов и включает в себя 9 показателей. Методика В.П. Самариной [9] основывается на подходе предыдущих авторов, но в ней применяются только 5 из предлагаемых показателей. В.В. Смирнов [10] в своих методиках оценки выделяет экономические, финансовые и социальные подсистемы территорий. А.Н. Гирина [4] предлагает проводить оценку социально-экономического развития путем выделения регионального производственного комплекса, научной сферы и информационно-коммуникационной инфраструктуры региона.

При этом, методики третьей группы (проведение оценки на основе системы сводных показателей) предполагают выполнение достаточно объемных расчетов и обработку больших массивов статистической информации. В частности, методика О.А. Хохловой [11] предусматривает составление матрицы на основе первичных данных о регионе из десяти признаков, которая затем преобразовывается в матрицу евклидовых расстояний между наблюдениями. Тем самым, каждый рассматриваемый регион представляется как вектор в десятимерном пространстве факторов. Методика Н.В. Кузнецовой [5] реализуется посредством выполнения трех этапов, включающих, помимо определения интегрального показателя, выявление количественной зависимости факторов с помощью корреляционно-регрессионного анализа.

Анализ применяемых методик для оценки уровня социально-экономического развития региона показал, что большинство авторов в своих исследованиях берут за основу методику комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов, разработанную Министерством экономического развития РФ.

В данной методике расчет интегрального показателя проводится в три этапа путем реализации последовательности вычислительных операций на основе рассмотрения двенадцати базовых оценочных показателей. По каждому индикатору определяется ранг региона и среднероссийского значения. Полученные ранги суммируются, и определяется интегрированный ранг по сводному показателю уровня развития социальной инфраструктуры каждого региона и ранг среднероссийского значения. После чего, получают базовую оценку по каждому из показателей в регионе. В заключении, по каждому региону суммируются приведенные балльные оценки по исследуемым двенадцати базовым показателям, и полученная сумма делится на 12. Полученный результат является искомой интегральной оценкой уровня социально-экономического развития для региона [6].

Неоспоримым достоинством рассмотренной методики является комплексность оценки. Однако необходимость сбора и обработки значительного количества статистической информации для оценки показателей, часть из которых только косвенно свидетельствует об уровне социально-экономического развития, осложняет практическое применение методики. Кроме того, при сведении ряда разноразмерных и разнородных показателей существует риск возникновения трудностей интерпретации полученных противоречивых и несопоставимых значений этих показателей [8].

Так же, нельзя не согласиться с А.В. Алексеевым и И.В. Кузнецовой [1] в том, что в методике слабо проработаны показатели социальной сферы, лишь некоторые показатели косвенно информируют о социально-экономическом положении в регионе. Данный недостаток прослеживается в большинстве выше представленных методик. В связи с этим, особый научный интерес представляет методический подход к оценке уровня развития социальной инфраструктуры региона, предложенный О.В. Артемовой и Н.М. Логачевой [2]. Основопологающими элементами социальной инфраструктуры авторы определяют образование и здравоохранение. Показатели разделены на три блока:

– первый блок характеризует базовые условия региона, в котором происходит развитие социальной инфраструктуры (валовой региональный продукт на душу населения, плотность населения региона, бюджетная обеспеченность на душу населения, среднедушевые денежные доходы населения региона);

– второй и третий блоки представляют собой совокупность показателей непосредственно характеризующие социальную инфраструктуру региона - в сфере здравоохранения (5 показателей) и сфере образования (7 показателей) соответственно.

Однако одним из недостатков данной методики является применение индикаторов, не в полной мере характеризующих уровень развития социальной инфраструктуры с точки зрения эффективности.

Таким образом, анализ представленных выше методических подходов позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует универсальная методика, содержащая перечень индикаторов, позволяющих комплексно и в полном объеме оценить уровень социально-экономического развития регионов.

Учитывая преимущества и недостатки проанализированных методик, нами сделана попытка усовершенствования оценки уровня социально-экономического развития регионов, ориентированной на использование небольшого количества показателей, полно отражающих состояние и динамику протекающих социально-экономических процессов.

С точки зрения практической значимости исследования, оценку социально-экономического развития следует производить с позиции эффективности функционирования институциональных

структур региона и мониторинга его динамики, для принятия контрмер и корректирующих воздействий системой регионального управления. Тем самым, возможно произвести оценку уровня социально-экономического развития в аспекте использования всей массы ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот, в условиях, определяющих доступность и эффективность использования ресурсов.

Данный подход позволит выявить и определить слабые места в развитии региона, резервы и перспективные точки роста в экономической и социальной сферах. При этом, исследование системы управления и развития региона с позиции устранения потерь в его институциональных

структурах, повышения эффективности производства, рационального использования ресурсного потенциала, развития кадровых резервов, раскрытия потенциала внутрирегионального взаимодействия, а также непрерывный мониторинг за эффективностью функционирования системы, способствует применению инструментов и методов бережливого производства на региональном уровне.

На основании проведенного исследования мы предлагаем использовать следующую методику оценки. Нами были определена система показателей, характеризующих уровень эффективности социально-экономического развития региона (табл. 1).

Таблица 1

Система показателей

Показатели, характеризующие уровень эффективности экономического развития	Показатели, характеризующие уровень эффективности социального развития
<ul style="list-style-type: none"> – валовой региональный продукт на душу населения (тыс. руб.); – объем инвестиций в основной капитал на душу населения (тыс. руб.); – финансовая обеспеченность региона с учетом паритета покупательной способности на душу населения (тыс. руб.); – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения (тыс. руб.); – основные фонды отраслей экономики (по остаточной балансовой стоимости в среднегодовом исчислении полной балансовой стоимости, с учетом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения (тыс. руб.). 	<ul style="list-style-type: none"> – среднегодовая численность занятых в экономике; – соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума; – уровень зарегистрированной безработицы; – сводный показатель эффективности развития образования: инвестиции региона в образование на душу населения, выпуск специалистов профессиональными образовательными организациями на 10 тыс. человек населения, выпуск бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями на 10 тыс. человек населения, – сводный показатель эффективности развития здравоохранения: мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений региона, инвестиции региона в здравоохранение на душу населения, естественный прирост населения.

В целях проведения количественной оценки регионов по уровню социально-экономической эффективности развития предлагаем применить соотношение анализируемого показателя по отдельному региону к средней арифметической его величины среднероссийского уровня. Расчет соответствующего интегрального коэффициента произвести как корень пятой степени из произведения отношений каждого показателя к средней арифметической его величине по среднероссийскому значению. По результатам произведенной количественной оценки уровня эффективности социально-экономического развития необходимо произвести типологизацию на основе метода равно интервального деления по

трем категориям: высокий, средний, низкий уровень эффективности социального и экономического развития, – позволяющую распределить регионы в девять групп. По каждой группе, при практической апробации, необходимо определить первопричины отклонений и характер корректирующего воздействия.

Применение предлагаемой методики позволит определить слабые места, выявить точки роста для повышения эффективности использования ресурсов, выявить целевые ориентиры проблемные места исследуемого региона. Тем самым, полученные выводы по результатам анализа могут стать основой для принятия стратегических решений.

Литература:

1. *Алексеев А.В.* Сравнительная характеристика методик оценки уровня социально-экономического развития региональной социально-экономической системы / А.В. Алексеев, И.В. Кузнецова // Новые технологии. 2018. № 2.
2. *Артёмова О.В.* Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов / О.В. Артёмова, Н.М. Логачёва // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 20. С. 12–17.
3. *Баранов С.В.* Анализ межрегиональной дифференциации и построение рейтингов субъектов

Literature:

1. *Alekseyev A.V.* Comparative characteristics of methods of assessing the level of socio-economic development of the regional socio-economic system / A.V. Alekseyev, I.V. Kuznetsova // New technologies. 2018. № 2.
2. *Artemova O.V.* Methodical approaches to assessment of the level of development of social infrastructure of regions / O.V. Artemova, N.M. Logacheva // Regional economy: theory and practice – 2011. № 20. P. 12–17.
3. *Baranov S.V.* Analysis of interregional differentiation and construction of ratings of subjects of

Российской Федерации / С.В. Баранов, Т.П. Скуфина // Вопросы экономики. 2005. № 8.

4. *Гирина А.Н.* Методика оценки социально-экономического развития региона // Вестник ОГУ 2013. № 8(157). С. 82–87.

5. *Кузнецова Н.В.* Рейтинговая оценка регионов России с позиции концепции устойчивого развития экономики / Н.В. Кузнецова, М.А. Перун // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 6.

6. *Меньщикова В.И.* К вопросу об оценке уровня социально-экономического развития региона // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9(031). С. 123–128.

7. *Мирошникова Т.К.* Модель оценки уровня социально-экономического развития территории / Т.К. Мирошникова, О.В. Недолужко, И.В. Попова // АНИ: экономика и управление. 2016. № 2 (15). С. 186–190.

8. *Слепнева Л.Р.* Оценка уровня социально-экономического развития регионов: Методический аспект // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2017, Вып. 12 (Ч. 2), С. 944–950.

9. *Самарина В.П.* Особенности оценки неравномерности социально-экономического развития регионов // Проблемы современной экономики – 2008. № 1(25). С. 300–304.

10. *Смирнов В.В.* Методика оценки эффективности социально-экономического состояния региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион: Общественные науки. Экономика. 2007. № 2. С. 25–34.

11. *Хохлова О.А.* Методологические вопросы оценки уровня социально-экономического развития региона // Вопросы статистики. 2005. № 1.

the Russian Federation / S.V. Baranov, T.P. Skufina // Economic issues. 2005. № 8.

4. *Girina A.N.* Methods of assessing the socio-economic development of the region // Vestnik OGU. 2013. № 8(157). August. P. 82–87.

5. *Kuznetsova N.V.* Rating assessment of Russian regions from the position of the concept of sustainable economic development / N.V. Kuznetsova, M.M. Perun // Management in Russia and abroad. 2006. № 6.

6. *Menshchikova V.I.* On the issue of assessing the level of socio-economic development of the region // Socio-economic phenomena and processes. 2011. № 9(031). P. 123–128.

7. *Miroshnikova T.K.* Model of assessment of the level of socio-economic development of the territory / T.K. Miroshnikova, O.V. Nedoluzhko, I.V. Popova // ANI: Economics and management. 2016. № 2(15). P. 186–190.

8. *Slepneva L.R.* Assessment of the level of socio-economic development of regions: Methodological aspect // Russia: trends and prospects. Yearbook. 2017. Issue. 12 (Part 2). P. 944–950.

9. *Samarina V.P.* Features of an assessment of unevenness of social and economic development of regions // Problems of modern econom. 2008. № 1(25). P. 300–304.

10. *Smirnov V.V.* Methods of assessing the effectiveness of the socio-economic state of the region // Proceedings of higher educational institutions. Volga region: social Sciences. Economics. 2007. № 2. P. 25–34.

11. *Khokhlova O.O.* Methodological issues of assessing the level of socio-economic development of the region // Questions of statistics. 2005. № 1.

Починкин Даниил Валентинович
 ассистент
 кафедры общей экономической теории,
 Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова
 dvp248@yandex.ru

Daniil V. Pochinkin
 Assistant
 Departments of General Economic Theory,
 Moscow State University
 named M.V. Lomonosov
 dvp248@yandex.ru

АЗИАТСКИЙ ВАЛЮТНЫЙ СТАНДАРТ: ОТ ДОЛЛАРА К ЮАНЮ

ASIAN CURRENCY STANDARD: FROM DOLLAR TO YUAN

Аннотация. После заключения Бреттон-Вудских соглашений, доминирование доллара в мировых финансах было непоколебимым из-за его привязки к золоту. После же перехода к Ямайской системе главенствующее положение доллара обеспечивалось не только экономической мощью США, но и отсутствием реальных валютных альтернатив. В долларах велись международные сделки, в нём были номинированы инвестиции, к нему же привязывали свои валюты развивающиеся страны. В своё время сделал так и Китай, и многие государства Азии. Но после начала интернационализации юаня положение доллара в регионе становится всё менее стабильным. Цель этой работы – выяснить причины ухода от азиатского долларовой стандарта, и рассмотреть перспективы развития стандарта юаневого.

Annotation. After the Bretton Woods agreement, the domination of the dollar in world finances was unshakable because of its peg to gold. After the transition to the Jamaican system, the dominant position of the dollar was ensured not only by the economic power of the United States, but also by the absence of real currency alternatives. International transactions were conducted in dollars, investments were nominated in it, and developing countries tied their currencies to it. A lot of Asian countries, along with China did the same. But after the internationalization of the yuan began, the position of the dollar in the region became less and less stable. The purpose of this work is to find out the reasons for the departure from the Asian dollar standard, and to consider the prospects for the development of the yuan standard.

Ключевые слова: юань, резервная валюта, денежная масса, интернационализация, торговля, резервы, инвестиции, валютный курс, азиатский долларовой стандарт.

Keywords: yuan, reserve currency, money supply, internationalization, trade, reserves, investments, exchange rate, Asian dollar standard.

В первую очередь стоит сказать об Азиатском долларовой стандарте. Это явление описывает привязку курсов валют всех крупных азиатских государств к доллару в 90-е годы. Благодаря этому, США долгое время имели колоссальное влияние на регион. Но с началом интернационализации юаня, влияние Китая в Восточной Азии начало быстро расти. Вытеснение доллара происходит постепенно, но уже сейчас именно юань является наиболее широко используемой валютой в регионе.

Азиатскому долларовой стандарту» в 1994 году, когда он унифицировал свой валютный рынок и утвердил привязку к доллару. К тому времени из всего региона выделялась лишь Япония, сохранившая плавающий обменный курс. После кризиса, даже несмотря на звучащие заявления, что привязка к доллару способствовала его развитию, Восточно-Азиатский долларовой стандарт сохранился.

В своей работе «The East Asian Dollar Standard, Fear of Floating, and Original Sin» [1], Маккиннон и Шнабль отмечают, что ещё до азиатского кризиса 1997/98 года, восточноазиатские экономики, такие, как Гонконг, Индонезия, Корея, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Тайвань и Таиланд привязали обменные курсы своих валют доллару. Сделано это было из-за того, что общая привязка к доллару могла обеспечить неформальный общий денежный стандарт, который усилил бы макроэкономическую стабильность в регионе. Китай также присоединился к этому «Восточно-

Таким образом, по ряду причин Восточно-Азиатский долларовой стандарт сохранился в регионе:

1. Во-первых, сохранив привязку своих валют к доллару, страны Восточной Азии все еще могли рассчитывать получать положительные эффекты от американской макроэкономической стабильности.
2. Во-вторых, как писал Вольц в своём труде «RMB Internationalisation and Currency Cooperation in East Asia» [2], тесные торговые и инвестиционные отношения между странами

Восточной Азии побудили их сохранить существующее положение дел, поскольку Восточно-Азиатский долларовой стандарт рассматривался ими как предоставление «важного регионального общественного блага» в форме «высокой степени стабильности обменных курсов внутри Восточно-Азиатского региона». Необходимость в стабильных валютных курсах возникала из-за возрастающей фрагментации стоимостных цепочек, которая привела к увеличению торговых потоков промежуточных товаров, особенно в производственном секторе [3].

3. В-третьих, не стоит забывать, что страны Восточной Азии конкурировали между собой в области экспорта. Учитывая, что никакой другой стабильной валюты, кроме доллара, не было, и что страны Восточной Азии, включая Китай, привязывали к нему свои валюты, то для того, чтобы поддерживать конкурентоспособность своих экспортных секторов, им было легче управлять своими обменными курсами по отношению к доллару [2].

4. В-четвертых, после азиатского финансового кризиса большинство стран Восточной Азии начали накапливать большие объемы валютных резервов, главным образом в долларовых активах. Это, по словам Ульриха Вольца, имело смысл, для того чтобы стабилизироваться по отношению к доллару, чтобы избежать негативных последствий в случае изменений обменного курса [2].

Тем не менее, за прошедшие десятилетия, в экономической и торговой сферах, как Азии, так и всего остального мира, произошли значительные изменения, приведшие к потере Восточно-Азиатским долларовой стандартом части своей привлекательности. Субраманиян и Кесслер, в своей работе «The Renminbi Bloc Is Here: Asia Down, Rest of the World to Go?», называют поднимающийся юань и «важной базовой валютой» (reference currency) и «доминирующей базовой валютой, затмевающей доллар», имея в виду, что юань имеет самое значительное влияние на валюты Азии, среди всех других базовых валют региона - доллара, евро и йены. Они пишут, что это является доказательством возникновения «выраженного Юаневого валютного блока в Восточной Азии» в которой «доминирование доллара, как базовой валюты теперь ограничено Гонконгом, Монголией и Вьетнамом», в то время как юань «доминирует в отношениях с более экономически значимыми странами» [4].

Для исследователей очень важно понять причины подобных изменений, так как это позволит судить о том, когда и как юань станет значительной мировой валютой. Можно выделить следующие факторы, сделавшие Китай новой якорной валютой Азии:

1. Основной движущей силой этих изменений стал фундаментальный сдвиг экономической иерархии в Азии. Восход Китая, как экономического локомотива не только для Азии, но и для других частей мира, равно как и энергичная интернационализация юаня, начиная с глобального

кризиса 2008 года, гарантировали изменения. В частности, Мириам Кампанелла в своей работе «The Internationalization of the Renminbi and the Rise of a Multipolar Currency System» говорит, что «с 2010 года, китайское присутствие в Азии – торговля и инвестиции, значительно расширились: Китай стал самым важным экспортным направлением для большинства экономик региона». В получившейся ситуации «не удивительно, что использование юаня растёт» как в торговле, так и в других сферах, помогая ему заменить доллар как якорную валюту обменных курсов в Азии [5].

2. Развитие азиатского производственного сектора с центром в Китае и углубление вертикальной специализации в Азии также дали толчок развитию Юаневого валютного блока. Yukon Huang в своей работе «Beijing's Drive to Make the Renminbi a Global Currency is Misguided», отметил, что «примерно половина объёмов торговли Китая приходится на промышленные товары» что включает большое количество деталей и компонентов из других стран Восточной Азии, собранных в Китае для экспорта на запад. Такие взаимосвязанные производственные цепочки стимулируют как китайские компании, так и их иностранных партнёров шире использовать юань для того, чтобы «увеличить эффективность и уменьшить риски связанные с обменными курсами». Также, то, что «Китай имеет торговый дефицит с большинством своих азиатских партнёров» также подталкивает КНР «совершать торговые сделки в юанях», в то время как «их партнёры будут использовать юань в качестве резервной валюты» [6]. Всё это способствует тому, что валюта Китая, центра азиатской экономической интеграции, становится новой базовой валютой Азии.

Как говорилось выше, одна из причин высокой устойчивости Восточно-Азиатского долларовой стандарта была в том, для восточно-азиатских экономик Китай является не только важнейшим торговым партнёром, но и серьёзным конкурентом в области экспорта. Поэтому, вполне «рационально и необходимо» желание центральных банков в Восточной Азии «сближать свои обменные курсы с юанем» для того, чтобы избежать проблем, связанных с ценовой конкуренцией с Китаем [5]. «В ситуации, когда значимость юаня растёт», эффективной стратегией для конкурирующих стран становится «гибкая привязка к юаню» потому, что она может позволить им «повысить ценность своей валюты, чтобы ограничить инфляцию, оставаясь в то же время конкурентоспособными» [4].

Как также говорилось выше, другой значимой причиной устойчивости Восточно-Азиатского долларовой стандарта было желание стран Восточной Азии остаться в зоне долларовой макроэкономической стабильности, привязав к доллару свои валюты. Но экономический кризис 2008–2009 годов и последовавшая рецессия, а также действия США, заставили азиатские экономики задуматься о поисках альтернатив, что привело к ослаблению Восточно-Азиатского долларовой стандарта. В то же время, по мнению Вольца, «продолжающаяся интернационализация юаня в какой то момент приведёт к его

полной отвязке от доллара», что, в свою очередь, «будет означать конец Восточно-Азиатского долларowego стандарта», центром которого является Китай [2].

Серьёзный вопрос состоит в том, как именно возникающий юаневый блок будет развиваться. Субраманян и Кесслер говорят, этот стандарт «является феноменом всей мировой торговли, а не только восточно-азиатской», что «позволяет предположить возникновение глобального юаневого блока, вышедшего за пределы Азии с помощью торговых связей» [4]. Безусловно, получение статуса резервной валюты подтолкнуло процесс, так как стало «сигналом признания юаня международной валютой» [5].

Всё выше сказанное доказывает, что стратегия интернационализации юаня привела к значительным результатам. Китай не только укрепил собственную экономику, но и начал оказывать заметное влияние на мировую экономику. И сегодня китайские власти стоят перед выбором, «придерживаться стратегии, при которой юань используется как мировая международная валюта параллельно с долларом и евро» или же двигаться к «валютной регионализации» [5].

При всём этом, актуален вопрос отвязки курса юаня от доллара, ведь одним из основных качеств международно используемой резервной валюты является её независимость. Но также, вполне очевидно, что уход от привязки курса окажет влияние и на доллар:

Как пишут Мэйснер и Умс в своей работе «Why Do Countries Peg the Way They Peg? The

Литература:

1. Ronald Mc Kinnon and Gunther Schnabl. The East Asian Dollar Standard, Fear of Floating, and Original Sin // Review of Development Economics. 2004. 8(3).
2. Ulrich Volz. RMB Internationalisation and Currency Co-operation in East Asia. Department of Economics, SOAS. University of London and German Development Institute. 2013. 5 September.
3. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks // WTO. 2011.
4. Arvind Subramanian and Martin Kessler. The Renminbi Bloc Is Here: Asia Down, Rest of the World to Go? Peterson Institute for International Economics WP 2013. 12–19 August.
5. Miriam Campanella. The Internationalization of the Renminbi and the Rise of a Multipolar Currency System. ECIPE Working Paper. № 01/2014.
6. Yukon Huang. Beijing's Drive to Make the Renminbi a Global Currency is Misguided. Carnegie Endowment for International Peace. 2015. 26. August.
7. Christopher M. Meissner and Nienke Oomes. Why Do Countries Peg the Way They Peg? The Determinants of Anchor Currency Choice. IMF Working Paper WP/08/132. 2008. May.

Determinants of Anchor Currency Choice», процесс привязки курса валюты одной страны, или отказа от привязки, приводят в движение «сетевые экстерналии», которые служат «важным фактором выбора якорной валюты» [7]. Ключевую роль в этом выборе играет торговая интеграция, потому что выбор страной своей якорной валюты «зависит во многом от объёмов торговли со странами, которые используют эту якорную валюту». При этом важно отметить, что выбор якорной валюты определяется «не только объёмом торговли со страной-эмитентом валюты, но также торговлей с членами валютного блока» [8]. Более того, в результате выбора следует ожидать цепной реакции, потому что «как только несколько важных экономик выберут якорную валюту, их торговые партнёры могут последовать за ними» [7]. Эти факты могут иметь значительные последствия для доллара, ведь когда Китай, доминирующая экономическая сила в Азии, откажется от привязки к доллару – его партнёры с большой вероятностью сделают то же самое.

Отказ стран от привязки к доллару или же переход от неё к управляемому плавающему курсу сократит потребность этих стран в долларовых резервах [9]. Как отмечал Народный Банк Китая, если КНР действительно откажется от привязки к доллару в пользу валютной корзины, это не только позволит сократить «потребность Китая в долларах», но и «продемонстрирует готовность Китая сделать юань глобальной валютой, стоимость которой определяется курсами крупных валют, и выйти из тени доллара, как полноценная мировая валюта [10]».

Literature:

1. Ronald Mc Kinnon and Gunther Schnabl. The East Asian Dollar Standard, Fear of Floating, and Original Sin // Review of Development Economics. 2004. 8(3).
2. Ulrich Volz. RMB Internationalisation and Currency Co-operation in East Asia. Department of Economics, SOAS. University of London and German Development Institute. 2013. 5 September.
3. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks // WTO. 2011.
4. Arvind Subramanian and Martin Kessler. The Renminbi Bloc Is Here: Asia Down, Rest of the World to Go? Peterson Institute for International Economics WP 2013. 12–19 August.
5. Miriam Campanella. The Internationalization of the Renminbi and the Rise of a Multipolar Currency System. ECIPE Working Paper. № 01/2014.
6. Yukon Huang. Beijing's Drive to Make the Renminbi a Global Currency is Misguided. Carnegie Endowment for International Peace. 2015. 26. August.
7. Christopher M. Meissner and Nienke Oomes. Why Do Countries Peg the Way They Peg? The Determinants of Anchor Currency Choice. IMF Working Paper WP/08/132. 2008. May.

8. *Christoph Fischer*. Currency Blocs in the 21st Century. Federal Reserve Bank of Dallas Globalization and Monetary Policy Institut\ Working Paper. 2011. № 87. July.

9. *Tony Arnerich*. Going Global: Why understanding currency diversification within a global portfolio is important for U.S. – based investors / Tony Arnerich, Jillian Perkins, Travis J. Pruit, and M. Lynn Spruill. Arnerich Massena & Associates, Inc., 2007. December.

10. *Lingling Wei*. China's Central Bank Signals Intention to Loosen Yuan's Peg Dollar\ The Wall Street Journal. 2015. 11 December.

8. *Christoph Fischer*. Currency Blocs in the 21st Century. Federal Reserve Bank of Dallas Globalization and Monetary Policy Institut\ Working Paper. 2011. № 87. July.

9. *Tony Arnerich*. Going Global: Why understanding currency diversification within a global portfolio is important for U.S. – based investors / Tony Arnerich, Jillian Perkins, Travis J. Pruit, and M. Lynn Spruill. Arnerich Massena & Associates, Inc., 2007. December.

10. *Lingling Wei*. China's Central Bank Signals Intention to Loosen Yuan's Peg Dollar\ The Wall Street Journal. 2015. 11 December.

Терещенко Алексей Петрович

кандидат экономических наук,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и аудита,
Краснодарский университет МВД России
EmailAlexPetr99@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЯН И ОПТИМИЗАЦИЯ ШТАТНОЙ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения качества жизни россиян, приводится анализ количественного состава и динамики численности работников государственных органов и органов местного самоуправления, уровня заработной платы, как факторов, влияющих на степень экономической и национальной безопасности, конкурентоспособность России в условиях глобализации.

Ключевые слова: Качество жизни, экономический рост, реальный сектор экономики, эффективность, инновации, занятость граждан, уровень заработной платы, угрозы экономической и национальной безопасности.

■ ■ ■
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, определяет меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Одним из основных стратегических национальных приоритетов является «повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура» [1].

Под качеством жизни людей, помимо размера получаемых человеком доходов, например, в виде заработной платы, основополагающее значение имеют условия его жизни – труд и занятость, быт и досуг, здоровье, образование, природная среда обитания и т.д.

Alexey P. Tereshchenko

Candidate of Economic Sciences,
Teacher of Department of Economy,
Accounting and Audit,
Krasnodar University Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
EmailAlexPetr99@yandex.ru

IMPROVEMENT OF QUALITY OF LIFE OF RUSSIANS AND OPTIMIZATION OF REGULAR STRUCTURE OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENTS AS FACTORS OF REALIZATION OF STRATEGY OF NATIONAL AND ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

■ ■ ■
Annotation. In article problems of ensuring quality of life of Russians are considered, the analysis of quantitative structure and dynamics of number of employees of public authorities and local governments, level wage the conditions defining stepenyeconomicheskyy and national security, competitiveness of Russia in the conditions of globalization is provided.

Keywords: Quality of life, economic growth, real sector of economy, efficiency, innovations, employment of citizens, level of the salary, threat of economic and national security.

■ ■ ■
На наш взгляд, в ходе реализации стратегии национальной безопасности основой для обеспечения достойного качества жизни граждан следует определить, в первую очередь, создание гарантированных условий для получения образования, его доступности, обеспечение трудоустройства согласно полученной специальности в пределах страны, установление достойной оплаты за труд. Приоритетным в достижении поставленных целей является формирование человеческой личности, гармоничное развитие которой в современном мире возможно за счет реализации собственных интеллектуальных способностей и таланта, прежде всего в сфере «реального сектора экономики», где создаются и производятся различные материальные блага и услуги. А достойная плата за труд обеспечит российским гражданам и достойное качество жизни, воспроизводство национального челове-

ческого капитала, отражающего способность народа формировать инновационную экономику и общество с высоким уровнем жизни.

В следствие развития научно-технического прогресса, внедрения новых технологий, автоматизации производства и других сфер жизни происходит высвобождение рабочей силы, что требует создания новых рабочих мест, переквалификации трудовых ресурсов. Однако в последнее время наблюдается четкая тенденция роста занятости и увеличения рабочих мест не в реальном (производственном) секторе экономики страны, а в государственных учреждениях и органах государственного управления на различных его уровнях – федеральном, региональном, местном.

Одновременно с этим увеличивается и нагрузка на расходную часть бюджетной системы страны,

что в условиях ограниченного объема имеющихся у государства ресурсов, сокращает инвестиционно-инновационный потенциал экономики, способствует нарастанию угроз экономической безопасности, в том числе вследствие уже сформировавшейся за последние годы технологической зависимости России от западных и восточно-азиатских партнеров.

О наличии этих угроз (отставание в сфере передовых технологий, низкий уровень качества жизни населения) и задачах по их ликвидации говорится и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [2].

Несмотря на принимаемые меры по оптимизации штатной структуры государственных органов и органов местного самоуправления, в последние годы произошел значительный рост занятых в данной сфере.

Таблица 1

Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления

Уровень управления	На 01 января 2001 года	На 01 января 2018 года	Увеличение, тыс. чел.	Прирост,%
Федеральный (центральный аппарат), тыс. чел.	39	50	11	28
Региональный, тыс. чел.	1123	2123 (1463)*	1000 (340)*	89 (30)*
Всего, тыс. чел.	1162	2173 (1513)*	1011 (351)*	87 (30)*

* Численность территориальных органов МВД России, относящихся к органам исполнительной власти в количестве около 660 тыс. чел, включена в статистические данные только с 2014 года (2013 г. – 1228,2 тыс. чел., 2014 г. – 1887,9 тыс. чел.). Для анализа в скобках приведены данные без учета численности территориальных органов МВД России

Приведенные данные свидетельствуют, что за период с 2001 по 2018 год численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на федеральном и региональ-

ном уровнях увеличилась более чем в 1,8 раза, прирост численности составил 87 %, а без учета численности территориальных органов МВД России прирост составил порядка 30 % [3].

Таблица 2

Распределение численности работников государственных органов власти и управления на региональном уровне

Государственные органы	На 01 января 2001 года	На 01 января 2018 года	Увеличение тыс. чел	Прирост,%
Законодательная власть, тыс. чел.	11	27	16	145
Исполнительная власть, тыс. чел.	999	1851 (1191)*	852 (192)*	85 (19)*
Судебная власть и прокуратура, тыс. чел.	111	225	114	103
Другие государственные органы, тыс. чел.	2	20	18	900
Всего, тыс. чел.	1123	2123 (1463)*	1000 (340)*	89 (30)*

* Численность территориальных органов МВД России, относящихся к органам исполнительной власти в количестве около 660 тыс. чел, включена в статистические данные только с 2014 года (2013 г. – 1228,2 тыс. чел., 2014 г. – 1887,9 тыс. чел.). Для анализа в скобках приведены данные без учета численности территориальных органов МВД России

На региональном уровне за указанный период мы также наблюдаем значительное увеличение численности работников государственных органов власти и управления, общий прирост которой составил 89 %, без учета численности территориальных органов МВД России – 30 %.

Численность работников законодательной ветви власти в период с 2001 по 2018 год увеличилась почти в 2,5 раза, прирост численности составил

145 %, судебной власти и прокуратуры – в 2 раза, прирост составил 103 %. Численность работников исполнительной ветви власти (без территориальных органов МВД России) увеличилась на 192 тыс. человек или 19 %.

Численность работников, относящихся к категории «другие государственные органы» выросла в 10 раз или на 900 %. Согласно пояснения Росстата России, к другим государственным органам относятся, в том числе и контрольно-

счетные органы муниципальных образований, иные органы местного самоуправления, избирательные комиссии муниципальных образований.

Укомплектованность должностей государственных органов власти и управления находится на уровне порядка 85 %.

Таблица 3

Данные об укомплектованности должностей и среднемесячной начисленной заработной плате гражданских служащих по ветвям власти за 2017 год

	Укомплектованность должностей, %	Среднемесячная заработная плата (без выплат социального характера)	
		тыс. рублей	в % к соответствующему периоду предыдущего года
В федеральных госорганах, из них:	85,9	118,8	102,7
законодательная власть	85,4	167,7	103,1
исполнительная власть	87,2	107,9	103,4
судебная власть и прокуратура	77,4	106,0	98,8
другие госорганы	88,1	153,8	99,9

Источник: URL : <http://www.gks.ru/> О численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в 2017 году среднемесячная заработная плата гражданских служащих федеральных государственных органов по сравнению с 2016 годом выросла по всем ветвям власти почти в 2 раза и в среднем составила 118,8 тыс. руб. Наибольший уровень заработной платы в 2017 году отмечается у гражданских служащих органов законодательной власти – 167,7 тыс. руб., наимень-

ший у гражданских служащих судебной власти и прокуратуры – 106,0 тыс. руб.

Уровень заработной платы гражданских служащих федеральных государственных органов власти и управления выше средних показателей по экономике страны в целом почти в 3 раза, а показателей, например, по Южному Федеральному округу – в 5 раз.

Таблица 4

Среднемесячная начисленная заработная плата наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц

	2015 год	2016 год	2017 год
Российская Федерация	30,6	32,6	34,5
Южный федеральный округ	22,8	23,3	24,6
Краснодарский край	24,1	25,0	26,2

Таким образом, мы наблюдаем существенное различие уровня заработной платы работников и служащих государственных органов власти и управления и уровня заработной платы работников, занятых в других сферах экономики.

Достойная заработная плата государственных служащих – это один из элементов реализации антикоррупционной политики государства в части противодействия возникновению «конфликта интересов», однако, кратное увеличение численности работников госорганов управления

может приводить и к появлению множества различного рода бюрократических барьеров, что снижает инвестиционную привлекательность экономики, значительно увеличивает бюджетные расходы. И, наоборот, проблемы занятости граждан, низкая заработная плата работников реального сектора экономики препятствуют повышению качества жизни людей, воспроизводству человеческого капитала, замедляют экономический рост, снижают уровень экономической и национальной безопасности государства.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : <http://kremlin.ru/>
2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL : <http://kremlin.ru/>
3. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления Российской Федерации. Государство, общественные организации: Федеральная служба государственной статистики. URL : <http://www.gks.ru>

Literature:

1. Decree of the Russian President of 31.12.2015 № 683 «About the Strategy of national security of the Russian Federation». URL : <http://kremlin.ru/>
2. Decree of the Russian President of 13.05.2017 № 208 «About the Strategy of economic security of the Russian Federation until 2030». URL : <http://kremlin.ru/>
3. Number of employees of public authorities and local governments of the Russian Federation. State, public organizations: Federal State Statistics Service. URL : <http://www.gks.ru>

Туркина Диана Евгеньевна
 специалист
 кафедры финансов и экономики,
 Международный банковский институт
 Dina_bolataeva@mail.ru

Diana E. Turkina
 Specialist,
 Finance and Credit faculty,
 International Banking Institute
 Dina_bolataeva@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ IFRS15 В РОССИЙСКИХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПЯТЬ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ

PERSPECTIVE OF APPLICATION OF IFRS15 IN THE RUSSIAN CREDIT INSTITUTIONS: FIVE MAIN ASPECTS

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы перехода бухгалтерского учета коммерческих банков Российской Федерации (РСБУ) к Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО), в частности, стандарта IFRS 15. Выделен положительный эффект перехода на МСФО, в частности, повышение прозрачности отчетности для конечных пользователей, а также недостатки данного процесса. Описан уточненный срок вступления в силу локального нормативного документа, регулирующего применение стандарта IFRS 15. Также, сформулированы и описаны пять основных проблем применения стандарта IFRS 15 в рамках бухгалтерской отчетности российских банков.

Ключевые слова: российские банки; бухгалтерский учет; финансовая отчетность; МСФО; IFRS 15, 4858-У, 446-П.

Annotation. The article discusses current issues of transition of accounting of commercial banks of the Russian Federation (RAS) to International Financial Reporting Standards (IFRS), in particular, the IFRS 15 standard. The positive effect of the transition to IFRS, in particular, increasing the transparency of reporting for end users, as well as disadvantages of this process. An updated timeline of a local IFRS 15 regulatory document is described. Also, five main problems of applying IFRS 15 in the accounting reporting of Russian banks are formulated and described.

Keywords: Russian banks; IFRS 15; accounting records; financial statements; IFRS, 4858-U, 446-P.

Н а сегодняшний день распространено мнение о том, что отечественный бухгалтерский учет кредитных организаций еще по-настоящему не реформирован и в нем присутствует масса недостатков. Как следствие, необходимо продолжать планомерный процесс перехода от национальных стандартов учета (РСБУ) к использованию международных стандартов финансовой отчетности МСФО.

При этом, практически все эксперты придерживаются мнения о том, что отечественная система бухгалтерской отчетности представляется в формате, удобном только для целей налогообложения, банковского надзора и статистики, что она понятна только специалистам в области бухгалтерского учета или банковской деятельности и не позволяет широкому кругу клиентов, вкладчиков, инвесторов банков оценить в полном объеме реальное финансовое состояние банка и его перспективы [1].

Целесообразность перехода бухгалтерского учета в банках России по стандартам и принципам МСФО связана с их преимуществами по сравнению с РСБУ, а именно [2]:

– принципы МСФО позволяют отобразить реалистичную оценку финансового состояния деятельности коммерческого банка;

– при составлении отчетности по МСФО применяется ставка дисконтирования, которая делает оценку стоимости банка, его активов и денежных потоков более реалистичной;

– при использовании МСФО учитываются все категории расходов банковской деятельности;

– оценка собственного капитала банка происходит лишь после вычета долговых обязательств;

– при составлении отчетности по МСФО применяется учет и оценка инфляции, как основного фактора, влияющего на финансово-экономические показатели банка.

В то же время, несмотря на положительные эффекты от перехода бухгалтерского учета к стандартам и принципам МСФО, в деятельности коммерческих банков России выделяется следующий ряд проблем, связанных с анализом данного вопроса [3]:

– во многих банках страны ощутимым вопросом является дефицит входящей информации, необходимой при составлении бухгалтерской отчетности;

– отсутствие обобщения и анализа практики применения стандартов МСФО в России;

– высокая стоимость обучения для получения международных сертификатов по МСФО;

– дефицит профессиональных кадров (бухгалтеров, аудиторов, консультантов) для проведения оценки и анализа бухгалтерского учета по МСФО.

Помимо вышеуказанного, актуальным является анализ основных проблем применения и отдельных стандартов МСФО в российских банках, среди которых IFRS 15.

Международный стандарт финансовой отчетности 15 «выручка по договорам с покупателями» нацелена на установление принципов, которые должна применять кредитная организация при отражении полезной для пользователей финансовой отчетности информации о характере, величине, сроках и неопределенности возникновения выручки и денежных потоков, обусловленных договором с покупателем [4].

Разработка стандарта под локальные реалии была осуществлена еще в мае 2014 года, при этом, в силу закон должен был вступить с 1 января 2017 года. Однако по причине существенной несовместимости с российскими стандартами бухгалтерского учета, действие в силу IFRS 15 было отложено. Новое Указание Банка России от 09.07.2018 № 4858-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 22 декабря 2014 года № 446-П «О порядке определения доходов, расходов и прочего совокупного дохода кредитных организаций», призванное уточнить подходы кредитных организаций к определению выручки, фактически вступит в силу поэтапно. Первая часть изменений вступит в силу начиная с 1 января 2019 года, вторая - начиная с 1 января 2020 года.

На сегодняшний день, использование стандарта МСФО 15 привело к отдельным уточнениям

Литература:

1. Унификация учета и отчетности банков: проблемы и перспективы. URL : <http://www.provsebanki.ru/text/283> (дата обращения 17.12.2018).

2. Сравнение Международных стандартов финансовой отчетности с Российскими правилами бухгалтерского учета. URL : <https://www.pwc.ru/en/ifrs/publications/assets/rar-versus-ifrs-2015.pdf> (дата обращения 17.12.2018).

3. Волкова О.Е. Перспективы и практика применения МСФО в России / О.Е. Волкова, О.Ф. Дмитриева, В.Н. Соснина URL : <https://www.cfin.ru/ias/msfo/practice.shtml> (дата обращения 17.12.2018).

принципов составления финансовой отчетности банков. Таким образом, необходимо сформулировать и выделить следующие пять основных проблем для кредитных организаций при переходе на новый стандарт в рамках РСБУ:

– отсутствие распространения стандарта МСФО 15 на все договора между банком и покупателями, в случаях, если участвуют третьи лица, принимающие на себя риски и преимущества;

– особенности признания: в рамках стандарта МСФО 15 не признается процентный и дивидендный доход, вместо этого формируется изменения активов и обязательства, что может быть использовано для манипулирования отчетности;

– концептуальность изменения с целью базирования на активах и обязательствах, в результате при оценке получения вознаграждения кредитная организация должна учитывать способности покупателя и его намерения получить вознаграждение в тот момент, когда должен наступить момент платежа; при этом сумма вознаграждения может быть меньше, чем указанная в договоре, если стоимость определяется в зависимости от определенных условий;

– потенциальные сложности при выборе метода признания выручки по стандарту МСФО 15: методы исходных и входных данных. Первый метод учитывает прямую оценку стоимости товара или услуги, второй – оценку его стоимости на основе затрат, используемых при обеспечении обязательств договора между банком и покупателем;

– отсутствие прозрачности по отдельным пунктам стандарта МСФО 15.

Таким образом, на сегодняшний день остаются актуальными многие спорные вопросы вокруг применения IFRS 15 российскими кредитными организациями, что привело к отсрочке вступления стандарта в силу на 2019–2020 гг. Процесс реорганизации отчетности в банковском секторе России может потребовать дополнительных усилий, поскольку предполагает существенные изменения в работе локальных аудиторов, бухгалтеров и финансовых менеджеров.

Literature:

1. Unification of accounting and reporting of banks: problems and prospects. URL : <http://www.provsebanki.ru/text/283> (address of December 17, 2018).

2. Comparison of International Financial Reporting Standards with Russian Accounting Rules. URL : <https://www.pwc.ru/en/ifrs/publications/assets/rar-versus-ifrs-2015.pdf> (access date 17.12.2018).

3. Volkova O.E. Prospects and practice of applying IFRS in Russia / O.E. Volkova, O.F. Dmitrieva, V.N. Sosnina.. URL : <https://www.cfin.ru/ias/msfo/practice.shtml> (appeal date 12/17/2018).

4. Международный стандарт финансовой отчетности 15. URL : <http://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-standart-finansovoi-otchetnosti-ifs-15-vyruchka/> (дата обращения 17.12.2018).

5. Переход на МСФО 15: новые реалии. URL : <https://www.accaglobal.com/russia/ru/discover/news-and-press-releases/news/2015/08/ifrs15.html> (дата обращения 17.12.2018).

4. International Financial Reporting Standard 15. URL : <http://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-standart-finansovoi-otchetnosti-ifs-15-vyruchka/> (appeal date 12/17/2018).

5. Transition to IFRS 15: New Realities. URL : <https://www.accaglobal.com/russia/ru/discover/news-and-press-releases/news/2015/08/ifrs15.html> (contact date 12/17/2018).

Туркина Диана Евгеньевна
специалист
кафедры финансов и экономики,
Международный банковский институт
Dina_bolataeva@mail.ru

Diana E. Turkina
Specialist,
Finance and Credit faculty,
International Banking Institute
Dina_bolataeva@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА БАНКОВСКИХ УЧЕТНЫХ СИСТЕМ ЦФТ И ДИАСОФТ

MAIN ADVANTAGES OF CFT AND DIASOFT BANKING ACCOUNTING SYSTEMS

Аннотация. Современные бизнес-реалии требуют от кредитных организаций гибкой адаптации и соответствия требованиям клиентов. Так, например, предоставление дистанционных услуг клиентам, мобильный банкинг становится необходимым для сохранения клиентской базы любого банка вне зависимости от его размеров или положения на рынке. Как результат, вопросы технологического развития являются в настоящее время, одними из самых актуальных для банков. В статье рассматриваются основные преимущества банковских учетных систем ЦФТ и Диасофт, разработанных с учетом идеи компонентной архитектуры. Рассмотрены типовые продуктовые линейки каждой из учетных систем, а также их архитектурные особенности.

Annotation. Modern business realities require credit institutions to adapt flexibly and meet customer requirements. For example, the provision of remote services to customers, mobile banking becomes necessary to maintain the customer base of any bank, regardless of its size or position in the market. Therefore, issues of technological development are now, without exaggeration, one of the most important and relevant for banks. The article discusses the main advantages of the banking accounting systems CFT and Diasoft, developed with the idea of the component architecture. Also, considered typical product lines of each of the automated banking systems, as well as their architectural features.

Ключевые слова: ЦФТ, Диасофт, ЦФТ-Банк, Diasoft FA#, FLEXTERA, компонентная архитектура, трехуровневая система, двухуровневая система, автоматизированная банковская система.

Keywords: CFT, Diasoft, CFT-Bank, Diasoft FA #, FLEXTERA, component architecture, three-tier system, two-tier system, automated banking system.

В настоящее время информатизация и автоматизация деятельности является залогом конкурентоспособности любой кредитной организации. Современные бизнес-процессы связаны, в том числе, с использованием возможностей сети Интернет, которая стала неотъемлемой частью банковских технологий. Информационные системы, используемые на данный момент в банковском секторе, достаточно хорошо справляются с задачами, относящимися к работе бэк-офиса. Но стремительное развитие информационных технологий, расширяющееся взаимодействие всех сфер экономик национальных государств на глобальном уровне, развитие и расширение деятельности банковского сектора ставят новые задачи в области развития автоматизации банковских процессов и информатизационных систем, используемых в банках. В настоящее время технологическое развитие банков является критическим условием их конкурентоспособности – в частности, предоставление дистанционных услуг клиентам, мобильный банкинг становится необходимым для сохранения клиентской базы любого банка, вне зависимости от его размеров или положения на рынке. По-

этому вопросы выбора банковских информационных систем, в том числе, позволяющих гибко адаптироваться к современной бизнес-среде, использовать последние достижения ИТ-технологий, в том числе, для улучшения работы фронт-офиса и снижения рисков, являются одними из важнейших и актуальнейших вопросов в области автоматизации и информатизации деятельности кредитных организаций.

В современном мире большая часть банковской деятельности осуществляется с помощью информационных автоматизированных систем [4, с. 215]. При выборе такой системы банки предъявляют требования к функциональности и производительности информационной системы, исходя не только из объективных параметров (специализации банка, численности работников и АРМ, количества внутрибанковских и клиентских счетов, наличия филиальной сети, валютных операций и т.д.), но также и из финансовых возможностей банка.

Банки всегда стремились приобрести автоматизированные информационные системы с боль-

шими функциональными возможностями и глубоко продуманными технологиями. Такое стремление привело некоторые банки к покупке известных западных систем именно ради заложенных в них технологий западного банковского дела [5, с. 235]. С другой стороны, в последнее время возросло количество отзывов лицензий и сокращение числа российских банков препятствуют развитию процесса автоматизации в отечественном банковском секторе. В связи с этим многие банки стали заложниками другой крайности – они стали закупать информационные системы лишь в самой «базовой» комплектации – реализация новых требований ЦБ РФ и иных регуляторов, программы для снижения потерь и издержек, стремясь, в том числе, к минимизации своих расходов [6, с. 411].

В основном российские банки сейчас работают на относительно простых системах российской разработки. К важным аспектам внедрения и использования систем такого класса относятся следующие [5, с. 236]:

– выбирая систему, банк соглашается работать по технологии, заложенной в систему; в свою очередь, система диктует банку форматы работы, поскольку отойти от технологии, заложенной в систему, практически невозможно;

– разработчик не проводит предварительного обследования банка, поскольку без доработки изменить систему под индивидуальные требования банка обычно нельзя, а принципиальные настройки (вроде корректировки схем начисления процентов, генерации макетов проводок специфических отчетов) делаются просто по ходу установки;

– всю необходимую для работы информацию невозможно сохранить в системах этого класса за неимением достаточного места для ее размещения и хранения.

Помимо этого, большинство информационных систем, применяемых в отечественных банках в настоящее время – двухуровневые (уровень приложений и базы данных совмещены на одном сервере). В связи с этим возникает достаточно много проблем с обновлением, что создает технологические перерывы в обслуживании, когда при запуске сложного большого процесса, требующего отвлечения ресурсов сервера на данную операцию, может блокироваться работа пользователей. При этом в экстремальных случаях бывает, что устаревшая система банка не может справиться с нагрузкой и не способна обработать весь объем операций за одну ночь, то есть банку не хватает времени, чтобы закрыть операционный день. Очевидно, что идеальный автоматизированный банковский комплекс функционально должен быть максимально приближенным к требованиям банка и способным гибко адаптироваться к нововведениям и современным бизнес-реалиям (изменения структуры управления, выход на новый рынок банковских услуг, изменение законодательства и требований регуляторов и т.д.). В последние годы на рынке отечественных ИТ-решений для банков-

ской деятельности появились достаточно развитые автоматизированные банковские системы, отвечающие (хотя еще не в полной мере) этим принципам [4, с. 216]. К таким системам можно отнести, в частности, банковские учетные системы ЦФТ-Банк и Диасофт [1].

Компания «Диасофт» первой на рынке (2011 г.) предложила идею компонентной архитектуры – с независимостью от ядра, разделением по коду и базам данных. В этой системе компоненты и сервисы были взаимосвязаны, объединены в единое целое и легко могли быть проинтегрированы в зависимости от задачи. Таким образом, можно было «строить» новую ИТ-архитектуру поэтапно, выбирая необходимые компоненты по мере надобности, надстраивая и перестраивая систему. Компания ЦФТ, подхватив эту идею, начала продавать модель компонентной архитектуры бизнесу, в том числе и банковским организациям.

ЦФТ-Банк (платформа развития на базе Oracle) – объектно-ориентированная банковская система на основе СУБД Oracle [2]. ЦФТ-Банк является трехуровневой системой, в которой разделены уровень базы данных, уровень приложений и уровень визуализации. Ее устойчивость выше за счет разделения бизнес-логики и базы данных. Распределение бизнес-логики идет по многим серверам, соединенным между собой балансировщиками нагрузки, и за счет применений специальных технологий [2].

ЦФТ-Банк обеспечивает создание единой технологической платформы банка, позволяющей использовать интегрированный доступ к функциям различных бэк-офисов и возможность централизации всех бэк-офисных функций; единые и интегрированные каналы продаж; централизацию данных о клиентах, анализ и обработку информации и т.п. Система максимально использует эффект масштабирования, что позволяет минимизировать затраты на поддержание и развитие информационных систем [2].

«Диасофт» предлагает две линейки программных продуктов: Diasoft FA# и FLEXTERA [3].

Diasoft FA# (Diasoft Financial Architecture) – комплексная система автоматизации деятельности финансовых институтов, состоящая из 56 компонентов, позволяющих автоматизировать различные банковские операции на фондовом и денежном рынках, вести депозитарный учет, обеспечивать розничный и корпоративный банкинг и т.д.

FLEXTERA – это полнофункциональное многокомпонентное решение, построенное на базе сервис-ориентированной архитектуры (SOA) и обеспечивающее автоматизацию бизнес-процессов кредитно-финансовых организаций [3]. К достоинствам FLEXTERA относится также возможность поддержки параллельного учета по различным методологиям и стандартам, позволяя тем самым осуществлять одновременный учет как по стандартам РСБУ, так и по стандартам МСФО, что в настоящее время весьма актуально для отечественных банков.

В последние годы на российском рынке ИТ-решений появились системы, созданные на принципах компонентной архитектуры. К таким системам относятся ИТ-продукты компаний «Диасофт» и ЦФТ. Они представляют собой комплексные системы, позволяющие обеспечить автоматизацию практически всех современных

Литература:

1. Forbes. Программа-максимум: кто контролирует треть рынка банковского софта. URL : <http://www.forbes.ru/svoi-biznes/istorii-uspekha/289559-programma-maksimum-kto-kontroliruet-tret-rynka-bankovskogo-softa> (дата обращения: 28.11.2018).
2. Tadviser. URL : <http://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Официальный сайт компании «Diasoft». URL : <http://www.diasoft.ru/banks/solutions/> (дата обращения: 28.11.2018).
4. *Гулиева Д.Х.* Автоматизация деятельности коммерческих банков / Д.Х. Гулиева, Я.П. Егорова // Молодой ученый. 2016. № 23. С. 215–217.
5. *Мырзагалы Н.С.* Анализ существующих подходов к автоматизации банковской деятельности / Н.С. Мырзагалы, Г.Д. Когай // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 235–237.
6. *Плохих Ю.В.* Проблемы автоматизации в банковской деятельности // Молодой ученый. 2016. № 20. С. 410–412.

процессов кредитно-финансовых организаций, в том числе, и ведение параллельного учета операций по различным методологиям и стандартам, что позволяет улучшить, в том числе, качество и надежность информации о банковской деятельности как для регулятора, так и для самих банков, их вкладчиков и инвесторов.

Literature:

1. Forbes. Maximum program: who controls a third of the banking software market. URL : <http://www.forbes.ru/svoi-biznes/istorii-uspekha/289559-programma-maksimum-kto-kontroliruet-tret-rynka-bankovskogo-softa> (appeal date: 11/28/2018).
2. Tadviser. URL : <http://www.tadviser.ru/> (appeal date: 11/28/2018).
3. Official site of the company «Diasoft». URL : <http://www.diasoft.ru/banks/solutions/> (appeal date: 11/28/2018).
4. *Guliyeva D.Kh.* Automation of commercial banks / D.Kh. Guliyeva, Ya.P. Egorova // Young scientist. 2016. № 23. P. 215–217.
5. *Myrzagalay N.S.* Analysis of existing approaches to banking automation / N.S. Myrzagalay, G.D. Kogai // Young scientist. 2016. № 9. P. 235–237.
6. *Plokhikh Yu.V.* Problems of automation in banking // Young scientist. 2016. № 20. P. 410–412.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 17.12.2018
Подписано в печать 20.12.2018
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 20

e-mail: [id.yug2016@gmail.com](mailto: id.yug2016@gmail.com)